

ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА СМЕРШ

«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Александр Север

Annotation

«Смерть шпионам!» – в годы Великой Отечественной советским военным контрразведчикам удалось воплотить этот лозунг в жизнь, уничтожив или нейтрализовав практически всю агентуру противника.

«Переиграть» сотрудников «Смерша» удалось лишь Джеймсу Бонду, да и то в кино. В реальности же его коллегам из разведслужб Третьего Рейха пришлось признать собственное поражение, сдаться на милость победителей и отправиться в сибирские лагеря или бежать на Запад, заразив его страхом перед советской военной контрразведкой. И еще много лет после окончания войны и расформирования «Смерша» (в 1946 году) само это слово наводило ужас на врагов – тот же Джеймс Бонд продолжал бороться со «смершевцами» до середины 60-х!..

Эта книга – наиболее полный и подробный рассказ о деятельности Главного управления контрразведки «Смерть шпионам» Народного комиссариата обороны СССР, о борьбе с вражеской агентурой в советском тылу и «зафронтной работе» контрразведчиков, о задержании изменников Родины и ликвидации банд бандеровцев и «лесных братьев», о проческах местности, перестрелках и силовых задержаниях. Это – вся правда о легендарном «Смерше», вошедшем в историю тайной войны как самая результативная контрразведка в мире.

-
- [Александр Север](#)
 - [Вступление](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- - [Рождение «Смерша»](#)
 - [Исполняя Постановление ГКО](#)
 - [Глава 3](#)
 -
 - [Не вернулись из боя](#)
 - [Кадры для военной контрразведки](#)
 - [Ветераны снова в строю](#)
 - [Кадры для «Смерша»](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 4](#)
 -
 - [В первые дни войны](#)
 - [Трагедия 2-й ударной армии глазами военной контрразведки](#)
 - [Следя за армией](#)
 - [Контролируя деятельность политорганов](#)
 - [Во время Сталинградской битвы](#)
 - [На Курской дуге](#)
 - [На Дальнем Востоке](#)
 - [На страже военной тайны](#)
 - [Глава 5](#)
 -
 - [Начало войны глазами военного чекиста](#)
 - [Борясь с дезертирами](#)
 - [«Палачи с пулеметами» из загранотрядов](#)
 - [Организация Соловьевской переправы](#)
 - [Проверки на дорогах](#)
 - [Загранотряды Особых отделов НКВД во время Сталинградской битвы](#)
 - [Глава 6](#)
 -
 - [Болгария](#)
 - [Румыния](#)
 - [Югославия](#)
- [Часть третья](#)

- Глава 7
 -
 - Путь в «Сатурн» и в другие разведорганы противника
 - О чем не сообщалось в официальных отчетах
 - Рейды
- Глава 8
 -
 - Дело было в Поволжье
 - «Ястреб»
 - Операция в Орловской области
 - Операции на Урале и в Сибири
 - «Фисгармония»
 - «Львов»
 - На территории Ярославской области
 - «Дуэт»
 - «Бурса»
 - «Казбек»
 - «Штурм»
 - «Находка»
 - На территории Ярославской области – 2
 - «Борисов» («Бумеранг» и «Находка»)
 - «Пешеходы»
 - Карелия
 - Бегство Орлова
 - «Салават»
 - «Загадка»
 - «Контролеры»
 - «Развод»
 - Битва на Курской дуге
 - «Подрывники» и «Подголосок»
 - «Семен»
 - Смоленско-Рославльские радиоигры
 - «Друзья»
 - Случай в Сызрани

- [«Лесники»](#)
- [В архангельских лесах](#)
- [«Штурм»](#)
- [«Связисты»](#)
- [«Тростники»](#)
- [«Подполье»](#)
- [В белорусских лесах](#)
- [В окрестностях Белостока](#)
- [«Уголовники»](#)
- [«Ленинградский дуэт»](#)
- [Одесса](#)
- [«Диверсанты»](#)
- [«Двина»](#)
- [«Арийцы»](#)
- [«Десант»](#)
- [«Десант»-2](#)
- [«Янус»](#)
- [Корсунь-Шевченковская радиоигра](#)
- [«Смерш» и «Багратион»](#)
- [«Разгром»](#)
- [«Друзья»](#)
- [«Бандура»](#)
- [«Десант»](#)
- [«Небесные пришельцы»](#)
- [«Филиал»](#)
- [«Ярость»](#)
- [«Костры»](#)
- [«Трезуб»](#)
- [«Коммерсанты»](#)
- [«Антенна»](#)
- [Радиоигра в Пруссии и Польше](#)
- [«Братья»](#)
- [«Туристы»](#)
- [«Странники»](#)
- [На территории Болгарии](#)
- [«Туман»](#)

- [В последние месяцы войны](#)
 - [Подводя итоги](#)
 - [Вспоминая былые сражения](#)
 - [О нем не любят вспоминать ветераны](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Шпионы носят противогазы](#)
 - [С особыми полномочиями](#)
 - [Ликвидировать любой ценой](#)
 - [Операция «Аргонавты»](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 10](#)
 - [На территории Латвии](#)
 - [На территории Литвы](#)
 - [На территории Эстонии](#)
 - [Глава 11](#)
 - [«Смерш» вступает в борьбу.](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Многовековое противостояние](#)
 - [Когда началась Вторая мировая война](#)
 - [Хроника ликвидации](#)
 - [Армия Крайова \(АК\).](#)
 - [«Смерш» начинает действовать](#)
 - [Заключение](#)
 - [Биографии военных контрразведчиков - Героев Советского Союза](#)
 - [Биографии руководителей советской военной контрразведки в годы войны](#)
 - [Список литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)

- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)

- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)

- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)

- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)

- [364](#)
 - [365](#)
 - [366](#)
 - [367](#)
 - [368](#)
 - [369](#)
 - [370](#)
 - [371](#)
 - [372](#)
 - [373](#)
 - [374](#)
 - [375](#)
 - [376](#)
 - [377](#)
-

Александр Север

*Посвящается военным чекистам –
ветеранам Великой Отечественной войны*

Автор

Вступление

У истории деятельности органов советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны есть три правды. И каждая из них имеет право на существование.

Одна - «окопная». Она сохранилась в воспоминаниях ветеранов - военных чекистов и тех, кто соприкасался с деятельностью Особых отделов НКВД - Управлений контрразведки «Смерш» НКО и НКВМФ. Понятно, что ветераны - военные чекисты вспоминают только хорошее о своей деятельности на фронте и в прифронтной полосе^[1]. А остальные - в зависимости от того, чем для них закончилось общение с «особистами».

Вторая - «генеральская» или официальная. Она отражена в различных монографиях^[2], изданных после окончания войны. В ней, в зависимости от политической конъюнктуры на момент написания произведения, работа органов военной контрразведки показана в положительном или нейтральном цвете. В первом случае перечисляются успехи, а во втором - просто сообщается читателю, что активно работала военная контрразведка, ловила немецких шпионов и диверсантов, но главную роль в победе над врагом сыграли командование Красной Армии и руководство органов госбезопасности.

Одна из возможных причин «дозированного» рассказа о работе военных контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны - то, что главный «особист» Виктор Семенович Абакумов (руководил военной контрразведкой весь период Великой Отечественной войны) в июле 1951 года был арестован, обвинялся в измене Родине и сионистском заговоре

в Министерстве госбезопасности СССР. На момент ареста он занимал пост министра госбезопасности СССР. После смерти Иосифа Сталина по указанию Никиты Хрущева обвинения против Виктора Абакумова были изменены; ему вменялось в вину «Ленинградское дело», сфабрикованное им, согласно новой официальной версии, как участником «банды Берии» (в действительности отношения между Виктором Абакумовым и Лаврентием Берией после 1945 года испортились). После пыток и избиений в тюрьме стал инвалидом. Предан закрытому суду (с участием ленинградских партийных работников) в Ленинграде, на котором виновным себя не признал, и расстрелян в декабре 1954 года. В 1994 году Военной коллегией Верховного суда РФ Виктор Абакумов был частично реабилитирован: с него снято обвинение в измене Родине, а приговор был заменен 25 годами заключения без конфискации имущества и переквалифицирован по статье «воинско-должностные преступления».

Другая причина - существует устойчивый миф - военные чекисты в годы Великой Отечественной войны занимались исключительно охотой на истинных и мнимых врагов советской власти (шпионов и диверсантов спецслужб противника; паникеров и дезертиров; недовольных советской властью, и др.) и контрразведывательными операциями. И рассказать что-то новое и сенсационное сложно. Ведь большинство контрразведывательных операций проходили по одному и тому же сценарию. Задержание агентов спецслужб противника (не обязательно немецких, были и венгерские, румынские и т. п.) чаще всего происходило без стрельбы, погонь, рукопашных схваток и многосуточных поисков. Любое отклонение от «бесшумного» ареста - это «провал» в работе органов военной контрразведки. Большинство агентов прекрасно понимало, что по законам военного времени да и

с учетом «букета» совершенных ими преступлений (измена Родине, сотрудничество с немцами и т. п.) их ждет расстрел. Так что сопротивлялись они до конца.

Хотя военные чекисты занимались не только нейтрализацией агентуры противника. Другая важная задача – информирование командования Красной Армии и руководства страны о недочетах и ошибках, допущенных отдельными офицерами действующей армии. Фактически «особисты» исполняли роль «государева ока» в РККА и ВМФ. Сейчас модно списывать причины всех неудач Красной Армии в первые годы Великой Отечественной войны на Иосифа Сталина и командование РККА. Дескать, они отдавали преступные и невыполнимые приказы, что и стало причиной многочисленных военных катастроф. Действительно, часть правды в этом есть. Но если мы посмотрим донесения военных контрразведчиков из действующей армии (а в достоверности сообщенных в них фактах никто не сомневается), то еще больше ошибок, более того, бездействия и преступной халатности продемонстрировали командиры и офицеры штабов армий, дивизий, бригад и полков. Почему офицеры совершали это – тема для отдельного разговора, выходящего за рамки данной книги. Отметим лишь, что официальная история советской военной контрразведки периода Великой Отечественной войны старается не акцентировать внимание на этой сфере деятельности «особистов».

Третья правда о военных чекистах – «документальная». Она в многочисленных документах, которые были рассекречены лишь в последние годы. В них можно найти все, начиная от подробных рассказов о внедрении в разведорганы противника, не придуманных писателями и сценаристами художественных фильмов, а то, как это происходило на самом деле, и заканчивая описанием недостатков

в организации снабжения Красной Армии и преступной халатностью, проявленной отдельными военачальниками в первый год войны. Например, о том, что большая часть вины за гибель 2-й ударной армии Волховского фронта летом 1942 года лежит на командовании этой армии.

В книге будет рассказано о третьей правде – «документальной». О том, что обычно не вспоминают ветераны – военные контрразведчики и официальные историки. Первые просто не знали об этом, т. к. находились на передовой и не могли, в силу своего служебного положения, увидеть работу всей системы органов военной контрразведки. А вторые, официальные историки, в большинстве «открытых» работ, посвященных деятельности военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны, концентрировали свое внимание либо на отдельных сражениях или на одной или нескольких темах – борьбе с немецкими спецслужбами, работе центрального аппарата и т. п.

Часть первая
Команда Абакумова

Глава 1

Управление Особых отделов НКВД СССР

Военные контрразведчики рисковали жизнью не меньше находящихся на передовой бойцов и командиров Красной Армии. Фактически рядовые сотрудники (оперуполномоченные, обслуживающие воинские подразделения) действовали автономно. Вместе с бойцами они сначала сражались на границе, а потом стремительно отступали. В случае гибели или тяжелого ранения командира подразделения контрразведчик должен был не только заменить военачальника, но и при необходимости поднять бойцов в атаку. При этом они продолжали выполнять свой профессиональный долг – боролись с дезертирами, паникерами, вражеской агентурой, стремительно заполнявшей прифронтовую зону.

Воевать им пришлось с первых часов войны, рассчитывая только на себя. Если их коллеги из других подразделений НКВД смогли получить указания от начальства – что делать в «особых условиях», то военные контрразведчики действовали автономно. Сложно сказать, знали ли они о принятой 22 июня 1941 года директиве 3-го Управления НКО СССР № 34794. В ней главной задачей чекистов в действующей армии и военных контрразведчиков Дальневосточного фронта (ДВФ) определялось выявление агентуры немецких разведорганов и антисоветских элементов в РККА. Предписывалось «форсировать работу по созданию резидентур и обеспечению их запасными резидентами», не допускать разглашения военными военными тайны, причем особое внимание следовало обращать на

работников штабов и узлов связи^[3]. Может, им ее все же смогли сообщить.

А вот о другом руководящем документе 3-го Управления НКО СССР – Директиве № 35523 от 27 июня 1941 года «О работе органов 3-го Управления НКО в военное время», скорее всего, нет. В первые сутки войны отсутствовала связь Ставки со штабами отдельных армий^[4].

В этом документе были определены основные функции военной контрразведки:

«1) агентурно-оперативная работа:

а) в частях Красной Армии;

б) в тылах, обеспечивающих действующие на фронте части;

в) среди гражданского окружения;

2) борьба с дезертирством (сотрудники особых отделов входили в состав заградительных отрядов РККА, которые, вопреки распространенному мнению, не имели прямого отношения к органам госбезопасности. – *Авт.*);

3) работа на территории противника» (первоначально в районе до 100 км от линии фронта, в контакте с органами Разведывательного управления НКО СССР. – *Прим. авт.*)^[5].

Военные контрразведчики должны были находиться как в штабах, обеспечивая режим секретности, так и в первых эшелонах при командных пунктах. Тогда же военные контрразведчики получили право вести следственные действия в отношении военнослужащих и связанных с ними гражданских лиц, при этом санкцию на аресты среднего командного состава они должны были получать от Военного совета армии или фронта, а старшего и высшего начальствующего состава – от наркома обороны.

Началась организация контрразведывательных отделений 3-х отделов военных округов, армий и фронтов, их структура предусматривала наличие трех

отделений – по борьбе со шпионажем, националистическими и антисоветскими организациями и антисоветчиками-одиночками.

Военными чекистами были взяты под контроль военные сообщения, доставка военного снаряжения, вооружений и боеприпасов в действующую армию, для чего на железных дорогах были учреждены 3-и отделения, деятельность которых переплеталась (и, видимо, в чем-то дублировала) с органами госбезопасности на транспорте.

В начале июля 1941 года начальник 3-го управления НКО Анатолий Николаевич Михеев приказом наркома обороны Семена Константиновича Тимошенко получил право самостоятельно назначать на должности в структуре особых отделов вплоть до заместителей начальников окружных и фронтовых 3-х отделов^[6].

Приказом НКО СССР и НКВМФ СССР от 13 июля 1941 года^[7] было введено «Положение о военной цензуре воинской почтовой корреспонденции», в котором определены структура, права и обязанности подразделений военной цензуры, методика и техника обработки корреспонденции, а также приведен перечень сведений, являющихся основанием для конфискации отправок, и в соответствии с которыми сформированы при военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и военно-почтовых станциях отделения военной цензуры, на укомплектование которых направлены 900 контролеров, переданные 4-м отделом НКГБ СССР (из них для 3-го Управления НКО СССР – 650 контролеров и для 3-го Управления НКВМФ СССР – 250 контролеров).

В системе 3-х управлений НКО и НК ВМФ были созданы отделения военной цензуры, находившиеся при штабах частей действующей армии и в тылу при военно-сортировочных пунктах, военно-почтовых базах,

отделениях и станциях ВМФ (размещались в служебных помещениях Наркомата связи).

Уже в августе 1941 года военная цензура была передана в ведение 2-го спецотдела НКВД СССР (оперативной техники во главе со старшим майором ГБ Евгением Петровичем Лапшиным), оперативное руководство продолжали осуществлять армейские, фронтовые и окружные Особые отделы.

Совместным приказом НКО и НКВМФ 15 июля 1941 года 3-и отделы были организованы при Ставках Главнокомандующих Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений. Уже через два дня сменилось подчинение армейских органов военной контрразведки, вернувшихся в систему госбезопасности.

Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР № 187/сс от 17 июля 1941 года, подписанным Иосифом Сталиным, органы 3-го управления НКО СССР были реорганизованы в Особые отделы, а само Управление НКО получило наименование «Управление Особых отделов с передачей в НКВД СССР»^[8].

Главной задачей Особых отделов согласно постановлению ГКО от 17 июля 1941 года стала «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе».

Появившаяся на следующий день Директива НКВД СССР № 169 разъясняла, что «смысл преобразования органов третьего управления в Особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу с шпионами, вредителями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами». Руководство НКВД выражало уверенность, что работники Особых отделов оправдают доверие партии и «самоотверженной работой помогут

Рабоче-Крестьянской Красной Армии укрепить дисциплину в ее рядах и разгромить врагов Родины»^[9].

19 июля 1941 года начальником Управления Особых отделов НКВД СССР был назначен заместитель наркома внутренних дел СССР Виктор Семенович Абакумов.

Первым заместителем Абакумова был назначен бывший начальник Главного транспортного управления НКВД и 3-го (секретно-политического) Управления НКГБ комиссар 3-го ранга Соломон Рафаилович Мильштейн (служивший в Особом отделе Кавказской Красной Армии в 20-е годы). Были назначены начальники Особых отделов:

Северного фронта - бывший начальник УНКГБ по Ленинграду и Ленинградской области комиссар ГБ 3-го ранга Павел Тихонович Куприн;

Северо-Западного фронта - бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в 1938-1941 годах, а в июне 1941 года прокурор СССР (по совместительству), генерал-майор Виктор Михайлович Бочков;

Западного фронта - нарком государственной безопасности Белоруссии комиссар 3-го ранга Лаврентий Фомич Цанавя;

Юго-Западного фронта - бывший начальник 3-го управления Наркомата обороны комиссар ГБ 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев;

Южного фронта - бывший нарком НКГБ Молдавии комиссар ГБ 3-го ранга Николай Степанович Сазыкин;

Резервного фронта - бывший начальник Третьего отдела НКВД комиссар ГБ 3-го ранга Александр Михайлович Белянов.

В тот же день приказом № 00941 наркома НКВД СССР Лаврентия Берии для борьбы с дезертирами, шпионами и диверсантами предписывалось сформировать при Особых отделах дивизий и корпусов - стрелковые взводы, при Особых отделах армий - отдельные стрелковые роты, при Особых отделах фронтов -

отдельные стрелковые батальоны с укомплектованием этих частей из войск НКВД^[10].

Утвержденная 15 августа 1941 года структура центрального аппарата Управления Особых отделов НКВД СССР выглядела так:

- Начальник и три заместителя;
- Секретариат;
- Оперативное отделение (гласный состав);
- 1-й отдел - центральные органы Красной Армии (Генштаб, военная прокуратура, разведупр);
- 2-й отдел - ВВС;
- 3-й отдел - бронетанковые войска, артиллерия;
- 4-й отдел - основные рода войск;
- 5-й отдел - интендантская и санитарная служба;
- 6-й отдел - войска НКВД;
- 7-й отдел - оперативный розыск, учеты, мобработка;
- 8-й отдел - шифровальная служба^[11].

В августе - декабре 1941 года структура НКВД продолжала меняться и усложняться. В августе у начальника Управления Особых отделов появились еще два заместителя - дивизионный комиссар Федор Яковлевич Тутушкин и майор госбезопасности Николай Алексеевич Осетров, в октябре 1941 года заместителем начальника УОО стал Лаврентий Фомич Цанава.

Всего в августе 1941 года по штатам Управления Особых отделов (вместе со следственной частью, секретариатом, оперативным отделением, административно-хозяйственно-финансовым отделением) числилось 387 человек^[12].

После передачи в январе 1942 года 3-го управления НКВМФ в состав УОО был организован 9-й отдел. К июню 1942 года структура УОО имела следующий вид.

Руководство (Виктор Семенович Абакумов, Соломон Рафаилович Мильштейн, Федор Яковлевич Тутушкин,

Николай Алексеевич Осетров, Лаврентий Фомич Цанава).
Секретариат (Яков Михайлович Броверман).
Оперативное отделение (Александр Васильевич Миусов).

Следственная часть (Борис Семенович Павловский):
1-е отделение (по шпионажу);
2-е отделение (антисоветские формирования);
3-е отделение (по руководству следственной работой на периферии).

1-й отдел (майор ГБ Иван Иванович Москаленко; Генштаб Красной Армии, штабы фронтов, армий, разведорганы):

1-е отделение (оперативное управление Генштаба РККА, штабы фронтов и армий);

2-е отделение (все управления и отделы Генштаба, узел связи, управление кадров);

3-е отделение (Главное разведывательное управление Генштаба, разведорганы фронтов и армий).

2-й отдел (майор ГБ Александр Алексеевич Авсеевич; обслуживание ВВС, ВДВ и ПВО):

1-е отделение (Штаб ВВС Красной Армии);

2-е отделение (вооружение и тыл ВВС);

3-е отделение (академии ВВС и руководство периферийной работой по частям ВВС);

4-е отделение (ПВО);

5-е отделение (воздушно-десантные войска).

3-й отдел (майор ГБ Вячеслав Павлович Рогов; Главное автобронетанковое управление (ГАБУ), Главное артиллерийское управление (ГАУ) Красной Армии, танковые войска и артиллерия, гвардейские минометные части):

1-е отделение (ГАБТУ Красной Армии, АБТУ фронтов и армий, танковые армии, танковые корпуса и бригады,

НИИ танковый полигон);

2-е отделение (Главное управление начальника артиллерии (ГУНАРТ) Красной Армии, Управление гвардейских минометных частей, артиллерийские управления фронтов, артотделы армий, артиллерия Резерва Главного командования, минометные части Красной Армии);

3-е отделение (ГАУ Красной Армии).

4-й отдел (майор ГБ Григорий Самойлович Болотин-Балясный; руководство агентурно-оперативной работой особорганов фронтов по родам войск: пехота, артиллерия, кавалерия, борьба с изменой, дезертирством, самострелами и заградительная служба):

1-е отделение (обслуживало фронты: Карельский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Калининский; 7-ю отдельную армию и резервную армию);

2-е отделение (обслуживало фронты: Западный, Брянский, Юго-Западный, Южный и Северо-Кавказский);

3-е отделение (по борьбе с изменой, дезертирством и самострелами, организация заградительной службы);

4-е отделение (редакции военных газет, органы военной прокуратуры, военные трибуналы, Центральный дом Красной Армии (ЦДКА), Дома творчества Красной Армии (ДТКА), ансамбли, оркестры, военные академии).

5-й отдел (майор ГБ Константин Павлович Прохоренко; Главное интендантское управление, Главное санитарное управление, Ветеринарное управление, Главное управление военных сообщений, Главвоенстрой, АХО, Квартирно-эксплуатационное управление, академии):

1-е отделение (Главное интендантское управление, интендантские управления фронтов, интендантские

отделы армий, АХО, Управление снабжения горючим, интендантские отделы армий);

2-е отделение (Главное сануправление, Ветеринарное управление, фронтовые и окружные санслужба и ветслужба, органы Военного Сообщения (ВОСО), Главное автодорожное управление, Квартирно-эксплуатационное управление (КЭУ), Главвоенстрой, Военпроект, академии).

6-й отдел (майор ГБ Семен Петрович Юхимович; войска НКВД):

1-е отделение (пограничные войска и учебные заведения войск НКВД);

2-е отделение (внутренние войска и войска охраны тыла фронтов);

3-е отделение (железнодорожные, промышленные и конвойные войска);

4-е отделение (органы военного снабжения войск НКВД).

7-й отдел (А.Ф. Соловьев; оперативный учет):

1-е отделение (действующий учет по управлению особых отделов, отчетность фронтовых особорганов, учет изменников Родины, шпионов, диверсантов, террористов, трусов, паникеров, дезертиров, самострельщиков и антисоветского элемента, особый учет изменников Родины, агентов разведки и лиц, скомпрометированных по показаниям последних);

2-е отделение (проверка военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной, мобилизационной и ТОС (технике особой секретности) работе, проверка работников, командиремых за границу, и личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота).

8-й отдел (Михаил Петрович Шариков; шифровальный):

1-е отделение (шифровальное);

2-е отделение (агентурно-оперативное обслуживание шифрорганов Красной Армии, инспектирование шифрорганов ОО, учет и пересылка шифров).

9-й отдел (майор ГБ Петр Андреевич Гладков; по обслуживанию ВМФ):

1-е отделение (Главный морской штаб, Разведуправление ВМФ, Школа Разведупра, командование управлений наркомата, части и учреждения НКВМФ центрального подчинения, руководство по линии указанных объектов периферией);

2-е отделение (управление ВВС, штаб ВВС, узел связи ВВС, руководство по линии ВВС периферией, управление ПВО).

10-й отдел (майор ГБ Иван Иванович Горгонов; по руководству контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов).

11-й отдел (Александр Евстафьевич Кочетков; по обслуживанию инженерных и химических войск, саперных армий, оборонительного строительства и войск связи).

12-й отдел (Петр Михайлович Чайковский; по обслуживанию Главного управления формирований и комплектования РККА).

Аппараты, подчиненные УОО НКВД СССР:

ОО НКВД НИИ ВВС Красной Армии и Монинского авиагарнизона;

ОО НКВД Отдельной мотострелковой дивизии
особого назначения им. Дзержинского (ОМСДОН);

ОО НКВД гарнизона Московского Кремля^[13].

В июне 1942 года штатная численность Управления
Особых отделов НКВД СССР составляла 225 человек^[14].

Глава 2

Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР и НКВМФ СССР

Военная контрразведка секретным постановлением Совнаркома от 19 апреля 1943 года была передана в наркоматы обороны и военно-морского флота, при которых учреждались управления контрразведки «Смерш» (сокращение от «смерть шпионам»). По поводу названия известна история о том, как Иосиф Сталин, ознакомившись с первоначальным вариантом «Смернеш» («смерть немецким шпионам»), заметил: «Разве другие разведки против нас не шпионят?», в результате и появилась ставшая легендарной и знаменитой аббревиатура СМЕРШ. В любом случае, расшифровка слова СМЕРШ была официально зафиксирована спустя два дня.

Рождение «Смерша»

21 апреля 1943 года Иосиф Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 сс/ов об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР. Текст документа состоял всего лишь из одной лаконичной фразы: «Утвердить положение о Главном Управлении контрразведки «Смерш» - (Смерть шпионам) и его органах на местах (см. приложение)». Зато в приложении к документу было подробно расписано, чем должно заниматься новое подразделение Наркомата обороны СССР и Наркомата ВМФ, а также определен статус его сотрудников.

Согласно Положению «Главное Управление контрразведки НКО («Смерш» - смерть шпионам), созданное на базе бывшего Управления Особых отделов

НКВД СССР, входит в состав народного Комиссариата Обороны.

Начальник Главного Управления контрразведки НКО («Смерш») является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения». Поясним, что наркомом обороны был сам Иосиф Сталин.

Более того, в Постановлении особо подчеркивалось, что «органы «Смерш» являются централизованной организацией: на фронтах и округах органы «Смерш» (Управления «Смерш» НКО фронтов и отделы «Смерш» НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии) подчиняются только своим вышестоящим органам».

В отношении командования Красной Армии указывалось, что «органы «Смерш» информируют Военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной Армии по вопросам своей работы: о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством». Информировать – не значат, что подчиняются. Хотя постановлением предусматривалась возможность сотрудничества между командованием Красной Армией и военной контрразведкой.

В то же время был четко определен перечень решаемых органами «Смерш» задач:

«а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Особо подчеркивалось, что «органы «Смерш» освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе».

В постановлении были перечислены права, которыми было наделено «Управление контрразведки НКВД («Смерш») и его органы на местах имеют право:

а) вести агентурно-осведомительную работу.

б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности.

Примечание. Порядок производства арестов военнослужащих определен в разделе IV настоящего Положения.

в) Проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого

Совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР.

г) Применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов.

д) Вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии».

Согласно IV разделу Постановления: «Органы «Смерш» производят аресты военнослужащих Красной Армии в следующем порядке:

а) Аресты рядового и младшего начсостава – по согласованию с прокурором.

б) Среднего начсостава – по согласованию с командиром и прокурором соединения, части.

в) Старшего начсостава – по согласованию с Военными Советами и прокурором.

г) Высшего начсостава – с санкции народного комиссара обороны».

Также в Постановлении была подробно расписана структура «Смерша». Согласно тексту документа:

«1. В состав Главного Управления контрразведки НКО («Смерш») входят:

Помощники начальника Главного Управления (по числу фронтов) с приданными им группами оперативных работников, на которых возлагается обязанность руководства работой органов «Смерш» на фронтах.

1-й Отдел – агентурно-оперативная работа по центральным органам Красной Армии – управлениям Наркомата обороны.

2-й Отдел – работа среди военнопленных, представляющих интерес для органов «Смерша», проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену и окружении противника.

3-й Отдел - борьба с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой в наш тыл.

4-й Отдел - контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной Армии.

5-й Отдел - руководство работой органов «Смерш» военных округов.

6-й Отдел - следственный.

7-й Отдел - оперативный учет, статистика.

8-й Отдел - оперативная техника.

9-й Отдел - обыски, аресты, установки, наружное наблюдение.

10-й Отдел «С» - работа по особым заданиям.

11-й Отдел - шифрсвязь.

Отдел кадров - подбор и подготовка кадров для органов «Смерша», формирование новых органов «Смерша».

Адмфинхозотдел - финансовое и материально-хозяйственное обслуживание Управления, комендатура.

Секретариат.

2. На местах организуются следующие органы «Смерша»:

а) Управления контрразведки НКО («Смерш») фронтов;

б) Отделы контрразведки НКО («Смерш») армий, округов, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов, учреждений Красной Армии.

Структура местных органов «Смерша» устанавливается применительно к структуре Главного Управления контрразведки НКО («Смерш») и утверждается народным комиссаром обороны.

Для обеспечения оперативной работы, конвоирования, охраны арестованных и мест заключения органам «Смерш» на местах выделяются из частей Красной Армии:

- а) Управлению «Смерша» фронта – батальон;
- б) Отделу «Смерша» армии – рота;
- в) Отделу «Смерша» корпуса, дивизии, бригады – взвод».

Важный раздел Постановления, на который мало кто из современных историков обращал внимание. Органы военной контрразведки «комплекуются за счет оперативного состава бывшего Управления Особых отделов НКВД СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной Армии». С первой категорией лиц все понятно – было бы странно не использовать опытных военных чекистов. А вот вторая категория – военнослужащие Красной Армии, а не сотрудники органов госбезопасности, как это в начале войны. Причин изменения кадровой политики можно назвать множество, начиная с того, что чекисты требовались на других участках работы – например, для комплектования органов госбезопасности освобожденных территорий Советского Союза и заканчивая желанием Иосифа Сталина внести «свежую кровь» в кадровый состав военной контрразведки.

Об «ориентации» кадровой политики руководства «Смерша» на армию косвенно свидетельствуют и такие факты. Согласно Постановлению: «Работникам органов «Смерша» присваиваются воинские звания, установленные в Красной Армии» и «Работники органов «Смерш» носят форму, погоны и другие знаки различия, установленные для соответствующих родов войск Красной Армии»^[15].

31 мая 1943 года Постановлением ГКО было утверждено аналогичное «Положение о УКР «Смерш» НКВМФ».

Структура Управления контрразведки НКО «Смерш» была такой:

Начальник;

Отдел кадров;
Секретариат;
Комендатура;
Отделение учета;
1-й Отдел – штаб и управления фронта;
2-й Отдел – контрразведывательная работа в тылу, борьба с агентурой противника (парашютистами), работа среди военнопленных; фильтрация находившихся в плену или окруженных;
3-й Отдел – руководство работой подчиненных органов, борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок, антисоветскими элементами, изменой Родине, воинскими преступлениями;
4-й Отдел – следственный^[16].
Структура Отдела контрразведки НКО «Смерш» армии:
Начальник;
Секретариат;
Комендатура;
Группа учета;
1-е Отделение – работа по штабу, отделам управления;
2-е отделение – работа по управлению тыла и его объектам;
3-е отделение – руководство подчиненными органами (корпуса, дивизии, бригады);
4-е отделение – борьба с агентурой противника, фильтрация, зафронтная работа;
Следственное отделение^[17].

Исполняя Постановление ГКО

А теперь расскажем о том, как Постановление ГКО от 21 апреля 1943 года было реализовано на практике. Начальником Главного управления контрразведки «Смерш» НКО был назначен комиссар госбезопасности 2-

го ранга В. С. Абакумов, начальником Управления контрразведки «Смерш» НК ВМФ – комиссар ГБ П. А. Гладков.

Заместителями Абакумова в ГУКР «Смерш» были назначены комиссары госбезопасности 3-го ранга (с мая 1943 года – генерал-лейтенанты) Николай Николаевич Селивановский (по разведывательной работе) и Исай Яковлевич Бабич, возглавлявшие ранее Особые отделы соответственно Южного и Северо-Западного фронтов, и бывший начальник ЭКУ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Яковлевич Мешик, 26 мая 1943 года заместителем начальника главка был назначен полковник Иван Иванович Врядий. Помощниками начальника ГУКР были комиссар ГБ (с мая того же года – генерал-майор) Иван Иванович Москаленко, генерал-майоры Константин Павлович Прохоренко (умер в октябре 1944 года) и Александр Петрович Мисюрев.

В состав ГУКР «Смерш» с апреля 1943 года входили следующие отделы, начальники которых были утверждены 29 апреля 1943 года приказом № 3/сш наркома обороны Иосифом Сталиным:

1-й отдел – агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны (начальник – полковник госбезопасности, затем генерал-майор Иван Иванович Горгонов);

2-й отдел – работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену (начальник – подполковник госбезопасности Сергей Николаевич Карташев);

3-й отдел – борьба с немецкой агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии (начальник – полковник госбезопасности Георгий Валентинович Утехин);

4-й отдел – работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной

Армии (начальник – полковник госбезопасности Петр Петрович Тимофеев);

5-й отдел – руководство работой органов «Смерш» в военных округах (начальник – полковник госбезопасности Дмитрий Семенович Зеничев);

6-й отдел – следственный (начальник – подполковник госбезопасности Александр Георгиевич Леонов);

7-й – оперативный учет и статистика, проверка военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверка работников, командированных за границу (руководитель, полковник А.Е. Сидоров, видимо, был назначен позднее, т. к. в приказе от 29 апреля 1943 года данные отсутствуют);

8-й отдел – опертехники (начальник – подполковник госбезопасности Михаил Петрович Шариков);

9-й отдел – обыски, аресты, наружное наблюдение (начальник – подполковник госбезопасности Александр Евстафьевич Кочетков);

10-й отдел (отдел «С») – работа по особым заданиям (начальник – майор госбезопасности Александр Михайлович Збраилов);

11-й отдел – шифровальный (начальник – полковник госбезопасности Иван Александрович Чертов).

Также имелись политотдел, состоявший из начальника – полковника Никифора Матвеевича Сиденькова и машинистки; аппарат 16 помощников (по числу фронтов) начальника ГУКР (69 человек, по должности – начальников отделений, старших оперуполномоченных и их помощников); административно-финансово-хозяйственный отдел (начальник – подполковник госбезопасности Сергей Андреевич Половнев); отдел кадров (начальник – полковник госбезопасности Иван Иванович Врядий) и секретариат (полковник Иван Александрович Чернов).

Численность центрального аппарата ГУКР «Смерш» НКО составляла 646 человек^[18].

Заместителями начальника УКР «Смерш» НК ВМФ были генерал-майоры береговой службы Алексей Павлович Лебедев и Сергей Григорьевич Духович.

Органам «Смерш» в Действующей армии была определена штатная численность сотрудников. Управлению фронта, насчитывавшего более пяти армий, полагалось 130 сотрудников, не более четырех армий – 112, армейским отделам контрразведки – 57, отделам контрразведки военных округов – от 102 до 193, причем наиболее многочисленным был ОКР «Смерш» Московского военного округа. Также были приданы войсковые соединения, охранявшие места дислокации органов военной контрразведки и фильтрационных пунктов, конвоировавшие арестованных военнослужащих Красной Армии. Так, ОКР «Смерш» бригады, дивизии и корпуса располагал для этих целей взводом, армейский отдел – ротой, управление фронта – батальоном.

Практически сразу после перехода военной контрразведки в ведение Наркомата обороны «особистам» были присвоены общевоинские звания вместо имевшихся ранее спецзваний госбезопасности. Приказом наркома обороны Иосифа Сталина от 29 апреля 1943 года офицеры, имевшие звания от младшего лейтенанта до полковника ГБ, получили аналогичные воинские звания.

Через месяц, 26 мая 1943 года, указом Президиума Верховного Совета СССР, опубликованным в центральной печати, звание «генерал-лейтенант» было присвоено заместителям начальника ГУКР «Смерш» И. Я. Бабичу, П. Я. Мешику и Н. Н. Селивановскому, а также начальнику УКР «Смерш» Западного фронта Павлу Васильевичу Зеленину.

Звание «генерал-майор» получили руководители управлений и отделов контрразведки военных округов, фронтов и армий:

начальник УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта Михаил Ильич Белкин;

заместитель начальника УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта Александр Михайлович Белянов;

начальник УКР «Смерш» Ленинградского фронта Александр Семенович Быстров;

начальник УКР «Смерш» Центрального фронта Александр Анатольевич Вадис;

начальник 1-го отдела ГУКР «Смерш» Иван Иванович Горгонов;

начальник ОКР «Смерш» армии Ленинградского фронта Федор Иванович Гусев;

начальник ОКР «Смерш» 3-й ударной армии Калининского фронта Александр Михайлович Давыдов;

начальник УКР «Смерш» Северо-Западного фронта Яков Афанасьевич Едунов;

начальник УКР «Смерш» Брянского фронта Николай Иванович Железников;

начальник УКР «Смерш» Юго-Западного фронта Петр Иванович Ивашутин;

начальник УКР «Смерш» Южного фронта Николай Кузьмич Ковальчук;

начальник УКР «Смерш» Степного округа (с июля того же года – Степного фронта) Николай Андрианович Королев;

начальник ОКР «Смерш» Уральского военного округа Георгий Семенович Марсельский;

начальник УКР «Смерш» Волховского фронта Дмитрий Иванович Мельников;

начальник УКР «Смерш» Воронежского фронта Николай Алексеевич Осетров;

начальник ОКР САВО Илья Семенович Павлов;

начальник УКР «Смерш» Закавказского фронта
Николай Максимович Рухадзе;

начальник УКР «Смерш» Забайкальского фронта
Иван Тимофеевич Салоимский;

начальник УКР «Смерш» Карельского фронта
Алексей Матвеевич Сиднев;

начальник 4-го отдела ГУКР Петр Петрович
Тимофеев;

начальник УКР Московского военного округа Федор
Яковлевич Тутушкин;

начальник УКР «Смерш» Калининского фронта
Николай Георгиевич Ханников;

начальник УКР «Смерш» Дальневосточного фронта
Александр Николаевич Чесноков.

Все начальники фронтовых управлений «Смерш»
оставались на своих постах до конца войны или до
ликвидации фронтов^[19].

В мае 1943 года в войсках НКВД был организован
Отдел контрразведки «Смерш» НКВД СССР. Данная
структура занималась контрразведывательным
обеспечением учреждений и войск НКВД.

Структура Отдела контрразведки «Смерш» НКВД
СССР:

начальник;

два заместителя начальника отдела;

секретариат;

спецгруппа;

группа оперативного учета;

1-е отделение - агентурно-оперативная работа по
центральному направлению войск НКВД СССР;

2-е отделение - руководство агентурно-оперативной
работы отделов «Смерш» и охране войскового тыла
фронтов;

3-е отделение - руководство агентурно-оперативной
работой отделов «Смерш» в пограничных войсках НКВД;

4-е отделение – руководство агентурно-оперативной работой отделов «Смерш» во внутренних войсках, железнодорожных, промышленных, конвойных войсках НКВД и МПВО;

5-е отделение – следственное;

6-е отделение – организационно-мобилизационное [\[20\]](#).

Глава 3

Особистами не рождаются

Когда современные журналисты и историки критикуют работу военных контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны, указывая на их слабую юридическую и оперативную подготовку, то авторы забывают или просто не знают один важный факт. Большинство кадровых «особистов», которые окончили специализированные учебные заведения до начала Великой Отечественной войны и в течение нескольких лет служили в Красной Армии, погибли в первые месяцы войны, отступая с боями вместе с войсками в глубь страны. В результате появилось много вакантных мест. С другой стороны, спешно формировались новые войсковые части и соединения и там тоже требовались военные контрразведчики.

Согласно разработанным до войны мобилизационным планам потребности военной контрразведки планировалось удовлетворить за счет призыва на военную службу сотрудников органов госбезопасности. Советская военная доктрина предусматривала, что после серии приграничных сражений Красная Армия будет воевать на территории страны-агрессора. Поэтому основная задача военной контрразведки – участие в «зачистке» тыла наступающей Красной Армии. Как это и происходило в 1944–1945 годах.

В реальности все произошло по-другому. Стремительно отступающая и несущая огромные потери Красная Армия, огромное количество агентов противника в прифронтовой полосе. Причем не только переброшенных через линию фронта, но и инициативников, которые активно готовились

к встрече «новых хозяев». Мобилизованных в действующую армию чекистов не хватало, и тогда в органы военной контрразведки начали набирать тех, кто до этого не служил в правоохранительных органах и не имел юридического образования. Порой обучение новых военных чекистов не превышало двух недель. Затем непродолжительная стажировка на передовой (обучались у опытных сотрудников) – и на самостоятельную работу. И так продолжалось до 1943 года. Понятно, что такой способ подготовки кадров не гарантировал, что оперативник будет знать все тонкости уголовного права, криминалистики и т. п. Как следствие – нарушение закона.

Не вернулись из боя

Из всех оперативных подразделений Лубянки (не считая пограничников и военнослужащих внутренних войск) военные чекисты первыми вступили в бой с врагом и у них (из всех подразделений госбезопасности) были одни из самых больших потерь. Достаточно сказать, что за период с 22 июня 1941 года по 1 марта 1943 года военная контрразведка потеряла 3725 человек убитыми, 3092 пропавшими без вести (фактически погибшими) и 3520 ранеными. По состоянию на 1 марта 1944 года погибло 3725 человек, пропало без вести – 3092 человека, находилось в госпиталях – 3520 человек [\[21\]](#).

Осенью 1941 года на Юго-Западном фронте попал в окружение и погиб бывший начальник 3-го Управления НКО Анатолий Николаевич Михеев [\[22\]](#). 17 июля 1941 года он был назначен начальником Особого отдела Юго-Западного фронта. Не нужно считать это понижением: в те дни, когда германское командование пыталось реализовать планы блицкрига и на карту была поставлена судьба нашей страны, в действующую армию

направляли самых надежных, самых лучших. Достаточно сказать, что в то же самое время командующим войсками Резервного фронта был назначен 1-й заместитель наркома обороны генерал армии Георгий Константинович Жуков... К месту назначения комиссар госбезопасности Анатолий Михеев прибыл 20 июля 1941 года. Вместе с ним на фронт приехали старший оперуполномоченный М. А. Белоусов (в органы военной контрразведки был направлен 27 июня 1941 года после окончания Военно-политической академии), капитан госбезопасности Ф. А. Петров (бывший начальник отдела центрального аппарата военной контрразведки) и старший адъютант Михеева начальник отделения лейтенант И. Ф. Пятков^[23].

Впоследствии Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, воевавший вместе с Михеевым, вспомнил в своих мемуарах слова Анатолия Николаевича о том, что место чекиста в условиях войны – на самых опасных участках борьбы с врагом. Он может и должен сражаться как солдат, но при этом никогда не вправе забывать о своих основных обязанностях.

А потому в первый же день Михеев, взяв с собой Пяткова, Белоусова и старшего оперуполномоченного отдела младшего лейтенанта госбезопасности Г. Горюшко, отправился на передовую. На позиции одной из рот, от которой в этот день после десяти вражеских атак осталось только восемь человек, группе Михеева довелось участвовать в отражении очередной, уже одиннадцатой, танковой атаки немцев, причем Горюшко удалось поджечь два танка связками гранат. Михеев хотел на себе ощутить психологическое состояние бойца в момент фашистской атаки и без посредников оценить оперативную работу на передовой. И так поступил человек, который возглавлял с февраля по июль 1941

года 3-е Управление НКО! Понятно, что его подчиненные поступали аналогичным образом.

Перед возвращением в отдел Михеев предупредил подчиненных:

«В отделе никому не рассказывайте, в какой переплет мы попали, а то найдутся и такие, которые скажут: «Зачем их понесло в окопы?» А нам надо это было. Особенно мне. Я лично хотел видеть в бою наших красноармейцев, быть с ними рядом и на себе ощущать психологическое состояние человека в момент фашистской атаки. Одновременно я хотел ознакомиться с условиями работы наших оперработников на передовой»^[24].

Именно так много лет спустя утверждал единственный из доживших до мая 1945 года участников той поездки на передовую – М. А. Белоусов. Пятков и Горюшко погибли 20 сентября при попытке прорвать окружение противника. Горюшко замахнулся на танк гранатой, но не успел ее бросить, так как был скошен пулеметной очередью. Пятков был тяжело ранен в живот и некоторое время оставался на поле боя, но при угрозе захвата его немцами застрелился^[25].

Михеев регулярно говорил военным чекистам:

«При прорыве обороны противником и вынужденном отходе оперработник обязан предотвратить панику, бегство, разброд. Он имеет право лишь на организованный отход в боевых порядках. В любом случае он должен показывать личный пример мужества и стойкости... Армейский чекист в критический момент боя должен заменить выбывшего из строя командира, не говоря уже о политруке».

В том, что к концу июля командованию Юго-Западного фронта удалось существенно изменить настроение войск и не допустить сдачи противнику столицы Украины, была немалая заслуга чекистов,

и в первую очередь начальника Особого отдела фронта Анатолия Николаевича Михеева.

21 августа фашисты нанесли мощный удар по правому флангу фронта и прорвали его, развивая наступление. 14 сентября 1941 года штаб фронта, Военный совет и Особый отдел оказались в окружении. Все попытки вырваться из окружения закончились неудачей.

21 сентября 1941 года Анатолий Николаевич Михеев вместе с группой военных контрразведчиков и пограничников вступил в последний бой с противником. В той схватке, кроме него, погибли его заместитель старший майор госбезопасности Якунчиков, дивизионный комиссар Никишев, начальник Особого отдела 5-й армии майор госбезопасности Белоцерковский и еще несколько пограничников^[26]. Анатолий Михеев – не единственный из высокопоставленных военных чекистов, кто погиб на фронтах Великой Отечественной войны.

Среди погибших – бригадный комиссар Александр Григорьевич Шашков – начальник Особого отдела 2-й армии Волховского фронта. На войну он ушел с должности заместителя начальника УНКВД по Черновицкой области. Погиб в июне 1942 года под Мясным Бором^[27]. Напомним, что весной 1942 года 2-я армия попала в окружение. Почти весь ее личный состав погиб или попал в плен. Среди погибших – 112 военных контрразведчиков^[28].

Возьмем, к примеру, ситуацию на Ленинградском фронте. В годы войны в Особых отделах этого фронта служило 2500 чекистов^[29], из них погибло 350^[30]. Самыми кровопролитными были первые месяцы войны – к февралю 1942 года потери Особого отдела Ленинградского фронта составили около 300 человек^[31]. В Особых отделах дивизий народного ополчения

Ленинградского фронта погибло 169 чекистов^[32]. Только в первую неделю Великой Отечественной войны на территории Прибалтики погибло 47 военных чекистов. Всего на трех фронтах Северо-Западного направления погибло 1275 военных контрразведчиков^[33]. Гибли «особисты» не только на фронте, но и в осажденном Ленинграде. Так, 2 апреля 1942 года немецкая бомба упала во двор Управления НКВД Ленинградской области, который находился по адресу - Большой Литейный проспект, 4. От взрыва бомбы пострадало несколько чекистов, а работник Особого отдела Балтфлота капитан 3-го ранга М. М. Черногоров погиб за рабочим столом в служебном кабинете^[34].

В 1943 году потери среди военных контрразведчиков были так же высоки. Так, органы «Смерш» 4-го Украинского фронта составили:

	Убито	Пропало без вести	Ранено	Больных	Всего
Руководящего состава	18	8	26	26	71
Оперативного состава	115	33	167	167	512
Технического состава	9	Нет	23	23	42
Итого	142	41	226	216	625

Потери личного состава убитыми, пропавшими без вести и ранеными составили 26 % к числу сотрудников^[35].

Хотя погибли военные контрразведчики не только на передовой, но и в первые месяцы войны во время эвакуации. Так, 28 августа 1941 года личный состав Особого отдела Таллинского военного гарнизона должен был эвакуироваться из уже частично захваченного немцами Таллина на плавмастерской «Серп и Молот». Судну удалось под непрерывными авианалетами и артобстрелами противника пройти часть пути, а потом оно начало стремительно тонуть. Большая часть сотрудников погибла. Остальным удалось добраться до Ленинграда^[36].

Кадры для военной контрразведки

Уже в первые месяцы войны резко возросла потребность в военных контрразведчиках. Для решения этой задачи при Высшей школе НКВД СССР 26 июля 1941 года были организованы Курсы подготовки оперативных работников для Особых отделов (приказ НКВД № 00960 от 23 июля 1941 года)^[37]. Планировалось набрать 650 человек и обучать их в течение одного месяца. Начальником курсов был назначен по совместительству начальник Высшей школы НКВД комбриг (в приказе он проходит в этом звании, отмененном уже в 1940 году) Никанор Карпович Давыдов. Во время учебы первым слушателям курсов пришлось строить оборонительные сооружения, ловить под Москвой немецких парашютистов.

С 11 августа 1941 года эти курсы были переведены на трехмесячную программу обучения. В сентябре 1941 года 300 выпускников Высшей школы было направлено в подразделения военной контрразведки.

Приказом начальника Высшей школы 28 октября 1941 года в Особый отдел Московского военного округа было направлено 238 выпускников курсов. Последняя группа выпускников курсов в количестве 194 человек

была направлена в распоряжение НКВД в декабре 1941 года. Затем Высшая школа была расформирована, потом вновь создана.

В марте 1942 года в Москве был организован филиал Высшей школы НКВД. Там предполагалось обучить 500 человек в течение четырех месяцев. Первый набор был произведен из резерва работников Особого отдела НКВД Московского военного округа. В составе Высшей школы этот филиал находился до июля 1943 года, затем был передан в ГУКР «Смерш» НКО СССР. Всего за время войны курсы окончили 2417 чекистов, направленных в армию и на флот^[38].

Одновременно шла подготовка кадров для Особых отделов и в самой Высшей школе. Так, в 1942 году большая группа выпускников была направлена в распоряжение Особого отдела Сталинградского фронта. А всего за время Великой Отечественной войны Высшей школой для Особых отделов было подготовлено 1943 человека^[39]. По другим данным – 2417^[40].

Кадры для военной контрразведки готовили не только в Москве, но и в регионах. Так, в первые недели войны 3-ми отделами военных округов на базе межкраевых школ НКГБ были созданы краткосрочные курсы для подготовки оперативного состава.

В качестве примера расскажем о том, что происходило в Новосибирской межкраевой школе. 1 июля 1941 года был произведен первый набор – 306 курсантов – командиров и политработников Красной Армии. Учебным планом предусматривалось чтение лекций и проведение практических занятий, главным образом по подбору агентуры, работе по первичным сигналам, делам оперативного учета и отработке основных чекистских документов. В конце июля 1941 года произошел первый выпуск Краткосрочных курсов при Особом отделе НКВД Сибирского военного округа. Именно так теперь официально именовались эти курсы.

Второй набор (500 человек, возраст 18-20 лет) на курсы был закончен 29 июля 1941 года. Срок обучения был увеличен до двух месяцев. Все выпускники после окончания обучения были направлены в действующую армию.

В сентябре - октябре 1941 года произведен третий набор - 478 человек. Теперь большинство курсантов - ответственные работники райкомов, обкомов и политработники Красной Армии.

С марта 1942 года время обучения было увеличено до трех месяцев. На курсах одновременно обучалось от 350 до 500 курсантов. Правда, теперь большинство обучающихся - младшие командиры Красной Армии, направленные на учебу управлениями военной контрразведки фронтов^[41].

В мае 1942 года при Особом отделе НКВД Сибирского военного округа были организованы двухмесячные курсы подготовки резерва оперативно-чекистских кадров для Особых отделов НКВД^[42].

Тогда же при Особом отделе НКВД Краснознаменного Балтийского флота были организованы трехмесячные курсы по подготовке и переподготовке оперативно-чекистских кадров^[43].

Ветераны снова в строю

В сентябре 1941 года была издана директива НКВД СССР «О порядке восстановления на работе бывших чекистов и направлении их в действующую армию для службы в особых органах НКВД».

В октябре 1941 года - Директива НКВД СССР «Об организации учета находящихся на излечении в военных госпиталях работников особых органов НКВД и дальнейшего их использования». Документ, в частности, предписывал: «сотрудников (особистов), выписанных из госпиталей, пропускать через врачебные

комиссии и признанных военной комиссией годными к службе в полевых условиях направлять к месту прежней службы». Также указывалось, что «обо всех случаях прибытия сотрудников особых органов в военные госпитали, при их выбытии или зачислении на работу в аппараты НКВД – УНКВД и ОО военных округов сообщать по месту их прежней службы и в 5-е отделение Отдела кадров НКВД СССР»^[44].

В декабре 1941 года – приказ НКВД СССР о проведении отбора и специальной подготовки чекистских кадров для укомплектования Особых отделов НКВД и директива о мероприятиях по подготовке кадров для работы в Особых отделах НКВД.

Эти мероприятия свидетельствовали о дефиците кадров для подразделений военной контрразведки. В этом нет ничего удивительного. С одной стороны, формировались новые воинские подразделения, а с другой – многие «особисты» погибали в течение нескольких месяцев службы. Так, ветеран военной контрразведки генерал-майор Леонид Иванов был четвертым оперуполномоченным в батальоне (трое его предшественников погибли в течение первого года войны).

Кадры для «Смерша»

15 июня 1943 года Иосиф Сталин подписал приказ ГКО об организации школ и курсов ГУКР «Смерш». Согласно тексту этого документа необходимо было создать четыре «постоянных школы: 1-ю Московскую – на 600 чел., 2-ю Московскую – на 200 чел., Ташкентскую – на 300 чел., Хабаровскую – на 250 чел. со сроком обучения от 6 до 9 месяцев и курсы с 4-месячным сроком обучения в гг. Новосибирске – на 200 чел. и Свердловске – на 200 чел.».

В ноябре 1943 года Новосибирские курсы по подготовке оперативного состава были реорганизованы в школу ГУКР «Смерш» НКО СССР с комплектом 400 слушателей и с шестимесячным, в дальнейшем годичным, сроком обучения. Занятия начались во второй половине января 1944 года. В июле 1944 года был произведен первый выпуск школы – 289 человек были отправлены на фронт. В августе 1944 года произведен второй набор – 264 человека.

Всего за годы Великой Отечественной войны в Новосибирске на курсах Особого отдела и ГУКР «Смерш» было подготовлено около 4000 военных чекистов^[45].

Созданные в июне 1943 года Свердловские курсы по подготовке оперативного состава контрразведки (с 4-месячным сроком обучения) в июне 1944 года были «реорганизованы в школу Главного управления контрразведки «Смерш» с контингентом слушателей 350 человек». Срок обучения – от 6 до 9 месяцев^[46].

С 1 марта 1944 года начала действовать Высшая школа контрразведки ВМФ по подготовке и переподготовке оперативного состава органов «Смерш». Одновременно в ней должно было обучаться до 650 человек. Согласно приказу об организации школы:

«Комплектование Высшей школы переменным составом проводить:

А) на отделение подготовки из числа офицерского и старшинского состава всех родов войск оружия ВМФ;

Б) на отделение переподготовки из числа офицеров контрразведки «Смерш» со стажем практической работы не менее одного года;

В) на отделение усовершенствования из числа руководящих оперативных работников органов контрразведки «Смерш» от заместителей начальников отделений и выше со стажем работы не менее двух лет».

Срок обучения на всех трех отделениях – один год.
«Установить постоянную дислокацию Высшей школы в г. Москве.

Временно до подыскания и оборудования помещения в г. Москве Высшую школу разместить в здании курсов отдела контрразведки «Смерш» КБФ в г. Ленинграде»[\[47\]](#).

Для того чтобы стать курсантом Высшей школы, было необходимо:

- иметь законченное среднее образование;
- возраст от 20 до 35 лет;
- быть кандидатом или членом ВКП(б) и, как исключение, членом ВЛКСМ;
- по состоянию здоровья быть пригодным к оперативной работе[\[48\]](#).

Окончивший в 1944 году 1-ю Московскую школу контрразведки «Смерш» ветеран военной контрразведки Михаил Федорович Гололобов так вспоминал об учебе:

«Она складывалась из лекций, семинарских занятий и самоподготовки, которой мы занимались после «мертвого часа».

Кроме спецдисциплин изучалось в очень урезанном виде уголовное право, уголовный процесс и, конечно, «Краткий курс истории КПСС».

К чтению лекций по уголовному праву и процессу привлекались ученые, в том числе и доктора наук, а по спецдисциплинам – опытные сотрудники центрального аппарата. Классные занятия вели штатные преподаватели.

Весьма полезными были занятия по русскому языку, так как за войну многое забылось...»[\[49\]](#)

Часть вторая
«Смерш» без ретуши

Глава 4

Армия под контролем

Один из мифов, связанных с деятельностью советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны, – Особые отделы НКВД и УКР «Смерш» занимались исключительно охотой на настоящих и мнимых врагов советской власти. А в эту категорию попадали не только агенты спецслужб противника (не только германской, но румынской, финской и др.), но и дезертиры, паникеры, самострельщики и т. п. В жизни все было иначе. Военным чекистам приходилось присматривать за уровнем боеспособности действующей армии. В первые месяцы войны руководство страны это интересовало больше, чем количество разоблаченных немецких агентов. Так, 9 июля 1941 года вступил в силу «Табель оперативной отчетности и направления документов органов Третьего управления НКО в военное время». В нем приоритет был отдан сообщениям и докладным запискам о недочетах в обеспечении войск фронта и тыла всеми видами довольствия и вооружения, о недостатках в подготовке и проведении операций. Лишь на пятом месте в этом перечне проходили сообщения о проявлении вражеской деятельности в частях^[50].

Вступление в силу Табеля лишь подтвердило сложившуюся практику. Военные чекисты с 22 июня 1941 года информировали руководство страны о выявленных недостатках.

В первые дни войны

Так, заголовок одного из первых документов, подготовленных военными чекистами, звучал так: «Докладная записка о недочетах боевой подготовки частей 2-го корпуса ПВО». В нем сообщалось о многочисленных упущениях и недостатках, приведших к нарушению заградительной системы противовоздушной обороны Ленинграда.

В других сообщениях, датированных первыми днями войны, кроме освещения диверсионной и разведывательной деятельности противника в прифронтовой полосе, сообщались данные: о недостатках боевой готовности 10-го мехкорпуса и 2-й армии; о недостатках в ходе воинских перевозок, обеспечения войск средствами связи, продовольствия и фуража; о низком управлении работы ВВС фронта и др. [\[51\]](#).

В начале июля 1941 года от военных чекистов руководство страны начало получать обобщающие документы по отдельным фронтам и видам вооруженных сил. В качестве примера такого сообщения процитируем донесение «о потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны». Документ датирован 8 июля 1941 года. Все сообщенные в нем факты соответствуют действительности.

«Вследствие неготовности частей ВВС ПРИБОВО (Прибалтийский особый военный округ. - *Прим. авт.*) к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, около 50 % самолетов было уничтожено противником при налетах на аэродромы.

Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован. Зенитные средства обороны аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где средства были, не было артснарядов.

Руководство боевыми действиями авиачастей со стороны командиров 57, 7-й и 8-й авиадивизий, а также штаба ВВС фронта и округа было поставлено крайне плохо, связь с авиачастями с начала военных действий почти отсутствовала.

Потери самолетов на земле только по 7-й и 8-й авиадивизиям составляют 303 самолета.

Аналогичное положение по 6-й и 57-й авиадивизиям.

Такие потери нашей авиации объясняются тем, что в течение нескольких часов после нападения вражеской авиации командование округа запрещало вылетать и уничтожать противника. Части ВВС округа вступили в бой поздно, когда значительная часть самолетов была уже уничтожена противником на земле.

Перебазировка на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний ВВС Округа, посадку совершали кому где вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин.

Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с.г. уничтожил 30 самолетов.

Маскировке аэродромов до сих пор не уделяется внимание. Приказ НКО по этому вопросу не выполняется (особенно по 57-й авиадивизии – командир дивизии полковник Катичев и 7-й авиадивизии – командир дивизии полковник Петров), штабы ВВС фронта и округа никаких мер не принимают.

В данное время авиачасти ВВС Северо-Западного фронта являются неспособными к активным боевым действиям, так как в своем составе имеют единицы боевых машин: 7-я авиадивизия – 21 самолет, 8-я авиадивизия – 20, 57-я авиадивизия – 12.

Экипажи, оставшиеся без материальной части, бездельничали и только сейчас направляются за матчастью, которая поступает крайне медленно.

На складах округа ощущается недостаток запасных частей к самолетам и авиадвигателям (плоскости самолетов МиГ, винты ВИШ-22Е и ВИШ-2, свечи З МГА, патроны БС и др. детали)»[\[52\]](#).

По поводу маскировки военных аэродромов. Все знают, что в первые дни войны на земле было уничтожено огромное количество самолетов. Одна из причин - перед войной командование Красной Армии слишком поздно обратило внимание на то, что «по маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано». Только 19 июня 1941 года нарком обороны Семен Константинович Тимошенко и начальник Генерального штаба Красной Армии Георгий Константинович Жуков подписали приказ № 0042, где среди прочих мер по исправлению названного выше недостатка приказывалось:

«1. К 1.7.41 г. засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону.

2. Аэродромные постройки до крыш включительно закрасить под один стиль с окружающими аэродром постройками. Бензохранилища зарыть в землю и особо тщательно замаскировать.

3. Категорически воспретить линейное и скученное расположение самолетов; рассредоточенным и замаскированным расположением самолетов обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха...»[\[53\]](#).

Понятно, что через три дня началась война, и было бессмысленно красить взлетно-посадочные полосы. Красная Армия стремительно отступала. Зато пункт о запрещении скапливания самолетов никто не отменял. Наоборот, на это указание нужно было обратить особое внимание. И для того, чтобы понять, что сосредоточение на одном аэродроме большого количества самолетов при отсутствии эффективно работающей системы ПВО

и господство противника в воздухе гарантируют уничтожение техники на земле. Для этого не нужно оканчивать военную академию или иметь многолетний опыт службы на командирских должностях в ВВС. А может, летчики и механики испугались и уже в первые дни войны начали в массовом порядке сдаваться в плен противнику? Поэтому и не смогли выполнить приказы командования о рассредоточении техники. Многочисленные мемуары и документы свидетельствуют об обратном. Испугалось и растерялось именно командование частей и соединений, когда внезапно утратило связь с вышестоящими штабами. Так что военные контрразведчики все верно отразили в своем сообщении.

Об этом как-то не принято вспоминать, но в первый месяц Великой Отечественной войны серьезные проблемы в сфере управления наблюдались не только в стремительно отступающей на восток Красной Армии, но и в системе железнодорожных коммуникаций. Понятно, что внезапное нападение противника, немецкие разведывательно-диверсионные группы в тылу Красной Армии, целенаправленные удары авиации противника по узлам и линиям армейской связи и множество других причин привели к частичному параличу системы управления действующей армии на территории Украины и Белоруссии.

К тому же в первый день войны выяснилось, что Наркомат связи, который должен был представить цели (линии, каналы) для организации правительственной связи территориальным управлениям НКВД (последние обслуживали ВЧ-станции, используемые для организации связи руководства страны, Генштаба с командованием фронтов и армий), не смог этого сделать [\[54\]](#).

В результате к вечеру 22 июня 1941 года Генштаб не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных

данных о местонахождении войск РККА и Вермахта^[55]. А штаб Западного фронта 24 июня не сумел установить связь с двумя (3-я и 10-я) из трех своих армий^[56]. Что тогда говорить об участке штаб армии – штаб дивизии.

Если происходящее в системе организации связи можно частично списать на активную деятельность противника и довоенные просчеты руководства Наркомата связи и командования Красной Армии, то происходящее на железных дорогах в первые месяцы войны иначе как преступной халатностью отдельных руководителей объяснить нельзя.

В тридцатые годы прошлого века система железнодорожного транспорта фактически была полувоенной организацией. Ведь именно по стальным магистралям планировалось перебрасывать войска из одного региона страны в другой. А также организовывать их снабжение, эвакуацию раненых и т. п. Поэтому охране железнодорожных сооружений (мосты, туннели, водокачки и т. п.) уделялось повышенное внимание.

Достаточно указать, что численность внутренних войск НКВД 63,7 тысячи человек, что почти в два раза превышало численность конвойных войск НКВД – 38,3 тысячи человек (до 1956 года места лишения свободы, за исключением тюрем, охраняла военизированная охрана, комплектовавшаяся не военными служащими, а лицами по найму).

Накануне Великой Отечественной войны в состав войск НКВД по охране железнодорожных сооружений входило более пятидесяти бронепоездов – больше, чем у Красной Армии!^[57] Так, к октябрю 1939 года войска НКВД имели на вооружении 36 мотоброневагонов, 12 бронеплощадок и 16 бронепоездов^[58]. А по состоянию на 22 июня 1941 года, кроме 53 армейских бронепоездов, СССР имел и солидные бронесилы НКВД: 25 бронепаровоза, 32 артиллерийские бронеплощадки, 36

современных моторных бронев вагонов. Как правило, бронепоезд (либо подразделение мотобронев вагонов) входил в состав сформированных в конце тридцатых годов прошлого века дивизий НКВД по охране железнодорожных сооружений. Каждому «железнодорожному» полку «полагалось» по одному бронепоезду, который служил мощным резервом для усиления полковых гарнизонов (в составе от отделения до роты), охранявших мосты, узловые станции и другие важные объекты вдоль магистралей^[59]. Предполагалось, что «крепости на колесах» сумеют оперативно уничтожить вражеский десант или подразделение диверсантов^[60].

Понятно, что руководство страны уделяло повышенное внимание охране стальных магистралей не просто так, а для того, чтобы обеспечить в случае военных действий надежную и безотказную систему коммуникаций между прифронтной зоной и тылом. К сожалению, военачальники, отвечающие за эффективное использование этой системы, не справились со своей задачей.

По данным военных контрразведчиков, в начале июля 1941 года Управление военных сообщений (УПВОСО) Генерального штаба не знало, где какие эшелоны с военной техникой, боеприпасами и личным составом находятся! И виноваты в этом не диверсанты противника или нарушенная система связи (на железной дороге функционировала своя ведомственная, которая не зависела от Наркомата связи), а обычная неорганизованность и преступная халатность отдельных исполнителей! А без данных о местонахождении отдельных эшелонов сложно планировать любые военные операции. Учитывая то, что в Генеральном штабе не знали, где находятся отдельные войсковые части и соединения, уже вступившие в бой с противником.

Процитируем донесение заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР Федора Яковлевича Тутушкина руководству страны о недостатках в организации железнодорожных перевозок. Документ датирован 6 июля 1941 года.

«Перевозка войск, вооружения, боеприпасов и других воинских грузов на фронт на ряде железнодорожных дорог систематически срывается.

Сроки погрузки по Московскому и Орловскому округам сорваны на два дня.

Срыв своевременной перевозки воинских грузов происходит из-за плохого руководства со стороны нач. УПВОСО генерал-лейтенанта технических войск Трубецкого и плохой работы НКПС.

В УПВОСО до 1 июля с.г. не велась сводка учета перевозок войск. С 1 июля она выпускается, но с опозданием от 7 до 24 часов, причем в сводке указывается только дорога, по которой идут эшелоны, а станции, где они находятся, не указываются.

Это привело к тому, что УПВОСО не знает, где находятся эшелоны, и местонахождение ряда эшелонов УПВОСО не известно.

235-я с.д. (стрелковая дивизия. - *Прим. авт.*) по 4 июля с.г. погрузила 26 эшелонов, из них: выгружено - 2, передано на ст. Псков - 11, находилось в районе Бологое - 3, а где еще 10 эшелонов, УПВОСО не знает.

148-я с.д., начавшая погрузку 27 июня, к 4 июля с.г. выгрузила только два эшелона.

На десятки транспортов нет данных об их месте нахождения с 30 июня 1941 г.

Имеют место случаи направления эшелонов не по назначению.

Эшелон со штабом 19-й армии и управлением 25-го ск (стрелкового корпуса. - *Прим. авт.*) вместо следования на ст. Рудня через Конотоп был направлен на ст. Гомель.

Виновники этого остались ненаказанными.

26 июня с.г. с Кировского (г. Ленинград) завода были направлены на ст. Орша два эшелона танков № 7/3016 и 7/3017. Эти эшелоны несколько дней перегонялись в треугольнике Витебск - Орша - Смоленск и не разгружались. 30 июня эшелон № 7/3016 был в Смоленске, а эшелон № 7/3017 - в г. Витебске. Где эти транспорты находятся в настоящее время, АБТУ (автобронетанковое управление. - *Прим. авт.*) сведений не имеет.

Из г. Харькова с завода № 183 был направлен 27 июня эшелон № 11/3107, перевозивший 10 танков в г. Орел. Вместо г. Орла эшелон попал в г. Конотоп. После указаний о направлении эшелона в г. Орел он попал в Бахмач. В итоге с опозданием на 3 суток эшелон прибыл в Вязьму, где и был присоединен к танковому эшелону.

Из Сталинграда 26 июня с.г. в г. Орел был направлен эшелон № 7/3012 с танками. В Орле эшелон должен был быть доукомплектован боеприпасами и людским составом. Вместо г. Орла эшелон попал в Конотоп. После указаний направить эшелон в г. Орел он попал в г. Бахмач, затем в район Гомеля и только после этого путешествия попал в г. Орел.

Расследование по неподаче грузов своевременно к месту назначения ведет Главвоенпрокуратура.

Сколько и на каких станциях разгружено эшелонов на 6 июля с.г., УПВОСО не знает.

27 июня 1941 г. по вине начальника УПВОСО генерал-лейтенанта Трубецкого предназначенные на Южно-Западный фронт (так в тексте документа. - *Прим. авт.*) 47 эшелонов с мототранспортом, в котором сильно нуждался фронт, были выгружены на станциях Полтава, Харьков, Конотоп, Бахмач.

Расследование ведет 3-е Управление НКО.

Часто срывается своевременная отправка частей на фронт из-за неподачи по линии НКПС к месту погрузки вагонов.

24 июня Ленинградской ж.д. недодано 680 вагонов.

Аналогичные факты имеют место и на других железных дорогах.

По сообщению 3-го отдела ХВО (Харьковский военный округ. - *Прим. авт.*), на Львовском направлении Южной ж. д. вторые сутки стоят 13 эшелонов и 2 бронепоезда.

На Ромодоновском направлении Южной ж. д. несколько дней брошены 32 транспорта воинских грузов, так как их не принимает Западная ж. д. Паровозы этих транспортов взяты для другого назначения Южной ж. д.

4 июля с.г. на ст. Люботин оказались 10 платформ с танками Т-40, направленные на ст. Волковыск в воинскую часть 9590.

О засылке не по назначению платформ с танками ведется расследование 3-м отделом ХВО.

Направленные на Северо-Западный фронт и Западный фронт 180 тысяч мин и 100 тысяч мин на Юго-Западный фронт к месту назначения не прибыли. Где эти эшелоны находятся, УПВОСО не знает.

С 27 июня 1941 г. 30 эшелонов с ВВ (взрывчатые вещества. - *Прим. авт.*) находятся где-то в пути, 3 из них обнаружены на ст. Торопец.

6 июля 1941 г. Артуправление Красной Армии предложило УПВОСО переадресовать 8 серий грузов артиллерии в другие адреса (ст. Белокаменская), в то время как эти грузы частично уже дошли до места назначения и выгружены (ст. Петрозаводск).

На ст. Электросталь под Москвой сосредоточено около 400 вагонов взрывчатых веществ. Окружная дорога не принимает их для направления по назначению. Такое количество взрывчатых веществ,

находящихся на расстоянии 30 км от Москвы, создает опасность для города.

По данным 3-го Управления НКО, сосредоточение вторых эшелонов Красной Армии опаздывает не на 2 суток, как доложил зам. нач. Оперуправления Генштаба генерал-майор Анисов Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу Сталину, а значительно больше»^[61].

Так что работы у военных контрразведчиков в первые месяцы войны было очень много. Им предстояло выяснить причины многочисленных сбоев в работе железнодорожного транспорта. А ведь перечисленные в документе факты - лишь вершина айсберга!

Военные контрразведчики занимались не только выявлением недостатков, но и расследованием истинных причин больших потерь Красной Армии в первые месяцы войны. В качестве примера процитируем выводы, к которым пришли военные чекисты, расследуя причины «больших потерь 199-й стрелковой дивизии».

«6 июля у Ново-Мирополя потерпела поражение, понесла большие потери людьми и материальной частью, 199-я стрелковая дивизия.

Особый отдел Юго-Западного фронта в связи с этим произвел расследование, в результате которого установлено:

3 июля командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. Этот приказ командование дивизии выполнило с опозданием. Части дивизии заняли оборону позже указанного срока, кроме этого, во время марша не было организовано питание бойцов. Люди, особенно 617-го стрелкового полка, прибыли в район обороны истощенными.

После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через р. Случ на центральном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту. В связи с тем, что командование не установило связи штаба дивизии с полками, 6 июля 617-й и 584-й стрелковые полки действовали без всякого руководства со стороны командования дивизии.

Во время паники, создавшейся в подразделениях при наступлении противника, командование не сумело предотвратить начавшееся бегство. Управление штаба дивизии разбежалось. Командир дивизии Алексеев, зам. командира по политчасти Коржов и нач. штаба дивизии Герман оставили полки и с остатками штаба бежали в тыл.

По вине Коржова и Германа противнику были оставлены партийные документы, чистые бланки партийных билетов, печати партийной и комсомольской организаций и все штабные документы.

Командир дивизии полковник Алексеев, зам. командира дивизии по политчасти полковой комиссар Коржов и нач. штаба дивизии подполковник Герман арестованы и преданы суду военного трибунала»^[62].

И это один документ из сотен, где военные чекисты относительно объективно, а провести полноценное расследование деятельности отдельных командиров в первый год войны было нереально, стараются ответить на вопрос - почему в первый год войны Красная Армия была вынуждена не только стремительно отступить, но и понесла огромные потери личной силы и техники. Понятно, что занимались они этим не ради того, чтобы облегчить работу военным историкам, а для недопущения повторения ошибок во время войны.

Трагедия 2-й ударной армии глазами военной контрразведки

О трагедии 2-й ударной армии Волховского фронта, которая летом 1942 года была почти полностью уничтожена противником^[63], знают или хотя бы слышали все. Кратко лишь напомним хронику трагедии.

В начале января 1942 года по замыслу Верховного главнокомандования 2-я ударная армия должна была прорвать блокаду Ленинграда. До 6 января 1942 года она должна была выдвинуться на огненные рубежи, а с 7 января 1942 года начать боевые действия по прорыву обороны противника по реке Волхов.

Однако Особый отдел проинформировал командование Волховского фронта о серьезных недочетах в подготовке наступления, о недостаточном снабжении питанием, боеприпасами, горюче-смазочными материалами частей и соединений 2-й ударной армии. Также отсутствовала устойчивая и надежная связь между штабами различного уровня. Несмотря на это, командование армии заявило, что может начать наступление.

7 января части и соединения 2-й ударной армии, не имея связи с вышестоящими штабами, начали разрозненное и несогласованное между собой наступление. К 14 часам дня военные чекисты в многочисленных донесениях с мест сообщали, что наступающие несут огромные потери, а само наступление «захлебнулось». Руководство Волховского фронта спешно приехало на командный пункт 2-й ударной армии и, убедившись в правдивости сообщений военных чекистов, отменило наступление. В тот день армия потеряла убитыми 2118 военнослужащих. Нет никакого сомнения, что без вмешательства Особого отдела потери были бы значительно больше^[64].

К мнению военных чекистов командование Красной Армии прислушивалось не всегда. Это миф, что «особисты» могли по собственному желанию арестовать и расстрелять любого командира Красной Армии. Разумеется, они могли применить оружие, если кто-нибудь из военнослужащих попытается перейти на сторону противника, но потом все равно по каждому такому факту проводилось расследование. Мало кто знает, что согласно Постановлению ГКО «О порядке ареста военнослужащих» от 11 августа 1941 года:

«...1. Красноармейцы и младший начсостав арестовывается по согласованию с военным прокурором дивизии.

2. Аресты лиц среднего начсостава производятся по согласованию с командованием дивизии и дивизионного прокурора.

3. Аресты лиц старшего начсостава производятся по согласованию с Военным советом армии (военного округа).

4. Порядок ареста лиц высшего начсостава остается прежним (с санкции НКО)».

И только в «случае крайней необходимости Особые органы могут производить задержание лиц среднего и старшего начсостава с последующим согласованием ареста с командованием и прокуратурой»^[65].

Под «крайней необходимостью» подразумевались случаи явной измены Родине (например, попытка добровольного перехода на сторону противника). А если военачальник плохо управляет вверенными ему частями и соединениями, допускает преступную халатность в организации их снабжения боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами и т. п., фактически частично или полностью отстранился от выполнения своих обязанностей, то здесь военные чекисты могли лишь докладывать куда следует о выявленных недостатках.

Нужно учитывать еще один важный факт. Сотрудники органов Особых отделов, находящихся непосредственно на передовой или при штабе дивизии, не могли в силу множества объективных причин увидеть полную картину происходящего. Они фиксировали лишь отдельные факты. Объясним это на простой схеме. Находящийся на передовой оперуполномоченный Особого отдела докладывал своему начальству, что бойцы в течение нескольких суток не получают горячую пищу и нет подвоза боеприпасов. Его коллега из штаба дивизии сообщал куда следует, что командир дивизии вместо того, чтобы выполнять свои должностные обязанности, второй день пьет спирт и собирается застрелиться. На основании этих фактов сотрудник Особого отдела армии может ходатайствовать о снятии командира дивизии с должности и замене его на боеспособного командира. При этом командованию будут представлены два факта: плохая организация снабжения дивизии и самоустранение от командования командира этого соединения.

Главное оружие военных чекистов в ситуациях, аналогичных январскому наступлению 2-й ударной армии, - рапорты и сообщения собственному руководству, командованию фронтов и руководителям политорганов.

В качестве примера расскажем продолжение трагической истории 2-й ударной армии в изложении «особистов». К сожалению, военные чекисты не смогли спасти ее второй раз. 2-я ударная армия погибла, а военные чекисты провели собственное расследование причин этой трагедии. В течение нескольких десятилетий результаты их расследования были засекречены. Одна из причин - трагедия произошла по вине или преступной халатности, будем называть вещи своими именами, командования 2-й ударной армии. Разумеется, часть вины лежит также на вышестоящем

командовании, но значительно меньшая. Процитируем этот документ:

«По данным агентуры, опросам командиров и бойцов 2-й ударной армии, вышедших из окружения, и личным выездом на место во время боевых действий частей и соединений 2-й, 52-й и 59-й армий установлено: окружение 2-й ударной армии в составе 22, 23, 25, 53, 57, 59-й стрелковых бригад и 19, 46, 92, 259, 267, 327, 282 и 305-й стрелковых дивизий противнику удалось произвести только из-за преступно халатного отношения командующего фронтом генерал-лейтенанта Хозина, не обеспечившего выполнения директивы Ставки о своевременном отводе войск армии из-под Любани и организации боевых операций в районе Спасской Полисти.

Вступив в командование фронтом, Хозин из района д. Ольховки и болота Гажьи Сопки вывел в резерв фронта 4-ю, 24-ю и 378-ю стрелковые дивизии.

Противник, воспользовавшись этим, построил узкоколейную железную дорогу в лесу западнее Спасской Полисти и беспрепятственно стал накапливать войска для удара по коммуникациям 2-й [ударной] армии – Мясной Бор – Новая Кересть (см. карты № 1 и № 2)^[66].

Командованием фронта оборона коммуникаций 2-й [ударной] армии усилена не была. Северную и южную дороги 2-й [ударной] армии прикрывали слабые 65-я и 372-я стр[елковые] дивизии, вытянутые в линию без достаточных огневых средств на недостаточно подготовленных оборонительных рубежах.

372-я стр[елковая] дивизия с боевым составом 2796 человек к этому времени занимала участок обороны протяжением 12 км от д. Мостки до отм. 39,0, что в 2 км севернее узкоколейной жел[езной] дороги.

65-я Краснознаменная стр[елковая] дивизия с боевым составом 3708 человек занимала участок

обороны протяжением 14 км от угла леса южной просеки мук[омольного] завода до сарая, в 1 км от д. Крутик.

Командующий 59-й армией генерал-майор Коровников наспех утвердил неотработанную схему оборонительных сооружений дивизии, представленную командиром 372-й стрелковой дивизии полковником Сорокиным, штаб обороны ее не проверил.

В результате этого из выстроенных 8-й ротой 3-го полка этой же дивизии 11 дзотов 7 оказались непригодными.

Командующий фронтом Хозин, начальник штаба фронта генерал-майор Стельмах знали, что противник против этой дивизии сосредоточивает войска и что они не обеспечат оборону коммуникаций 2-й ударной армии, мер же к усилению обороны этих участков не предприняли, имея в своем распоряжении резервы.

30 мая противник после артиллерийской, авиационной подготовки с помощью танков повел наступление на правый фланг 311-го полка 65-й стрелковой дивизии.

2-я, 7-я и 8-я роты этого полка, потеряв 100 бойцов и четыре танка, отступили.

Для восстановления положения была выброшена рота автоматчиков, которая, понеся потери, отошла.

Военный совет 52-й армии бросил в бой последние резервы - 54-й гвардейский стрелковый полк с пополнением 370 человек. Пополнение было введено в бой с ходу, несколоченным, при первом соприкосновении с противником разбежалось и было остановлено заград[ительными] отрядами особых отделов.

Немцы, потеснив части 65-й дивизии, подошли вплотную к селу Теремец-Курляндский и левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию.

В это же время противник, наступая на участке 1236-го [стрелкового] полка 372-й стрелковой дивизии, прорвав слабую оборону, расчленил второй эшелон резервной 191-й стрелковой дивизии, вышел на узкоколейную железную дорогу в районе отм. 40,5 и соединился с частями, наступающими с юга.

Командир 191-й [стрелковой] дивизии неоднократно ставил вопрос перед командующим 59-й армией генерал-майором Коровниковым о необходимости и целесообразности вывода 191-й стрелковой дивизии к Мясному Бору, с тем чтобы создать прочную оборону по северной дороге.

Коровников мер не принял, и 191-я [стрелковая] дивизия, бездействуя и не возводя оборонительных сооружений, осталась стоять в болоте.

Командующий фронтом Хозин и командующий 59-й армией Коровников, будучи осведомлены о сосредоточении противника, все же считали, что оборона 372-й дивизии прорвана небольшой группой автоматчиков, поэтому в бой резервы не вводили, чем дали возможность противнику отрезать 2-ю ударную армию.

Только 1 июня 1942 г. была введена в бой без артиллерийской поддержки 165-я стрелковая дивизия, которая, потеряв 50 % бойцов и командиров, положения не выправила.

Вместо организации боя Хозин дивизию из боя вывел и перебросил на другой участок, заменив ее 374-й стрелковой дивизией, которая в момент смены частей 165-й сд отошла несколько назад.

Имеющиеся силы своевременно в бой введены не были, наоборот, Хозин приостановил наступление и приступил к перемещению командиров дивизий: снял командира 165-й стрелковой дивизии полковника Соленова, назначил командиром дивизии полковника

Морозова, освободив его от должности командира 58-й стрелковой бригады.

Вместо командира 58-й [стрелковой] бригады был назначен командир 1-го стрелкового батальона майор Гусак.

Также был снят начальник штаба дивизии майор Назаров, и на его место был назначен майор Дзюба, в это же время был снят и комиссар 165-й [стрелковой] дивизии старший батальонный комиссар Илиш.

В 372-й стрелковой дивизии был снят командир дивизии полковник Сорокин, и на его место назначен полковник Синегубко.

Перегруппировка войск и замена командиров затянулась до 10 июня. За это время противник сумел создать дзоты, укрепить оборону.

2-я ударная армия к моменту окружения противником очутилась в крайне тяжелом положении, в дивизиях насчитывалось от двух до трех тысяч бойцов, истощенных ввиду недоедания и переутомленных непрерывными боями.

С 12 по 18 июня 1942 г. бойцам и командирам выдавалось по 400 г конины и 100 г сухарей, в последующие дни выдавалось от 10 г до 50 г сухарей, в отдельные дни бойцы продуктов не получали вовсе, что увеличило число истощенных бойцов и появились случаи смертности от голода.

Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения.

Питание и боеприпасы в армии вышли, подвоз их воздухом из-за белых ночей и потери посадочной площадки у д. Финев Луг, по существу, был невозможен. Забрасываемые самолетами боеприпасы и продовольствие в армию из-за халатности начальника

тыла армии полковника Кресика полностью собраны не были.

Всего боеприпасов	Отправлено для армии	Собрано армией
7,62–мм патр[онов]	1 027 820	682 708
76–мм патр[онов]	2222	1416
37–мм зенитных снар[ядов]	1590	570
122–мм снар[ядов]	288	136
14,5–мм патр[онов]	1792	Не получено

Положение 2-й ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финев Луг.

Командование 2-й армии – генерал-лейтенант Власов и командир дивизии генерал-майор Антюфеев – не организовало обороны болота западнее Финев Луг, чем воспользовался противник, выйдя во фланг дивизии.

Отступление 327-й дивизии привело к панике, командуя армией генерал-лейтенант Власов растерялся, не принял решительных мер к задержанию противника, который продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тыла армии, отрезал от основных сил армии 19-ю [гвардейскую] и 305-ю стрелковые дивизии.

[В] аналогичн[ом] положени[и] [оказались] и части 92-й дивизии, где ударом со стороны Ольховки двумя пехотными полками с 20 танками немцы при поддержке авиации овладели рубежами, занимаемыми этой дивизией.

Командир 92-й стрелковой дивизии полковник Жильцов проявил растерянность и в самом начале боя за

Ольховку потерял управление.

Отход наших войск по линии реки Кересть значительно ухудшил все положение армии. Артиллерия противника к этому времени стала уже простреливать огнем всю глубину 2-й армии.

Кольцо вокруг армии сомкнулось. Противник, форсировав реку Кересть, зашел во фланг, вклинился в наши боевые порядки и повел наступление на КП армии в районе Дровяное Поле.

Командный пункт армии оказался незащищенным, в бой была введена рота Особого отдела в составе 150 человек, которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток – 23 [июня] с.г.

Военный совет и штаб армии вынуждены были сменить место дислоцирования, уничтожив средства связи и, по существу, потеряв управление войсками.

Командующий 2-й армией Власов, начальник штаба Виноградов проявили растерянность, боем не руководили, а впоследствии потеряли всякое управление войсками.

Это было использовано противником, который беспрепятственно проникал в тылы наших войск и наводил панику.

24 июня с.г. Власов принимает решение вывести штаб армии и тыловые учреждения походным порядком. Вся колонна представляла из себя мирную толпу с беспорядочным движением, демаскированную и шум[ную].

Противник идущую колонну подверг артиллерийскому и минометному обстрелу. Военный совет 2-й армии с группой командиров залег и из окружения не вышел. Командиры же, направлявшиеся к выходу, благополучно прибыли в расположение 59-й армии.

Только за два дня (22 и 23 июня с.г.) вышло из окружения 13 018 человек, из них 7000 раненых.

Последующий выход из окружения противника военнослужащих 2-й армии проходил отдельными мелкими группами.

Установлено, что Власов, Виноградов и др[угие] руководящие работники штаба армии в панике разбежались, от руководства боевыми операциями самоустранились и место своего расположения не объявили, законспирировали.

Военный совет армии, [в частности] в лице Зуева и Лебедева, проявил благодушие и не пресек панических действий Власова и Виноградова, оторвался от них, это усилило разброд в войсках.

Со стороны начальника Особого отдела армии майора государственной безопасности Шашкова своевременно не было принято решительных мер по наведению порядка и предотвращению предательства в самом штабе армии.

2 июня 1942 г. в наиболее напряженный боевой период изменил Родине - перешел на сторону противника с [шифр]овальными документами - пом. нач. 8-го отдела штаба армии техник-интендант 2-го ранга Малюк Семен Иванович, выдавший противнику расположение частей 2-й ударной армии и место дислокации КП армии. (Прилагаю листовку.)^[67]

Со стороны отдельных неустойчивых военнослужащих отмечены случаи добровольной сдачи в плен врагу.

10 июля 1942 г. арестованные нами агенты немецкой разведки Набоков и Кадыров показали: при допросах пленных военнослужащих 2-й ударной армии в немецких развед[ывательных] органах присутствовали: командир 25-й стрелковой бригады полковник Шелудько, пом. нач. опер отдела армии майор Версткин, интендант 1-го ранга Жуковский, зам. командующего 2-й [ударной] армией по АБТВ полковник Горюнов и ряд других,

которые предавали командно-политический состав армии немецким властям.

Вступив в командование Волховским фронтом, генерал армии тов. Мерецков повел группу войск 59-й армии на соединение с частями 2-й ударной армии.

С 21 на 22 июня с.г. части 59-й армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной 800 м.

Для удержания коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги.

К моменту выхода частей 59-й армии на реку Полисть выяснилось, что командование 2-й [ударной] армии в лице начальника штаба Виноградова дезинформировало фронт и оборонительных рубежей на западном берегу реки Полисть не заняло.

Таким образом, локтевой связи между армиями не произошло.

В образовавшийся коридор 22 июня для частей 2-й [ударной] армии было доставлено значительное количество продуктов питания, людьми и на лошадях.

Командование 2-й [ударной] армии, организуя выход частей из окружения, не рассчитывало на выход с боем, не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти и не удержало ворот.

В силу почти непрерывных налетов авиации противника и обстрела наземных войск на узком участке фронта выход для частей 2-й [ударной] армии стал затруднен.

Растерянность и потеря управления боем со стороны командования 2-й [ударной] армии окончательно усугубили обстановку.

Противник этим воспользовался и коридор закрыл.

Впоследствии командующий 2-й [ударной] армией генерал-лейтенант Власов окончательно растерялся,

инициативу в свои руки взял начальник штаба армии генерал-майор Виноградов.

Последний свой план держал в секрете и никому об этом не говорил. Власов к этому был безразличен.

Как Виноградов, так и Власов из окружения не вышли. По заявлению начальника связи 2-й ударной армии генерал-майора Афанасьева, доставленного 11 июля на самолете У-2 из тыла противника, они направлялись лесом в Оредежском районе по направлению к Старой Руссе.

Местопребывание членов Военного совета Зуева и Лебедева неизвестно.

Нач. О[собого] о[тдела] НКВД 2-й [ударной] армии майор государственной безопасности Шашков, будучи ранен, застрелился.

Продолжаем розыск Военного совета 2-й ударной армии путем заброски агентуры в тыл противника и партизанских отрядов»^[68].

Какая реакция будет у руководства страны после прочтения такого документа? Правильно, усилить наблюдение за действиями командования частей и соединений Красной Армии. В первой части документа авторы педантично перечислили все крупные ошибки командования 2-й ударной армии, а во второй части зафиксировали его растерянность и множество случаев добровольного перехода на сторону врага.

Следя за армией

Хотя прошел уже год войны, но руководство военной контрразведки не доверяло до конца командованию Красной Армии. Сложно сказать, было ли вызвано это недоверие объективными причинами или военные чекисты просто демонстрировали повышенную бдительность в отношении уровня боеспособности вооруженных сил, но в любом случае наблюдали они

внимательно. В качестве примера процитируем фрагмент Директивы Особого отдела НКВД Воронежского фронта № 2664/1 от 17 октября 1942 года. Напомним, что в середине сентября войска Воронежского фронта после неудачной попытки наступления перешли к активной обороне.

«В соответствии с директивой Ставки о переходе войск Воронежского фронта к активной обороне командованием последнего даны надлежащие указания армиям по организации обороны путем создания опорных пунктов прочных узлов сопротивления, минных полей, противотанковых рвов и других сооружений в 25-километровой прифронтной зоне, из которой подлежит выселению все население.

(...)

Все внимание Особых органов должно быть направлено на вскрытие и пресечение всяческих попыток со стороны антисоветских лиц в частях и соединениях армий сорвать мероприятия командования по созданию подлинного оборонительного рубежа.

С этой целью должна быть отобрана основная, лучшая часть агентурно-осведомительного аппарата по штабам и основным службам частей и соединений армий и направлена на вскрытие всех ненормальностей в деле организации активной обороны, причин, порождающих эти ненормальности, и их виновников, упор при этом должен делаться на выявление фактов подрывной работы врага.

(...)

В работе с агентурой необходимо заострить ее внимание на проработку следующих вопросов:

1. Организация боевых порядков в обороне и обеспечении резервами в дивизии и армии.
2. Оценка правильности выбора переднего края.
3. Организация системы огня.

4. Наличие дополнительных площадок.
5. Расчистка обозрения и обстрела.
6. Организация взаимной огневой связи.
7. Приспособление к обороне населенных пунктов.
8. Наличие ложных сооружений.
9. Наличие противотанковых и противопехотных препятствий, их расположение и прострел.
10. Наличие переносных противопехотных препятствий (ежи, рогатки и т. д.).
11. Наличие противотанковых районов.
12. Организация противовоздушной и противохимической обороны
13. Организация артиллерийского и пулеметного зенитного огня.
14. Организация зенитного огня из пехотного оружия.
15. Организация маскировки.
16. Изучение впередилежащей местности и подходов к переднему краю обороны.
17. Организация ночной обороны, разведки и поиска.
18. Наличие плана обороны в частях.
19. Организация обеспечения стыков между подразделениями, частями и соединениями.
20. Организация всех видов связи.
21. Организация службы наблюдения и оповещения.
22. Организация взаимодействия всех родов войск.
23. Организация и проверка боевой подготовки по приказу т. Сталина № 306 от 8 октября 1942 г.
24. Проверка реализации приказа НКО об организации отдыха бойцов. Указанными выше основными мероприятиями командования решается задача создания на всем участке нашего фронта подлинно неприступного барьера для противника.

Приказываю мобилизовать весь osobистский аппарат на четкое выполнение настоящей директивы»[\[69\]](#).

Так что военные чекисты, вопреки распространенному мнению, не только занимались выявлением потенциальных дезертиров и недовольных советской властью. Фактически они контролировали выполнение военными Красной Армии приказа командования.

Контролируя деятельность политорганов

Военные чекисты не ограничивались надзором за действиями командиров Красной Армии. Так же внимательно и пристально следили они за армейскими политработниками. В качестве примера результатов наблюдения «особистов» за комиссарами отчет о работе 7-го отдела Политуправления Калининского фронта и 7-х отделений армий того же фронта. Поясним, что эти органы занимались пропагандой среди войск противника. Как же военные чекисты оценили результаты их работы?

Чем интересен этот документ? Большим объемом и высоким качеством собранной информации. Нужно учитывать, что все приведенные в документе данные были не только получены от агентуры, но и несколько раз перепроверены. Другой важный факт – качество агентуры. Ведь все мероприятия политорганов по разложению войск противника проводились (насколько это возможно) в тайне от Красной Армии. Например, тот же самый допрос военнопленных. Еще интересная особенность – резкая и аргументированная критика работы политорганов. Обратимся к тексту документа.

«Работой среди войск противника занимаются 7-й отдел Политуправления Калининского фронта и 7-е отделения политотделов армий.

Кроме того, при политотделах дивизий имеются старшие инструкторы по работе среди войск противника, в обязанность которых входит:

а) распространение листовок через разведывательные подразделения;

б) помощь в организации радиопередач, осуществляемых политотделом армии для войск противника;

в) участие в первичных опросах пленных;

г) организация сбора документов о противнике.
Несколько предварительных общих замечаний:

1. Следует отметить, прежде всего, относительно слабый состав работников, ведущих работу среди войск противника.

Если еще во фронте и до некоторой степени в армиях имеются работники, знающие немецкий язык (хотя знание этого языка оставляет желать лучшего), то старшие инструкторы политотделов дивизий из-за незнания немецкого языка занимаются преимущественно организационной работой. Частично выполняемая ими специальная работа проводится только при помощи переводчиков разведорганов.

Кроме того, работники политотдела дивизий по работе среди войск противника зачастую используются не по прямому назначению.

В 250-й сд 31-й армии инструктор Гельфман используется политотделом по выполнению различных второстепенных заданий, а своим участком работы он не занимается.

Инструктор политотдела 5-й дивизии Васин своей непосредственной работой занимается очень мало.

2. Опыт работы среди войск противника изучается еще недостаточно и глубоко не анализируется, что известным образом затушевывает перед самими работниками имеющиеся недочеты.

3. Неудовлетворительно поставлена и организована работа по выяснению результатов от проводимых мероприятий среди войск противника. Эффект работы определяется преимущественно количественными

показателями (сброшено листовок, проведено радиопередач, обнаружено листовок у пленных) либо на основе опроса пленных.

4. Подход к допросам пленных и сам процесс допроса (как в политотделе, так и в разведотделе) не всегда продуманы.

Отсутствуют необходимые при допросах строгость и официальность, создается иногда впечатление, что допрашивающие заискивают перед пленными, а последние пользуются этим обстоятельством, что не может не сказаться на дальнейшей работе с пленными.

Кроме того, у работников 7-х отделов и отделений часто проявляется неправильная тенденция «перехватывать» военнопленных для политического опроса и обработки раньше, нежели пленные прошли опрос по линии разведотдела.

На практике это приводит к тому, что после опросов в политотделе пленные чувствуют себя развязнее, и работникам разведотдела стоит иногда большого труда получить необходимые данные о противнике.

Поэтому вопрос о подходе к пленному для его политической обработки имеет большое значение.

По существу работы среди войск противника необходимо отметить следующее:

1. Использование военнопленных для составления воззваний и обращений.

Военнопленные часто используются для составления воззваний и обращений.

После проведения политического опроса отбираются наиболее подходящие для этой цели пленные. Многие из них довольно охотно идут на составление обращений, но в данном случае ими руководит чувство страха и боязни репрессий по отношению к ним. Как правило, первичный текст обращения, составленный пленным, необходимо кардинально менять. Из 257 пленных, пропущенных политотделом 22-й армии, только 9 человек отказались

писать обращение. Однако более или менее удовлетворительно написано 63 воззвания, а для распространения среди солдат немецкой армии утверждено было 3.

Обычно составление листовок и обращений пленными проходит при непосредственной помощи работника политотдела. В ряде случаев воззвания и обращения направлены к определенной воинской части или подразделению, в котором служил пленный.

Отмечаются случаи, когда пленные, давая согласие на составление или подписание обращения, заявляют: «Дайте нам обжиться, осмотреться, потом напишем», или: «Мы напишем в лагере военнопленных».

Работа с пленными для составления воззваний ведется только на фронте и частично в 22-й армии. В остальных армиях этот участок работы не налажен. В дивизиях он отсутствует вовсе.

Неудовлетворительно поставлено это дело в 3-й ударной армии. Политотдел армии жалуется на отсутствие печатного немецкого шрифта, что лишает их возможности на месте использовать пленных для составления обращений.

К числу недочетов в работе по использованию пленных для составления воззваний необходимо отнести увлечение иногда общими в листовках рассуждениями. Работники политотдела не всегда учитывают, что такое обращение (написанное пленным при содействии переводчика) не достигает необходимого эффекта.

В 22-й армии листовки, написанные пленными при помощи инструкторов, громоздки, они не всегда направлены той части, откуда пленный. В воззваниях большое количество лозунгов.

Крайне недостаточно используются в обращениях и воззваниях, составленных пленными, различные отрицательные явления из жизни их части, факты, разоблачающие деятельность офицеров, и т. д., но зато

нередко в воззваниях повторяются такие общие выражения, как «капиталистическая банда» или «империалистическая клика».

2. Выступления по радио на позициях солдат немецкой армии.

На Калининском фронте имеются две мощные звуковещательные станции с радиусом действия от 3 до 3,5 тысячи метров и одна маломощная станция с радиусом действия 700–800 метров. Эти станции закреплены за 29, 39 и 22-й армиями. Остальные армии (30, 31, 3 и 4-я) звуковещательных станций не имеют.

Имеется только один звукозаписывающий аппарат в 29-й армии. Нет звукомашины, хотя бы окопного типа. Радиопередачи проводятся нерегулярно. В 22-й армии с 1 января по 20 февраля с.г. было организовано 308 передач, зато в октябре, ноябре и декабре прошлого года радиоустановка фактически не использовалась, исключая случайных выездов на позицию при наличии благоприятных подъездных путей. Радиоустановка в 22-й армии, имеющая радиус действия 700–800 метров, по заявлению работников политотдела, вообще трудноиспользуема, особенно во время минометного, пулеметного или артиллерийского обстрела. В 29-й армии, где имеется мощная установка, за период ноябрь – январь была организована только 21 передача.

Таким образом, даже имеющиеся радиосредства используются крайне недостаточно, а прикрепление их к армиям не дает возможности маневрировать ими на других участках фронта.

Программа выступления утверждается политотделом армии и включает в себя: немного музыки, выступление пленного, захваченного на данном участке, или выступление пленного, записанное на пластинку.

Практикуется также передача диктором обращения пленного, однако большого успеха это не имеет, так как диктор обычно очень плохо знает немецкий язык.

Использование самих пленных для выступления по радио также крайне недостаточно. Правда, в ряде случаев это объясняется тем, что не всегда имеются пленные. В 29-й армии в проведенных 21-й передаче лично выступило только 5 пленных. Остальные передачи осуществлял диктор, читавший текст обращения военнопленных.

(...)

Важнейшими недостатками являются отсутствие штатного персонала, обслуживающего радиоустановку, равно как и отсутствие штатного диктора; отсутствие твердого плана использования имеющихся радиоустановок; отсутствие патефонов с адаптером, которые можно было бы с успехом применять в условиях обороны, и, наконец, децентрализации имеющихся радиосредств.

Политотделы 30, 31 и особенно 3 и 4-й армий считают отсутствие радиоустановок самым крупным недочетом.

(...)

3. Распространение листовок, брошюр, газет среди солдат противника.

Распространение печатной агитационной литературы происходит при помощи авиации, разведки и партизан. Распространяется литературы довольно большое количество: в 22-й армии за период военных действий распространено до 3 миллионов экземпляров; в 29-й армии с августа по январь распространено свыше 2,5 млн экземпляров; в 3-й ударной армии с 16 января по 25 февраля распространено до 500 тыс. экземпляров.

Основная масса литературы распространяется путем сбрасывания с самолета (до 70 %). Остальная литература направляется в армии для распространения через партизан, войсковую разведку и отдельные части, действующие в тылу противника.

(...)

Установлены факты, когда листовки не достигают цели и часть из них попадает на нашу сторону (так было в Торжке и Кувшиново). В феврале летчики неумело сбрасывали листовки под г. Велижем (4-я ударная армия), в результате чего большое число их не попало на территорию, занимаемую противником.

(...)

Распространение литературы и листовок через партизан происходит непосредственно в армиях и дивизиях.

(...)

Значительно больше распространено литературы через войсковую разведку, группы лыжников.

В 22-й армии таким путем за период военных действий распространено 1 млн 754 тыс. экз., в 29-й армии – 1 млн 375 тыс. экз.

(...)

По вине политотделов армий слабо организован контроль за продвижением листовок по всем базам, вплоть до их прямого назначения. Мало того, полученные политотделом 5-й сд (31-я армия) в феврале 10 000 листовок (сообщение Информбюро, вести о советской Родине, нота тов. Молотова и др.) в течение нескольких дней лежали на базе НПО дивизии, а уходящие в тыл противника разведчики не получали их.

О том, к чему иногда приводит несерьезное отношение к этому делу, свидетельствует такой факт.

Во второй половине января с. г. политотдел 332-й сд (4-я армия) получил на немецком языке литературу для распространения среди немецких войск в тылу. Однако в 1119-м сп, куда отправили эту литературу, не разъяснили ее предназначения, и она была отправлена обратно как «трофейная», так как ее сочли за фашистскую литературу.

(...)

Основные недостатки в деле издания и распространения листовок и газет сводятся:

1. Громоздкость некоторых листовок по формату, что затрудняет немецкому солдату ее читать и прятать: «Ваша листовка «фронтиллюстриртэ» очень хорошая, но она слишком большая по формату и ее трудно хранить».

2. Неумелое подчас сбрасывание листовок: «Ваши самолеты больше сбрасывают листовки над лесами и пустырями, а не над местами скопления войск».

3. Неконкретность некоторых листовок, заполненных общеполитическими рассуждениями: «В листовках необходимо давать не одну голую пропаганду, а побольше фактов и сравнений, например, солдатам очень понравилась листовка с противопоставлением речи Гитлера в связи с заключением договора о дружбе с СССР в 1939 году и его нотой по поводу нападения на СССР. Листовка, обращенная к немецкой матери, и т. д.»

4. Отсутствие фотографий и схем, вследствие чего листовка не привлекательна по своему внешнему виду. Между тем ряд пленных заявляют, что листовки, в которых помещены фотографии, вызывают большой интерес.

5. Наконец, что самое важное, язык наших листовок, и особенно немецкой газеты Калининского фронта «Фельдцейтунг», не является доходчивым. Здесь недоучитывается круг читателей, не используется специфика солдатского языка в условиях боевых действий, а объясняется это, главным образом, слабым знанием немецкого языка со стороны лиц, составляющих листовку.

(...)

Предложения по улучшению работы среди войск противника:

1. Укрепить как можно скорее 7-е отделы и отделения квалифицированными работниками, понимающими это дело и, главное, знающими язык.

2. Систематически обобщать опыт работы среди войск противника для того, чтобы исправить имеющиеся недостатки.

3. Упорядочить дело опроса пленных, имея в виду проведение сначала опроса по вопросам разведки, затем по политическим вопросам и только после этого заняться обработкой пленного.

4. Использовать для составления листовок в качестве переводчиков самих немцев из числа пленных. (Тщательно проверив их.)

5. Обеспечить соответствующую техническую базу для работы (цинкография, фото, радиовещательные станции, звукозаписывающая аппаратура, окопные громкоговорители).

Сконцентрировать радиопередающие средства при Политуправлении фронта для маневрирования ими на различных участках фронта в зависимости от оперативно-тактической обстановки.

6. Использовать самолеты У-2 и Р-5 для сбрасывания листовок и литературы в ночное время в самом ближайшем тылу противника.

7. Практиковать выпуск листовок от имени подпольных немецких организаций (католические союзы, солдатские организации, молодежные группы, группы социал-демократов и т. д.) с тем, чтобы создать большую уверенность немецких солдат в наличии в стране серьезных оппозиционных течений против гитлеровского режима.

8. Предоставить возможность политотделам армий издавать листовки оперативного и политического характера, имеющих непосредственное отношение к участкам фронта, занимаемых армией.

9. В разведподразделениях, особенно проникающих в более глубокий тыл противника, создать агитгруппы, которые будут заниматься главным образом распространением литературы.

10. Дифференцировать издание листовок для различных групп немецких солдат (для сочувствующих фашизму, для антифашистски настроенных и для основной массы, которая, придерживаясь в известной степени фашистских взглядов, недовольна войной).

11. Практиковать серьезную и глубокую обработку пленных (применяя и вербовку) для направления их обратно на сторону противника с единственной задачей – проводить агитацию среди немецких солдат за переход на нашу сторону. (Это мероприятие на нашем фронте вовсе не практикуется.)

12. Более широко использовать через партизан и войсковую разведку местное население для распространения листовок.

13. Проводить более интенсивную деморализацию войск противника, используя для этого все возможные и доступные средства, и особенно листовки оперативного характера»^[70].

Во время Сталинградской битвы

Сотрудники Особых отделов Сталинградского, Донского и Юго-Восточного фронтов информировали военное командование, руководство НКВД и НКО по таким группам вопросов:

о ходе войсковых операций в районе города и на его окраинах;

описания ущерба от налетов вражеской авиации;

переселение гражданского населения из районов прифронтной полосы;

гарнизонах войск НКВД в городах, освобожденных от войск противника;

зверствах фашистов на оккупированной территории^[71].

В качестве примера доклада военных контрразведчиков процитируем сообщение Особого

отдела Сталинградского фронта в ГКО и Генштаб Красной Армии, которое датировано 29 августа 1942 года.

«В течение 25 и 26 августа с.г. части северной группировки войск Сталинградского фронта вели упорные бои по уничтожению 3-й мехдивизии и 16-й танковой дивизии противника, прорвавшихся к Волге севернее Сталинградского тракторного завода (у Городище), и к исходу 26 августа заняли Ерзовку и Рынок.

Северная группировка, развивая успех в южном направлении, к вечеру 26 августа вышла в район действий южной группировки, но, не установив с ней живую связь, подвергла ее в некоторых местах обстрелу. В свою очередь, также подверглась ответному обстрелу со стороны южной группировки. «Военные специалисты считают, что положение Сталинградского фронта и самого Сталинграда значительно улучшилось, что группировка противника в указанном составе в основном уже уничтожена и из окружения войска противника не выйдут».

«Частям северной и южной группировок на 27 августа поставлена задача - установить живую связь между собой и отдельными частями, уничтожить окруженные и разрозненные группы противника, а основным силам начать наступление по уничтожению противника в западном направлении.

Для установления связи между северной и южной группировками и организации между ними взаимодействия в район действия направлен офицер связи самолетом.

Плохая организация взаимодействия имела место и на других участках фронта. Например, 23 августа на рассвете части 21-й армии и 3-го гвардейского корпуса должны были совместно наступать в южном направлении, но в связи с тем, что приказ штаба фронта

3-м гвардейским корпусом был получен только в 10 часов, наступление корпуса 23 августа не состоялось и части 21-й армии вели наступление одни, из-за чего 304-я стрелковая дивизия понесла большие потери.

В ночь на 27 августа штаб фронта поставил задачу авиации – подвергнуть бомбардировке скопление войск противника в балке Сухая Мечеть (северо-восточнее 5 км Городище), где оказались наши части из 148-й танковой бригады.

На правом фланге Сталинградского участка фронта в течение 26 августа 63-я армия продолжала успешно продвигаться вперед и своим правым флангом выдвинулась от реки Дон на юг до 30 км. В течение 26 августа противник в районе Калач продвинулся на восток до 20 км и занял Камышин, Нижне-Гниловский, Песков, Лучку, Вертячий, и бои идут на западной окраине Верхне-Гниловского.

25 августа на участке 4-й танковой армии задержано 5 немецких разведчиков, окончивших Полтавскую разведшколу. В своей принадлежности к немецким разведорганам сознались.

На участке Юго-Восточного фронта к утру 27 августа противник активности не проявлял. Ведет перегруппировку своих сил в районе Детники и разъезда 55 км с целью наступать на Красноармейск. По разведанным, противник в указанном районе имеет до 200 танков.

Наши части под командованием полковников Макаруча и Зубкова ведут успешные бои в тылу противника, в направлении на станцию Шустова. Противник на этом участке отступает».

Все части Сталинградского фронта ощущают исключительно острую нужду в снарядах. Дальнейший успех на фронте в значительной степени будет зависеть от получения боеприпасов. По имеющимся данным, 26

августа из Камышина на Волгу прибыл один эшелон боеприпасов, что крайне недостаточно.

Прошу оказать содействие в доставке нашему фронту боеприпасов»^[72].

Также следует отметить, что военные чекисты продолжали информировать командование Красной Армии и руководство страны о выявленных недостатках в сфере организации обороны и низкой боеготовности отдельных частей и соединений. Так, начальник Особого отдела НКВД Сталинградского фронта Николай Николаевич Селивановский сообщил в ГКО, что Сталинград не был подготовлен к обороне, укрепления на улицах заблаговременно не сделали, никаких складов с боеприпасами, медикаментами, продовольствием в землю зарыто не было^[73].

В другом сообщении от начальника Особого отдела НКВД Степного фронта Селивановского сообщалось «о недочетах в боевых действиях 23-го танкового корпуса за период с 1 по 10 июля 1942 года». Основные из них, по мнению автора документа:

«Беспрерывная переброска частей 23-го танкового корпуса с одного рубежа на другой, неправильное использование их в бою изматывали материальную часть, не достигая цели.

За 10 дней части корпуса совершили марш общей сложностью до 300 километров.

(...)

Не менее серьезно отразилось на боевой деятельности 23-го танкового корпуса и то, что командир корпуса полковник Хасин своим крайне нетактичным поведением по отношению к командному составу, запугиванием их расстрелом, снятием с должности и т. д. потерял всякий авторитет среди личного состава.

(...)

Полковник Хасин своим поведением крайне отрицательно влияет на личный состав штаба корпуса, 7.7.1942 года начальника штаба корпуса полковника Волконского довел до такого состояния, что он хотел застрелиться, а также незаслуженно снимает с работы военнослужащих из числа личного состава штаба корпуса, в частности работника по снабжению капитана Камедина и других»^[74].

Можно процитировать другой документ аналогичной тематики, который подготовил Особый отдел НКВД того же Степного фронта. Он посвящен «недочетам, выявленным в ходе боевых действий в частях 4-й танковой армии за период с 20 августа по 7 сентября 1942 года». Докладная записка датирована 20 сентября 1942 года. В ней, в частности, сообщалось, что:

«...имеют место серьезные недочеты в руководстве операциями со стороны командования частей и соединений армий.

Штаб армии частями и соединениями руководит неоперативно; отмечены неоднократные случаи, когда издаваемые штабом армии приказы в течение одного дня по несколько раз отменяются и заменяются новыми.

(...)

Плохо организовано взаимодействие между частями и родами войск.

(...)

Имеются факты бомбардировки частей своей авиацией. Так, части 37-й гвардейской стрелковой дивизии и 118-го гвардейского стрелкового полка с 21 на 22 и с 22 на 23 августа были подвергнуты бомбардировке своей авиации, в результате чего в частях имеются убитые и раненые.

Штаб армии и действующие части не занимаются постоянной разведкой сил противника, в результате чего не знают, какие части им противостоят, количество

частей, не знают, какую задачу ставит противник, вообще не имеют о противнике никаких сведений.

(...)

Части совершенно мало уделяют внимание разведке.

(...)

За время боевых действий отмечен целый ряд фактов проявления трусости со стороны командно-начальствующего, а также рядового состава.

Например:

1) 23 августа с.г. противник под прикрытием авиации прорвал линию обороны 4-го и 166-го стрелковых полков, которые в беспорядке стали отходить.

Командир 4-го полка майор Яров и военком батальонный комиссар Сергеев, вместо организации планомерного отхода, бросив полк, бежали с поля боя.

2) Командир 116-го стрелкового полка майор Козин, военком батальонный комиссар Беликов и начальник штаба полка капитан Тищенко также бежали с поля боя, причем на КП полка оставили сов. секретные документы и кассу полка.

3) 15 августа с.г. огневые позиции артполка 22-й истребительной бригады подверглись бомбардировке противника.

Командир полка майор Чирков и военком Петров, проявив трусость, бежали с поля боя. Полком никто не руководил...»^[75]

На Курской дуге

Во время подготовки и непосредственного проведения битвы на Курской дуге военным чекистам, кроме информирования командования о ходе боев, недостатках в управлении частями и соединениями Красной Армии, приходилось еще следить и за соблюдением режима секретности при подготовке

наступления на Курской дуге. В этой связи процитируем один документ – спецсообщение Виктора Абакумова Иосифу Сталину о причинах расконспирации предстоящих наступательных операций на участке Брянского фронта. Вот текст этого документа:

«По сообщению Управления «Смерш» Брянского фронта, проводившаяся в мае и в июне с.г. подготовка к наступательным действиям на участках 61-й и 63-й армий была проведена без достаточного соблюдения военной тайны и маскировки при сосредоточении войск, что дало возможность противнику догадаться о проводимых нами мероприятиях на этом участке фронта.

Так, например, начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, будучи осведомлен о подготовке операции по прорыву обороны противника на участке армии и предупрежден командованием фронта о соблюдении строжайшей тайны, сообщил об этом некоторым командирам, в том числе подполковнику Лазареву и майору Сергиевскому.

4 мая с.г. на участке прорыва Егоров организовал военную игру «Наступление» с начальниками артиллерии дивизий и командирами артполков. Для разработки плана прорыва обороны противника Егоров привлек весь оперативный отдел штаба армии, в том числе машинистку Домнину и чертежника Афонина.

27 мая с.г. Егоров раздал план наступления командирам корпусов, бригад и артиллерийских полков.

Несмотря на указания командования фронта не выводить на огневые позиции прибывающие вновь артиллерийские части и не усиливать артиллерийского огня на участке армии, Егоров приказал командирам артиллерийских частей занять огневые позиции и произвести пристрелку одним орудием от батареи.

В результате пристрелки орудий на участке армии образовался массивный артиллерийский огонь.

Это дало возможность противнику догадаться о мероприятиях наших частей, так как вслед за этим он повел большие огневые налеты по нашим участкам огневых позиций.

Сосредоточение войск в районе намеченных действий проходило без достаточной маскировки. Остатки колонн и большое количество транспорта двигались в район сосредоточения днем, что демаскировало расположение наших войск.

Подготовительные мероприятия, рекогносцировка местности, подготовка огневых позиций проводились без достаточной скрытности, что дало возможность противнику, как это установлено радиоперехватом, обнаружить значительное количество нашей артиллерии и огневых позиций.

Так, радиоперехватом зафиксировано, что в период с 29 мая по 6 июня с.г. авиаразведка противника на участке Гудовищи - Поляны - Тшлыково (севернее Мценска) обнаружила 62 артиллерийских и 30 минометных позиций. В районе Задушное - Новосель авиаразведка противника обнаружила 17 артиллерийских батарей.

В мае с.г. на участке Новосель - Орловка - Гвоздяное противник обнаружил 5 наведенных мостов через р. Зуша.

В частях 2-го артиллерийского корпуса рекогносцировочные работы и работы по оборудованию инженерных сооружений проводились без маскировки. Противник, воздушной разведкой обнаружив подготовку некоторых работ и оживление работы на переднем крае обороны корпуса, произвел бомбометание наших артиллерийских позиций, повредив 11 орудий.

Кроме того, арестованные при переходе на нашу сторону агенты германской разведки, а также захваченные в плен нашими войсками немцы показали,

что противнику стало известно о подготовке наступления наших войск на участке 61-й и 63-й армий.

Так, арестованный 29 мая с.г. при переходе линии фронта на нашу сторону агент немецкой разведки Стрелков показал, что среди немецкого командования и солдат идут разговоры, что русские готовят наступление, о чем рассказывают сами русские, захваченные немцами в плен.

Фельдфебель 110-го пехотного полка 112-й пехотной дивизии германской армии Кронсуэр, взятый в плен нашими войсками в июне с.г., показал:

«В отношении наступления частей Красной Армии на данном участке я слышал от ротного командира Рейнгольца, который сообщил солдатам, что в начале июня с.г. были захвачены два солдата русской армии, которые сообщили немецкому командованию, что части Красной Армии ведут подготовку и ожидайте наступления.

Кроме того, Рейнголец сообщил, что самолет «Фокке-Вульф» на территории частей Красной Армии обнаружил новые огневые позиции артиллерии и большое передвижение войск на этом участке».

Старший ефрейтор той же дивизии Пауль Гунтер на допросе сообщил:

«Командир взвода лейтенант Мендель объявил солдатам, что примерно в начале июня с.г. на данном участке нужно ожидать наступления русских, так как самолет-разведчик обнаружил большое скопление русской артиллерии и усиленное передвижение войск.

Среди солдат шли разговоры, что со стороны русских в районе Большая Каргашенка перешел перебежчик, который сообщил о готовящемся наступлении русских на этом направлении»^[76].

На Дальнем Востоке

Военные чекисты активно действовали не только на передовой и в прифронтовой полосе, но и в глубоком тылу, например, на Дальнем Востоке. Хотя назвать этот регион мирным – сложно. В любой момент там могла начаться советско-японская война. Выше мы уже рассказали о том, как в тридцатые годы прошлого века Москве с помощью серии спецопераций удалось охладить воинственный пыл Токио. Несмотря на это, угроза для Советского Дальнего Востока продолжала оставаться. Именно поэтому военные контрразведки внимательно следили за боеспособностью Тихоокеанского флота (ТОФ) и регулярно сообщали Военному совету ТОФ «по самым актуальным вопросам жизни флота». Всего за годы войны было передано 218 спецсообщений, из них:

- об антисоветских и аморальных проявлениях в частях флота – 15;

- о недочетах боевой готовности частей – 39;

- о недочетах формирования и отмобилизовывания частей – 15;

- о недочетах хранения боезапаса и другого военного имущества – 20;

- о ходе выполнения приказа Наркомата ВМФ № 0200 по ведению секретного делопроизводства – 11;

- о ходе выполнения приказа Наркомата ВМФ № 0739 об улучшении связи на военное время – 2;

- о неправильном строительстве военных объектов – 4;

- о необеспечении частей вооружением и другими видами имущества – 3;

- о подмене воспитательной работы репрессиями – 2;

- о неудовлетворительном хранении бактериологических культур в ветлаборатории ТОФ – 1 [\[77\]](#).

На страже военной тайны

Среди мифов, связанных с эпохой Иосифа Сталина, есть и такой. За утрату документа, содержащего государственную тайну, человека могли отправить на много лет в ГУЛАГ или расстрелять. Поэтому проблем с соблюдением требований секретного делопроизводства не возникало, и агенты иностранных разведок, при всем своем старании, не могли бы украсть секретные бумаги^[78]. Если говорить об отечественном атомном проекте, который возглавлял Лаврентий Берия и отвечал в т. ч. за соблюдение всех требований режима секретности, то это утверждение верно. Взрыв первой советской бомбы был шоком для западных разведок. А вот утверждать то же самое в отношении штабных подразделений Красной Армии во время Великой Отечественной войны сложно. Факты свидетельствуют об обратном. В ходе плановых проверок военные чекисты обнаружили множество грубейших нарушений элементарных требований секретного делопроизводства. Если бы в одном из этих подразделений служил агент немецкой разведки, то нанесенный им ущерб был бы колоссальный. Другое дело, что «особисты» смогли предотвратить проникновение агентуры противника в советские штабы. О противоборстве Москвы и Берлина в тайной войне написано очень много, поэтому мы не будем останавливаться на этой теме, а расскажем о том, как штабные офицеры Красной Армии во время Великой Отечественной войны вольно или невольно становились пособниками врага.

Проверки, которые провели сотрудники Лубянки в первые месяцы войны, выявили многочисленные нарушения в организации криптографической службы в центре и на местах. Результаты этих мероприятий были отражены в различных документах. Например, в докладной записке членов комиссии НКГБ СССР наркомом госбезопасности СССР о результатах проверки

охраны помещений и хранения военно-оперативных документов в Генштабе РККА (датирована 30 июня 1941 года) и Директиве НКВД СССР № 271 от 8 октября 1941 года, а также в приказах НКО СССР №№ 375, 0281, 0422 о недостатках в работе по приему и передаче шифротелеграмм^[79].

Вот что, например, сообщалось в докладной записке: «29 июня 1941 года была проверена охрана помещений и хранения военно-оперативных документов в Генеральном штабе Красной Армии.

Проверке были подвергнуты: Оперативное управление (Оперативный пункт, общая часть, восьмой отдел (шифровальный). – *Прим. авт.*) и узел связи, как места наибольшего сосредоточения важных секретных военно-оперативных документов.

В результате проверки были установлены следующие недостатки в охране, хранении и учете документов, способствующих разглашению военно-оперативной тайны:

а) По Оперативному управлению.

Ведение секретного военно-оперативного делопроизводства, контролем за прохождением военно-оперативных документов и их хранение в Оперативном управлении занимается общая часть.

Проверкой установлено, что работа общей части ОУ (Оперативного управления. – *Прим. авт.*) не налажена и сохранность проходящих через нее документов не обеспечена.

1. Дела с расшифрованными военными телеграммами, хранящимися в оперативном пункте, надлежащим образом не оформлены, то есть не имеют внутренней описи содержащихся в них шифротелеграмм и хранятся в столе, доступ к которому без надобности имеют шесть человек.

2. В машинописном бюро Оперативного управления нет твердого установленного порядка, определяющего

печатание, размножение и учет оперативных документов и уничтожение черновых материалов и копировальной бумаги.

Так, черновики военно-оперативных документов после печатания с них в машинописном бюро возвращались исполнителю, коими они безучастно и единолично уничтожались без участия представителей общей части ОУ.

Копировальная бумага только однократного использования не учитывается и была обнаружена в большом количестве с ясными оттисками на ней секретных военно-оперативных текстов. Кроме того, в корзинке машинописного бюро были обнаружены на две и четыре части порванные особо важные военно-оперативные документы (оперативная сводка, запись телефонных разговоров, приказ Ставки Главного командования о формировании военных соединений и т. п.), попавшие туда как испорченные или лишние экземпляры.

Указанные выше недостатки в делопроизводстве Оперативного управления следует отнести за счет бездеятельности и отсутствия должного контроля за сохранностью документов со стороны начальника общей части ОУ майора Антонцева Г.А.

Что касается восьмого (шифровального) отдела Оперативного управления, то там существенных недостатков в обработке, прохождении, учете и хранении шифрованных военно-оперативных телеграмм не обнаружено, за исключением того, что отделом иногда принимаются тексты шифротелеграмм, написанные не от руки исполнителями, а отпечатанные в нескольких экземплярах в машинописном бюро.

Таким образом, с содержанием отправляемых телеграмм без надобности знакомятся машинистки.

Существенным недостатком в работе восьмого отдела является то, что он продолжает работать

в условиях, выработанных мирным временем, а именно: обработка, учет и хранение военно-оперативных шифрованных телеграмм по связи с фронтами не отделены от остальной работы отдела. Эти телеграммы учитываются в общем журнале, обрабатываются всеми шифровальщиками, хранятся в общих помещениях и общих столах с остальной перепиской и, теряясь в общей переписке, особо не контролируются.

б) По узлу связи.

Узел связи НКО занимается отправкой и приемом по телеграфу и радио шифрованных и открытых фронтовых сообщений и осуществляет связь с округами. Нарушений в прохождении, учете и уничтожении обработанных входящих и исходящих сообщений не установлено.

Служебные помещения общей части, оперпункта и восьмого отдела Оперативного управления, а также узла связи в основном соответствуют своему назначению с точки зрения хранения в них военно-оперативных документов, но недостаточно по площади, в связи с чем работа производится скученно.

Соответствующими столами и хранилищами эти помещения обеспечены.

Следует отметить, что Генштаб, в том числе и указанные выше объекты, не располагают резервными площадями при передислокации или переходе в другое помещение (укрытие) для работы в случае необходимости.

Охрана Генерального штаба, как внешняя, так и внутренняя, не усилена и в основном оставлена в том виде, как она существовала в мирное время.

Пересылка по городу оперативных документов из Генштаба в другие пункты производится обычным порядком через фельдсвязь без вооруженной охраны.

В целях устранения обнаруженных при проверке недостатков хранения военно-оперативных документов

и охране помещений Генерального штаба считаем необходимым:

1. Оформить дела военно-оперативных телеграмм, хранящихся в общей части Оперативного управления, и сократить круг лиц, соприкасающихся с этими делами, с шести до двух человек.

2. Установить твердый порядок в машинописном бюро по печатанью и размножению оперативно-военных документов и уничтожению черновиков и копировальной бумаги.

Уничтожение черновиков, лишних и испорченных экземпляров копировальной бумаги производится по акту в присутствии старшей машинистки и представителя общей части Оперативного управления.

3. Запретить размножать в машинописном бюро тексты исходящих шифрованных телеграмм, направляемых в 8-й отдел на зашифрование.

4. Выделить прием, обработку, отправку, учет и хранение фронтовых документов военно-оперативных документов и взять их под особый контроль.

Ответственность за проверку исполнения возложить на 5-й Отдел НКГБ СССР.

5. Ключи от хранилищ и столов хранить в опечатанном виде в одном столе под особой охраной.

6. Усилить внешнюю и внутреннюю охрану Генерального штаба, возложив внутреннюю охрану на 1-й Отдел НКГБ, а внешнюю – на НКО.

Особенно усилить охрану Оперативного управления, шифровального отдела и узла связи.

7. Организовать охрану командиров штаба при доставке военно-оперативных документов Генштаба в иные пункты города.

8. 3-му Управлению НКО (военная контрразведка. – *Прим. авт.*) срочно провести дополнительную спецпроверку лиц, соприкасающихся с особо важными

документами. Лиц с компрометирующими моментами немедленно отвести.

9. За бездеятельность и не обеспечение порядка в работе начальника общей части майора Антонцева с указанной должности снять...»^[80]

Вопреки распространенному мнению о звериной жестокости чекистов, виновный не понес серьезного наказания. Его лишь перевели на должность исполняющего обязанности начальника отдела укомплектования штаба Центрального фронта. Затем он воевал на Брянском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах, занимая различные должности в штабах. Уволен в запас в 1946 году в звании подполковника.

В Директиве НКВД СССР № 271 «О мероприятиях по устранению недостатков в работе шифровальных органов и предотвращению разглашения военной тайны» подводились итоги «обследования состояния работы шифровальных отделов фронтов» Управлением Особых отделов НКВД СССР. В результате были выявлены: «наличие ряда существенных недостатков в шифровальной работе:

1. До сих пор имеет место нарушение правил сохранения военной тайны: плохо хранятся шифровальные телеграммы, с шифротелеграмм снимаются большое количество копий без учета их выдачи, значительное количество шифротелеграмм утеряно. Ответственными штабными работниками продолжается практика ведения открытых переговоров по телеграфу и телефону с передачей при этом совершенно секретных сведений.

2. Отсутствует надежный инструктаж молодых шифроработников. Как следствие, многие работники, попав в затруднительное положение (паническое отступление, угроза окружения противником и т. п. –

Прим. авт.), бросали шифродокументы, которые доставались противнику»^[81].

Факты, зафиксированные в этом документе, свидетельствуют о том, что в первые месяцы войны армейская криптографическая служба оказалась дезорганизованной. И в этом вина не чекистов, а командования Красной Армии. Именно оно не смогло организовать эффективную работу штабных подразделений. От крупных поражений нас спас стремительный характер боевых действий. Часть приказов советского командования устаревала через несколько часов после вступления в силу. Нужно еще учитывать и тот факт, что большинство частей испытывали проблемы с организацией радиосвязи. Постоянно находясь под угрозой окружения противником, они были вынуждены уничтожать шифродокументы и, как следствие этого, не могли поддерживать регулярную связь со Ставкой. Снова вернемся к тексту документа.

«В целях обеспечения надежной работы шифровальной связи и охраны военной тайны предписывалось:

...2. Выделить в каждом особом отделе из числа обслуживающих штаб, на которого персонально возложить ответственность за обслуживание шифроотделов и наблюдение за сохранностью шифров (мера карательного характера, но вынужденная. – *Прим. авт.*)

3. Производить тщательные расследования и отдавать под суд виновных в оставлении шифродокументов противнику, утере и разглашении содержания шифрованных телеграмм.

В соответствии с Приказом НКО СССР № 0243 обеспечить через ВЦ (военная цензура. – *Прим. авт.*) строгий контроль за ведением открытых переговоров по телеграфу, телефону и радио, не допуская открытой

передачи материалов и сообщений, имеющих характер военной тайны...»^[82]

Описанные выше проверки чекистами о выполнении требований шифродисциплины в Красной Армии также распространялись и на другие структуры. Лубянка контролировала всех, в т. ч. и саму себя.

Даже в 1944 году военные чекисты продолжали фиксировать многочисленные нарушения режима секретности и собственными силами решать проблемы, связанные с несовершенством системы «закрытой» связи. Так, «существующая система работы наших раций – неустойчивость наших кодов, состоящих из двух-, трех-, четырехзначных цифр, неполная зашифровка радиogramм, а иногда передача их сначала открытым, затем кодированным текстом, к тому же нарушения скрытого управления войсками из-за отсутствия надлежащего контроля за работой раций дают возможность немецкой разведке легко расшифровать наши радиogramмы, тем самым в руки противника попадают ценные сведения о мероприятиях нашего командования».

Поэтому предлагалось:

усилить агентурное обслуживание радиостанций;
выявлять с помощью агентуры все факты «болтливости радистов, длительное пользование одним и тем же кодом, использование известных немцам условных наименований, передача одних и тех же радиogramм кодированным, а затем открытым текстом и т. п. По всем фактам немедленно информировать командование, а злостных нарушителей привлекать к уголовной ответственности»;

проверить всех «радистов и военнослужащих, соприкасающихся с работой раций... лиц, не внушающих доверия, по согласованию с командованием от работы отстранить». Также предписывалось «убрать из радиостанций всех лиц, бывших в плену и в окружении

противника, а в дальнейшем подобных фактов не допускать»[\[83\]](#).

Хотя следить нужно было не только за радистами и рядовыми военнослужащими, но и командирами Красной Армии. Так, военные чекисты 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта зафиксировали множество случаев, когда «отдельные командиры частей и соединений, а также офицеры штабов, разговаривая по телефону открытым текстом, разглашают замыслы командования, состояние и дислокацию воинских частей 4-й ударной армии...»[\[84\]](#)

Глава 5

Мифы и правда о загранотрядах

Сейчас издано достаточно много мемуаров ветеранов военной контрразведки, которые уже в первые месяцы войны служили в Особых отделах. Они ценны тем, что в них описана реальная работа военных чекистов. То, что при всем желании не смогут воспроизвести создатели многочисленных романов и телесериалов.

Начало войны глазами военного чекиста

Хотя есть еще более ценный источник информации – дневники сотрудников Особых отделов. Разумеется, их очень мало. На войне, особенно в первый год, было не до мемуарного жанра. Да и сама специфика службы приучила к тому, что ничего нельзя доверять бумаге. Слишком велик риск того, что дневник попадет в руки врага или на глаза начальству. Ниже опубликованы выдержки из дневника начальника Особого отдела 50-й армии Брянского фронта майора Ивана Савельевича Шабалина. С одной стороны, его служебное положение позволяло ему каждый день выкраивать несколько минут, чтобы сделать очередную запись. С другой стороны, он видел общую картину того, что происходило на фронте и в 50-й армии.

«27.8.1941 г.

Прибыли на место назначения в деревню Вышковичи, близ г. Брянска. Расквартировались в сельхозтехникуме.

(...)

29.8.1941 г.

Принял дела. Аппарат бежит. Противник предпринимает налеты на г. Брянск. Стучат пулеметы

и зенитки. Самолеты немцев безнаказанно улетают. наших ястребков пока что не видно.

(...)

6.9.1941 г.

Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают.

(...)

30.9.1941 г.

Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь состав армии подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность на фронте, отсиживание в окопах деморализуют красноармейцев. Появляются случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Противник ведет слабый минометный огонь. Он укрепляет передовые позиции отлично. Мы живем в землянке. Бывает немного холодно, особенно по утрам.

Вчера, 29.9.1941 г., меня вызывал командующий армией на командный пункт. Был чрезвычайно интересный разговор о политико-моральном состоянии войск и наших мероприятиях. Ночью я возвратился в свою землянку, без света, в ужасной темноте. Я возвратился очень расстроенным. Дела идут плохо. Знает ли Москва действительное положение на фронте?

На пути через колхозные поля видно много хлеба, собранного в скирды и копны. Сколько добра пропадает! Становится страшно. Некоторые красноармейцы собирают рожь для лошадей. Копают себе картофель и заготавливают дрова.

1.10.1941 г.

Я встал рано утром. Из Москвы прибыли т.т. Тутушкин и начальник Особого отдела фронта Бегма. Это дало хороший толчок. Затем все выехали в дивизию, также и мои два представителя.

В дивизиях дело обстоит неблагоприятно как с нашим аппаратом, так и с командно-политическим составом. Он работает плохо.

Хорошим уроком будет для нас происшедшая катастрофа с 42 красноармейцами в 258-й стрелковой дивизии и подобное же дело с 18 людьми в 217-й стрелковой дивизии. Позорно, что мы проспали и расследование дела не приносит необходимого результата.

Вывод: Положение 50-й армии не блестяще. Она состоит почти целиком из людей, родственники которых находятся в областях, занятых противником.

От нас и от командования требуются жесткие мероприятия. Многие военные инстанции и часть нашего аппарата работают все еще, как в мирное время. Этому благоприятствовало еще и то, что армия почти два месяца находится в обороне и ведет только артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, и то лишь периодически и очень слабо. Ночью люди на передовых позициях обороны спят; немцы выставляют посты и уходят для ночевки в деревню. Это не война, а пародия. Нет никаких активных действий, атак, и из-за этого среди красноармейцев возникают нездоровые проявления. Сегодня я провожал «москвичей». Возвратился в свою землянку и пишу эти строки при свете свечи. Душа болит, настроение отчаянное. Все же нужно положение немедленно восстановить, и это надо сделать любой ценой.

(...)

3.10.1941 г.

Я спал в землянке. Встал в 7.30. Кричат, что прибыл тов. Колесников. Я поехал поэтому во второй эшелон. Мы обменялись мнениями о наступлении противника. Позорно, что враг снова одержал победу, прорвал позицию 13-й армии, занял г. Кромы, находящиеся в 30 километрах от Орла. Отрезает нас. Занял на нашем

участке фронта несколько деревень. В 12.00 мы выехали на участок 258-й дивизии, где провели 2 часа, чтобы затем вечером возвратиться в т. Огонь нашей артиллерии силен, пехота готовится к атаке. Есть приказ возвратить потерянные позиции. Вечером, когда я пишу эти строки, положение еще не прояснилось. Подразделение связи работает плохо. Штаб – то же самое. В тылу сидят трусы, которые уже приготовились к отступлению. О боже, сколько льстецов здесь. К. говорит, что в Орле НКВД уже эвакуируется. Но от нас до Орла еще 150 километров! Что за путаница, что за беспомощность! Если бы была здесь твердая рука! Хорошо продуманный штурм – и немцы побегут без оглядки. Их силы в сравнении с нашей армией видимо истощены, и наше отступление кажется немцам отчасти неожиданностью. Еще 1.10.41 г. у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать безнаказанно Десну в нескольких пунктах.

Однако на участке 258-й стрелковой дивизии наша артиллерия хорошо поработала, и противник оставил на поле боя много убитых и раненых.

4.10.1941 г.

Рано утром я с товарищем К., который прибыл ко мне из деревни т., пошел к Петрову. Мы сидели около 2 часов и обменивались нашими мнениями о ходе немецкого наступления. В 12.00 часов мы выехали в автомашинах в Дятьково. В пути встретили К., начальника Особого отдела 217-й дивизии. Он сказал: «Я ищу командный пункт для 217-й дивизии». Мы дали ему указания. В пути мы встретили также комиссара 217-й дивизии. Он рассказал нам об обстановке, мы мало верили ему. Мы встретили группу красноармейцев и послали ее в дивизию. Положение 217-й дивизии следующее:

2.10.41 г. немцы провели усиленную артиллерийскую подготовку, разбили пулеметные гнезда и позиции наших стрелков, отогнали наши передовые посты и перешли в атаку. Немецкая авиация проявляла деятельность и не давала нашим силам возможность развернуться.

Результат: дивизия разбита. Полк № 766, находившийся на правом фланге, потерян; связь прервана, и никто не знает, где она осталась. От 755-го полка осталось человек 20. Остальные мертвы, ранены или рассеяны. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы были оставлены на произвол судьбы. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3 тысяч человек, и эти также рассеяны. Сегодня немцы не наступают, они только ведут разведку. По-видимому, у них здесь много сил. Здесь нужно было бы теперь наступать, но для этого ничего нет. Две бессильные армии стоят друг против друга, одна боится другую. Вечером: говорят, что Орел горит. Нас обошли. Весь фронт, т. е. 3 армии, попали в клещи, в окружение, а что делают наши генералы? Они «думают». Уже стало привычкой: «Я уклоняюсь от окружения, мы сдаем фронт»... Но нужно сказать, что отдельные участки фронта удивительно устойчивы; это было врагу неприятно. Но, несмотря на это, мы уже наполовину окружены, что будет завтра?

В 22.00 я поехал в лес и говорил с командующим армии – генерал-майором Петровым об обстановке. Он сказал, что фронт не может здесь больше помочь, и спросил меня: «Сколько людей расстреляли вы за это время?» Что это должно означать?

Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может быть, тогда будет легче.

Перспективы войны далеко не розовы, так как противник вогнал мощный клин в наш фронт. Но у нас,

как всегда, потеряли голову и не способны ни к каким активным действиям.

(...)

6. X.1941 г.

В 9.00 утра К. возвратился с фронта. Он говорит, что штаб переехал. Остались военный совет и оперативный отдел. Особый отдел полностью отрезан. Он (К.) возвратился поэтому к нам. К. был там около 2 часов, он говорит, что он едет в штаб фронта. У него болит сердце. Я не советовал ему ехать, затем я ему сказал: «Ну, поезжай, только вечером возвращайся обратно». Мы обменялись затем мнениями относительно сегодняшнего дня. В 15.30 часов сообщили, что танки противника окружили штаб фронта. Происходит стрельба. Затем нет никаких известий из штаба фронта. Около 17 часов танки возвратились в город. Об этом сообщили нам во время обеда. Второй эшелон уехал на велосипедах в деревню Гололобовка. Вечером разведка донесла, что в Брянске 6 танков и 5 или 6 автомашин с пехотой. Брошено 2 полка, чтобы изгнать противника из Брянска. Имеется противотанковое орудие. Пехота 154-й дивизии еще не прибыла. Брянск горит, мосты через Десну не взорваны. Противник проявляет оживленную деятельность. Гвардейский дивизион уехал в распоряжение командира 290-й пехотной дивизии. Паники нет, но состояние нервозное.

В 5 часов. Я остался в землянке, автомашина готова к отъезду. Жаль товарища К. Весьма возможно, что он наткнулся на танки противника. У него было такое предчувствие, и он не находил себе места. Генерал принимает предварительные решения. Ждет указания из Москвы. Взять армию с фронта нельзя, так как слева 3-й и 13-й армии, которые могут попасть в тяжелое положение. Неизбежность окружения всего фронта, а не только нашей армии очевидна. Стрелковые дивизии удерживают первоначальный участок обороны.

Командование фронта в лице начальника штаба генерала Сахарова и командующего фронтом Еременко уже приказало отвести дивизии на второй участок обороны. Они, однако, это распоряжение сами изменили. Руководство штаба фронта в течение всего времени немецкого наступления потеряло управление и, вероятно, потеряло голову. Было бы гораздо лучше предоставить армии возможность самостоятельных действий. Снабжение боеприпасами проходит с перебоями. 5.10.41 г. в Брянске было около 100 поездов. Удалось еще отправить их куда-нибудь. По сообщению начальника тыла, осталось приблизительно 130 тонн горючего, но, сколько осталось на отдельных участках железной дороги, неизвестно.

7.10.1941 г.

Я встал очень рано. На фронте не произошло никаких существенных изменений. Дивизии удерживают свои позиции. Идут бои за городом Брянском. Оба наши полка 154-й дивизии отражают наступление врага. В 6 часов вечера противник занял большую часть Брянска. Имеется решение менять командный пункт. В 18 часов мы покинули г. Брянск согласно приказу об отходе. Итак, мы оставим также г. Орел. В 18 часов мы выехали с оперативной группой на 3 автомашинах в район тыла в деревню Огорь и прибыли туда в 24 часа. Расстояние составляет только 40 километров. Вокруг нас паника и слухи всякого рода. Мне было больно оставлять свою землянку. Здесь в лесу мы прожили больше месяца и чувствовали себя на этом месте, так сказать, по-домашнему.

Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел сзади и окружил почти 3 армии, т. е. по меньшей мере 240 тысяч человек, которые занимали область размером приблизительно 600 км по кривой линии обороны.

Прибыл приказ из Москвы руководству штаба: «Весь фронт должен отойти». Громадные усилия, кажется, начнется бегство людей. Последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдавали города почти без боя. Командование фронтом потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву.

Отступление! Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными. Гигантские усилия! Эту линию используют немцы, если мы их погоним назад. Командование фронтом 6.10.41 г. передано Петрову.

Интересно отметить следующее. Я прихожу к Петрову, он говорит: «Ну, меня тоже скоро расстреляют». «Почему же», - спрашиваю я его. «Да, - говорит он, - меня назначили командовать всем фронтом». Я отвечаю: «Если Вас назначили, то Вы должны браться за дело и стремиться к победе». «Ну да, но ты видишь, однако, в каком положении находятся фронт и его армия. Я еще не знаю, что осталось от этих двух армий (3-я и 13-я) и где они находятся».

8.10.1941 г.

Деревня Огорь. Я не спал целую ночь. В 5.00 утра я отослал второй эшелон. В деревне остались 8 человек оперативных работников и две автомашины. В 10 часов утра мы выпили вчетвером литр водки, хорошо позавтракали. Я лег спать в машине и спал хорошо. Едуков разбудил меня. Я выехал на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который переехал в другое место, неизвестно куда.

Все жители остались здесь, они убирают картофель. Не слышно ни одного выстрела. Как быстро забывают ужасы войны! В 6 часов вечера слышен большой шум моторов, слышна стрельба артиллерии и пулеметов.

В 9 часов вечера приехал И. с группой людей с командного пункта. Прибыло 150 раненых. Школу оборудовали под лазарет. Я ночевал в автомашине.

(...)

10.10.1941 г.

Мы спали вчетвером в одной автомашине. Очень холодно. В 7 часов встали. Идет снег, он падает большими хлопьями. Мы позавтракали из старых запасов, случайно достали кипятку и хорошо согрелись. В 11 часов мы выехали в район Хвастовичи. По дороге двигается масса автомашин и людей. Грязь непролазная; вся дорога превратилась в тягучее тесто. В деревне Слобода мы остановились. Я встретил Никонова из 217-й стрелковой дивизии, он мне сказал, что их потери в людях составляют 75 %, потеряна также часть вооружения.

11.10.1941 г.

Мы переночевали в деревне Березовка. В 10 часов утра пришел товарищ И. и сообщил, что в деревне Огорь 9.10.1941 г. был убит товарищ Миша Чернецов при взрыве бомбы. Мне очень жаль этого симпатичного человека. Его похоронили около школы у липовой аллеи.

В час 30 мин. немцы начали обстреливать поле вблизи штаба из минометов. Штаб армии уехал в беспорядке в Авдеевку. На дороге уже господствовало беспорядочное нагромождение автомашин; над нами кружились 4 немецких самолета, дважды мы останавливали нашу машину; самолеты летали очень низко, кругом стреляли зенитки, но напрасно. Самолеты не сбросили бомб, это было странно, но, вероятно, они не имели их с собой. Положение для армии печально; где тыл, где фронт, трудно сказать. Кольцо, в котором находится армия, суживается. Обоз армии – это груз, все колонны тянутся туда. Армия терпит значительные потери в людях и материалах.

12.10.1941 г.

В 5 часов утра мы прибыли в деревню Буяновичи.

Немедленно позавтракали, я выпил стакан водки и лег спать в машину. В 10 часов утра меня разбудили. Оказалось, что в то время, когда я спал, немецкие самолеты сбросили 4 бомбы и обстреляли деревню из пулеметов. Одна хижина горит. Два человека из санитарного батальона убиты. Я брился во время стрельбы из пушек и пил чай. Население в этих деревнях принимает нас не очень дружелюбно. Это нужно отметить. Минометы противника ведут огонь. Я послал в штаб, чтобы узнать, как обстоят дела. В 1 час 30 минут противник начал вести сильный минометный огонь. Штаб быстро отправился в направлении на Фроловку. Прибыв на кладбище, я остановил машину, затем стал у края кладбища, наблюдал огонь вражеских минометов и беспорядочное бегство штаба армии. Двигалось приблизительно 1000 машин в 3 ряда.

Командующий армией проехал мимо и показал рукой на лес. Мы сели в автомашины и уехали в лес, находящийся в одном километре от деревни Б. Мы собирались ехать в направлении деревни Ф. В лесу я остановил машину и приказал ехать к переправе через Москву. Я сам шел пешком через лес. Когда я прибыл к переправе, то встретил товарищей Едукова, Зайцева и Шляпина. Мы остановились у переправы и наблюдали восстановление дороги. Наши машины были уже на той стороне. Внезапно прибыли 3 кавалериста и сообщили, что там немцы. Одновременно нас начали обстреливать из легких пулеметов и минометов. Возник беспорядок. Наши солдаты начали стрельбу; я и С. медленно отошли в глубь леса. Вокруг нас свистели пули и осколки гранат. Я потерял весь оперативный состав, блуждал до вечера. Стрельба прекратилась. Командующий, члены Военного совета и начальник штаба выехали, их не было

больше в лесу. Вечером я получил приказ: ночью отойти в деревню Нехочи. Настроение мрачное. Мы были близки к тому, чтобы прорваться. Немцы были изгнаны из деревни Ф. И теперь мы должны снова идти во внутрь кольца, которое, конечно, станет еще уже.

13.10.41 г.

Всю ночь я не сомкнул глаз. Я потерял 2 автомашины. Вчера вечером я встретил товарища И., сегодня утром я встретил шофера Ф., который мне сказал, что весь оперативный состав в порядке. Сильный холод. Нет ни перчаток, ни теплого белья. Я хожу в гимнастерке. Мы двигаемся очень медленно, застряли в болоте. Было около 1000 автомашин. Всю ночь мы строили переправу, переводили автомашины с помощью тягача и, несмотря на это, до утра не закончили. В болоте осталось около 50 грузовиков и приблизительно такое же число на поле. В 6 часов утра немцы начали стрелять из многих минометов.

Мы прибыли к одному маленькому ручью, где нас обнаружил немецкий разведывательный броневик. Он дал знак, и противник открыл по нашему обозу минометный огонь. Мы остановились у ручья. Ночь прошла спокойно. Мы строили переправу.

14.10.1941 г.

Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. Со 2 октября я не читал ни одной газеты.

15.10.1941 г.

Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. Я ходил в лес на

рекогносцировку. У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась.

16.10.1941 г.

Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов. Около 7 часов утра мы встали и пошли на север. Стрельба продолжалась. На отдыхе я помылся. Мы достали продуктов питания и сварили обед. Я нашел для себя маленькое одеяло, полевую фляжку и сумку. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду. Под вечер мы пришли к деревне К. Адский холод, сыро. Мы построили палатки, разожгли огонь, высушили одежду, пошли вчетвером в колхоз и достали соломы. Мы спали очень беспокойно. На дороге мы видели немецкий обоз, пропустили его мимо. Наткнулись на мертвых красноармейцев. По пути лежат кучи брошенных противоголов и касок.

17.10.1941 г.

Я проснулся от голода. Красноармейцы уже разожгли огонь. Я высушил мою шинель. Вскоре позавтракали и затем отправились дальше. Уже третий день мы не имеем хлеба. Вышли для разведки на опушку леса. Немецкий разведывательный отряд обнаружил нас и обстрелял из миномета. Вечером мы перешли железную дорогу и канал, достали сена для ночевки. Немецкий патруль обнаружил нас и обстрелял из легких пулеметов и минометов. В пути я бросил сено. Ночь была ужасно холодна, хотя в лесу мы спали на сене.

18.10.1941 г.

Не позавтракав, продолжали мы двигаться через лес. Мы видели немецкий патруль. Перестрелки не было. Как всегда, шли через болото. Около 12 часов остановились позавтракать, высушили одежду, ели теплый суп и кашу, кусочек мяса на 4 человек, немного картофеля и гороха. Я побрился. Ночью предстоит переход через шоссе. Оно находится под обстрелом. К сожалению, у меня нет больше одеяла, так как вчера во время перехода через железнодорожную линию оно исчезло. Ужасно холодно.

19.10.1941 г.

Всю ночь мы шли под проливным дождем через болотистую местность. Непроницаемый мрак. На мне нет больше ни одной сухой нитки. Моя правая нога опухла. Двигаться ужасно тяжело. На рассвете мы остановились в лесу. С большим усилием я обсушился у огня и оделся, не поев и не поспав. Предстоит нам теперь путь через безлесную местность. Мы разделились на две группы, половина из нас не имеет оружия. Днем я вышел из лесу в качестве охранения, но безрезультатно. Разведка ходила за лес в... но там немцы. Слышна стрельба легких пулеметов и минометов...»[\[85\]](#)

На следующий день, 20 октября 1941 года, автор дневника погиб. В память об этом военном чекисте остался его дневник, где показана подлинная, а не выдуманная писателями и сценаристами работа Особых отделов в первые месяцы войны. В нем почему-то ничего нет о массовых расстрелах «особистами» военнослужащих Красной Армии, хотя, судя по вопросу генерал-майора Петрова, от военных чекистов ожидали именно массовых расстрелов.

Борьась с дезертирами

В июле 1941 года ГКО предоставил Особым отделам право внесудебного расстрела изменников и дезертиров^[86]. Справедливости ради отметим, что еще в 1926 году в Уголовном кодексе РСФСР была предусмотрена смертная казнь за самовольное оставление в военное время расположения воинской части сроком свыше суток. Такое же наказание было предусмотрено за неисполнение приказа в военное время^[87]. Так что фактически в первые месяцы войны Особые отделы выполняли функции судебных органов.

Однако уже в октябре 1942 года, после стабилизации фронта, ГКО отменил внесудебные расстрелы и обязал Особые отделы передавать дела об изменниках и дезертирах в суды военных трибуналов.

В декабре 1941 года по представлению НКВД ГКО принял решение об обязательной «фильтрации» военнопленных, бежавших из плена или вышедших из окружения. Их направляли в специальные сборно-пересыльные пункты, созданные в каждой армии.

В качестве особой меры укрепления дисциплины при исключительных обстоятельствах допускался расстрел перед строем осужденных трибуналами дезертиров, уличенных в бандитизме и вооруженном грабеже. Хотя во фронтовых частях эта мера применялась крайне редко.

К борьбе с дезертирством привлекались агентурно-осведомительные кадры как в действующих, так и в запасных частях. Осведомители сообщали в Особые отделы о военнопленных, которые, по их мнению, могли стать изменниками или дезертирами. Если данных для ареста было недостаточно, то подозреваемые лица не допускались в наряды, выполнявшие задания на переднем крае, или переводились в тыл. Заградительные отряды и воинские подразделения, приданные особым отделам для поиска дезертиров,

прочесывали в прифронтовой полосе местность, выставляли заслоны.

О результативности работы особых отделов НКВД СССР можно судить по докладам НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и ГКО 8 августа 1942 года, согласно которым чекистами было задержано 11 765 вражеских агентов^[88].

Эти агенты немецкой разведки и диверсанты, действовавшие на фронте и в тылу Красной Армии, в первый период войны в основном были белоэмигрантами, мечтавшими о реванше, вербовались и попавшие в плен красноармейцы. Еще 15 июня 1941 года германское командование приступило к переброске на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп и отдельных разведчиков, переодетых в советскую военную форму, владеющих русским языком, с заданиями после начала военных действий проводить диверсионные акты - разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожные коммуникации, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной Армии мосты и удерживать их до подхода передовых частей Вермахта.

С целью обнаружения агентуры противника перед Управлением Особых отделов НКВД и его органами в армии была поставлена проверка военнослужащих, вышедших из окружения. К примеру, с 15 по 18 октября 1941 года на участке Можайского укрепленного района было задержано 23 064 красноармейца, которые поодиночке и группами отходили от линии фронта в тыл и не имели при себе необходимых документов. Все задержанные были направлены на пункты сбора при заградительных отрядах, где проходили проверку сотрудниками особых отделов, а затем следовали в пункты формирования воинских частей или в распоряжение военных комендатур^[89]. Заградотрядами Особого отдела НКВД 50-й армии с 15

по 31 октября 1941 года «задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство дезертиров. В то же время задержано и изобличено ряд немецких шпионов... По постановлению Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров»^[90].

Для тщательной проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или в окружении противника, решением ГОКО № 1069сс от 27 декабря 1941 года^[91] в каждой армии были созданы армейские сборно-пересыльные пункты и организованы спецлагеря НКВД. Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводится отделами контрразведки «Смерш» НКО при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы)^[92].

В 1941–1942 годах было создано 27 спецлагерей, но в связи с проверкой и отправкой проверенных военнослужащих на фронт они постепенно ликвидировались (к началу 1943 года функционировало всего 7 спецлагерей).

По официальным данным, в 1942 году в спецлагеря поступило 177 081 бывших военнопленных и окруженцев. После проверки особыми отделами НКВД в Красную Армию было передано 150 521 человек^[93].

Значительная часть немецких агентов, которых спецслужбы Третьего рейха вербовали из военнопленных и жителей оккупированных районов, добровольно сдавалась сразу же после перехода линии фронта органам НКВД и военному командованию. Те же, кто собирался выполнять задание немцев, почти всегда попадали в руки «особистов» или сотрудников органов госбезопасности.

«Палачи с пулеметами» из загранотрядов

Согласно приказу НКВД СССР № 00941 от 19 июля 1941 года при Особых отделах корпусов, армий и фронтов были сформированы отдельные стрелковые взводы, роты и батальоны^[94]. Оговоримся сразу – эта идея принадлежала не Лубянке, как это утверждают отдельные историки, а военному и политическому руководству страны во главе с Иосифом Сталиным. Многие знают, что решением Государственного Комитета Обороны, датированным 17 июля 1941 года, органы Третьего управления (военная контрразведка) Наркомата обороны были преобразованы в особые отделы НКВД СССР. Последние, цитируя решение ГКО, должны были вести:

«...решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе».

Для выполнения этой задачи НКВД должно было «дать им вооруженные отряды»^[95]. Напомним, что членом ГКО в июле 1941 года наркомом внутренних дел Лаврентий Берия не был, а значит, решение о создании «вооруженных отрядов» мог только выполнить, но не инициировать. Что он и сделал. Приказал сформировать (ссылаясь на решение ГКО) «отдельные стрелковые взводы, роты, батальоны...»

Как использовались эти «вооруженные отряды»? Снова разочаруем тех, кто уже мысленно представил яркую картину: сытые, прекрасно вооруженные, вечно пьяные бойцы этих рот расположились в деревнях прифронтовой зоны и из пулеметов расстреливают бредущих по проселочным дорогам измотанных многодневными боями, пухнувших от голода и падающих с ног от усталости красноармейцев.

Во-первых, численности этих «вооруженных отрядов» физически просто не хватит, чтобы перекрыть путь отступления нескольким полкам или дивизии Красной Армии. Да и к моменту их формирования на

Западном фронте, а фактически произошло это не раньше начала августа 1941 года, хаотичное отступление войск Красной Армии почти прекратилось. Да, войска уходили на восток, но только после соответствующего приказа.

Во-вторых, напомним, что «основная задача Особых отделов и войсковых подразделений НКВД заключается в быстрейшем наведении твердого революционного порядка в тылах дивизий, корпусов, армий и фронта и в решительной борьбе с дезертирами, паникерами и трусами». Это цитата из «Инструкции для Особых отделов НКВД Северо-Западного фронта по борьбе с дезертирами, трусами и паникерами».

В четвертом параграфе данного документа говорится о способах решения этой задачи.

«Особые отделы дивизии, корпуса, армии в борьбе с дезертирами, трусами и паникерами осуществляют следующие мероприятия:

а) организуют службу заграждения путем выставления засад, постов и дозоров на войсковых дорогах, дорогах движения беженцев и других путях движения, с тем чтобы исключить возможность какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции;

б) тщательно проверяют каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя;

в) всех установленных дезертиров немедленно арестовывают и ведут следствие для предания их суду военного трибунала. Следствие заканчивать в течение 12-часового срока;

г) всех отставших от части военнослужащих организуют повзводно (поротно) и под командой проверенных командиров в сопровождении предьявителя особого отдела направляют в штаб соответствующей дивизии;

д) в особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия тщательных мер для немедленного восстановления порядка на фронте, начальнику особого отдела представляется право расстрела дезертиров на месте.

О каждом таком случае начальник особого отдела доносит в особый отдел армии и фронта;

е) приводят в исполнение приговор военного трибунала на месте в необходимых случаях перед строем;

ж) ведут количественный учет всех задержанных и направленных в том числе и персональный учет всех арестованных и осужденных;

з) ежедневно доносят в особый отдел армии и особый отдел фронта о количестве задержанных, арестованных, осужденных, а также о количестве переданных в части командиров, красноармейцев и материальной части».

Так что никаких пулеметчиков, которые подчинялись «особистам», за спинами бойцов Действующей армии не было.

В шестом параграфе данного документа особо подчеркивалось:

«Использование войсковых подразделений оперативных групп в других целях, не предусмотренных настоящей инструкцией, категорически запрещается и может быть допущено в исключительных случаях с разрешения начальника особого отдела армии»^[96].

В-третьих, участвовали они и в боевых операциях. Например, в феврале 1942 года:

«...силами красноармейцев роты Особого отдела НКВД 56-й армии, взводов при ОО дивизий и красноармейцев 89-го батальона внутренних войск НКВД» был совершен налет на два «немецко-румынских гарнизона», дислоцированных на берегу Азовского моря. В операции участвовало 470 бойцов^[97].

Если говорить об оперативно-служебной деятельности «заслонов Особых отделов» и «заградительных отрядов войск НКВД по охране тыла», то с «начала войны по 10 октября» 1941 года ими было «задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта». Из них арестовано 25 978 человек, а остальные «632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт». Из числа арестованных «по постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек»^[98].

Загранотряды действительно существовали, но к НКВД они не имели никакого отношения. Первым высказал идею о создании таких формирований... будущий Маршал Советского Союза (это звание ему присвоили в 1955 году), а тогда командующий Брянским фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

12 сентября 1941 года командующим фронтами была направлена директива, которая предписывала:

«1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов численностью не более батальона.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия».

Обоснование необходимости этих жестких мер звучало так:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» – и увлекают за собой остальных бойцов. В результате

подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть, а потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеются на всех фронтах... Беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много...»

На практике в заградительные отряды направляли красноармейцев с фронтовым опытом, очень часто после ранений и контузий. Армейские заградительные отряды носили ту же полевую форму, что и вся действующая армия. Об этом прекрасно знали немцы, но почему-то не были осведомлены создатели отечественного телевизионного сериала «Штрафбат». Заградительные отряды были упразднены осенью 1944 года^[99].

Приведенный выше пример «кровожадности» командующего Брянским фронтом – не единственный. Вот, например, цитата из приказа войскам Западного фронта № 0346 от 13 октября 1941 года.

«Учитывая особо важное значение укреп[ленного] рубежа (имеются в виду подготовленные в инженерном отношении оборонительные рубежи на ближних подступах к Москве. – *Прим. авт.*), объявить всему комсоставу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа Военсовета фронта и армии подлежат расстрелу»^[100].

А вот приказ, подписанный маршалом Георгием Жуковым не позднее 20 октября 1941 года:

«Командующий [фронтом] приказал передать Военному совету [5-й армии], что если эти группы (имеются в виду разрозненные группы частей и соединений 5-й армии, отходящие на Можайском направлении после прорыва противником фронта обороны. – *Прим. авт.*) самовольно оставили фронт, то безжалостно расстрелять виновных, не останавливаясь перед полным уничтожением всех бросивших

фронт. Военному совету задержать всех отходящих, разобраться в этом деле и провести в жизнь указания командующего. Вам необходимо выслать разведку на Семикухово и установить фактическое положение в этом направлении. Ясно ли? Дайте ответ»^[101].

Мы не будем касаться судьбы «отдельных групп» военнослужащих из 5-й армии, ставших жертвами исполнения этого приказа Георгия Жукова, а коснемся тех, кого задержали военнослужащие внутренних войск. Для этого мы процитируем еще один документ – «Донесение начальника Можайского сектора охраны Московской зоны о задержании военнослужащих».

«Можайским сектором охраны Московской зоны, созданной по решению Государственного Комитета Оборона, за время работы с 15 по 18.10.41 г. задержано 23 064 чел. военнослужащих Красной Армии. Из этого количества задержанных 2164 чел. являются лицами начальствующего состава.

Задержанию подвергались все военнослужащие, как одиночки, так и группы, отходившие от линии фронта в тыл и не имевшие соответствующих документов.

По срокам задержанные распределяются так:

15.10.41 задержано 3291 [чел.], из них начсостава 117 [чел.]

16.10.41 задержано 5418 [чел.], из них начсостава 582 [чел.]

17.10.41 задержано 2861 [чел.], из них начсостава 280 [чел.]

18.10.41 задержано 4033 [чел.], из них начсостава 170 [чел.]

19.10.41 задержано 7461 [чел.], из них начсостава 1015 [чел.]

Все задержанные, за исключением явных дезертиров, выявленных на пунктах сбора при заградительных заставах, направлены в пункты формирования и военным комендантам.

За истекший период задержанные сдавались в следующие пункты: Звенигород, Истра (пункты формирования), Дорохов (представителю 5-й армии), Руза (военному коменданту).

Вследствие большого количества задержанных и значительного удаления пунктов формирования от мест задержания, полагал бы целесообразным организовать пункт формирования в пределах границ сектора, что дало бы возможность ускорить доставку задержанных по основным дорогам.

Желательно такой пункт сформировать в районе дороги Боровиха - Одинцово. Кроме того, целесообразно иметь при пунктах сбора на рубежах заградительных застав представителей Военного совета фронта, которые, располагая ежедневно данными о потребном количестве людей в том или ином соединении, организовывали бы отправку туда задержанных, оружие и транспорт.

О вашем решении прошу меня информировать»^[102].

Комментарии излишни. Если командование Красной Армии высказывается о расстреле всех, кто оставил свои позиции, то чекисты выступают с предложениями рационального использования этих людей. Звучит цинично, но главный герой нашей книги всегда отличал прагматизм и стремление максимально эффективно использовать любые ресурсы, в т. ч. и людские.

Мало кто знает, но возможность вынесения смертного приговора по упрощенной схеме появилась у командования Красной Армии... на первый день войны, когда вступило в силу «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Мы не будем подробно пересказывать все положения этого документа, отметим лишь несколько важных моментов.

Во-первых, военные трибуналы создавались от дивизии и выше.

Во-вторых, «военным трибуналам предоставляется право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения». А судьбу обвиняемого решали председатель и два члена трибунала.

И самое важное:

«...15. Военным советам округов, фронтов и армий, флотов, флотилий, а также командующим фронтами, армиями и округами, флотами, флотилиями принадлежит право приостановить исполнение приговора с высшей мерой наказания «расстрел» с одновременным сообщением по телеграфу Председателю Военной коллегии Верховного суда Союза ССР и Главному Военному прокурору Красной Армии и Главному прокурору Военно-морского флота Союза ССР по принадлежности своего мнения об этом для дальнейшего направления дела.

16. О каждом приговоре, присуждающем к высшей мере наказания «расстрел», военный трибунал немедленно сообщает по телеграфу Председателю Военной коллегии Верховного суда Союза ССР и Главному военному прокурору Красной Армии и Главному прокурору Военно-морского флота Союза ССР по принадлежности.

В случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения телеграммы адресату телеграфного сообщения от Председателя Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР или Главного военного прокурора Красной Армии или Главного прокурора Военно-морского флота Союза ССР о приостановлении приговора таковой приводится в исполнение.

Остальные приговоры военных трибуналов вступают в законную силу с момента их провозглашения и немедленно приводятся в исполнение»^[103].

О том, что происходило в первые месяцы войны, знают сейчас все. Об этом написано очень много. В том

числе и об отсутствии связи между штабами различного уровня. Поэтому в жизни смертные приговоры выносились без согласования с Москвой. Понятно, что военные юристы (согласно Положению именно ими комплектовались трибуналы) сами не расстреливали осужденных. Это по их приказу исполняли обычно бойцы комендантского взвода или роты, такие же красноармейцы, как и их жертвы. Хотя об этом как-то сейчас не принято говорить.

Организация Соловьевской переправы

В истории Великой Отечественной войны она известна как одна из пяти переправ на реке Днепр, через которые выходили из окружения 16-я и 20-я армии. Переправа находилась в деревне Соловьево Смоленской области недалеко от Старой Смоленской дороги. По разным данным, летом 1941 года в этом месте погибло от 50 до 100 тысяч военнослужащих Красной Армии.

С середины июля 1941 года переправа была единственным местом, через которое велось материально-техническое обеспечение войск Западного фронта в районе Смоленска из-за высадки 17 июля 1941 года немецкого десанта в городе Ярцево. Здесь шли бои за владение переправой. Авиация была главной силой Германии благодаря господству в воздухе. Постоянно наносились бомбовые удары по переправе. Не будем пересказывать все эпизоды борьбы за организацию переправы, а лишь процитируем донесение командования 16-й армии в штаб Западного фронта, в котором есть такие строки:

«Группа военнослужащих, преодолев заслоны окружения, достигла реки Днепр в районе Соловьевской переправы, которая находилась под постоянным артиллерийским обстрелом, разрывами бомб с летящих

самолетов. Попытки восстановить переправу остатками инженерно-саперных подразделений успеха не имели. Вблизи переправы скопились значительные группы отступающих военнослужащих с автомобильной, артиллерийской и танковой техникой. Единое руководство отсутствовало. Вскоре в район переправы прибыла группа военнослужащих на легковых автомашинах, которую возглавлял полковник Шилин – начальник военной контрразведки армии. Он незамедлительно решительными действиями приостановил неразбериху, организовал оборону, создал условия для уничтожения прорвавшихся сил наступающего противника, обеспечил восстановление необходимой переправы».

К сожалению, Василий Степанович Шилин не дожид до Победы. Зимой 1945 года, уже будучи заместителем начальника Управления контрразведки Смерш 3-го Белорусского фронта, погиб в Восточной Пруссии^[104].

Проверки на дорогах

Есть эпизоды в истории Великой Отечественной войны, о которых официальные историки предпочитают не вспоминать. Например, о том, что летом 1941 года только одна Абвергруппа-107 смогла захватить около 20 гербовых печатей штабов различных дивизий, до 40 печатей различных стрелковых полков, свыше 10 печатей эвакогоспиталей, 5–6 печатей военных госпиталей, печати штаба Западного фронта, несколько печатей райкомов ВКП(б) и комсомола, гербовые печати городского и районного отделов НКВД. И это добыча разведподразделения только одной немецкой армии!

Если говорить о документах советских, партийных и правоохранительных органов, то в Минске в список трофеев немецких спецслужб попало большинство документов из советских и партийных архивов

Белоруссии, а также республиканских управлений НКВД и НКГБ. В Бресте в первый день войны оккупанты заняли здание УНКВД и захватили всю документацию^[105].

В середине лета 1941 года в распоряжение Абвера попала «вся секретная переписка 19-й армии»^[106]. Именно так утверждает в своих мемуарах Оскар Рейли – личный помощник руководителя абвера Канариса.

В здании штаба военно-воздушных сил западной зоны в Минске немцы обнаружили 29 неэвакуированных шкафов и сейфов с важной для них разведывательной информацией. Подобным образом абверу удалось захватить ценные документы в военном лагере в Пружанах, где накануне войны во время сборов дислоцировалась советская 28-я танковая дивизия^[107].

Добытые таким образом документы и печати немецкие спецслужбы активно использовали, в т. ч. для изготовления удостоверений личности, медицинских справок и т. п. для экипировки агентуры.

Сложно сказать, как быстро на Лубянке узнали о произошедшей катастрофе, а по-другому это назвать сложно. Ведь в июле – октябре 1941 года на Восток двигалось множество беженцев, вышедших из окружения военнослужащих Красной Армии, а также отставших от своих частей или выписанных из госпиталей красноармейцев. И многие из них имели на руках документы, которые им могли оформить немецкие спецслужбы.

Военные чекисты начали сами придумывать способы проверки документов у подозрительных лиц. В качестве классического примера можно вспомнить широко распространенную историю про то, что немцы в выдаваемых своим агентам документах использовали стальные скрепки, а в Красной Армии применяли железные. В результате множество агентов погорело на этой мелочи.

Другой пример - курево. Немецкие спецслужбы часто включали в экипировку своих агентов папиросы. И это было большой ошибкой. Формально папиросы в Красной Армии получали только старшие офицеры, а все остальные - махорку.

Важную роль сыграл приказ НКО № 330 от 7 октября 1941 года, где говорилось о введении единой красноармейской книжки, устанавливалась особая литеровка документов, менявшаяся каждые 10-15 суток. Хотя данная система была несовершенна, т. к. в ней не предусматривалась фотография владельца удостоверения.

20 февраля 1942 года НКВД издало ориентировку № 66 «О переброске немецкой разведкой агентуры и способы борьбы с ней». Выполняя имеющиеся в ней указания, органы военной контрразведки составили сборник признаков подделки документов и используемых легенд^[108].

Загранотряды Особых отделов НКВД во время Сталинградской битвы

Большинство авторов, когда рассказывают о загранотрядах Особых отделов НКВД, ограничиваются только 1941 годом. Хотя по состоянию на 15 октября 1942 года в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда. Из них Особым отделам Сталинградского фронта подчинено - 16, а Донского фронта - 25. Загранотрядами с 1 августа 1941 года по 1 октября 1942 года «задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных:

арестовано 3980 человек;

расстреляно 1189 человек;

направлено в штрафные роты 2776 человек;

направлено в штрафные батальоны 185 человек;

возвращено в свои части и на пересылочные пункты
131 094 человека.

(...)

По Донскому фронту задержано 36 109 человек:
арестовано 736 человек;
расстреляно 433 человека;
направленно в штрафные роты 1056 человек;
направлено в штрафные батальоны 33 человека;
возвращено в свои части и на пересыльные пункты
32 933 человека.

По Сталинградскому фронту задержано 15 649
человек:
арестовано 244 человека;
расстреляно 278 человек;
направленно в штрафные роты 218 человек;
направлено в штрафные батальоны 42 человека;
возвращено в свои части и на пересыльные пункты
14 833 человека»[\[109\]](#).

Глава 6

Большая охота «Смерша»

Существует широко распространенное мнение, что массовая «охота» на эмигрантов – активных участников различных антисоветских зарубежных организаций началась в 1944 году, когда Красная Армия пересекла государственную границу СССР и вышла на территорию Европы. Это утверждение верно лишь частично. Еще в марте 1942 года руководство НКВД СССР разослало всем наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам 1-го (разведка) и 2-го (контрразведка) Управлений НКВД СССР, начальнику Управления Особых отделов НКВД СССР и начальнику Управления погранвойск НКВД СССР Указание № 117 об усилении борьбы с агентурой немецкой разведки, антисоветскими формированиями и группами из белогвардейско-монархических элементов.

Основная часть данного документа касалась деятельности вышеперечисленных органов на территории Советского Союза (за исключением 1-го Управления, ему предписывалось «систематически ориентировать СПУ (Секретно-политическое управление. – *Прим. авт.*) обо всех поступающих материалах по линии борьбы с белогвардейской контрреволюцией». А военные контрразведчики должны были выявлять «белогвардейцев, содержащихся в лагерях среди военнопленных германской армии, и имеющих среди них участников закордонных белоэмигрантских организаций»^[110]. И уже тогда начались составляться списки тех, кого необходимо было арестовать после вступления Красной Армии на территорию Европы.

Уже к марту 1945 года военные чекисты на территории Восточной Европы задержали 169 активных деятелей РОВС, из которых 38 человек служили в немецких разведорганах^[111], а остальные подозревались в антисоветской деятельности в тридцатые годы прошлого века. Расскажем на основе недавно рассекреченных документов о том, что происходило в отдельных странах Восточной Европы до мая 1945 года.

Болгария

Охота на врагов СССР началась в августе 1944 года, когда первые части и соединения Красной Армии вступили на территорию Болгарии. У бойцов специально сформированной для этой цели опергруппы Управления военной контрразведки 1-го Украинского фронта имелись заранее подготовленные списки белоэмигрантов, которые активно сотрудничали с немецкими спецслужбами и проживали на территории Болгарии, Югославии и Румынии. Кроме коллаборационистов, военных чекистов интересовали и члены РОВС («Российский общевоинский союз»), особенно сотрудники его «внутренней линии»^[112].

Не все операции проходили удачно. Военным чекистам не удалось задержать руководителя «внутренней линии» болгарского отделения РОВС К. А. Фосса. Когда 10 сентября 1944 года чекисты посетили его особняк в Софии, то супруга белоэмигранта заявила визитером, что не знает, где он. В доме была организована засада, но К. А. Фосс так и не появился. Позднее выяснилось, что он заблаговременно уехал из Болгарии^[113].

По состоянию на 20 ноября 1944 года было «арестовано 88 руководителей и активных участников антисоветских белогвардейских организаций «Русского

общевойсковой организации» (так в тексте документа. – *Прим. авт.*), «Национальной организации русских разведчиков» (НОРР)^[114], «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП), «Российского фашистского союза» (РФС) и других».

Среди арестованных:

начальник штаба болгарского отдела РОВС Петр Константинович Ясевич;

представитель центра НОРР в Болгарии Николай Викентьевич Машинский;

член совета НТСНП в Болгарии и редактор белоэмигрантской газеты «За Россию» Дмитрий Михайлович Завжалов;

руководитель болгарского отделения НТСНП Александр Александрович Браунер;

начальник штаба Ближневосточного сектора РФС Михаил Павлович Сериков;

начальник болгарского отдела РФС Евгений Федорович Долженков^[115].

Румыния

К концу ноября 1944 года военными контрразведчиками на территории Румынии арестовано 99 участников различных «зарубежных антисоветских организаций», которые «признались в шпионской деятельности в пользу немцев и румын». Среди них «генеральный секретарь головной войсковой рады украинской военной эмиграции в Европе – Пороховский И. Е., доктор экономических наук Трепке В. В. и генерал-лейтенант царской армии Дельвиг С. Н.»^[116].

Югославия

К концу ноября 1944 года «оперативной группой Главного управления «Смерш», находящейся в Белграде (Югославия), арестовано 78 руководителей и активных участников антисоветских белогвардейских организаций, проводивших подрывную деятельность против Красной Армии, в том числе 29 агентов германской разведки и контрразведки.

Среди арестованных:

1. Генеральный секретарь «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП) Георгиевский М. А. Будучи ближайшим сподвижником находящегося в Берлине руководителя НТСНП белогвардейца Байдалакова считался «идеологом» этого «союза» и вел активную подрывную деятельность против Советского Союза за создание «новой национальной России», в борьбе за которую основную роль возлагал на молодежь белоэмиграции.

Являясь генеральным секретарем НТСНП с 1932 г., Георгиевский поддерживал связь с разведывательными органами Германии, Финляндии, Румынии и Польши по вопросам использования белоэмигрантов в борьбе против Советского Союза. Так, в 1941 г. Георгиевский направил из Белграда 50 членов НТСНП для обучения в Брайтенфуртской и других школах германской разведки, а в 1942–1943 гг. значительное число участников этого «союза» направил в Германию для работы в системе Министерства восточных областей.

Георгиевский также провел большую работу по созданию антисоветских организаций НТСНП во Франции, Германии и Болгарии, пользуясь наличием у него обширных связей среди белоэмиграции этих стран.

2. Члены исполнительного бюро «Национально-трудового союза нового поколения» Хлопин М. Н., Пепескул М. Д., Дивнич Е. И.

На первичных допросах арестованные Хлопин, Дивнич и Пепескул показали, что в подрывной деятельности против Советского Союза руководители НТСНП первостепенное значение придавали вопросу подготовки своих эмиссаров для возможного их использования на территории СССР с террористическими заданиями, а также с целью создания антисоветского подполья. Пепескул как член исполнительного бюро НТСНП лично руководила подготовкой террористов, читая на специальных курсах этого «союза» лекции по пиротехнике. Хлопин, Дивнич и Пепескул являлись также авторами ряда конспектов по антисоветской подготовке членов НТСНП.

3. Руководитель Всеюгославского отдела «Национально-трудового союза нового поколения» Перфильев Г. П.

4. Руководитель Белградского отдела «Национально-трудового союза нового поколения» Духовской М. В.

5. Сотрудник исполнительного бюро «Национально-трудового союза нового поколения» Буковская О. А.

Кроме того, при аресте руководителей НТСНП в Белграде были обнаружены и изъяты важные документы исполнительного бюро «Национально-трудового союза нового поколения» и в частности:

завещание председателя НТСНП Байдалакова о том, что в случае его смерти руководство НТСНП должен взять на себя ныне арестованный Георгиевский;

программа занятий по разведывательной и контрразведывательной работе участников НТСНП;

тетрадь с адресами руководящего состава НТСНП в ряде государств Европы»^[117].

Розыск и задержание лидеров и активистов антисоветских эмигрантских организаций, проживающих на территории Югославии, стремительно набирали обороты. Вот результаты деятельности военных чекистов 3-го Украинского фронта.

«За время боевых действий войск 3-го Украинского фронта на территории Югославии органами контрразведки «Смерш» было выявлено и через местные органы власти задержано 68 активных участников белоэмигрантских организаций, которые на протяжении длительного времени проводили контрреволюционную работу против Советского государства.

Основное количество задержанных состоит из числа бывших офицеров и генералов царской и белогвардейских армий Врангеля и Деникина, бежавших за границу после разгрома последних на юге Советской России в 1920 году. Многие из них являлись руководителями местных организаций РОВСа и других белогвардейских формирований, находившихся на территории Югославии. В общем числе задержанных:

членов РОВСа и его организаций («Союз русских офицеров» и др.) - 41;

членов «Национального трудового союза нового поколения» - 9;

монархистов («кирилловцы» и др) - 4;

участников казачих организаций - 6;

младороссов - 1;

украинских контрреволюционеров-националистов - 1;

не состоявших в организациях - 6;

В ходе проверки задержанных установлено, что деятельность организаций РОВСа в Югославии после некоторого спада в 1937-1940 гг. с момента вероломного нападения Германии на Советский Союз заметно активизировалась, что подтверждается фактом активной работы по формированию так называемого «Русского охранного корпуса» и усилением антисоветской пропаганды.

Отделом контрразведки «Смерш» 9 раб 12 ноября с. г. был задержан активный белогвардеец, офицер Врангеля, в последнее время занимавший должность

начальника подотдела по формированию «Русского охранного корпуса» - Перекопский Илья Петрович, 1888 г.р., уроженец станицы Ново-Николаевская, бывшего 1-го Донского округа Таганрогского уезда...

Из его показаний видно, что высшие и старшие офицерские чины бывшей царской и белогвардейских армий вскоре после нападения Германии на СССР активизировали антисоветскую деятельность, а для вооруженной борьбы против Красной Армии приступили к формированию так называемого «Русского охранного корпуса».

Командиром корпуса был назначен царский генерал Штейфон, пропагандировавшийся немцами как один из лучших борцов за «новую Россию». Он же осуществлял общее руководство по формированию «корпуса». Ближайшим его помощником являлся генерал Апухтин, именовавший себя «русским военным представителем при королевстве Венгрии». Апухтин руководил формированием «корпуса» в пределах провинции города Нови Сад.

Наряду с деятельностью по формированию «корпуса», местные организации РОВСа активизировали работу по объединению белоэмигрантских элементов, расширили пропаганду о «скором возвращении на Родину».

Будучи начальником подотдела по формированию «Русского охранного корпуса» по Жабальскому району, Перекопский лично и через доверенных лиц занимался вербовкой русских эмигрантов в корпус.

О его деятельности свидетель Иванов П. Д. показал: «Перекопский активно занимался вербовкой в «Русский добровольческий корпус», при этом проводил антисоветскую агитацию, Так, например, еще летом 1941 года, он лично мне предлагал записаться в корпус, при этом пропагандировал следующее: корпус создается для освобождения России от большевизма

и установления там прежней власти, пришло время, нужно записываться в корпус, с помощью немцев будем освобождать Россию от большевиков. Когда я ответил, что подожду, то Перекопский мне заявил:

«Ждать нечего, нужно использовать момент и выступить на борьбу против большевиков за освобождение Родины».

Один из эскадронов этого «корпуса» под командованием корнета Щегловского был направлен на советско-германский фронт и принимал участие в боях против Красной Армии. Основная часть корпуса была оставлена в Сербии для борьбы с Народно-освободительной армией и партизанами Югославии.

Отделом контрразведки «Смерш» 17-й воздушной армии 19 ноября с. г. в гор. Нови Сад был задержан помощник генерала Апухтина по формированию инженерных частей «Русского охранного корпуса» бывший полковник инженерных войск Врангеля Сахновский Александр Петрович, 1885 г.р., уроженец села Дар Надежды Полтавской области, русский, из дворян, беспартийный, белоэмигрант... На допросе Сахновский показал, что инженерные части «Русского охранного корпуса» комплектовались лично им из числа белоэмигрантов, ранее служивших в инженерных войсках царской и белых армий.

Из его показаний видно, что помимо генерала Апухтина, проводившего формирование корпуса в провинции Нови-Сад, не менее важную роль занимал и генерал Черепов, являвшийся начальником местного отдела РОВСа.

Отдел РОВС в гор. Нови-Сад примерно один раз в месяц созывал общие собрания. На этих собраниях обычно начальник отдела генерал Черепов прочитывал собравшимся полученную из Белградского отдела РОВС информацию о событиях в России, причем эта информация не отражала истинного положения.

Сообщалось о якобы царящей разрухе хозяйства, разложении Красной Армии, о том, что если дать народу в руки оружие, то он сам готов свергнуть советскую власть. Целью такой информации являлось стремление вселить надежду на скорое возвращение в Россию, убедить нас в непрочности советского строя.

Кроме этого, РОВС проводил пропаганду, направленную против советской власти и среди других белоэмигрантов, а также среди местного населения. Деятельность РОВСа заключалась в основном в резкой антисоветской пропаганде. (Из показаний Сахновского А. П.)

Как показывает Сахновский, РОВС до последнего времени ставил перед собой основную задачу «сохранить кадры Белой армии, организовать их в определенную силу и держать в боевой готовности в ожидании удобного момента для вооруженного вторжения в Советскую Россию».

Не менее активную роль как в формировании «Русского охранного корпуса», так и в усилении антисоветской пропаганды занимали участники существовавших в Югославии монархических организаций.

Отделом контрразведки «Смерш» 17-й воздушной армии был задержан бывший руководитель канцелярии штаба «Корпуса офицеров императорской армии и флота» белоэмигрант генерал-майор Мариюшкин Алексей Лазаревич, 1880 года рождения, уроженец гор. Путивы Харьковской области, из крестьян, русский, образование общее среднее, военное – высшее, в 1911 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба...

В процессе следствия установлено, что Мариюшкин, будучи по убеждениям монархистом, в 1924 году с первых дней организации так называемого «Корпуса офицеров императорской армии и флота» князя Кирилла Владимировича («кирилловцы») принимал активное

участие в этой организации, занимал пост руководителя канцелярии штаба корпуса, одновременно являясь прямым помощником генерала Апухтина.

О своей практической деятельности Мариюшкин показал:

«...Я как руководитель канцелярии штаба «Корпуса офицеров императорской армии и флота» великого князя Кирилла Владимировича всей своей деятельностью в течение 14 лет способствовал проведению в жизнь основных целей и задач корпуса, каковыми являлись:

а) сохранение и усиление кадров командно-офицерского состава старой императорской Российской армии на предмет занятия командных должностей на случай монархического переворота в России;

б) развитие и укрепление среди командного состава бывшей царской армии военных знаний по вопросу стратегии и тактики, а главное - ознакомление с развитием современной военной техники».

Вскоре после того, как территория Югославии была оккупирована немецко-венгерскими войсками, Мариюшкин вместе с генералом Апухтиным в должности начальника штаба принимал активное участие в формировании «Русского охранного корпуса» из числа белоэмигрантов, предназначенного для борьбы с Красной Армией и югославскими партизанами.

Отделом контрразведки «Смерш» 32 раба (так в тексте док. - *Прим. авт.*) 23 ноября с. г. в гор. Петровграде был установлен и впоследствии задержан белоэмигрант - Шестаков Алексей Николаевич, 1877 года рождения, уроженец гор. Вильно, русский, бывший генерал-майор царской армии, служил в должности начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии. В 1918 году находился на службе в правительстве гетмана Скоропадского в должности начальника общего отдела

Военного министерства. Служил в армии Деникина, с остатками которой бежал в Югославию...

На допросе он показал, что, проживая в Петровграде, продолжительное время был руководителем местной организации РОВСа, а затем вплоть до задержания возглавлял существовавшие в Петровграде белоэмигрантские организации, входившие в РОВС, - «Союз русских офицеров» и «Союз русских инвалидов».

Наиболее активным из всех существовавших в Югославии белогвардейских формирований являлся «Национально-трудовой союз нового поколения». НТСНП занимался подготовкой агентуры для переброски ее в Советский Союз для диверсионно-террористических целей, по созданию на нашей территории повстанческих групп. Также готовились кадры для выполнения шпионских заданий.

Задержанный отделом контрразведки «Смерш» 57-й армии сын белоэмигранта Воропонов Павел Николаевич, бывший технический секретарь центра НТСНП, показал, что начиная с 1938 года союзом проводилась активная подготовка и переброска в Советский Союз агентуры главным образом для создания повстанческих групп.

Из его показаний видно, что он лично по заданию председателя НТСНП Югославии Байдалакова в июле 1940 года сопровождал до румынской границы 5 агентов, подлежащих переброске на территорию Советского Союза, кроме этого, он назвал 11 известных ему агентов, переброшенных в 1938 году в СССР с заданиями террористического и диверсионного характера.

Характеризуя деятельность НТСНП и личное свое участие в антисоветской работе, Воропонов показал:

«В период моего пребывания в НТСНП вначале шла пропаганда с призывом на борьбу с советской властью, а затем проявилась необходимость политического

воспитания членов союза. С этой целью были введены курсы, именовавшиеся «национально-политическая подготовка».

Целями союза была подготовка своих агентов и выброска их на территорию Советского Союза с задачей создания контрреволюционных групп, в основном из молодежи, с призывом к свержению советской власти.

Работая заведующим канцелярии при исполнительном бюро НТСНП в Белграде, я вел переписку с заграничными отделениями союза, давая распоряжения и указания по техническим и организационным вопросам, а также обеспечивал и сам лично доставал паспорта и другие документы для перебрасываемых на территорию Советского Союза и других государств».

Аналогичное обстоятельство подтверждает и бывший руководитель отделения НТСНП в гор. Нови-Сад Делибалта Иван Дмитриевич, задержанный отделом контрразведки «Смерш» 236-й иад (так в тексте документа. – *Прим. авт.*), который на допросе 19 ноября с. г. показал:

«...Программа организации НТСНП была следующая: свержение советской власти в России и установление нового строя на основе сотрудничества всех классов. Признание частной собственности и частной торговли, национализация крупной промышленности, недр и путей сообщения. Свобода религии, личности и труда.

Первоначальной задачей НТСНП была подготовка кадров из членов союза для борьбы против советской власти и руководителей новой России...»

Из дальнейших показаний видно, что Делибалта лично через биржу труда достал 10 документов, по которым в 1944 году в Германию выехало 10 человек членов НТСНП для работы среди военнопленных по «выполнению программы НТСНП на месте».

Кроме этого, по заданию представителя центра НТСНП белоэмигранта Богдановича, приехавшего из Германии в Венгрию и Югославию под видом инженера фирмы «Шелер», Делибалта занимался вербовкой рабочих, в основном русских, для посылки работать на данную фирму, которая проводила работу в оккупированных немцами областях Советского Союза. Одновременно с работой на фирме эти рабочие должны были проводить соответствующую деятельность по выполнению программы НТСНП.

После того как часть территории Югославии была насильственно отторгнута и передана Венгрии, в начале 1942 года в гор. Нови-Сад прибыл руководитель НТСНП Венгрии барон Винеккен с задачей объединения организаций НТСНП под руководством венгерского центра.

Внезапное нападение Германии на Советский Союз, приведшее к временным успехам на фронте, создало среди членов НТСНП, как и других белоэмигрантов, уверенность в скором поражении СССР. В связи с этим высказывалась возможность скорого возвращения на родину и активизировалась антисоветская работа.

Задержанный отделом контрразведки «Смерш» 17-й воздушной армии активный член Нови-Садской организации НТСНП, бывший личный адъютант генерала Деникина, белоэмигрант Высота Алексей Григорьевич по этому вопросу показал:

«Когда началась война с Германией в 1941 г., я думал, что настал момент, когда русский народ, о котором я предполагал, что он в массе не сочувствует коммунистической партии, получает возможность произвести политический переворот в смысле установления чистой национальной власти на базе широкого участия в управлении страной всех русских людей, а не только тех, которые являются членами коммунистической партии».

29 ноября с. г. 1-м отделом Управления контрразведки «Смерш» фронта в гор. Самбор задержан руководитель местной организации НТСНП – Кулжинский Дмитрий Степанович, 1901 года рождения, уроженец гор. Полтавы, русский, образование среднее, белоэмигрант, в прошлом доброволец деникинской армии...

На допросе задержанный показал, что организация НТСНП в гор. Самбор возникла в 1935 году и была создана представителями исполнительного бюро НТСНП Югославии Третьяковым, Казанцевым и Томашевским.

Как видно из показаний Кулжинского, Самборская организация НТСНП на протяжении всего времени существования до последних дней по указаниям центра основной задачей ставила подготовку «национальных кадров» для переброски их в Советский Союз, с целью принять участие в свержении советской власти.

По вопросу практического осуществления задач НТСНП Кулжинский показал: «...Чтобы приступить к выполнению поставленной задачи по подготовке кадров, члены группы в гор. Самбор занимались собственной политической и идейной подготовкой. С этой целью мы два раза в неделю собирались изучать литературу, присылаемую исполнительным бюро НТСНП в гор. Белграде. Наши собрания были закрытыми, и присутствовали на них только члены группы. Изучали курс истории СССР, программу НТСНП. Последняя основными задачами ставила свержение советской власти в СССР и образование нового правительства, уничтожение колхозов и передачу земли мелким частным собственникам». В целях усиления работы по вовлечению новых членов в НТСНП из числа белоэмигрантов Самборская организация имела так называемый комитет содействия в количестве 12 человек.

Политические доклады, ставящие целью идеологическую обработку членов НТСНП, в основном проводились руководителем центра НТСНП Георгиевским и местной организации – Кулжинским.

В числе подвергшихся задержанию белоэмигрантов заслуживают внимания участники организаций казаков-националистов, также проводивших активную антисоветскую деятельность под лозунгом: «Борьба за свержение советской власти и создание казачьей национальной федеративной республики без коммунистов».

Отделом контрразведки «Смерш» 17-й воздушной армии в гор. Нови-Сад 22 ноября с. г. был задержан руководитель местной организации казаков-националистов – Голобородько Георгий Филиппович, 1899 года рождения, уроженец Кубанской области, с. Корневское, русский, из крестьян, казак, белоэмигрант.

Будучи допрошен о задачах организации казаков, Голобородько показал: «Программа организации казаков-националистов, в которую я входил, гласила, что в удобный момент националисты-казаки вооруженным путем должны свергнуть советскую власть и восстановить «казачью национальную федеративную республику» без коммунистов. В этом должны были помочь Англия и Польша, а в 1939 году, в связи с войной, и Германия».

Для осуществления этой задачи и проводилась активная работа по сколачиванию белоэмигрантов-казаков. Помимо организационных мер по объединению казаков-белоэмигрантов, проводилась и политическая работа. На собраниях казаков читались лекции по вопросам национального движения казаков и текущих политических событий с уклоном националистического характера. Политическая работа среди казаков-белоэмигрантов Нови-Садской организации проводилась студентами Белградского университета Поляковым

и Мерзликиным, входившими одновременно в состав руководства центра казаков в Югославии.

Задержанный отделом контрразведки «Смерш» 32 раба (так в тексте документа. – *Прим. авт.*) бывший корнет царской армии белоэмигрант Козлов А. Н., состоявший в Петровградской местной организации казаков «Донская станица», на допросе показал, что их деятельность вместе с РОВСОм активизировалась и организация существовала до последнего времени.

Из его показаний известно, что центр «Донской станицы» находился в Париже, возглавлял его атаман Грабе, а представителем в Белграде являлся полковник Краснов, под руководством которого местные организации донских казаков, объединенные в так называемые станицы во главе с атаманами, проводили активную антисоветскую пропаганду.

Многие участники «донских станиц» из более молодых возрастов добровольно вступили в формируемый «Русский охранный корпус» и принимали участие в боях против партизан и Народно-освободительной армии Югославии.

В процессе изучения деятельности других белоэмигрантских организаций в Югославии также установлен «Союз младороссов», возглавляемый в Югославии (с центром в Белграде) Балашовым С. Н. и подчинявшийся центру союза в Париже, руководителем которого был Казим-Бек.

Отделом контрразведки «Смерш» 32 раб (так в тексте документа. – *Прим. авт.*) в гор. Петровграде 23 ноября с. г. через местные органы власти был задержан бывший руководитель организации «младороссов» Дубяго Борис Александрович, 1888 г. р., уроженец гор. Петербурга, русский, в 1905 году окончил кадетский корпус и в 1907 году Военно-артиллерийское училище...

О содержании программы «Союза младороссов», которой в свое время руководствовались так

называемые местные очаги «союза», Дубяго показал следующее:

«Партия младороссов» отбрасывала всякого рода пораженчество, вредительство и террор, имела ставку на эволюцию, признавала советский строй, за что получила кличку второй советской партии большевиков.

Главным образом в нашей практической работе проводилась пропаганда о Советском Союзе с той целью, чтобы в порядке эволюции в России установить династическую монархию. После Николая II по наследству на престол должен был стать князь Кирилл, но так как он умер, престол должен был наследовать его сын Владимир.

Лозунг «Союза младороссов» был таков: «царь и советы». Коммунистическую партию должна заменить партия «младороссов».

Также установлена на территории Югославии деятельность украинских контрреволюционных националистических организаций, состоявших из белоэмигрантов, деникинцев и врангелевцев.

Отделом контрразведки «Смерш» 57-й армии в гор. Петровграде был задержан Кекало Василий Васильевич, белоэмигрант, в прошлом активный участник националистического движения на Украине, являлся членом президиума Центральной рады правительства Винниченко и состоял в «Партии украинских хлеборобов-демократов».

Проживая с 1922 года на территории Югославии, Кекало вел активную работу по объединению украинских националистов, пытаясь создать партию «хлеборобов-украинцев» с задачами пропаганды и борьбы за отделение Украины от Советского Союза и образование «великой Украины». С этой целью им была написана и в 1938 году издана брошюра «Политические перспективы Украины», излагавшая

взгляды белоэмигрантских кругов из среды украинских националистов.

В том же году Кекало вступил в к.-р. (контрреволюционную) националистическую организацию в Белграде под названием «Украинская громада», где вскоре был избран заместителем председателя этой организации, являясь фактическим руководителем по вопросам идеологической обработки членов этой организации в националистическом духе. Он также вел подготовку к выступлению против Советского Союза, в целях чего принимал меры к объединению с белоказаками для совместной борьбы.

В 1941 году Кекало вступил в националистическую организацию «Просвита». Из показаний свидетелей Рогозина и Бородина видно, что он, проживая в Петровграде, являлся руководителем местной организации «Просвита», среди членов которой проводил антисоветскую агитацию, пропагандируя идею создания «великой Украины» во главе с гетманом Скоропадским.

Из материалов проверки деятельности белоэмигрантов видно, что многие из них наряду с антисоветской пропагандой, участием в формировании «русского охранного корпуса» и активизацией других мер борьбы против Советского государства состояли на службе контрразведывательных органов немцев и венгров в качестве тайных агентов.

Отделом контрразведки «Смерш» 288-й иад (так в тексте документа. – *Прим. авт.*) за время дислокации в гор. Ниш на основании полученных данных о связях с немецкой службой безопасности и СД 11 ноября сего года был задержан белоэмигрант Кравец Борис Антонович.

Проверяя личность Кравца, установлено, что он из советской России эмигрировал в 1920 году и с тех пор постоянно проживал в Югославии. С октября 1921 года

по октябрь 1938 года находился в гор. Сараево и работал агентом местной полиции, затем писарем адресного стола и криминальной полиции. С 1928 года работал чиновником железнодорожных мастерских в городах Сараево и Ниш.

На допросе Кравец показал, что он в июле 1941 года работником немецкого СД в гор. Ниш Францези был завербован в качестве тайного агента под № 878 и получил задание по выявлению партизан-коммунистов и антифашистски настроенных лиц среди местного населения. Одновременно, как он показал, немцы обязали его следить за концентрацией и передвижением партизанских отрядов, действующих против германской армии и ее гарнизонов, расположенных на территории Югославии.

Задание немцев Кравец выполнял добросовестно, в связи с чем его из рядового агента перевели в категорию агента-вербовщика с последующей передачей ему на связь вновь завербованных агентов СД.

Выполняя обязанности агента-вербовщика, Кравец лично подобрал и завербовал в качестве агентов СД белогвардейцев Варламова И. К. и Меленьковича Александра, которых проинструктировал на выявление руководителей партизанских отрядов, коммунистов и лиц, ведущих антифашистскую работу.

За работу в качестве агента СД Кравец неоднократно получал вознаграждение в общей сумме 14-15 тыс. сербских динар.

В процессе допросов задержанных белоэмигрантов выявлено значительное количество новых активных участников белогвардейских формирований, проводивших антисоветскую работу, в отношении которых проводятся меры проверки их конкретной деятельности против Советского государства»[\[118\]](#).

О том, кто из белоэмигрантов – активных участников различных антисоветских организаций был задержан сотрудниками военной контрразведки после мая 1945 года, рассказано в книге Александра Колпакиди «Ликвидаторы КГБ»[\[119\]](#).

Часть третья
Незримое сражение

Глава 7

Свои среди чужих

Термин «зафронтная работа» начальник Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-лейтенант Александр Георгиевич Безверхний расшифровал так:

«Главные задачи этой работы – агентурное проникновение к планам и секретам противника, получение упреждающей информации о его диверсионно-террористических устремлениях по отношению к нашей армии. «Смершу», в частности, удалось иметь уникальные, на мой взгляд, агентурные позиции в центре, в самом сердце абвера. Она дала возможность агентурным путем получать достоверную информацию о планах немцев. То, что они пытались совершить покушение на Сталина, а также осуществить сотни, тысячи других террористических актов. И это им не удавалось! Силами контрразведки, силами «Смерша» удалось добыть стратегическую информацию об основных замыслах Гитлера, и Ставка имела упреждающую информацию обо всех планах, намерениях, направлениях удара немцев... Представьте, сколько жизней было сохранено, какая серьезная помощь была оказана фронту...

Благодаря этой, не побоюсь высокой оценки, блестяще налаженной работе, армейские чекисты располагали подробными сведениями об агентах противника еще в период их подготовки в разведшколах. Так, с октября 1943 года по май 1944 года контрразведчики перебросили в тыл противника 345 агентов, среди них 50 – перевербованных агентов германской разведки. Возвратились после выполнения задания – 102; 57 внедрились в разведшколы, а 26

остались в разведорганах, выполняя задания военной контрразведки. За этот период органами «Смерша» было выявлено 1103 агента противника, из них 273 – арестованы»[\[120\]](#).

По другим источникам, с апреля 1943 года по февраль 1944 года была проведена следующая «контрразведывательная работа в тылу противника»:

«За истекший период по нашему заданию внедрилось в германские разведывательные органы и школы 75 агентов, причем 38 из них возвратились из тыла противника по выполнению задания.

Перед этой агентурой была поставлена задача проникнуть в разведывательные органы противника, установить их дислокацию и структуру, изучить деятельность этих органов против Красной Армии и собрать сведения об официальных сотрудниках и агентуре, подготовляющейся для заброски на нашу сторону.

Кроме того, им было поручено перевербовывать агентов противника и склонять их на отказ от выполнения заданий немцев и явку с повинной в органы советской контрразведки после переброски через линию фронта.

Некоторые из агентов получили от нас задание проникнуть в части так называемой «Русской освободительной армии» для разложения этих частей.

Возвратившиеся разновременно из тыла противника агенты представили добытые ими сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и на 972 выявленных ими германских шпиона и диверсанта, подготовляющихся для переброски в распоряжение частей Красной Армии.

Впоследствии 176 разведчиков из числа названных нашей агентурой, после переброски их немцами на нашу сторону, были арестованы органами «Смерш».

Кроме того, находясь на территории противника, наши агенты завербовали 85 агентов немецких разведывательных органов на явку с повинной при переброске их на сторону частей Красной Армии и склонили для работы в пользу советской контрразведки 5 официальных сотрудников германской разведки.

Эти же агенты представили подробные доклады о методах вербовки и подготовки немцами шпионов, диверсантов для проведения подрывной деятельности в частях Красной Армии и советском тылу.

Агентура «Смерш», проникшая в части так называемой «Русской освободительной армии» и карательные отряды, организовала переход на нашу сторону и к партизанам 1202 участников этих подразделений»^[121].

Есть данные и по более раннему периоду. Так, за январь – октябрь 1943 года в тыл противника было направлено 7 агентурных групп в составе 44 человек (22 оперработника, 13 агентов и 9 радистов), подчиненных непосредственно ГУКР «Смерш». За время нахождения за линией фронта ими были привлечены к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек. Потери во всех группах составили 4 человека.

С 1 сентября 1943 года по 1 октября 1944 года фронтовыми управлениями «Смерша» было заброшено на вражескую территорию 10 групп, включавших в себя 76 человек (31 оперработник, 33 агента и 14 радистов). Им удалось привлечь к сотрудничеству 142 человека. Шестеро агентов внедрено в немецкие разведорганы. Было выявлено 15 агентов противника^[122].

Путь в «Сатурн» и в другие разведорганы противника

В качестве примера можно вспомнить кинотрилогию «Путь в «Сатурн», «Сатурн» почти не виден» и «Конец операции «Сатурн». В этих фильмах рассказано об агенте советской военной контрразведки Александре Ивановиче Козлове (Байкал-60), который трудился в подразделении военной разведки Третьего рейха – абверкоманде-103 с июля 1943 по 1945 год. Этот человек дослужился до должности начальника учебной части разведцентра и звания капитан Вермахта. Ему удалось передать информацию о 127 агентах, подготовленных в катынской разведшколе, и подробно осветить деятельность абверкоманды.

Вот цитата из официальной справки о его деятельности в тылу врага.

«... с июля 1943 года по апрель 1945 года по заданию органов безопасности находился в немецкой разведшколе, сначала преподавателем, а затем начальником учебной части. Используя свое служебное положение, перевербовал 7 немецких агентов, 6 из которых прибыли по паролю, данному Козловым, в органы госбезопасности. Козловым проводилась также работа по отчислению из школы немецких агентов, которые были наиболее преданы немецкому командованию. Возвратившись в июне 1945 года в Советский Союз, Козлов представил в органы госбезопасности подробный отчет о деятельности разведшколы. Назвал 57 агентов и 29 официальных сотрудников школы. В дальнейшем, проживая в Ставропольском крае, оказывал помощь органам госбезопасности. Им было опознано 12 немецких агентов».

Кроме названных выше фильмов, о его подвиге написано несколько повестей. Вот только в этих произведениях не отражен один важный момент – так получилось, что Байкал-60, оказавшись за линией фронта, остался без связи. Ему самому пришлось

вербовать курсантов и через них налаживать связь с Москвой^[123].

Другие операции были организованы лучше. Так, летом 1942 года Особый отдел 20-й армии Западного фронта внедрил в Смоленскую школу по подготовке диверсантов агента Михайлова (красноармеец 444-го стрелкового полка А. С. Соболев). За период с августа 1942 года по февраль 1943 года он перевербовал 12 курсантов, которые после переброски через линию фронта с повинной являлись в органы госбезопасности. Так же ему удалось завербовать бывшего начальника штаба батальона Красной Армии П. М. Голокоза. Последний перевербовал 17 курсантов, а в июле 1943 года привел в расположение партизанской бригады немецкий карательный отряд численностью 84 человека.

В общей сложности А. С. Соболев и П. М. Голокоз завербовали 29 курсантов (впоследствии все явились с повинной в органы госбезопасности) и подготовили 21 военнопленного для перехода к партизанам. О результатах их работы было доложено лично Иосифу Сталину. Оба агента удостоены ордена Красного Знамени.

В августе 1941 года младший лейтенант К. С. Богданов попал в немецкий плен, где был завербован и направлен на обучение в Смоленскую диверсионную школу. После заброски в советский тыл явился с повинной. А в июле 1943 года по заданию «Смерша» он вернулся к немцам. За «успешное» выполнение задания руководство школы назначило его командиром взвода курсантов. За время работы в школе он завербовал 6 курсантов. В октябре 1943 года из курсантов был сформирован карательный отряд. Богданов смог организовать уход к партизанам 88 человек^[124].

О двух операциях рассказал начальник Департамента военной контрразведки ФСБ России

генерал-лейтенант Александр Георгиевич Безверхний:

«Управлением контрразведки Карельского фронта была проведена операция по внедрению в разведывательно-диверсионную школу германской разведки в Петрозаводске военнослужащего С. Д. Гоменюка - под видом перебежчика. Немецкое командование наградило его медалью «За заслуги» II степени, он был оставлен в школе в качестве инструктора. А в результате Гоменюк передал органам «Смерша» подробные сведения на обучающихся в школе агентов...

В октябре 1944 года Управлением контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта была проведена сложная чекистская операция по захвату секретных документов и картотеки агентуры немецкого шпионского центра в Риге. Боевую группу возглавил капитан М. А. Поспелов. За проведение этой дерзкой операции капитан и члены группы были представлены к государственным наградам, но самого командира тогда отправили раненого в госпиталь, и его награждение в спешке наступления не состоялось... Только лишь в 1975 году почетный сотрудник госбезопасности майор в отставке Поспелов получил орден Красного Знамени - за боевые подвиги в годы войны»^[125].

На фоне отдельных успешных операций общая статистика первых лет войны звучит не так оптимистично, как хотелось бы официальным историкам.

«В течение 1941-1942 года Особые отделы Действующей армии провели ряд комбинаций по выводу агентуры за линию фронта. В результате на 1 октября 1942 года из 312 агентов Особого отдела НКВД Калининского фронта, ранее заброшенных в тыл врага, только 9 внедрились в разведорганы противника,

остальные ограничились сбором военно-разведывательной информации.

Особый отдел Воронежского фронта в 1942 году вообще всю зафронтовую работу подчинил интересам разведки...»^[126] Что скрывается за обтекаемым словосочетанием «интересы разведки»? Вывод в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов. Об этой сфере деятельности расскажем ниже, а пока отметим, что к середине войны ситуация в сфере зафронтовой работы начала кардинально изменяться. Так, с октября 1943 года по май 1944 года военные контрразведчики перебросили в тыл противника 345 агентов, в т. ч. 50 перевербованных агентов германской разведки. Возвратились после выполнения задания 102 человека, внедрились в разведшколы – 57, а 26 остались в разведорганах, выполняя задания военной контрразведки. За указанный период всеми органами «Смерш» было выявлено 1103 агента противника, из них 273 – арестовано^[127].

С 15 февраля по 20 ноября 1944 года результаты работы военной контрразведки были такими:

«За отчетный период Управлениями «Смерш» фронтов переброшено в тыл противника с контрразведывательным заданием 160 агентов, из них:

- а) с санкции Главного управления «Смерш» – 61;
- б) самостоятельно – 99.

За этот же период возвратилось из тыла противника 99 агентов, из них:

- а) переброшенных в отчетном периоде – 54;
- б) переброшенных до 15 февраля 1944 г. – 45.

Из числа возвратившихся из тыла противника агентов:

- а) выполнили задание – 34;
- б) не выполнили – 65.

Агентура, возвратившаяся из тыла противника и выполнившая задания агентов «Смерша», проделала

следующую работу:

а) назвала официальных сотрудников германской разведки – 208, из них ранее нам известных – 166;

б) из числа названных официальных сотрудников германской разведки арестован органами «Смерша» – 1;

в) назвала агентов германской разведки, подготовлявшихся к переброске в советский тыл – 479, из них ранее нам известных – 189;

г) из числа названных агентов германской разведки арестовано органами «Смерша» – 95;

д) перевербовано агентов германской разведки – 18;

е) обработано агентов германской разведки на явку с повинной в органы «Смерш» – 54;

ж) явилось с повинной в органы «Смерш» агентов германской разведки после их переброски в советский тыл – 47;

з) обеспечила задержание и доставку в органы «Смерш» германских агентов, намеревавшихся выполнять задание немцев – 9.

Не возвратилось из тыла противника наших агентов из числа переброшенных в отчетном периоде – 106, из них:

а) внедрилось в германские разведывательные органы и выполняют наши задания в тылу противника – 15 агентов;

б) явилось в органы «Смерша» связников от нашей агентуры, выполняющей задание в тылу противника, – 3;

в) находится в лагерях военнопленных, угнано в тыл Германии и репрессировано немцами – 20 агентов;

г) неизвестна судьба переброшенных в тыл противника – 71 агента»^[128].

Есть данные и по отдельным фронтам. Так, 2-й отдел УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта с 1 января по 25 мая 1944 года достиг таких результатов в зафронтной работе:

«За отчетный период на сторону противника переброшено 43 зафронтowych агента, из них:

переброшено 1-м отделением 2-го отдела УКР «Смерш» – 15 агентов;

вторыми отделениями армейских отделов «Смерш» – 28 агентов.

По характеру заданий и линиям внедрения переброшенная агентура распределяется так:

- а) на прямое внедрение переброшено – 8 агентов;
- б) для подставы на вербовку и попытки внедрения в разведки противника – 26 агентов;
- в) для изучения агентурной обстановки на территории Румынии и установления мест дислокации разведорганов противника – 9 агентов.

По разведывательным органам противника.

1. Разведывательная школа штаба «Валли». На прямое внедрение переброшен – 1 агент.

2. Зондеркоманда 204.

а) На прямое внедрение в тыл противника переброшен 1 агент.

б) Для подставы на вербовку и попытки внедрения нашей агентуры в зондеркоманду 204 переброшено на участке действий этой команды 9 агентов.

3. Зондеркоманда 203.

В целях подставы на вербовку и попытки внедрения в зондеркоманду 203 нашей агентуры переброшено на участке действий этой команды 4 агента.

4. Зондеркоманда 102.

а) На прямое внедрение в зондеркоманду 102 переброшен – 1 агент.

б) В целях подставы на вербовку и попытки внедрения в этот разведорган на участке действий его переброшено – 5 агентов.

5. Запорожская разведывательная школа (филиал штаба «Валли – 1»).

а) Вторично переброшен в тыл противника зафронтной агент Раев, который при первой переброске внедрился в этот разведорган и был выброшен с заданием в наш тыл.

б) Для подставы на вербовку и попытки внедрения в Запорожскую Разведывательную школу на участке ее действий выброшен 1 агент.

6. «Восточное министерство».

На прямое внедрение в организации «Восточного министерства» переброшено в тыл противника в качестве зафронтных агентов 2 бывших сотрудника фирмы «Тодт».

Кроме этого, на прямое внедрение в немецкие разведывательные органы, действующие против нашего участка фронта, переброшены 2 зафронтных агента (бывшие сотрудники и агенты «Айнс-Ц» дивизии).

7. Второе бюро (Ясское) 2-го отдела Генштаба румынской армии. Для подставы на вербовку и попытки внедрения нашей агентуры в румынскую разведку, на участке деятельности 2-го бюро 2-го отдела Генштаба, переброшено на сторону противника 4 агента.

8. Бюро (Кишиневское) 2-го Отдела Генштаба румынской армии. Для подставы на вербовку и попытки внедрения нашей агентуры в румынскую разведку, на участке деятельности Кишиневского бюро 2-го Отдела Генштаба, переброшено в распоряжение противника 4 агента.

Для изучения агентурной обстановки на территории Румынии, установления мест дислокации разведывательных и контрразведывательных органов противника, а также попытки внедрения туда нашей агентуры в тыл противника переброшено 9 агентов.

Результаты зафронтной работы.

За указанный период из тыла противника возвратилось 12 зафронтных агентов. Из них

внедрилось в разведывательные и контрразведывательные органы противника 5 агентов.

В результате работы в тылу противника нашей зафронтальной агентуры установлено:

а) Агентов германских разведывательных органов – 40 человек.

б) Агентов СД – 2 чел.

в) Изменников Родине – 47 чел.

Собраны подробные данные об официальном составе и деятельности на нашем участке фронта Запорожской разведывательной школы и отдела «Айнс-Ц» 57-й немецкой пехотной дивизии.

По материалам зафронтальной агентуры отделами «Смерш» 2-го Украинского фронта и других фронтов арестовано 14 агентов разведывательных органов противника.

Кроме того, зафронтальной агентурой в тылу противника завербовано для работы в пользу нас 8 человек»^[129].

Из справки 2-го отдела УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта можно узнать подробности зафронтальной работы органов военной контрразведки. Процитируем данный документ.

«... 1. Какие задания давались агентуре.

Характер заданий зафронтальной агентуре обуславливается объектом, куда намечено внедрение агента, объективными возможностями последнего и личными данными.

Агентуре, направляемой в разведывательные органы противника, в систему абвера (разведшколы, передовые пункты разведки), в большинстве случаев даются задания по созданию агентурной базы в данном разведоргане путем вербовки конкретных просоветски настроенных лиц из официального состава и обслуживающего персонала для склонения

разведчиков, не имеющих намерения выполнять заданий немцев, на явку с повинной в советские органы и сбора сведений о подготовляемой и подготовленной агентуре. Так, например:

1. Направленный в начале октября 1943 года в тыл противника агент Помазан (перевербованный агент немецкой разведки Хрипунов) имел задание по возвращении в Черняхово Смородинский разведпункт завербовать антифашистски настроенного шофера пункта по имени Григорий с тем, чтобы последний в отсутствие нашего агента склонял на явку с повинной разведчиков, не имеющих намерения работать на немцев. Помазану, кроме того, поручалось при наличии благоприятных возможностей самому осуществлять вербовки агентов для работы в пользу советской разведки. В качестве прикрытия агента Помазана с ним вместе был направлен агент «Пушкарев» (перевербованный немецкий агент Давыдов), который, согласно заданию, должен был выполнять роль наводчика агенту Помазан при отборе последним кандидатур на вербовку.

2. Агент Турецкий, проходящий по агентурной комбинации «Луч», при первом направлении в тыл противника в начале января 1944 года имел задание – завербовать сотрудницу Крупкинского разведпункта Литвинову (с которой Турецкий находился в близких отношениях) и ее сестру, систематически поддерживавшую связь с разведчиками пункта, для проведения работы последними по склонению антифашистски настроенных разведчиков на явку с повинной в советские органы. При второй переброске этого агента в тыл противника он получил задание на вербовку агента абверкоманды-103 по имени Ольга, находящейся в близких отношениях с агентом Турецкий.

Другие реализованные комбинации по внедрению нашей агентуры в разведорганы противника также

предусматривают вербовку конкретных лиц официального состава разведорганов.

За период с 01.X.43 г. 6 агентов направлены в лагеря военнопленных с задачей создания внутри них агентурной базы для обеспечения подставы нашей агентуры в разведорганы противника, а также с целью проникновения в разведывательные, контрразведывательные и полицейско-карательные органы немцев.

Так, по агентурной комбинации «Реванш» 23 ноября 1943 года переброшены в тыл противника агенты Кожухов и Кустов с заданием: проводить склонение на явку с повинной в советские органы военнопленных, вербуемых немецкой разведкой в лагерях, рабочих командах и других объектах, в зависимости от места пребывания агента.

После внедрения в разведорганы противника нашей агентуры последняя должна также проводить работу по склонению на явку с повинной в советские органы агентов, не имеющих намерения выполнять задания немцев.

29. III.44 г. в тыл к немцам был переброшен агент Устюгов (агентурная комбинация «Приток») с задачей создания агентурной базы в Оршанском или Борисовском лагерях военнопленных путем вербовки антифашистски настроенных лиц из административно-обслуживающего персонала для проведения работы по подставе нашей агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника.

По выполнении задания в лагере агент «Устюгов» должен подставить себя под вербовку в одно из к/р формирований с целью создания боевых групп по захвату важных немецких документов, а также пленения официальных работников германской контрразведки, гестапо и СД [\[130\]](#).

Переброшенные в тыл противника агенты Богородицкий и Волынский имеют задание через лагерь военнопленных внедриться в один из контрразведывательных органов противника с задачей создания внутри них нашей агентурной базы. Агентам поручается по внедрении в контрразведывательные или карательные органы противника создание из числа участников этих органов боевых групп по захвату и передаче нам, при отступлении немцев, официальных работников германской разведки и контрразведки и секретных документов.

При наличии в числе административно-обслуживающего состава лагерей известных нам лиц, подходящих для вербовки, направляемых туда нашим агентам дается задание по вербовке также конкретных лиц.

В задание всех направляемых агентов, как правило, входит сбор контрразведывательных данных об официальном и негласном составе разведывательных, контрразведывательных и полицейско-карательных органов противника.

Как правило, при направлении агентуры в тыл противника, исключая перевербованных немецких агентов, она инструктируется о поведении не только в том объекте, куда намечается внедрение агента, но и по другим линиям - на случай, если агент попадет в лагерь военнопленных, разведку, контрразведку, карательные формирования и т. п.

2. Как осуществляется переброска, кто перебрасывает.

Подготовленная агентура перебрасывается в тыл противника исключительно пешим порядком через линию фронта. Переброски самолетом не производились.

Переброску агентов осуществляет обычно оперативный работник, ведущий их подготовку.

3. Сколько наших агентов перевербовано немцами.

За период с 01.X.43 г. по 01.III.44 г. из числа направленной в тыл противника агентуры (исключая перевербованных нами германских разведчиков) перевербованных немцами не было.

4. Способы связи с агентами.

В качестве способов связи с агентурой, направляемой в тыл противника, обуславливаются:

а) направление агентами связников, приобретенных на месте работы агента, по паролю через линию фронта или в партизанские отряды;

б) оставление агентами связников на освобожденной Красной Армией территории с последующей явкой последних в органы «Смерша» по паролю;

в) оставление агентами в обусловленных местах на оккупированной территории собранных материалов, которые подбираются нами при освобождении данной местности Красной Армией;

г) посылка агентами писем по обусловленному адресу через посредство местных жителей, остающихся на освобожденной территории;

д) использование агентами отдельных местных жителей, остающихся на освобожденной территории, для передачи с ними сведений об агенте «втемную».

5. С какими агентами поддерживается связь и каким образом.

Двусторонней связи ни с одним из агентов, переброшенных в тыл противника, не поддерживается.

Односторонняя связь до января 1944 года поддерживалась с агентами «Помазаном» и «Пушкаревым» путем посылки последними к нам лиц,

склоненных ими на явку с повинной в советские органы, по паролю.

Всем агентам, направляемым в тыл противника, даются пароли на случай прихода к ним наших связников.

б. Что известно о судьбе переброшенных агентов.

Перевербованная немецкая агентура

1. Василевич - переброшен 02.X.43 г., по данным разоблаченных немецких агентов, Василевич 11.X.43 г. благополучно возвратился в Крупкинский разведпункт, откуда был направлен в Борисовскую школу. О дальнейшем пребывании «Василевича» данных не имеется.

2. Помазан переброшен 02.X.43 г. в паре с агентом Пушкаревым. Благополучно возвратились на передовой пункт разведки абвергруппы-109 «Вольф».

По данным связников, агент Помазан в начале ноября 1943 года выбыл вместе с официальным составом пункта на южный участок советско-германского фронта, агент «Пушкарев» 10.01.44 г. арестован немцами по подозрению в связях с советской разведкой.

3. Агент Турецкий 25.III.44 г. вторично направлен в тыл противника 1 апреля с.г., благополучно возвратился в «штаб бюро»^[131] абверкоманды-103, г. Минск. По данным разоблаченной агентуры противника, 6-7 апреля 1944 года «Турецкий» выбыл в отпуск в Германию.

4. Агент Зоркий 14.01 44 г возвратился из тыла противника, выполнив наше задание. Находится на конспиративной квартире.

5. Агент Вольный, переброшенный в тыл противника 31.01.44 г., 20 февраля возвратился в Крупкинский разведпункт, откуда через 2 дня был увезен в неизвестном направлении.

Судьба остальных зафронтовых агентов, переброшенных в тыл противника в период с 01.X 43 г. по 01.IV.44 г., неизвестна.

Сколько агентов вернулось после выполнения заданий и как они выполнили эти задания.

За период с 01.X.43 г. по 01.III.44 г. из тыла противника вернулось два зафронтовых агента: Зоркий и Турецкий. Агент Зоркий при переброске в тыл противника 25.XI.43 г. имел задание завербовать разведчика Крупкинського разведпункта Шаркова, имевшего намерение явиться к нам с повинной, с тем, чтобы последний склонил на явку с повинной в советские органы хорошо знакомых ему немецких разведчиков Ляпина и Гаврюшина.

Ввиду того, что к моменту возвращения на пункт указанные разведчики оттуда были, агент Зоркий обработал на явку с повинной к нам другого разведчика Валькова (арестован УКР «Смерш» Белорусского фронта). Кроме того, Зоркий передал органам «Смерша» активного немецкого агента Сапсая и принес сведения о подготовленной и подготавливаемой агентуре в Крупкинском разведпункте и в Минском штаб-бюро.

Агент Турецкий при первом направлении в тыл противника 07.01.44 г. имел задание по возвращении в Крупкинский разведпункт завербовать жительницу ст. Крупки, в прошлом сотрудницу Крупкинського пункта Литвинову, с которой агент находился в близких отношениях, и ее сестру, с тем, чтобы последние проводили вербовку разведчиков на явку с повинной в советские органы.

Одновременно в доме Литвиновых предусматривалось создание явочной квартиры для наших агентов.

К моменту возвращения агента Турецкого из советского тыла на разведпункт сестры Литвиновы были арестованы немцами по подозрению в связях

с партизанами и поэтому Турецкий был лишен возможности выполнить эту основную часть задания.

Во исполнение нашего задания Турецкий сообщил пароль на явку с повинной в советские органы немецкому разведчику Крымову и при переброске немцами на нашу сторону 14.III.44 г. доставил ценные сведения контрразведывательного характера»[\[132\]](#).

А вот что происходило в «зоне ответственности» органов военной контрразведки 2-го Белорусского фронта.

«После выхода Управления фронта из резерва Ставки, за период с 1 марта с.г. по 5 апреля на ковельском и с 1 мая по настоящее время на могилевском направлениях, Управлению «Смерш» пришлось контрразведывательную работу по тылу противника начинать дважды совершенно заново.

Прибыв 1 мая на новый участок фронта, Управление контрразведки «Смерш» приступило в первые дни к сбору и систематизации данных о разведывательных и контрразведывательных органах противника, противостоящих фронту.

Анализом уже собранных нами материалов устанавливается, что участку фронта противостоят и активно действуют разведывательный орган «Виддер» в г. Бобруйске (абвергруппа-107 при 9-й немецкой армии), разведывательный орган в г. Могилеве (абвергруппа-108 при 4-й немецкой армии), Нейндорфская разведшкола, из которой обученная агентура поступает в абверкоманду ЮЗ «Сатурн» в г. Минске, и затем непосредственно командой или через абвергруппы направляется на задание.

Кроме этого, установлено наличие немецких контрразведывательных органов в г. Минске и Могилеве, ведущих борьбу с советской агентурой и партизанами.

Управлением «Смерш» фронта и подчиненным ему отделом «Смерш» 49-й армии за истекший период

времени переброшено в тыл противника 4 зафронтовых агента, из них:

18 мая с.г. осуществлена переброска в тыл противника перевербованного нами немецкого агента, явившегося с повинной, под кличкой Феникс. Агент Феникс возвращен в Могилевский разведорган как якобы выполнивший задание и благополучно перешедший на сторону немцев.

Для вручения немецкой разведке интересующих их данных агент Феникс был обеспечен дезинформационными сведениями, приближенными к действительности.

Перед агентом Феникс была поставлена основная задача: по возвращении в Могилевский разведорган убедить немцев в правдивости своего отчета о выполнении их задания. По достижении этой цели агент приступает к выполнению порученного ему задания – насаждению агентуры среди обслуживающего персонала разведоргана и вербовке через нее агентуры, идущей на задание в наш тыл, для явки ее с повинной в наши органы.

В результате умелого поведения агента Феникс ему удалось осуществить поставленную перед ним задачу, убедить немцев в «честной» работе на них и заслужить их доверие.

Показаниями задержанных нами агентов немецкой разведки устанавливается, что Феникс благополучно прибыл в Могилевский разведорган, где был принят начальником этого органа. После приема Фениксу предоставлен отдых, он премирован деньгами, а также представлен к награждению бронзовой медалью.

Выполняя наше задание, агент Феникс предлагал перебрасываемым на задание в наш тыл немецким агентам Бородину и Карпову явиться с повинной к советскому командованию. По имеющимся у нас

данным, Феникс в настоящее время готовится к выброске на задание в наш тыл.

21 мая нами осуществлена переброска агента Радомский под видом случайного попадания в плен. Планом агентурной комбинации и заданием Радомскому предусмотрено, что он после пленения его немцами будет проводить работу в лагерях военнопленных по вербовке пленных и подставы их немецким вербовщикам для проникновения в разведывательные и контрразведывательные органы противника. Исходили мы из того, что могилевская разведгруппа черпает свои основные кадры из могилевского лагеря военнопленных, куда и направляются обычно пленные, взятые на участке нашего фронта.

30 мая с.г. в тыл противника переброшен самолетом в район Могилева наш зафронтной агент Левасиг.

Сущность агентурной комбинации заключается в том, что «Левасиг» переброшена в тыл противника с легендой, якобы она завербована «разведотделом Красной Армии» для подбора конспиративной квартиры в г. Могилеве, куда намечается выброска с нашей стороны радиста и разведчика.

При задержании у Левасиг обнаруживают карту Могилевского района, компас, немецкие деньги и другие вещи, которые будут ее изобличать в принадлежности к советским разведорганам.

В этом случае Левасиг рассказывает о своей работе переводчицей гестапо при немцах, об ее аресте органами НКВД.

Согласно данной ей легенде, показывает подробно обстоятельства вербовки, метод подготовки и полученное задание. Также рассказывает, что на случай ее задержания немцами она должна была легендировать свое пребывание в г. Могилеве тем, что приехала из Минска с одним немецким офицером, в этот же день она якобы должна была выехать обратно, но

в назначенном месте офицера не оказалось, с этой целью ей выдали минский паспорт на имя Лучковой Ирины Викторовны, которая действительно проживает в указанном городе по Могилевской улице, д. 42.

Агентурная комбинация рассчитана на заинтересованность немцев возможностью выброски в наш тыл радиста и разведчика. В этом случае они должны от имени Левасиг прислать к нам в тыл связного. Следует полагать, что этот связной будет являться преданным немцам агентом.

При успешном осуществлении данной агентурной комбинации и дальнейшая ее разработка будет связана с «радиоигрой» и внедрением наших агентов в контрразведывательную команду.

Агент Левасиг 1918 г. рождения, белоруска, учащаяся педагогического института, из крестьян-середняков, замужняя, образование среднее, окончила музыкальный техникум в 1938 году, не судимая, беспартийная, проживает в г. Костюковичи.

В течение двух лет [она] проживала на оккупированной территории в г. Костюковичи Могилевской области и работала переводчицей при гестапо. С отступлением немецких частей скрылась в лесу до прихода Красной Армии.

В октябре 1943 года находилась под арестом в РО НКВД по подозрению в выдаче гестапо местной жительницы, имевшей связь с партизанами, однако следствием было установлено, что работала в гестапо по заданию командования партизанского отряда, выполняла ряд их серьезных заданий и никакого отношения к аресту гестапо кого-либо из граждан не имела.

11 июня с. г. нами переброшен в тыл противника зафронтной агент Монаков 1911 года рождения, белорус, образование среднее, беспартийный, не судим.

Сущность агентурной комбинации состоит в том, что агент Монаков заброшен в тыл противника под видом изменника Родины для оседания на жительство в г. Могилеве. Свой добровольный переход к немцам Монаков объясняет стремлением сохранения жизни, желанием устроиться на гражданскую службу в г. Могилеве, где проживают его близкие связи, могущие оказать ему содействие в поступлении на работу.

С этой целью агент Монаков рассказывает правдивые данные об оказанных ему услугах со стороны немцев, проживавших с ним вместе в г. Мстиславле во время оккупации, которые хорошо его знают и могут дать отзыв о прежней работе.

Легендой предусмотрено, чтобы Монаков подчеркивал свою лояльность к немцам за то, что они в 1941 году освободили его из мстиславльского лагеря военнопленных, отпустили домой, устроили на работу и продвигали по службе от чернорабочего до бухгалтера маслозавода и директора кирпичного завода.

В задачу, поставленную агенту «М», входит: осесть на жительство в г. Могилеве. Добившись указанного, Монаков из числа знакомых ему советских граждан, находящихся на службе в могилевской администрации, и других местных жителей подбирает лиц, советски настроенных, вербует их и создает резидентуру для выявления агентуры, оставляемой немцами при отступлении.

При отступлении немцев Монаков уходит с ними и выполняет это же задание в новом районе. Насажденная им агентура остается и докладывает о собранных данных по условленному паролю.

За отчетный период нами разработаны контрразведывательные мероприятия и подготовлены кандидатуры для их осуществления в ближайшие дни следующие:

Организована и заканчивается подготовка оперативной группы, намечаемой к заброске в тыл противника в район Минска, на базу партизанской бригады.

Оперативную группу возглавляет зам. нач. 1-го отделения, 2-го Отдела капитан И. А. Дунаев.

В состав группы включаются: радист, два агента-вербовщика и два агента-связника.

Перед оперативной группой поставлена задача:

а) изучение агентурной обстановки и дислокации разведорганов противника в связи с его отступлением;

б) вербовка официальных сотрудников и агентуры разведорганов в Минске;

в) захват официального сотрудника разведки в Минске. План действия оперативной группы в тылу противника будет представлен Вам для санкции в ближайшие дни.

Агентурная комбинация на зафронтowego агента «Рончинского», намечаемого к переброске в тыл противника для внедрения в так называемую «Белорусскую освободительную национальную армию», формируемую немцами на оккупированной территории Белоруссии для борьбы с Красной Армией и партизанами. Установлено, что формирование «Бона» в основном производится путем мобилизации всех белорусов-мужчин, проживающих на оккупированной территории, а также военнопленных – бывших военнослужащих Красной Армии.

Сущность агентурной комбинации заключается в том, что агенту Рончинскому легендируем прохождение службы в штрафном батальоне, куда он попал из-за организации коллективной выпивки, вследствие чего произошел несчастный случай с курсантом школы – младшим лейтенантом, где Рончинский якобы преподавал топографию.

Во время выполнения задания командования на переднем крае немецкой обороны оторвался от своих товарищей, заблудился и подошел к немецкой обороне, где его должны увидеть немцы и захватить в плен.

Легендируем его пребывание на курсах младших лейтенантов с 1942 года до мая 1944 года, за этот период времени дважды аттестованного и прибывшего в штрафной батальон в звании старшего лейтенанта.

Агентурной комбинацией заинтересовываем немцев возможностью использования агента Рончинского как белоруса на командной должности в так называемой «Бона» или преподавателем в школе пропагандистов.

Агенту «Рончинскому» ставим задачу внедрения на командную должность в так называемой «Бона». По достижении этой цели производить вербовки офицеров из числа лиц, лояльно настроенных к советской власти, которым поручать выполнять наши задания:

а) при возможности внедриться в разведку противника или подставить для вербовки в нее подготовленных им лиц;

б) выявлять среди личного состава «Бона» лиц, связанных с немецкими контрразведывательными органами, и устанавливать путем наблюдения за ними конспиративные квартиры и работников этих органов;

в) компрометировать лиц офицерского состава «Бона», преданно работающих на немцев, с целью отстранения последних от занимаемых должностей и выдвижения на их места лиц, работающих в нашу пользу;

г) по подготовке подразделений «Бона» к переходу на сторону Красной Армии или к партизанам, предусматривая при этом разгром штаба немецкого разведоргана или гестапо, полиции и захват их руководителей.

Агентурная комбинация по внедрению нашего агента в контрразведывательный орган противника

и компрометации в глазах немцев возвратившегося к ним после выполнения задания их агента Елмакова, напарник которого Петров нами задержан и арестован.

Сущность агентурной комбинации состоит в том, что перевербованного немецкого агента Самодаева возвращаем к немцам, где он должен «откровенно», в соответствии с разработанной нами легендой, рассказать обстоятельство «задержания» его в нашем тылу и вербовке его органами «Смерш».

Одновременно Самодаев называет ряд известных ему немецких агентов, содержащихся вместе с ним в нашей тюрьме. Среди названных им разведчиков будет фигурировать агент Петров, являющийся напарником Елмакова.

О Петрове Самодаев рассказывает, что он вместе с напарником явился с повинной.

Предполагаем, что немцы, проверяя показания Самодаева, установят Елмакова, явившегося к ним без напарника после выполнения задания при внешне сомнительных обстоятельствах, и репрессируют его.

Самодаев далее рассказывает в разведоргане, что для оправдания его продолжительного пребывания в тылу Красной Армии ему дана легенда, по которой он и напарник под видом отставших от своей части явились к коменданту, последний определил их в запасный полк. Из запасного полка в составе роты он был направлен в действующую часть, где, находясь в боевом охранении, перебежал к немцам. О напарнике ему предложено сказать, что они расстались в запасном полку.

Самодаев также передает немцам, что от нас он получил задание выявлять официальных работников штаба, при котором он будет находиться, устанавливает деятельность этого штаба и имеющуюся агентуру. О выполнении задания доложить при вторичной посылке в тыл Красной Армии.

По достижении намечаемого результата - убеждении немцев в «честной» на них работе Самодаева и направлении его после этого для работы в разведывательный или контрразведывательный орган, он выполняет наше задание:

а) по изучению деятельности официальных сотрудников органа, в котором будет находиться;

б) тщательное и осторожное изучение настроений агентуры, обслуживающего персонала и по установлению лиц, лояльно настроенных к советской власти, производство вербовок для явки с повинной к нам по паролю;

в) в случае, если Самодаева немцы попытаются использовать на практической карательной работе, бежать к нам (через партизан), предварительно осуществив теракт над кем-либо из официальных работников разведоргана.

Нами подготовлена и осуществляется переброска на партизанскую базу в район Могилева группы проверенных нами агентов, бывших партизан, ранее принимавших участие в партизанском отряде в районе Могилева. Группа условно нами именуется «Витязь». В ее состав входит четыре человека.

В задачу этой группы агентов ставится:

1. Изучить возможности и осуществить захват кого-либо из официальных сотрудников могилевского разведпункта, расположенного в поселке Карабановка.

2. Если названный разведпункт в связи с военными действиями передислоцировался - принять меры к установлению нового места его дислокации и выполнить это же задание.

3. После утверждения Главным управлением контрразведки плана переброски нашей группы в район Минска группа «Витязь» будет выполнять указания начальника опергруппы (нашего официального сотрудника).

При наступлении наших войск группа «Витязь» вместе с партизанами будет передвигаться в район Минска.

Для улучшения нашей зафронтной работы, помимо осуществленных и подготовленных нами мероприятий, намечаем следующее:

В настоящее время, в связи с наступлением наших войск и прибытием большого контингента военнопленных, приступили к подбору кандидатур из немцев, чехов, поляков и других национальностей для использования на зафронтной работе.

Подготовленную агентуру из военнопленных будем направлять в районы дислокации разведорганов противника с задачей вербовки официальных сотрудников немецкой разведки или их захвата.

Подбираем также агентуру из поляков, западников – белорусов и немцев (в частности из инвалидов), для последующей посылки их в глубокие тылы противника для оседания, создания явочных квартир и выявления подготавливаемой немцами агентуры.

В этих целях заготавливаем необходимые документы для легализации нашей агентуры в намеченных пунктах.

В качестве контингента для вербовки и посылки на внедрение в разведорганы противника считаем целесообразным направлять на сторону противника наших агентов от имени белорусских, украинских националистов, политбанд из бывших полицейских и т. д. В частности, готовим посылку агента из Хиславичского района, где в период оккупации немцами была создана контрреволюционная организация «белорусских националистов» так называемый «Отечественный союз». Подбираем также кандидатуры из прибывшего пополнения уроженцев западных областей Украины.

По мере продвижения наших войск на правый берег Днепра намечаем проведение контрразведывательных

мероприятий от имени существующей в указанном районе контрреволюционной организации так называемый «Союз борьбы против большевизма» («СБПБ»)»[\[133\]](#).

Каждый из разведорганов противника находился под пристальным вниманием чекистов. О том, как была организована оперативная разработка таких учреждений, прекрасно описано в сообщении ГУКР «Смерш» в ГКО «Об агентурно-оперативных мероприятиях по розыску и аресту агентов морской разведывательной абверкоманды НБО». Цитируем данный документ.

«Докладываю, что в период оккупации Крымского полуострова противником органами «Смерш» был выявлен в Симферополе активно действующий против частей Красной Армии германский военно-морской разведывательный орган «Черноморская абверкоманда» при офицере-осведомителе Черного моря («Нахрихтен Беобахтунгс офицер» - «НБО»). Этот разведывательный орган, имея в деревне Тавель, что в 18 км от гор. Симферополя, специальную разведывательно-диверсионную школу, забрасывал свою агентуру в расположение войск бывш. Северо-Кавказского и 4-го Украинского фронтов для шпионской и диверсионной деятельности, а также в партизанские отряды, действовавшие на территории Крыма.

В целях пресечения подрывной деятельности «Черноморской абверкоманды НБО», выявления официального состава, агентуры и каналов ее проникновения в части Красной Армии органами контрразведки за период 1943-1944 гг. было заброшено на сторону противника 5 агентов, которые внедрились в этот разведывательный орган.

В результате реализации материалов, полученных от зафронтной агентуры, и следствия, а также активным розыском было арестовано 98 агентов «Черноморской

абверкоманды НБО», переброшенных в разное время на нашу сторону со шпионско-диверсионными заданиями.

Ряд агентов этого органа, будучи обработан нашей агентурой, бежал от немцев к партизанам, либо, перейдя на нашу сторону, явился с повинной.

Ниже в кратком изложении приводятся наиболее характерные примеры ареста агентов германского военно-разведывательного органа «Черноморская абверкоманда НБО»:

По данным нашего зафронтового агента Никляевой Е. И., еще в октябре 1943 года было известно, что «Черноморская абверкоманда НБО» намерена перебросить в наш тыл группу агентов, в числе которых имеется агент – радист Оганесян.

Находясь в близких отношениях с Оганесяном, Никляевой удалось скопировать и передать нам шифр и данные радиосвязи рации Оганесяна.

Установленным в тот период радионаблюдением, с использованием данных Никляевой, было установлено, что агент-радист германской разведки Оганесян находится в Симферополе и проводит тренировочную радиосвязь с радиоцентром противника, причем характер радиотелеграмм, передаваемых Оганесяном, свидетельствовал о том, что в случае отступления немцев он будет оставлен в Симферополе.

После освобождения Симферополя принятыми органами «Смерш» мерами розыска была арестована указанная радиорезидентура, в которую входили следующие агенты «Черноморской абверкоманды НБО»:

Астадурян А. С., 1912 года рождения, уроженец гор. Новороссийска, армянин, беспартийный, бывш. пом. командира взвода автобатальона 4-й Краснознаменной стр. дивизии, в плен к немцам попал в ноябре 1941 года в районе Большого Токмака.

Оганесян С. К., 1922 года рождения, уроженец Армянской ССР, армянин, быв. член ВЛКСМ, быв. рядовой

89-й стр. дивизии, в плен к немцам попал в феврале 1943 года в районе станицы Арбузова Балка Краснодарского края.

Тарлакян Н. К., 1917 года рождения, уроженец Сочинского района, армянин, быв. член ВЛКСМ, быв. рядовой 442-й стр. полка, в плен к немцам попал в октябре 1941 года в районе Перекопа.

Узунян О. А., 1919 года рождения, уроженец Туапсинского района, армянин, быв. кандидат в члены ВКП(б), бывш. рядовой 89-й стр. дивизии, в плен к немцам попал в мае 1942 года в районе города Керчи.

Рогонян О. А., 1903 года рождения, уроженец Батуми, армянин, беспартийный, бывш. рядовой 156-й стр. дивизии, в плен к немцам попал осенью 1941 года в районе Акмонайских позиций.

Как показали арестованные, находясь в лагерях военнопленных, они одновременно были завербованы для разведывательной работы на стороне частей Красной Армии, а перед отступлением немцев из гор. Симферополя офицером германской военной разведки – обер-лейтенантом Эвертсом были оставлены в городе для проведения шпионской работы.

Для связи с немцами в резидентуру был включен агент – радист Оганесян, имевший коротковолновую портативную радиостанцию.

Ведется следствие.

В период наступательных действий частей Красной Армии на Крымском полуострове Управлением «Смерш» 4-го Украинского фронта в результате активного розыска с использованием явившегося добровольно с повинной и перевербованного нами агента «Черноморской абверкоманды НБО» Ткаченко Н. Д. было арестовано 30 агентов «Черноморской абверкоманды НБО», оставленных немцами в Крыму для проведения подрывной деятельности.

Ведется следствие.

Агент Управления «Смерш» Отдельной Приморской армии Лена – Ряжанова Е. И., в марте с.г., находясь в гор. Симферополе и имея от нас задание внедриться в «Черноморскую абверкоманду НБО», познакомилась с переводчиком этого разведывательного органа Михайловым Б. Д. (он же Магометов), 1921 года рождения, уроженцем Азербайджанской ССР, беспартийным, бывш. рядовым 23-го стр. полка 51-й Перекопской стр. дивизии, попавшим в плен к немцам в сентябре 1941 года в районе Каховки, и агентом «Черноморской абверкоманды НБО» Гоголадзе В. Г., 1920 года рождения, грузином, быв. кандидатом в члены ВКП(б), бывш. рядовым 480-го стр. полка 152-й стр. дивизии, пленен немцами в октябре 1941 года в районе Вязьмы.

В результате знакомства Ряжанова обработала Михайлова и Гоголадзе и склонила их к переходу на сторону партизан.

25 марта с.г. Михайлов и Гоголадзе перешли на сторону одного из действовавших в Крыму партизанских отрядов, откуда были доставлены в Управление «Смерш» Отдельной Приморской армии.

На следствии Михайлов и Гоголадзе сообщили данные о деятельности «Черноморской абверкоманды НБО» и назвали 62 официальных сотрудника и 44 агента этого органа, подготовлявшихся к переброске на нашу сторону.

Ведется следствие.

В апреле с.г. оперативной группой Управления «Смерш» Отдельной Приморской армии при освобождении гор. Одессы частями Красной Армии были арестованы агенты «Черноморской абверкоманды НБО».

Иванов-Голубев В. М., 1920 года рождения, русский, беспартийный, бывш. командир бронемшины 51-й мехбригады, в плен к немцам попал в январе 1943 года в районе г. Ростова.

Суетнов-Сноскин В. М., 1923 года рождения, русский, беспартийный, быв. командир взвода 13-го мехкорпуса, в плен к немцам попал в феврале 1943 года в районе ст. Анастасиевская.

Будучи допрошены, агенты показали, что, находясь в Мариупольском лагере военнопленных, они в середине 1943 года были завербованы офицером «Черноморской абверкоманды НБО» для проведения шпионской работы и с этой целью подготавливались для переброски в тыл частей Красной Армии.

В связи с отступлением германских войск из Одессы Иванов и Суетнов были оставлены «абверкомандой НБО» в городе для сбора разведывательных данных о частях Красной Армии.

После выполнения задания Иванов и Суетнов должны были перейти линию фронта на сторону немцев.

Ведется следствие.

Работа по выявлению агентуры «Черноморской абверкоманды НБО», главным образом на Черноморском побережье, продолжается»[\[134\]](#).

О чем не сообщалось в официальных отчетах

Выше мы процитировали несколько справок о деятельности органов военной контрразведки. К сожалению, читая лаконичные строки этих документов, невозможно представить себе, что пережили и каким опасностям подвергались агенты советской военной контрразведки, когда совершали рейд за линию фронта. О будничной и смертельно опасной работе этих людей можно узнать лишь из их отчетов.

Процитируем рассказ одного из них. Рядового тайной войны «Давыдова». Он не оставил мемуаров, да и на протяжении нескольких десятилетий после мая 1945

года даже близким людям не имел права рассказать подробности своей зафронтной работы.

«Являясь агентом советской разведки, я в ночь с 5 на 6 августа 1943 года был переброшен в тыл противника.

Передо мной была поставлена следующая задача:

Проникнуть на службу в РОА, занять в ней одну из командных должностей и, связавшись с командованием Красной Армии, обеспечить организованный переход на ее сторону частей РОА, с таким расчетом, чтобы намечаемый переход послужил тактическим успехом для наступающих частей Красной Армии.

Представить характеристику охраны штабов соединений германской армии.

Добытые мною сведения я должен был передавать через советскую разведчицу Дроздову Зинаиду по паролю «Белая Церковь».

Для перехода через линию фронта на сторону противника я был доставлен в расположение деревень Переступино и Капустино Хомутовского района Курской области в сопровождении товарищей, хорошо знающих передний край обороны немцев. Обстановка на переднем крае частей Красной Армии была без особой активности с нашей стороны. Дойдя до выхода из укрытия, я сопровождавшими меня товарищами был оставлен и направлен в сторону немцев один.

На случай моего внезапного захвата немцами я должен был им говорить, что я являюсь войсковым разведчиком и занимаюсь установлением огневых точек противника.

Пройдя метров 50–70 и приблизившись к немецкой обороне, залег в укрытие, чтобы окончательно сориентироваться и избежать обстрела. Хотелось подобраться к немцам на расстояние 100–200 метров, чтобы им было видно, что идет не группа, а один человек, так как немцы, напуганные действием наших

разведчиков, при малейшей неясности открывают ураганный огонь. Стало светать.

Я приподнялся и пошел, крича пароль для перебежчиков «Штык в землю». Иду, кричу пароль, время от времени останавливаюсь и слушаю. Немцы заметили и кричат: «Хальт!» («Стой») Эту команду выполняю безукоризненно. Прошло 5 минут примерно до следующей команды. Слышу немцы кричат: «Ком!» («Иди!») Иду и кричу: «Пан, есть ли тут мины?» Немцы кричат: «Нейн минен... ком, ком» Иду смело до самой траншеи. Подойдя к траншее, немцы предложили сдать оружие. Их было около 10 человек с автоматами. Предложили идти в траншею. Не успел еще сойти в нее, как меня немцы обступили со всех сторон, обыскали. После этого начался обмен «любезностями». Мне предлагают сигареты французские, португальские и спрашивают: «Гут?» Я говорю: «Гут, гут». Нельзя говорить, что не «гут». По пути на ротный КП ко мне подошел один немец и задавал мне вопрос за вопросом на ломаном русском языке. На все его вопросы я старался не отвечать, ссылаясь на то, что ничего не понимаю. При первом сближении с немцами я искал форму общения с ними, чтобы не навести на себя никакого подозрения и войти в доверие к ним. Я хорошо понимал, что от умения вести себя будет зависеть моя работа. Надо было научиться вести себя так, чтобы понравиться немцам, завоевать у них доверие, а для этого надо узнать немцев, их военные и гражданские порядки. Как я потом убедился, немцы – самолюбивый народ, любят, чтобы было по-ихнему, по-немецки, так как все немецкое – хорошее, а не немецкое – плохое.

Придя на ротный КП, меня представили командиру роты. Командир роты, улыбаясь, подал мне руку. Спросил, из какой я части. Я ответил, что из штрафной роты. Немцы засмеялись, так как они считали, что переход офицера из штрафной роты – это естественное

дело. Подошел один ефрейтор и предложил идти с ним. Я понял, что ведут меня к командиру батальона. Командир батальона – капитан открыл карту со схемой нашей обороны. Схема правильная, сделанная по аэрофотоснимкам.

(...)

После допроса капитан улыбнулся, поблагодарив за «точные показания». Через некоторое время пришла подвода, на которой были 2 украинца и ездовой чех.

Приехали в штаб полка. Здесь меня допрашивал через переводчика один лейтенант. Спросил он только о концентрации советских войск. Я ответил, что концентрации войск не замечал. Получив полностью немецкий порцион, я отправился в штаб 43-й пд. Везли меня чех и один русский. Этот русский... рассказывал об ужасах плена в 1941-1942 гг. Привезли меня в с. Амонь Курской области. Здесь дислоцировался штаб 43-й пд. Поселили вместе с русскими. Ко мне подсел русский лейтенант из Днепропетровской области. Он рассказал о РОА и ее задачах, о Власове. Так прошел первый день от передовой до штаба дивизии.

(...)

Утром на следующий день меня повели на допрос. Допрашивал один немец без знаков различия, отлично владеющий русским языком. Допрос вел по вопроснику. Спрашивал о концентрации войск в направлении, где я переходил линию фронта, о личном составе и вооружении штрафной роты. О штрафной роте рассказал правду, так как раньше были случаи перехода из этой роты. Командира батальона они уже знали. На большинство вопросов я не отвечал, ссылаясь на то, что я хотя и офицер, а знать много не могу. Он согласился. Здесь я прожил трое суток. Держали меня здесь для того, чтобы от следующего перебежчика получить сведения, подтверждающие мои показания, однако такового не оказалось. Эти три дня дали мне очень

многое. Здесь я узнал, что немцы, напуганные партизанами, почти все не спят ночью, а стоят на посту и патрулируют в деревне. Вечером и ночью всякое хождение по деревне запрещается. Вокруг штаба дивизии были установлены ручной и станковый пулеметы. Как располагаются отделы штаба дивизии, мне не удалось узнать. Здесь я учился, как вести себя с гражданским населением. В селах вечерами собиралась молодежь, среди которой были немецкие пропагандисты с гармониями. Они, по существу, были организаторами сборищ. О том, что я перебежчик, узнали окружающие. Ко мне окружающие меня относились плохо, не хотели со мной разговаривать, презирали. Такое отношение мне понравилось.

(...)

[4 августа] нас отвезли в Глуховский лагерь военнопленных. Поместили вместе с лагерными полицейскими как перебежчиков. Эти полицейские предупредили, чтобы я много не говорил, так как в лагере много провокаторов. Я это понимал. Эти полицейские мне не верили, что я перебежчик, и при отъезде на второй день из этого лагеря мне сказали, что собираются бежать к партизанам.

Я старался умело держать себя. Вся окружающая обстановка часто выводила меня из равновесия... Числа 12 августа я в составе группы в 14 человек был направлен в Конотопский лагерь. Конвоировал один немецкий солдат – Бабкин Михаил из Алтайского края. Этот Бабкин много мне рассказал о немецких порядках, плене, спрашивал, как относится командование Красной Армии к власовцам. Я ему ответил, что это будет зависеть от того, что он сделал. Если подлец, то могут и повесить, если же он сделал что-нибудь хорошее для советской власти, то могут и наградить. Он меня понял и также рассказал, что у него есть такие люди, как и он,

что они собираются уйти к партизанам или присоединиться к частям Красной Армии.

Бабкин Михаил попал к немцам в плен в 1941 г. Служил в роте охраны Глуховского лагеря военнопленных.

Когда он мне сказал, что у него есть группа товарищей, с которой он думает уйти к партизанам, я сказал, что если ему удастся собрать большую группу, то можно, кроме этого, перебить немцев, а потом уйти к партизанам или соединиться с наступавшими в то время частями Красной Армии.

Мне показалась очень странной такая откровенность. Я спросил, почему он так мне, перебежчику, говорит. Он ответил, что он не верит, что я перебежчик.

В конце концов, я Бабкину сказал, что если он сделает так, как я ему сказал, то его не накажут. Приехав в Конотопский лагерь, здесь сначала произвели запись, сделали осмотр, присвоили номер (в лагерях по фамилии не называют, а по присвоенному номеру), а потом направили к перебежчикам, отгороженным колючей проволокой от остальной массы пленных. Тут была жуткая атмосфера. Ни с кем ни о чем не говорил и был подвергнут более подробному допросу. Но так как мои показания были не новы, то почти ничего допрашивающий не записывал. Метод допроса, вопросы, задаваемые перебежчикам, а также и их ответы мне были известны. Такие знания мне помогли. Так как возражения или показания, противоположные другим, могут навлечь подозрение, то я старался учитывать всякую возможность.

(...)

В этом лагере я пробыл до 15 августа 1943 г. 15 августа меня вызвали в комнату, где сидели два немца и двое русских. Спрашивают у меня, куда бы я хотел пойти – работать или служить в армию, я говорю – куда

пошлете. Задали вопрос – какова причина перехода на сторону немцев. Ответил согласно легенде, что был осужден и послан в штрафную роту для искупления вины. Был поставлен в условия рядового, поэтому и решил перейти на сторону немецких войск. Спрашивали, известно ли мне что-либо о РОА, ответил, что о РОА мне было известно из листовок. Спросили, желаю ли я идти в РОА, ответил, что да. Записали, выдали мне бумажку, в которой было написано, что другой не имеет права вербовать. В этот же день было отобрано 16 человек для отправки. Нас сопровождали: лейтенант Кадыгриб, бывший командир автобата Приморской армии, и капитан Князев – служивший во 2-й ударной армии. Оба они были пропагандисты РОА.

Прибыли в Псков 23–24 августа. Здесь нас переодели в немецкое желтое обмундирование и заполнили на вновь прибывших анкеты (фамилия, имя, отчество, год рождения, специальность, служба в Красной Армии). Написали автобиографию. В г. Пскове я встретил мл. сержанта Хомякова Алексея, который служил в моей роте и вместе с группой красноармейцев перешел 15 июня 1943 г. на сторону немцев. О причине перехода он мне рассказал следующее. В то время происходило отчисление лиц, бывших в плену и проживавших на оккупированной территории, и поэтому как проживавший на оккупированной территории (во время отступления Красной Армии он остался дома) при немцах был каким-то образом связан с полицией. И вот, боясь разоблачения, он организовал переход. Уложив перед рассветом, как помощник командира взвода, всех командиров отделений и оставшись дежурным по обороне взвода, вместе с Аникановым, Сергеевым (дезертирами) и Бондаревым забрали пулеметные расчеты и повели якобы на другую огневую позицию. Войдя в укрытие, остальные стали возражать. Хомяков

пригрозил автоматом и повел дальше. Аниканов был убит перед передним краем немецкой обороны.

Примерно 26-27 августа я в составе команды в 100 человек был направлен в Германию в г. Зандберг.

1 сентября прибыли в Зандберг – это специальный лагерь СД, расположенный в 60 км юго-восточнее г. Крейцбург и в 2 км восточнее ст. Брайтенмаркт. Бараки в этом лагере хорошие. Питание плохое, варили картофельный или брюквенный суп, иногда давали рыбу и 400-500 г хлеба. Занятия 8 часов в день, из них 6 часов строевой подготовки. Требования во время этих занятий необычайно большие, люди устают. За малейшее нарушение в строю наказывают весь строй, меры наказания: «Встать», «Бегом», «Гусиный шаг», гауптвахта. За более крупные нарушения – концлагерь. По политической подготовке читали масонство, гитлеровское учение о новой Европе и историю России.

После занятия иногда полковник Шмидт читал лекцию по текущим вопросам, например: «Резервы Германии 1914-1918 гг. и сейчас».

Цель этого лагеря – проверить людей, воспитать кадры для РОА и отрядов по борьбе с партизанами.

В сентябре 1943 года в этом лагере было около 800 человек (по данным строевой записки).

Мои выводы о методах проверки немцами лиц, находящихся в этом лагере: немцы считают людей, пришедших сюда, как представителей русского народа, которым Германия создала условия для борьбы с большевизмом. Немцы создали хорошие условия, которыми должны быть довольны все. Те, которые недовольны этими условиями, – это уже люди не ихние.

Лица, не имеющие желаний переносить трудности на занятиях, – это тоже не их люди.

Лица, ведущие разговоры против Германии, – это агенты НКВД. Таким людям один конец – расстрел.

Представители командования в газетах и другой литературе часто упоминают, что причиной «нездоровых» явлений в РОА являются агенты НКВД, которые есть и с которыми им необходимо вести беспощадную борьбу.

Начальники кричат, что система подслушивания чужда им, что это разлагает их ряды, а так ли это? Нет, не так. Система подслушивания есть, она поощряется и организуется, но более хитро и скрыто. Как это делается? Там не говорят, что вот ты, Петров, наш человек, помогай-ка нам разоблачать агентов НКВД. Петров, конечно, гитлеровец, в прошлом в чем-либо «обиженный» советской властью, чтобы больше заслужить доверия перед начальством, доносит, что вот Иванов играл в очко, ходил в самовольную отлучку или говорил то-то. Начальник его замечает, всячески выделяет его, награждает то за «хорошую» дисциплину, то за «хорошую» службу. Этот «молодчик» автоматически как бы становится секретным агентом СД и гробит самых лучших организаторов. Таких агентов я знаю двух, о них я напишу ниже.

Кого еще немцы считают своими, пригодными для них? В этом лагере я убедился, что тот, кто безукоризненно выполняет все порядки и правила в немецком вкусе: четкость, быстрота, опрятность, веселый вид. Такого человека немцы называют открытым человеком, довольным новыми порядками и, следовательно, готовым выполнить их задание. В Зандбергском лагере я пробыл до 20 сентября т.г.

Как только я прибыл в Зандберг, через несколько минут полковник Шмидт называет мою фамилию. Думаю, что что-то не так, что кто-то «стукнул». Кто это мог сделать, я догадывался. Подхожу к полковнику по всем правилам строевого устава Красной Армии. Он посмотрел на меня с головы до ног и говорит, что «ладно, после».

Дело складывалось довольно незавидно. Я начинаю избирать способы защиты. Я решил, что эту защиту можно найти у людей, с которыми я ехал.

По дороге из Пскова я познакомился со старшим лейтенантом Яковлевым, лейтенантом Ивановым Б. С, ст. лейтенантом Гончаровым, лейтенантом Степановым. Эти люди и ряд других ненавидят немцев. От них я узнал, что Хомяков сомневается во мне, он меня хорошо знает и не верит мне, чтобы я решил перейти на сторону немцев. Он говорит, что я был жестоким командиром, плохо относился к подчиненным, много ругал немцев и т. д. Мне стало ясно, что вопрос очень сложный и моя судьба будет зависеть от моего умения защищаться. Эти люди были готовы, но их мало, надо было сделать так, чтобы никто не мог сказать против меня, а все за меня.

Работать с людьми мне помог табак, которого у меня было килограмма 3. Когда я в составе команды 16 человек направлялся из Конотопского лагеря в Псков, то на ст. Конотоп из тюков, приготовленных к погрузке, набросал целый рукав от маскировочного халата табачных листьев. В это время в лагере давали 3 сигаретки в день. Я этот табак раздавал всем. Такая мелочь, как табак, помогла мне кое-что сделать. Через 2-3 дня меня вызвал полковник. Настроение не из приятных. Прихожу к полковнику Шмидту, там были Хомяков, Афонин и еще один. Все земляки. Теперь мне ясно все.

Полковник спрашивает: «Вы занимались в дороге агитацией?» Нет, не занимался. «Вы говорили эстонцам, латышам и т. д., что в Советском Союзе плохо жить?» Нет, господин полковник, не говорил. Ни эстонского, ни латышского, ни литовского, ни польского языков я не знаю. Пленные работали под конвоем очень далеко, а эвакуированные работали за проволокой, и к ним никто не подходил. «Вы говорили перечисленным народам в дороге, что войну Германия проиграла, что

Германия стремится к мировому господству и т. д.?» Нет, не говорил. Не настолько я уж глуп, чтобы открыто говорить такие вещи, да к тому же я вообще ни с кем не говорил и из вагона даже не выходил. Об этом могут сказать все, с кем я ехал. Полковник спросил у Хомякова и других. Они сказали, что занимался агитацией, перечислили, какой. После моего последнего рассказа полковник подумал и говорит: «Хорошо, идите, я приду». Приходил полковник, выстраивал роту и перед ротой меня и их троих.

Полковник спрашивает: «Вы знаете лейтенанта Черепова?» Все хором: «Знаем. Занимался он в дороге агитацией, говорил он пленным, эвакуированным и т. д., что вот Германия, и т. д.». Все хором: «Нет, он из вагона не выходил! Он с нами ехал в одном вагоне». Полковник говорит: «Вот видите, оклеветать хотели человека. Помощники нашлись». Полковник приказал командиру роты посадить их в бункер. Дня через два-три они были отправлены в концлагерь как разлагатели дисциплины и компрометирующие немецкую политику. С меня свалилась гора.

Не успел пережить одну неприятность, как наступает другая. В этом лагере работал провокатор – гестаповец капитан Алексеев, бывший командир зенитного батальона Зап. воен. округа. Однажды сижу, курю на траве, он подходит и спрашивает: кто я, откуда я, кто я по национальности. Я ему все рассказал. На меня все чаще и чаще смотрят офицеры. Мне непонятно, в чем тут дело. От людей я узнал, что этот капитан подозревает во мне еврея. В этом лагере я встретил сержанта Вазиева, с которым служил в одном подразделении до войны и в первые дни войны. Он был ординарцем у этого капитана. Этот Вазиев убедил капитана, что я не еврей, что он меня хорошо знает как командира отделения еще до войны. Капитан, наконец, отвязался от меня. В этом лагере нас часто выстраивали

и какие-то гражданские лица обходили строй и осматривали каждого с головы до ног. Это они отбирали евреев.

Руководящий состав лагеря Зандберг – комендант лагеря в сентябре 1943 г. был капитан, фамилию не знаю. Приметы: выше среднего роста, волосы черные, полный, лицо смуглое, стройная походка. На рукаве СД.

Помощник коменданта – полковник Шмидт. В лагере от Вазиева я слышал, что полковник в прошлом якобы командир соединения погранвойск НКВД или полковой комиссар. По национальности немец, родился в СССР. Приметы: лет 44–45, среднего роста. Блондин с лысиной на голове.

Фельдфебель Попов Сергей Сергеевич, говорил мне, что полковник Шмидт разоблачен немцами как член ВКП(б) и куда-то выслан за то, что в борьбе с партизанами ставил командирами отрядов коммунистов, например подполковника Воеводина.

Начальником штаба в это время был капитан Рогаткин, который, как слышал я от приехавших из Зандберга, ушел к партизанам со своим отрядом.

Капитан Рогаткин – бывший командир Красной Армии. В беседах с Рогаткиным заметно было, что он был доволен успехами Красной Армии. Мне с ним пришлось однажды быть вместе и посмотреть на карту. Он показывал, куда Красная Армия будет наступать после Конотопа и т. д. Он был уверен, что Красная Армия разобьет немцев. Приметы: 1914 г. рождения, маленького роста, блондин, курносый.

Числа 20–21 сентября 1943 года я в составе отряда около 200 человек под командованием подполковника Воеводина был направлен в Псков. Прибыли в лагерь части 28344. По прибытии в Псков около 100 человек во главе с подполковником Воеводиным было направлено на борьбу с партизанами. Человек 25, во главе с лейтенантом Ивановым, было направлено в другой

отряд. Позднее человек 15 было направлено на работу, 30 человек в диверсионную школу. Эти 30 человек посылались школой в Германию как на экскурсию. Остатки этого отряда и старые лагерники составили роту обслуживания лагеря части 28344. Я был в офицерском резерве и ожидал назначения.

В Зандберге я хорошо познакомился с лейтенантом Степановым Александром (отец его как будто бы генерал Еременко). В дороге из Зандберга он говорил, что ему сделать – уйти сейчас к партизанам или лететь в тыл СССР и там обезвредить группу, в составе которой он полетит. Я ему предложил такой план: подобрать десяток-полтора хороших товарищей и в соответствующий момент взять начальника школы, поднять остальной личный состав и уйти к партизанам.

В октябре он организовал группу в 13 человек. Среди этой группы оказался предатель, который за несколько дней о готовящейся операции информировал начальника школы Хорвата. За несколько часов до операции Хорват по одному вызвал руководителей этой группы, арестовал их, а потом и остальных 10 человек. Обо всем этом я узнал, когда попал в эту же школу. Трех руководителей расстреляли, а остальных как будто бы отправили в лагерь военнопленных.

С нашим агентом Зиной Дроздовой, которая находилась в д. Шекино Крупецкого района Курской области, не удалось наладить связь потому, что я оказался в Псковском лагере части СД – 28344, плюс к этому Красная Армия наступала и подходила к Конотопу. Здесь играло роль время. Я должен был явиться к ней через месяц.

С лейтенантом Ивановым Б. С. я передал добытые мною и им сведения о РОА, об охране штабов немецких соединений. Он должен был сообщить и обо мне. В октябре он был послан с группой человек 26 в отряд по борьбе с партизанами.

Иванов должен был связаться с партизанским отрядом и перевести к партизанам свой отряд. Примерно через неделю ему вместе с другими товарищами удалось увести этот отряд, примерно составлявший около 90 человек, в один из партизанских отрядов, действовавших южнее Пскова. Об этом я узнал от Желудкова Василия, который не захотел уйти к партизанам. Желудков Иван - инженер-электрик ж.д. Работал на железной дороге в Московской области.

Иванов Б. С. как-то рассказал мне, что ст. лейтенант Яковлев, из Курской области, преподаватель истории средней школы, мл. лейтенант Симонюк Николай и ветфельдшер Недовесов решили переправить пленного командира дивизии Красной Армии из Зандберга к польским партизанам.

На территории Польши их задержали и арестовали. Судьба их точно неизвестна, но когда мы уезжали, они были арестованы. Подполковник Воеводин немцами расстрелян. Немцы говорят, за то, что он вместе с другими командирами продавал продукты. На самом деле за то, что из его отряда ушло 30 или 60 человек к партизанам.

(...)

Псковский лагерь СД части 28344

В этом лагере на одной и той же должности работают русский и немец. Например, коменданты лагеря - русский и немец, кладовщики - русский и немец и т. д. При этом лагере есть караульная и рабочая команды (сапожники, портные, ординарцы). В г. Пскове этот лагерь был огорожен двумя рядами проволоки, а сейчас не огорожен ничем, а располагается на ул. Капуе от 145 до 109 км ст. Ассари, что в 30 км западнее города Риги. Окончательно этот лагерь и часть переехали на ст. Ассари в начале марта 1944 года.

С личным составом иногда проводятся строевые занятия, специальных каких-либо занятий нет. Личного

состава всего около 100 человек. Цель этого лагеря такая же, как и лагеря Зандберг, – это проверка и отбор лиц, пригодных для работы на немцев. Метод проверки примерно такой же, плюс к тому же люди проверяются на практике. Это относится к «Ягдкомандам» – летучим командам, которые ведут борьбу с партизанами. Отличившихся в борьбе с партизанами награждают немецкими крестами и т. п. Эти команды хорошо обеспечиваются, живут свободно, без контроля и ограничений.

Кроме прямой борьбы с партизанами, эти «Ягдкоманды» занимаются провокацией. Они надевают костюмы, похожие на партизанские, заходят в деревню, сначала действуют как «партизаны», а когда узнают, что население их приветствует, хорошо относится, они начинают грабить население, убивать наиболее преданных советской власти. Такие команды германским командованием держатся в тайне.

Цель всего этого такова, чтобы опорочить советских партизан, противопоставить их населению. Показать населению, что вот чем занимаются партизаны и что советские партизаны ничего общего, в полном смысле этого слова, с партизанским движением не имеют, что это «бандиты». Что причиной плохого положения в «освобожденных» областях не является Германия, Германия ведет борьбу с партизанами с целью «спасения» русского народа от грабежа «бандитов».

Об этом мне рассказал Желудков Василий следующее:

Судженко Михаил – перебежчик, попал в окружение советских войск вместе с немцами под Сталинградом. Переоделся в красноармейское обмундирование и пробрался в одно из советских подразделений. Вторично перешел на сторону немцев. Из отряда по борьбе с партизанами он пошел к знакомой в одну из деревень Островского р-на Ленинградской области. Там

его встретили эти «Ягдкоманды», переодетые в партизанские костюмы. Стали предлагать ему пойти к партизанам. Судженко, напуганный, согласился, тогда его эти «партизаны» расстреляли. Об этом знает полковник Сахаров – белоэмигрант, так как Судженко служил в его отряде.

Я интересовался личным составом этих команд. С тем, с кем мне приходилось разговаривать, все они в прошлом преступники (репрессированные органами советской власти). За то, что я, будучи дежурным по лагерю, дал увольнительные записки двум, не состоявшим в списке для увольнения в отпуск, отсидел трое суток под арестом. Один Чурукаев был у немцев на плохом счету.

Я ему дал эту увольнительную. Как я позднее узнал, меня за это хотели обвинить, что способствовал ему в побеге к партизанам. Это была моя грубая ошибка. Спасло меня в данном случае то обстоятельство, что я сделал это с разрешения командира роты.

В этом лагере я находился до 20 ноября 1943 г., ожидая назначения.

С находившимися в этом лагере работать было очень опасно, так как, они, устроившись на «тепленьких» безопасных местах, ждали только конца войны. Кроме того, многие из них были преданные немцам (разведчики, ординарцы, повара и т. д.). Красная Армия в это время победоносно наступала, отряды, которые действовали от этой части по борьбе с партизанами, в своем большинстве перешли к партизанам, а остатки были отосланы либо в лагерь пленных, или на работу. Немцы до предела освирепели, начались аресты, расстрелы. Атмосфера жуткая. Я потерял всякую надежду получить должность. Думаю, если уйти к партизанам, взять с собой 2-3 человек, это слишком мало. Прийти к партизанам с такой группой как пополнение я считал для разведчика слишком мало.

О школе диверсантов этой части я хорошо знал, будучи еще в Зандберге. Операция лейтенанта Степанова потерпела неудачу. Связаться с кем-либо из этой школы я не мог, так как она находилась км в 25-30 западнее Пскова в д. Печки Печерского уезда.

Я решил теперь попасть в школу, или, вернее, я бы согласился, если бы мне предложили пойти туда. Специальных шагов в этом деле я никаких не предпринимал, да этого и нельзя было сделать, так как немцы никогда не посылают туда, куда ты пожелаешь.

19 ноября 1943 г меня вызывает унтерштурмфюрер СС Грайфе – заместитель командира части 28344 майора Крауса. Там был начальник школы диверсантов оберштурмфюрер Хорват. Зачем меня вызывали, я примерно знал. Грайфе и Хорват спрашивали у меня, согласен ли я на активную борьбу с большевизмом. Я говорил, что согласен. Об активной борьбе с большевизмом они мне сказали, что расскажут при вызове в следующий раз.

20 ноября 1943 г. меня, Желудкова Василия и Виктора (о нем напишу ниже) направили в школу диверсантов в д. Печки. Поместили вначале в 4 км западнее д. Печки в имении какого-то графа. Называлось это имение Халахальня. При советской власти там была МТС. Меня вызывал к себе капитан Назаренко, офицер-белогвардеец, эмигрировавший во Францию. Во Франции он работал каким-то инженером. В школе был преподавателем по общевоинской дисциплине.

Приметы: высокого роста, 54 года, полный, при походке немного склоняется вперед. Шатен, на голове большая лысина, носит очки.

Он говорил мне, что здесь я буду жить под другой фамилией. Я сам выбрал фамилию Чушкин. И так я стал Чушкин.

Таким образом, я оказался «курсантом» школы диверсантов. Ничего хорошего для немцев я не сделал и их заданий не выполнял. Перед тем как меня послать в школу диверсантов, я через один-два дня был дежурным по Псковскому лагерю и иногда был на разных работах.

Почему меня немцы послали в эту школу, чем я им понравился?

Во-первых, правильное пользование легендой, с которой я был переброшен в тыл противника.

Вербовавшие меня в Конотопском лагере являлись обершарфюреры Грайфе и Земмель, которые отвечали за мои политические «убеждения». Мое поведение.

Я четко выполнял все немецкие военные и гражданские правила. Придерживался четкости и опрятного внешнего вида. Немцы любят четкие приветствия начальников по их строевому уставу. Не любят нарушений дисциплины, опозданий, неточности и т. д. Я был дисциплинирован на «отлично». На вид я старался быть веселым, всем довольным, улыбающимся, быть умеренным и спокойным, ожидающим от немцев только хорошего. Немцы самолюбивые, все немецкое – хорошее, а не немецкое – хуже. В таких мелочах и то приходилось льстить их самолюбию.

(...)

В высказываниях на политические темы требуется умеренность и осторожность.

Ругать большевиков нельзя, т. к. немцы таких считают болтунами и мало им верят. Сочувствовать при немцах советской власти тоже нельзя было. В разговорах на политические темы нужна была солидарность. Эти «мелочи» я все учитывал и старался меньше говорить на политические темы.

(...)

Окончательно я влился в колею жизни школы диверсантов в начале декабря 1943 года.

Всего в начале декабря в этой школе было около 50 человек. Занятия проводились по следующим дисциплинам. Строевая подготовка, тактика, огневая подготовка, физподготовка, топография, подрывное дело. Во время моего пребывания подрывному делу не обучались. По политической подготовке преподавалась история России, масонство. Начальник школы Хорват иногда проводил беседы по текущим вопросам, но очень редко, т. к. в связи с молниеносным наступлением Красной Армии он ничего не мог говорить.

Хорват имел своих людей в деревнях, куда люди ходили гулять. От этих людей он узнавал настроение своих подчиненных. Хорват имел своих секретных сотрудников, которые доносили о всем и всех.

(...)

Моя деятельность в тылу противника, как советского агента, выражалась в следующем:

Находясь в лагерях в г. Пскове и Зандберге, там я встретил много людей, сочувствующих Красной Армии, радующихся ее успехам, но они имели неправильное понятие о Красной Армии 1943–1944 гг., о тыле и вообще забыли многое. До некоторой степени на них повлияла немецкая пропаганда, которая кричала (конечно, и сейчас кричит), что Красная Армия несет огромные потери в людях и технике, что она раздета, голодает и что люди в тылу голодны и истощены от тяжелой работы, что на заводах работают женщины и дети, что в Красную Армию, даже в морской флот, берут 12–13-летних ребятишек и т. д. В противоположность, немцы живут, пожалуй, лучше, чем до войны, что германская армия не несет потерь (почти за год я не встречал, чтобы немцы написали о потере своего танка или самолета) и т. д.

Я старался рассказать о действительном положении в Красной Армии, о ее боеспособности, о ее технике, о генералах, об условиях материальных всякому, в лице

которого я не видел предателя. Отстоять честь Красной Армии, поднять авторитет ее я считал важным делом...

(...)

Данные о РОА, охране штабов немецких соединений

Я передал их через лейтенанта Иванова Б. С., находившегося на службе в 60-й армии. Он в октябре 1943 г. ушел к партизанам с группой около 90 человек.

Эти данные были примерно такие: о так называемой РОА, которая в связи с наступлением Красной Армии разваливалась, хотя она в полном смысле этого слова и не существовала.

О существовании отдельных рот, отрядов, «Ягдкоманд» (летучие команды СД), легионов – кавказских, туркестанских, среднеазиатских, татарских и др. О том, что в Сербии находился корпус, состоящий из 3-х полков.

В дер. Стремутка формировалась 1-я гвардейская бригада под командованием полковника Сахарова. В связи с массовым бегством ее личного состава к партизанам она была расформирована, полковник Сахаров был направлен в Берлин.

Из перечисленных отрядов, рот и батальонов люди переходили к партизанам, присоединялись к Красной Армии, разбегались в ожидании частей Красной Армии. Немцы освирепели, начались расстрелы, посылка в лагерь, в концлагерь.

(...)

Работа с населением

(...)

Находясь в тылу противника, я проводил просоветскую агитацию населения в очень сложной обстановке. Вначале для знакомства заходишь купить табак или чего-нибудь другого. Если это наши люди, то они тебя боятся, т. к. ты же русский в немецкой шинели с черепом на пилотке. На тебя смотрят с каким-то

ужасом, со страхом. Когда я понял, что люди боятся черепа, то заменил на пехотинскую.

Начинать с населением разговор приходилось в таком духе, чтобы у них создалось впечатление обратное. Опасно, не изучив этого человека, можно нарваться на провокатора немцев. И вот ходишь к этому человеку до тех пор, пока хорошо его не узнаешь. Потом и он изучит тебя. Вот тогда-то и начинаются откровенные разговоры. Ведешь разговоры с таким человеком до тех пор, пока он не начнет понимать всю немецкую ложь. Он тогда становится замечательным агитатором.

[...]

Потеряв надежду получить должность в РОА или в каком-нибудь отряде, я призадумался: что делать? Уйти к партизанам я не решался, так как должен был сделать как агент советской разведки что-нибудь большее.

Препятствовать в работе школы извне мне удалось. Лейтенант Степанов-Еременко и его товарищи погибли. Лейтенант Иванов Б. С, уходя в отряд, посоветовал мне, что если меня будут посылать в школу диверсантов, чтобы я туда шел. Специальных действий, чтобы мне туда попасть, я не предпринимал, да и нельзя этого было делать. Я все-таки оказался в ней.

Тогда у меня появилась возможность обработать обучавшихся в этой школе и сделать так, чтобы разведчики служили не немцам, а нашей разведке. В школе я проделал следующее. Я старался выявить агентов германской разведки, деятельность этой школы; методы вербовки агентуры, обучения, установления заданий немцев, даваемых агентуре. Об этом я тоже кое-что узнал, или, вернее, на основании анализа условий, в которых находится германская разведка, сделал вывод, что посылаемые в советский тыл германские разведчики не все работают на Германию.

Они или приходят сами, принося обширные сведения, или, получая деньги, скрываются. Немцы это поняли, и поэтому много не доверяют своим агентам. Краус говорил, что задание мы даем старшему группы по радио. Отсюда они, посылая своих наиболее доверенных организовать в тылу Красной Армии группы диверсантов, не дают им таких заданий, чтобы они самостоятельно действовали, без систематических указаний, что им делать.

Как пополнение в действующие группы диверсантов немцы посылают менее доверяемых лиц. Это видно из того, что задания или указания им не даются. Они должны влиться в действующие группы и выполнять приказания руководителей групп.

Точного местонахождения руководителей групп агентов в советском тылу тоже не говорят. Выбрасываемые немцами агенты должны быть найдены уже действующей группой.

Краус и Грайфе говорили мне, когда мы будем сброшены с самолета, они нас встретят, а если не встретят, то мы должны пойти к костру, где они все-таки нас там встретят, если и у костра не будет их, то нужно идти в домик лесника и ждать там, они туда за нами придут.

Почему это так – то они встретят, то они придут? Почему бы Грайфе не сказать, что внешность их такая-то, находятся они, например, на кордоне Хмелинского или севернее этого кордона 1 км. Они не говорят даже, какой кордон. Я говорил Грайфе, ведь их много там кордонов-то. Он мне говорит, что в этом районе один.

Я у Грайфе спрашивал, а как же они нас узнают? Он говорил, что они вас узнают. Я догадался, что по воротничкам, т. к. меня посылали с отложным воротничком. Не может быть, чтобы такой мелочи не знала немецкая разведка, что в Красной Армии уже год, как не носят отложные воротнички.

Немцы на задание посылают в большинстве свою агентуру с волосами. Спрашивается, разве они не знают, что рядовой и мл. ком. состав Красной Армии ходят со стриженными волосами?

Находясь в школе диверсантов и пользуясь авторитетом среди личного состава, по заданию советской разведки проделал следующую работу.

Завербовал агентов германской разведки Бурлакова Григория Васильевича, Плеханова Андрея Ивановича, Попонова Виктора Дементьевича и Иконникова Валерия Ивановича.

Завербованным лицам я дал следующие задания:

а) Тщательно изучить деятельность школы диверсантов.

б) Собирать подробные данные на официальный обслуживающий и агентурный аппарат диверсионной школы.

в) При направлении немцами каждого в отдельности в составе с другими агентами германской разведки в советский тыл на задание задания немцев не выполнять, а разведчиков противника передать в органы советской контрразведки.

Приземлившись в советском тылу после выброски с самолета, завербованные мною лица должны сделать так, чтобы радист, входивший в состав группы, не успел сообщить немцам о благополучном приземлении, чтобы рацию немцев использовать в интересах советской разведки.

г) Если их направят в РОА или карательные экспедиции для борьбы с партизанами, то они должны организовать как можно большую группу из числа германских разведчиков, воспрепятствовать выполнению задания немцев и, связавшись с командованием Красной Армии или партизан, перейти к ним.

После перехода через линию фронта в советский тыл или к партизанам завербованные лица должны просить доставить их в один из ближайших Особых отделов НКВД.

д) Если же их направят в состав частей РОА не на восточный фронт, а на западный для борьбы против английских войск, то они и здесь не должны выполнять задания немцев, организовать переход на сторону английских войск, просить их направить в советский тыл, однако о своих связях с советской разведкой ничего не говорить.

В советском тылу должны просить доставить в ближайший Особый отдел НКВД.

Их благополучие после перехода на советскую сторону или к партизанам я гарантировал тем, что они теперь служат не германской контрразведке, а советской и что они будут известны советской контрразведке.

Завербованные мною лица всесторонне развитые, сообразительные люди, находясь в тылу противника, проводили работу, направленную против немцев, однако они все же побаивались репрессий со стороны советской власти за службу у немцев.

Бурлакова, Плеханова, Попонова и Иконникова для явки в особые органы я снабдил паролем «Железняк».

Этот пароль я получил не от вербовавшего меня подполковника из Особого отдела 60-й армии, а от лейтенанта Иванова Бориса Семеновича, находившегося вместе со мной в Псковском лагере.

Пароль, полученный от подполковника, «Прошу направить меня к капитану Белоцерковскому из 60-й армии» я не использовал по тем причинам, что он мне был дан для личного возвращения после выполнения задания.

Для связи с Дроздовой Зинаидой я получил пароль «Я из Белой Церкви».

Завербованным мною - Бурлакову, Плеханову, Попонову и Иконникову я дал задание, чтобы они, в свою очередь, вербовали тщательно проверенных ими лиц и давали им такие же задания, как получили от меня, а вновь завербованные ими должны, в свою очередь, проводить вербовки и давать аналогичные задания.

Таким образом наша агентура будет постоянно находиться в школе германских разведчиков и выполнять наши поручения. Я строго предупреждал завербованных мною лиц, чтобы они очень осторожно подходили к перевербовкам германской агентуры, т. к. малейшая неосторожность или ошибка может погубить людей и сорвать намечавшиеся мероприятия советской разведки. Каждая вербовка должна проводиться после дополнительного изучения намеченного объекта к вербовке.

20 апреля 1944 г. в 8 час. вечера меня и Глухенького с Рижского аэродрома на четырехмоторном самолете направили в советский тыл для выброски на парашютах. Выбросить должны были, как сказал Грайфе (в карте была отметка) км в 3-4 восточнее д. Дубки Лысогорского р-на Тамбовской области. 20 апреля, около 12 часов ночи, нас выбросили в 2 км севернее кордона Хмельницкого, т. е. в 20 км южнее намеченного пункта. До утра мы искали друг друга в лесу, снимали с деревьев вещи, которые были привязаны к нам, и тоже спускались на парашютах. Надо было сделать так, чтобы сообщить своим и встретить группу, в которую мы должны влиться. Утром я пошел на кордон Хмельницкого, чтобы ориентировать, где произведена выброска, и сообщить через райотдел НКВД в Тамбов. Здесь встретил одну больную женщину с ребенком. Пошли на кордон Усть-Хмельницкого. На мой взгляд, здесь я встретил подходящего человека, предложил ему пойти отнести письмо в районный отдел НКВД. Но он отказался, т. к. больной и т. д. Глухенький сидел

с вещами. На случай, если придет руководитель группы, то он должен был сказать ему, что я ушел искать его.

На следующее утро я послал с письмом в райотдел НКВД женщину с кордона Хмельницкого, а сам пошел в деревню западнее кордона Хмельницкого, чтобы связаться по телефону или поехать лично. Здесь я встретил нач. контрразведки Орл. ВО, которому доложил обо всем.

Во время подготовки меня и Глухенького к выброске у меня была мысль посадить самолет, но этого сделать было нельзя, т. к. экипаж состоял из 5 человек. Мы были вооружены только пистолетами. Кроме того, ко мне и Глухенькому был подставлен один немец из состава экипажа, который не отходил от нас. Было заметно, что они нас боялись.

Глухенький Иван до войны работал трактористом, комбайнером, шофером, б. член ВКП(б), об этом не скрывал и в школе диверсантов.

В плен попал в сентябре южнее Днепропетровска. Вел работу в нашу пользу в школе и вне школы. Глухенький, будучи еще в школе, во время подготовки к выброске, намекал мне, что мы должны прийти сами и поймать группу диверсантов, в которую нас посылают немцы»^[135].

Дальнейшая судьба «Давыдова» сложилась относительно благополучно. Результаты его зафронтной работы были признаны удовлетворительными (установил 15 официальных сотрудников и 25 агентов противника – из них 5 он перевербовал, а 17 по сообщенным им приметам были арестованы чекистами).

Рейды

В первые месяцы Великой Отечественной войны, по мнению историка В. В. Коровина, перед сотрудниками

Особых отделов ставились нереальные задачи, например, создавались моторизованные группы для захвата кадров и архивов немецких разведывательных органов, невыполнимые в условиях отступления. Большие потери несла агентура военной контрразведки, выполняя указание о заброске за линию фронта «на глубину 100-150 км»^[136].

По мнению ветерана «Смерша» генерал-майора Сергея Захаровича Острякова, «особисты» с первых месяцев войны эффективно боролись с агентурой противника. При этом они ограничивались защитной тактикой – ловили вражеских шпионов и диверсантов, проверяли одиночных выходцев из плена и окружения противника, выявляли трусов и паникеров в воинских частях, помогали командованию наводить строгий порядок в прифронтной полосе.

Отдельные Особые отделы пытались организовать оперативную работу за линией фронта, но носила она в основном военно-разведывательный характер. Поясним, что речь шла о переброске через линию фронта разведывательно-диверсионных групп, которые действовали в прифронтной зоне. Они занимались сбором сведений о месторасположении различных объектов (штабов, хранилищ горючего, складов и т. п.) и дислокации воинских частей, а также проведением различных диверсионных акций^[137].

На самом деле уже в первые дни войны военные контрразведчики пытались воевать за линией фронта. Так, оперуполномоченный Особого отдела Ленинградской Военно-морской базы капитан Герман Иванович Сафронов должен был организовать в Таллине подполье на случай оккупации города противником. С заданием он справился и в сентябре 1941 года вернулся в Ленинград. В качестве начальника Особого отдела дивизии был направлен в действующую армию –

на Ленинградский фронт. Войну закончил начальником Особого отдела армии [\[138\]](#).

В конце августа 1941 года был сформирован отряд особого назначения Западного фронта численностью 125 человек. Его планировалось укомплектовать военнослужащими частей, подчиненных непосредственно штабу и управлению штаба Западного фронта. Комиссаром отряда назначили особоуполномоченного Особого отдела Западного фронта лейтенанта госбезопасности П. А. Червинского, а командиром - его сослуживца - капитана госбезопасности Хаджисмела Джамбулатовича Кусова (погиб во время рейда 7 октября 1941 года). Отряд был укомплектован военными контрразведчиками и пограничниками.

26 сентября 1941 года отряд благополучно перешел линию фронта. С 30 сентября начались боевые операции. Так, 2 октября бойцы совершили налет на немецкий штаб, а на следующий день уничтожили транспортную роту немцев. В результате одного из налетов, совершенных отрядом, уничтожено 60 военнослужащих противника, разместившихся на ночевку в здании деревенской школы. После гибели командира отряда Кусова подразделение возглавил военный чекист - старший лейтенант госбезопасности Шпилевой.

За 35 суток нахождения в тылу противника отряд прошел свыше 750 километров по Смоленской, Витебской и Калининской областям [\[139\]](#).

Если мы вспомним события первых месяцев войны, то именно чекисты занялись организацией партизанского движения на оккупированной территории, а также заброской или оставлением (учитывая стремительное наступление противника) разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов [\[140\]](#). А военным контрразведчикам уже в начале

августа 1941 года было приказано оказывать помощь в организации партизанского движения в тылу противника. В качестве примера можно назвать Указание Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта № 0689/0 от 5 августа 1941 года. В этом документе предписывалось:

«...оказывать всяческое содействие партийным, чекистским органам в деле организации переброски, обеспечения партизанских отрядов, а также групп «Д» (разведывательно-диверсионные группы. - *Прим. авт.*)»^[141].

К этому следует добавить, что военные чекисты занимались вопросами контрразведывательного обслуживания крупных партизанских отрядов и соединений. При штабах были сформированы 3-и отделения, которые отвечали не только за защиту от проникновения немецкой агентуры в отряды, но и внедрение собственной агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника^[142].

В качестве примера назовем зафронтую группу «Штурм», которая в конце марта 1944 года была переправлена через линию фронта в Бегомльскую партизанскую зону и дислоцировалась на базе партизанской бригады имени Железняка на территории Белоруссии.

В докладной записке о результатах контрразведывательной работы в тылу противника Управления контрразведки «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта с 1 мая 1943 года по 1 июня 1944 года было отмечено:

«... Группой добыты данные:

а) о деятельности диверсионно-разведывательной школы, дислоцирующейся в дер. Курганы Смоливевичского района Минской области;

б) о пунктах (пяти лагерях военнопленных на территории БССР), в которых активно проводится

вербовка слушателей в так называемую дабендорфскую школу пропагандистов РОА, ряде вербовщиков этой школы, руководящего и обслуживающего состава (так в тексте документа. – *Прим. авт.*);

в) о дислокации и деятельности в г. Минске трех отделений СД и шести отделений полиции, выявлен ряд агентов противника, установлено несколько резидентур СД, действующие в гг. Минске и Борисове, а также собраны данные на провокаторов, активных пособников немцев, проживающих на территории БССР...»

Все члены группы удостоились орденов и медалей, а командир группы оперуполномоченный отдела контрразведки 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта А. Н. Иванова – ордена Красного Знамени^[143].

Республиканские штабы партизанского движения были созданы только летом 1942 года. Ну а военная разведка в силу ряда причин по эффективности работы, по крайней мере, в первые два года войны, не могла действовать на равных с чекистами. Последние в большинстве своем, кроме прекрасной военной подготовки, владели еще и приемами оперативно-розыскной работы. Поэтому им было проще создавать партизанские отряды и подпольные организации в населенных пунктах.

По официальным данным, Особыми отделами НКВД – отделами контрразведки «Смерш», во время Великой Отечественной войны было подготовлено и выведено в тыл противника... 20 разведывательно-диверсионных групп. Для сравнения, только по линии Четвертого управления НКВД – НКГБ СССР в тыл врага отправлено 222 подразделения, а у республиканских (Украина и Белоруссия) управлений НКВД – НКГБ этот показатель в несколько раз больше. У Украины – 677, а у Белоруссии – 452. Даже областные управления органов госбезопасности работали «результативнее», чем вся система военной контрразведки. Так, Орловское

управление вывело в тыл противника 203 разведывательно-диверсионные группы, Тульское – 229, Ленинградское – 186, а Калининское – 185.

Такая странная ситуация объясняется просто – специфичная статистика. Известно, что только с 14 по 21 сентября 1941 года Особый отдел НКВД Западного фронта «перебросил в тыл противника с разведдиверсионными заданиями 15 групп в количестве 51 человека». Группы имели задания:

«1. Разведка мест сосредоточения, передвижения сил противника, их вооружения, расположения штабов, баз, складов с боеприпасами, горючим и продовольствием и др.

2. Совершение диверсионных актов: уничтожение средств связи противника, организация крушения воинских поездов, перехват отдельных связистов, курьеров противника с захватом их документов, уничтожения путем поджога баз горючего, складов с имуществом и боеприпасами противника, уничтожение скирд хлеба»^[144].

Другой пример. Особый отдел НКВД – УКР «Смерш» Ленинградского фронта за период с января 1942 года по июль 1944 года подготовил и направил в тыл противника 168 разведывательно-диверсионных групп в составе 1090 разведчиков и 135 радистов^[145].

Также нужно учитывать, что сотрудники Особых отделов участвовали в непродолжительных (до нескольких суток) рейдах и налетах на объекты противника. В качестве примера расскажем о налетах на немецко-румынские гарнизоны, дислоцированные на северном побережье Азовского моря в конце февраля 1942 года.

«В результате длительного и систематического агентурного наблюдения за северным побережьем Азовского моря от Таганрога до Мариуполя Особым отделом НКВД 56-й армии было точно установлено

расположение, численность и вооружение немецко-румынских гарнизонов на этом участке побережья.

На основе этих данных Особым отделом НКВД 56-й армии был разработан план налета на 2 немецко-румынских гарнизона на побережье Азовского моря с целью захвата пленных, документов, известных нам предателей и уничтожения этих гарнизонов.

Объектами для налета были намечены с. Самсоновка (западнее ст. Буденовка), села Стрелка, Кривая Коса и Обрыв (восточнее ст. Буденовка).

Налет мы намечали совершить в ночь на 21 февраля силами красноармейцев роты Особого отдела НКВД 56-й армии, взводов при ОО дивизий и красноармейцев 89-го батальона внутренних войск НКВД.

Всего для этой цели мы отобрали лучших красноармейцев и командиров: из роты Особого отдела 56-й армии – 20 чел.; из каждого взвода особого отдела дивизии – по 5 чел., всего – 50 чел.; из 89-го батальона войск НКВД – 30 чел. Всего – 100 чел.

На каждые 4 красноармейца приходилось по одному младшему командиру.

Налет на побережье мы наметили провести из порта Катона и с. Шабельского, подобрав в качестве проводников проверенных нами агентов, хорошо знающих местность.

16 февраля 1942 г. этот план был мною в общих чертах доложен командующему войсками 56-й армии генерал-майору Цыганову для получения от него санкции на проведение операции.

В результате обмена мнениями по этому вопросу с командующим 56-й армией было принято решение эту операцию значительно расширить и придать ей армейский характер частной операции по всему фронту.

План налета на побережье Азовского моря и объекты налета остались прежние, но вместо 100 участников налета число отряда было увеличено до 470.

В это количество вошло и 100 красноармейцев и командиров, выделенных Особым отделом НКВД 56-й армии для операции в ночь на 21 февраля.

Одновременно с налетом на побережье Азовского моря была намечена войсковая операция по всему фронту силами артиллерии, минометного огня и авиации. Время операции было намечено в ночь на 23 февраля.

Разработка и руководство операцией на побережье Азовского моря по уничтожению румынско-немецких гарнизонов были возложены на нач. разведотдела армии полковника Егнарова и нач. КРО ОО НКВД 56-й армии.

Командование группой было поручено командиру полка 30-й сд майору Баленко и комиссару того же полка старшему политруку Погорелому.

Общее руководство операцией взял на себя Военный совет, который и выехал 20 февраля для этой цели в г. Ейск, где проводилась подготовительная работа.

План операции и ее проведение.

Вся группа была разбита на 5 отрядов. Первому отряду в составе 49 человек для налета было назначено с. Холодная Балка; второму и третьему отрядам (2-й – 153 человека, 3-й – 94 человека) – с. Кривая Коса; четвертому отряду в составе 48 человек – с. Самсоново; пятому отряду в составе 92 человек дана была задача – прикрывать отход активно действующих отрядов и своим огнем сковать гарнизон с. Стрелка.

На второй и третий отряды была возложена более серьезная задача, чем на другие отряды, поэтому этим отрядам были приданы: второму отряду – ст. оперуполномоченный КРО ОО НКВД 56-й армии лейтенант госбезопасности Дьяур, а в качестве проводника этого отряда – зафронтной агент Тимошенко; третьему отряду – уполномоченный 3-го

отделения ОО НКВД 56-й армии политрук Дымов и в качестве проводника – зафронтовой агент Самсонов.

Исходными пунктами для первого, второго, третьего и пятого отрядов было с. Шабельское и для четвертого отряда – г. Ейск.

Все отряды до вражеского берега и обратно были доставлены на 25 совхозно-колхозных санях.

Первый отряд вместо с. Холодная Балка вышел на с. Обрыв. Все остальные отряды вышли в заданные им пункты, за исключением 3-го отряда, который вместо юго-западной окраины с. Кривая Коса вышел на северо-восточную окраину.

При приближении наших войск к вражескому побережью противник особой активности не проявил, а некоторые отряды встретил лучами прожектора из с. Вознесенского и редким пулеметным огнем.

При движении отрядов по селам Самсоново, Кривая Коса, Обрыв противник огня почти не вел и, будучи охвачен паникой, отступал. При налете отрядов отдельные группы вражеских войск оказывали сопротивление: метали гранаты и вели автоматный и ружейный огонь.

Выйдя на побережье моря в районе сел Обрыв и Кривая Коса, отряды порезали линии телефонной связи, расстреливали вражеские войска на улицах и забрасывали гранатами блиндажи и дома, где были расположены войска противника.

Проводники (агенты-разведчики) и население показывали места расположения войск, огневых точек, штабов и конюшен, на которые отряды и напали, расстреливая их из автоматов и забрасывая гранатами.

Отряд, действовавший в с. Самсоново, снял патруль, находившийся на берегу, проник в село и расстрелял 5 убежавших солдат. Минометным огнем уничтожил одну автомашину с вражескими войсками, пытавшимися скрыться. Минометным огнем и гранатами взорвал пять

домов, где жили вражеские солдаты (всего было выпущено 32 мины).

Русская гражданка в с. Самсоново заявила отряду, что у нее живут два румына, которые убежали, заявив ей, что красные ведут общее наступление с моря по льду.

Лейтенант Корольков (помощник командира отдельной роты Особого отдела НКВД 56-й армии) с взводом бойцов своей роты в количестве 22 человек уничтожил в с. Кривая Коса около 22 немецких и румынских солдат и офицеров (из этого числа 12 человек уничтожило отделение сержанта Маркина), захватил и доставил на наш берег немецкого солдата; привел 4 строевые лошади и 4 лошади уничтожил на месте, так как они были не кованы и по льду идти не могли. Забросал гранатами штаб батальона, конюшню и 9 домов, в которых жили вражеские войска; уничтожил орудия ПТО с расчетом 3 человека. Сам Корольков и 10 бойцов и командиров его взвода представлены командованием к награде. Все они красноармейцы роты Особого отдела НКВД 56-й армии.

По предварительным примерным подсчетам, общие результаты операции таковы:

1. Убито до 160 румын и немцев.
2. Взорвано 2 орудия, 2 пулеметных гнезда.
3. Взорвана радиостанция.
4. Забросаны гранатами десятки домов, в которых жили вражеские войска, а также штаб батальона и конюшни.

Примечание. В число 160 убитых не входят погибшие солдаты и офицеры в домах, которых забрасывали гранатами. Число погибших в этих домах уточняется через агентуру.

5. Захвачено и приведено 2 пленных: 1 немецкий и 1 румынский солдат.

6. Захвачен один предатель - б. красноармеец Хилько Борис Харитонович, прислуживающий немцам в качестве денщика.

7. Захвачено 5 винтовок и 7 строевых лошадей.

Общие потери наших войск: убит 1 красноармеец, ранены легко 1 лейтенант и 2 красноармейца. Обмороженных нет.

Преследований при отходе наших войск не было, и отход совершен успешно и без потерь.

Сама операция по налету на вражеские гарнизоны длилась примерно с 4 до 6 часов утра 23 февраля 1942 г.

Морская разведка Азовской флотилии, посетившая с. Самсоново в ночь на 24 февраля 1942 г., свободно прошла в село, обошла две улицы и вражеских войск не обнаружила. Только по центральной дороге села ездили на машинах 25 солдат и стреляли очередями из пулеметов.

Нами приняты меры к выявлению через агентурную разведку результатов операции, а также мероприятий, проведенных противником в связи с нею.

Из числа отобранных нами красноармейцев из роты Особого отдела и взводов ОО дивизий представлено к правительственной награде 13 человек»^[146].

Глава 8

Война в эфире

Важным, по своему значению для успешных действий советских войск на фронте, направлением работы военной контрразведки во время Великой Отечественной войны были т. н. радиоигры с немецкими разведорганами. Суть их была проста: задержанные с поличным (в данном случае - с портативной радиостанцией, предназначенной для приема и передачи сообщений на коротких волнах) немецкие агенты под контролем военных чекистов передавали своему руководству дезинформацию. Передаваемые за линию фронта сведения не должны были вызывать подозрения у противника, поэтому требовался тонкий, аккуратный подбор ложных сведений, чередовавшихся с правдивыми. Такие же игры проводили и немцы, и союзники СССР - англичане.

По официальным данным, за время Великой Отечественной войны было проведено 193 радиоигры. На нашу сторону было выведено и арестовано более 400 сотрудников и агентов спецслужб противника^[147]. Много это или мало?

Много, если учесть, что всего в советском тылу за годы Великой Отечественной войны было задержано или явились с повинной 1854 агента-парашютиста противника (в т. ч. 631 радист)^[148]. И каждый из них представлял реальную угрозу. Большинство парашютистов Берлин планировал использовать для проведения разведывательных и диверсионных акций в тылу Красной Армии достаточно длительное время - на протяжении нескольких месяцев. В противном случае затраты на их подготовку и заброску не оправдывали себя. Так что получается, что каждый пятый

«парашютист» был задержан благодаря радиограмм. Военные чекисты заранее знали место и время их выброски с самолета и организовали засаду на месте приземления или на конспиративной квартире, куда должен был прийти немецкий агент.

Мало, если учесть, что большинство немецких шпионов было «нерадифицировано» и забрасывались в прифронтовую зону на непродолжительное время пешим способом. Согласно данным, приведенным в «Сообщении НКВД СССР № 1407/Б в ГКО и ЦК ВКП(б) об итогах борьбы с агентурой немецкой военной разведки», с 22 июня 1941 года по 1 августа 1942 года НКВД арестовало 11 765 агентов противника. В период с 1 января по 1 августа арестовано 7755 агентов противника, из них только 222 парашютиста. Из тех, кто пересек линию фронта на самолете, добровольно явились с повинной 76 человек, убито при задержании 74. У «десантников» изъято 74 радиостанции, из которых только 31 использовалась для дезинформации немецкой разведки^[149].

Если с помощью радиоигр было нейтрализовано так мало немецких агентов, то почему рассказ об этом оперативном мероприятии выделен в отдельную главу книги? Основная ценность радиоигр заключалась не в количестве нейтрализованных в ходе ее проведения немецких шпионов, а возможности снабжения дезинформацией противника. В ситуации с «нерадифицированными» агентами такая возможность была минимальной. По двум причинам.

Во-первых, информация, собранная «нерадифицированным» агентом, в большинстве случаев устаревала и теряла практическую ценность для немецкого командования. Просто агент не успевал оперативно добыть нужные сведения и благополучно пересечь линию фронта. К тому же всегда существовал

риск его гибели, например, на минном поле или во время артобстрела при пересечении нейтральной полосы.

Во-вторых, звучит цинично, но чекистам было проще проконтролировать степень искренности агента, который находился под их круглосуточным присмотром, чем того, кого они перевербовали и отправили в тыл противника. И это очень важно при проведении мероприятий по дезинформации противника. Ведь если командование Вермахта узнает, что сообщенная немецким агентом информация о местах дислокации основных сил Красной Армии ложная, а на самом деле подразделения дислоцируются в другом месте, то Берлин предпримет все для того, чтобы узнать истинное место расположения противника. Более того, немцы сделают все, чтобы Москва поверила в успех проведенной ею операции по дезинформации.

Справедливости ради отметим, что «нерадифицированных» агентов военные чекисты тоже активно и успешно использовали. Например, в качестве агентов – опознавателей своих бывших сокурсников по разведшколе. Впрочем, это тема для отдельной книги, посвященной деятельности советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны.

Вернемся к теме радиоигр. По мнению отдельных отечественных историков, самая успешная операция по дезинформации противника во время Великой Отечественной войны была проведена осенью 1944 года. В тот момент советская разведка получила информацию о подготовке немцами контрудара на Западном фронте. И по заданию Иосифа Сталина было сделано все, чтобы убедить германское командование в правильности разработанного им плана.

С помощью нескольких десятков немецких агентурных групп, захваченных и перевербованных военными чекистами, немцам была передана дезинформация о том, что Красная Армия измотана, и ее

наступление предстоящей зимой не планируется. В итоге Вермахт начал известное наступление в Арденнах и в боях с англо-американскими войсками понес внушительные потери. Не меньшие потери понесли союзники, и их наступление на восток практически приостановилось. А британский премьер Уинстон Черчилль был вынужден просить своего советского коллегу как можно скорее перейти в наступление в Польше^[150].

По утверждению начальника Управления военной контрразведки ФСБ РФ генерал-лейтенанта Александра Безверхнего: «дезинформация содействовала успеху Курской битвы, Белорусской, Яско-Кишиневской, Прибалтийской и Висло-Одерской операций»^[151].

С конца 1941 года по сентябрь 1943 года под контролем военных чекистов работало 80 агентов – радиостов противника. При помощи 24 агентурных радиостанций военные контрразведчики смогли убедить немецкое командование, что Красная Армия не будет наступать в Польше и в Восточной Пруссии. В отдельные моменты времени проводилось до 70 радиоигр противника^[152].

Процитируем один из отчетов руководства «Смерша» об использовании перевербованных немецких агентов в оперативных играх с противником. Документ подготовлен в марте 1944 года.

«За время войны германская военная разведка с целью создания повстанческих формирований и бандитизма для дезорганизации тыла Красной Армии и нарушения коммуникаций, связывающих фронт с глубоким тылом, забрасывает специально подготовленную агентуру в районы, где, по данным немцев, имелись административно ссыльные, дезертиры, банды и антисоветско-националистическое подполье.

Исходя из этих задач, германская военная разведка забрасывала группы своих агентов, главным образом, в лесистые местности Ярославской, Тамбовской, Вологодской и Архангельской областей, а также в Закавказье, Казахстан и Мордовскую АССР.

Забрасываемые группы агентов снабжались оружием, большим количеством взрывчатых веществ, крупными денежными суммами, фиктивными документами и антисоветской литературой.

Для связи с немецкими разведорганами эти группы имели коротковолновые приемо-передающие радиостанции.

После приземления группы агентов противника должны были по заданию немцев устанавливать связь с дезертирами, бандитами, антисоветским и националистическим элементом, с последующим использованием их для повстанческой, шпионской и диверсионной работы.

В последние месяцы немцы стали давать указания выброшенным ими группам устанавливать расположение лагерей военнопленных, бывших военнослужащих германской армии, с тем, чтобы организовать освобождение этих пленных, сформировать из них вооруженные отряды, которые должны действовать совместно с дезертирами и бандами.

Для вооружения завербованных немецкими агентами бандитов и дезертиров противник сбрасывает оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. В помощь действующим группам германская военная разведка направляет других агентов и подготавливает выброску эмиссаров.

В целях предотвращения подрывной работы германской военной разведки по созданию повстанческих формирований и дезертирских групп, а также для вызова от немцев на нашу сторону других

активных агентов и эмиссаров, с последующим их арестом, Главное управление «Смерша», перевербовав ряд немецких агентов, использует их для создания перед противником видимости успешного развертывания их работы по созданию повстанческих групп и проведению диверсионных актов.

Так, по перевербованной нами группе германских агентов, именуемой «Лесники», перед немцами легендируется связь с дезертирами, скрывающимися якобы в Чухломских лесах, и создание опорных пунктов в гг. Галич, Ярославль и Кострома для установления связей с антисоветским элементом и привлечения его для шпионско-диверсионной работы.

По перевербованным нами группам немецких агентов, условно именуемым «Подрывники» (Вологодская и Архангельская области), «Бурса» (Тамбовская область) и «Дезертиры» (Мордовская АССР), перед противником легендируется работа по привлечению антисоветского элемента, осуществлению диверсионных актов, а также установлению связи с немцами, находящимися в лагерях военнопленных.

По группам немецких агентов «Тростники» (Казахстан), «Разгром» и «Подполье» (Грузинская ССР) легендируется установление связи с националистическим элементом и бандами, а также подготовка повстанческих групп.

Противник работе перевербованных нами групп его агентов верит и считает, что они «обеспечивают развертывание подрывной работы» в намеченных немцами тыловых районах СССР.

Подтверждением этого является то, что германская военная разведка в результате проведенных нами агентурных мероприятий систематически оказывает помощь этим группам, сбросив за вторую половину 1943 года и первые два месяца сего года на подставленные нами места 29 активных шпионов-диверсантов, 4

пулемета, 21 ППШ, 44 винтовки и револьвера, 500 кг взрывчатых веществ, ящик противотанковых мин, 55 гранат, 12 680 патронов, 1300 капсулей и детонаторов и 5 бухт бикфордова шнура.

Кроме того, им же сброшено 8 радиостанций с запасом питания, 1 506 700 рублей советских денег, большое количество фиктивных документов, печатей и штампов военного и гражданского образца, а также антисоветская литература (газеты, журналы, листовки).

Все 29 немецких агентов арестованы органами «Смерш», а сброшенное вооружение, боеприпасы, деньги, документы и другое имущество изъяты.

В последнее время немцы сообщили перевербованным нами группам агентов германской разведки о подготовке им дополнительных выбросок людского пополнения и груза.

Так, группам германских агентов, именуемым «Разгром», «Тростники» и «Подрывники», противник готовит в ближайшее время переброску новых агентов, а группам «Лесники», «Бурса» и «Подполье» значительного количества груза с вооружением и взрывчатым веществом.

Нами проводятся дальнейшие мероприятия, направленные к вызову на нашу сторону и аресту других активных шпионов и диверсантов германской военной разведки.

В этих целях перед немцами легендируем «активную работу» перевербованных органами «Смерша» групп германских агентов в части:

1. расширения связей среди дезертиров, бандитов в лесистых местностях и антисоветского элемента в населенных пунктах для организации из них якобы повстанческих групп;

2. проведения диверсионных актов в районе «действия» этих групп, сбора ими разведывательных данных военного характера, приобретения явочных

квартир и организации «потайных складов» хранения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, получаемых от немцев;

3. установления связи с военнопленными, бывшими военнослужащими германской армии, содержащимися в лагерях, и подготовки их освобождения с вызовом для этой цели других агентов и получения от противника необходимого оружия и боеприпасов;

4. расширения связи с якобы существующим националистическим элементом в Казахстане и Грузии с целью вызова на нашу сторону эмиссаров»[\[153\]](#).

Арестованный в мае 1945 года бывший руководитель абвер-3 генерал-лейтенант Франц фон Бентивеньи на допросе в «Смерше» так оценил эффективность работы своих противников, ссылаясь на данные абвера:

«Почти ни один заброшенный в тыл Красной Армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то зачастую снабженная дезинформационным материалом»[\[154\]](#).

Вот как описываются в ведомственной монографии, посвященной истории КГБ, отдельные элементы проведения таких радиоигр:

«К участию в радиоиграх привлекались задержанные и перевербованные немецкие агенты-радисты, а также агенты органов госбезопасности, внедренные в германские разведорганы и переброшенные затем противником на советскую территорию с радиостанциями.

Органы госбезопасности тщательно следили за тем, как реагирует противник на передаваемые ему сообщения. При малейших признаках недоверия с его стороны в радиоигру вносились соответствующие изменения.

Сеансы радиосвязи, как правило, проводились из того района, где согласно заданию немецкой разведки должен был находиться ее агент. Перед сеансом радиосвязи с вражеским разведцентром, радист инструктировался о том, как он должен вести переговоры»[\[155\]](#).

Одну из первых удачных радиоигр провели сотрудники Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта в сентябре 1941 года. В результате удалось арестовать 10 немецких агентов[\[156\]](#).

Хотя не все оперативные мероприятия заканчивались так удачно. Вот пример неудачной попытки, о которой рассказал на одном из допросов руководитель подотдела 2А (диверсионно-террористические действия против СССР) абвер-2 полковник Эрвин Штольц[\[157\]](#):

«Большая группа агентов-инспирированных была выброшена на парашютах в районе Ленинграда. Главной целью операции было поднятие восстания среди эвакуированных русскими властями в Корский район литовцев и латышей.

Рижское отделение абвера «Остланд» произвело выброску группы агентов северо-восточнее Ленинграда, где в лагерях беженцев проживали интересовавшие нас прибалты...

Во время первого сеанса радиосвязи поступило сообщение о том, что десантирование прошло успешно, но руководитель группы якобы склонял агентов перейти на сторону русских и сдаться в плен, поэтому он и два его приспешника были разоружены и ликвидированы. Агенты просили прислать подкрепление и оружие. Руководители операции сразу же заподозрили что-то неладное и какое-то время ограничивались уклончивыми ответами. Впоследствии в Ригу был вызван инструктор радиододела, обучавший агентов в разведшколе, который указал на отсутствие оговоренных кодовых знаков при

передаче шифровки и изменения почерка радиста. Руководство абвер-2 пришло к выводу, что группа арестована, и теперь советская контрразведка пытается наладить радиоигру, требуя новых агентов, оружия и боеприпасов. В силу вышеизложенных причин операция была приостановлена»[\[158\]](#).

Другой пример. В ночь на 12 февраля 1942 года из населенного пункта Клягинский Ульяновского района Орловской области, примерно в 25 километрах к северо-западу от Болхова, гитлеровцы перебросили через линию фронта в расположение частей Советской Армии шпионскую группу в количестве 22 человек на шести санных повозках. Согласно легенде, отряд являлся командой связи, выполнявший специальное задание штаба ПВО 50-й Советской Армии. Легенда подкреплялась соответствующими фиктивными документами.

Перед группой была поставлена задача: пройти по специальному маршруту и установить наличие штабов, крупных частей и соединений Красной Армии, складов оружия, боеприпасов и материального обеспечения, наблюдать за передвижением воинских частей, идущих к линии фронта, и т. п. В группе находилось два радиста, которые должны были передавать информацию немцам.

В середине февраля 1942 года разведывательное подразделение было захвачено в районе города Болхова. Начальник отдела П. П. Тимофеев и начальник отделения В. Я. Барышников вышли с предложением к руководству Наркомата о включении рации в работу под контролем нашей контрразведки с использованием одного из радистов[\[159\]](#).

План операции советских контрразведчиков предусматривал использование одного из радистов и имитацию существования группы, которая должна была действовать в тылу Красной Армии в районе

города Калуги. Вместо немецких агентов решили использовать бойцов войск НКВД и пограничников. Командиром отряда назначили майора Богданчикова.

Операция сорвалась из-за длительного радиомолчания (более 20 суток) и отказа группы перейти сразу через линию фронта^[160].

С конца 1941 года по сентябрь 1943 года в оперативных играх было задействовано 80 захваченных вражеских агентов с рациями, работавшими под диктовку органов госбезопасности. Число радиоигр увеличивалось. Например, если в марте 1942 года было задействовано 7 радиоточек, то через месяц их число возросло до девяти, а в мае их насчитывалось уже десять. К концу 1943 года было задействовано 56 радиостанций, изъятых у заброшенных на территорию СССР шпионских групп. В период с 1942 по 1943 год началась работа 83 новых радиоточек.

В результате с 1 мая по 1 августа 1942 года советская военная контрразведка передала вражеским разведорганам ложные сведения о сосредоточении на различных направлениях советско-германского фронта 255 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артиллерийских полков, 6 кавалерийских дивизий и 3 армейских штабов. В декабре 1942 года были успешно завершены мероприятия по дезинформации абвера о концентрации наших войск на волховском направлении. В течение декабря 1942 – января 1943 года чекисты передавали в разведывательные центры противника дезинформационные сведения о перевозке советских войск и техники в районы Тихвина и Волхова. Ложные сообщения поступали к противнику из Вологды, Бологого, Ярославля, Рыбинска, Калинина и других городов.

С момента образования «Смерш» в его 3-м отделе было создано подразделение радиоконтрразведки под руководством подполковника (затем полковника) Владимира Яковлевича Барышникова, в 1944 году ставшего начальником отдела. В его ведение были переданы все радиоигры, кроме игр «Монастырь» и «Курьеры»^[161], проводившихся 4-м управлением НКВД – НКГБ СССР.

Радиоконтрразведка «Смерш» была усилена личным составом спецотделения по радиоиграм (8 человек), переданным из 2-го отдела 2-го контрразведывательного управления НКВД. Начальником отделения ранее был Николай Михайлович Ендаков, в прошлом служивший в органах военной контрразведки ВВС РККА, участник гражданской войны в Испании (был комиссаром авиации республиканской армии). После перевода отделения по радиоиграм в «Смерш» его начальником вместо направленного на руководящую работу в территориальные органы НКГБ Ендакова был назначен майор Дмитрий Петрович Тарасов. Вместе с Барышниковым и Тарасовым проведением радиоигр занимались сотрудники 3-го отдела майоры Сергей Елин, Владимир Фролов, капитаны Григорий Григоренко и Иван Лебедев.

Тематика радиоигр была разнообразна. Ведущее направление принадлежало, конечно, военно-стратегической дезинформации, передававшейся немцам с целью обеспечить успешное ведение боевых операций Красной Армии. Здесь, естественно, нельзя было обойтись без сотрудничества с Генштабом РККА (начальники – генерал армии А. М. Василевский, с 1945 года – генерал армии А. И. Антонов), его оперативным управлением (начальник – генерал-полковник С. М. Штеменко) и Разведупром РККА (начальник – генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов). Результатом стали радиоигры «Бурса», «Двина», «Знакомые», «Развод»,

«Танкист», «Узел», «Явка» и др., внесшие свой вклад в успех Курской битвы (1943), Белорусской и Яско-Кишиневской операций (1944) и другие.

Такие радиоигры находились под контролем Ставки Верховного главнокомандования. В этом плане характерна резолюция Абакумова, адресованная его заместителю Мешику и начальнику 3-го отдела «Смерш» Утехину, по поводу «дезы» для немцев (радиоигра «Опыт») в сентябре 1943 года: «Такие дез. материалы без разрешения т. Сталина передавать нельзя».

Расскажем подробнее об игре «Опыт», которая продолжалась с 17 мая 1943 года (дата первого сеанса радиосвязи) до августа 1944 года. Она велась совместно УКР «Смерш» Центрального округа и ОКР «Смерш» Орловского военного округа от имени трех немецких агентов (радиста Шадрина, разведчиков Юденича и Сурикова)^[162]. Они были заброшены ранее под видом советских офицеров с целью сбора военно-стратегической информации, но арестованных чекистами.

«Сверхзадачей» сообщавшейся немцам дезинформации было сохранение в тайне готовившегося наступления Красной Армии на Курской дуге. Офицеры Генштаба РККА готовили, а военные чекисты передавали немцам раз в два-три дня радиограммы о строительстве оборонительных сооружений в районе. В течение трех недель цели радиоигры были достигнуты, но связь с немцами не прерывалась.

В конце первой декады августа 1943 года военные чекисты арестовали на явочной квартире немецкого агента-связника Подкопытова, окончившего разведшколу в Борисове. Он должен был передать радисту деньги, фиктивные документы, батареи для радиостанции, продовольствие.

В Москве было принято решение: игру окончательно не прекращать, но передавать незначительную

дезинформацию. Поэтому немецкому разведцентру сообщили о том, что встреча радиста и курьера не состоялась. В ответ было получено извещение о присылке нового курьера.

Вариант встречи радиста, вполне лояльно работавшего под контролем чекистов, не получил одобрения ни фронтового управления «Смерш», ни московского руководства, опасавшихся возможных эксцессов. Было принято решение: под видом радиста должен был выступить капитан – начальник отделения фронтового «Смерша», ведущий радиоигру, хотя против этого варианта выступил полковник Барышников, предположивший возможность личного знакомства курьера с радистом.

Рядом с подставной явкой в селе Березовские Выселки расположилась опергруппа в составе двух офицеров военной контрразведки и четырех солдат батальона при фронтовом «Смерше».

После того как «радист» – чекист выяснил нужную информацию от курьера и его напарника, немецких агентов арестовали, обнаружив и изъяв при обыске большую сумму денег и чистые бланки различных военных документов. Но пакет с батареями для рации, оборудованием и продуктами, затерянный при выброске, найти не удалось. Переписка с немецким разведцентром продолжалась, груз из-за нелетной погоды попал к чекистам только в конце февраля 1944 года^[163].

Всего за период радиоигры «Опыт» противнику было передано 92 радиogramмы, получено – 51. Были вызваны на нашу сторону и обезврежены три немецких агента и получены грузы, сброшенные с самолетов (оружие, деньги, фиктивные документы, обмундирование и т. п.). За успешную работу по радиоигре Шадрин был награжден орденом Отечественной войны II степени^[164].

Также проводились 3-м отделом «Смерш» радиоигры с немцами, дававшие ложную информацию о военных

перевозках по железным дорогам («Борисов», «Загадка», «Контролеры», «Лесники», «Опыт», «Находка»), помогавшие ликвидировать разведывательную деятельность абвера в районах сосредоточения оборонной промышленности на Урале, в Сибири и в Средней Азии («Дуэт», «Патриоты», «Тайник», «Фисгармония»), предотвратить покушения на руководителей партии и правительства, командный состав РККА («Десант», «Подрывники», «Туман»)^[165]. О некоторых из них подробнее будет рассказано далее. Предупредим сразу, в большинстве историй изменены имена участников, а также названия операций.

Дело было в Поволжье

Операция могла начаться еще в конце 1941 года в районе Сенгилия (Поволжье), но из-за того, что первая диверсионная группа не имела рации, радиоигра началась только весной 1942 года.

В ноябре 1941 года в районе Сенгилия (Поволжье) с немецкого самолета была десантирована группа диверсантов. Все ее члены были завербованы в Орловском лагере военнопленных и должны были вывести из строя железнодорожный мост через реку Волга, цементный завод, а также проводить антисоветскую пропаганду среди местного населения. Пусть вас не удивляет последнее задание. Осенью 1941 года распространение пораженческих настроений порой действовало эффективнее диверсий. После выполнения задания агенты должны были мобилизоваться в Красную Армию, а после прибытия на передовую перейти линию фронта. Группа в полном составе сдалась чекистам.

Вторая группа была заброшена в тот же район в марте 1942 года. Она была укомплектована выпускниками рижской разведшколы. Основные задачи – организация диверсий на железной дороге

и предприятиях ВПК. Для выполнения задания немцы экипировали диверсантов: пулеметом Дегтярева, тремя пистолетами, двумя винтовками, 10 гранатами, 20 кг тола, 120 м бикфордова шнура, 100 штуками капсулей детонаторов, аппаратурой для прослушивания линий связи и 60 тысячами советских рублей. А самое ценное для чекистов – группа была радиофицирована. И через какое-то время началась радиоигра, подробности которой до сих пор остаются секретными.

Известно лишь, что осенью 1942 года чекистам удалось нейтрализовать еще две группы, которые немцы прислали в помощь второй. А последняя группа была десантирована в апреле 1944 года. После этого радиоигра была прекращена [\[166\]](#).

«Ястреб»

Операция началась 12 марта 1942 года, когда в органы госбезопасности явился с повинной агент-радист Ястребов. На первом допросе он рассказал, что после окончания варшавской разведывательной школы был выброшен с самолета на парашюте на территорию Ивановской области.

Агент имел задание пробраться в город Иваново, осесть там на жительство по фиктивным документам и приступить к сбору сведений военного, экономического и политического характера, наблюдая за переброской войск к фронту по железной дороге, и добытые сведения передавать по радио.

Было принято решение привлечь его к участию в радиоигре. Первый сеанс связи с разведцентром был запланирован на 14 марта, но из-за технической неисправности передатчика устойчивого радиообмена удалось добиться лишь к середине апреля.

Единственный положительный результат игры – к Ястребову 19 сентября 1942 года явился агент-связник

немецкой разведки Вепховский, которого задержали чекисты. После вручения груза он должен был возвратиться назад через линию фронта.

Однако продолжить радиоигру «Ястреб» не удалось. При передаче благодарственной радиограммы за оказанную помощь Ястребов допустил ошибку, перепутав условия на случай провала. После чего радиосвязь была прекращена [\[167\]](#).

Операция в Орловской области

Летом 1942 года в Елецком районе Орловской области в органы госбезопасности явился с повинной немецкий агент – бывший сержант Красной Армии. После серии допросов было решено использовать его для радиоигры с противником. Подробности этой операции продолжают оставаться секретными и в наши дни, известно лишь, что он передавал за линию фронта дезинформацию, которую готовили сотрудники разведотдела штаба Брянского фронта. Благодаря этому человеку удалось скрыть перемещение резервов Красной Армии в районе Верховья [\[168\]](#).

Операции на Урале и в Сибири

В районе железнодорожной станции Рузаевка 30 сентября 1942 года с самолета на парашютах было выброшено трое агентов – выпускников Брайтенфуртской разведшколы (располагалась в 20 км от Вены) Федоров, Баранов и Бравин с рацией, револьверами и документами. Они должны были пробраться в Свердловск и выяснить организацию службы ПВО Свердловска, число аэродромов, типы и количество базирующихся там самолетов, летный состав, наличие американской и английской авиации, местонахождение и профиль работы вновь построенных

и эвакуированных из западных областей заводов, наименования и места дислокации воинских частей вновь формирующихся войск, условия работы железнодорожного транспорта.

Агенты добровольно сдались чекистам транспортного отдела НКВД станции Рузаевка и были отправлены в Москву, где освобождены из-под стражи с прекращением дела. Тогда же они были привлечены к начавшейся радиоигре, направлены в Свердловск, где и были легализованы. Была установлена 10 ноября 1942 года связь с Веней и из Генштаба РККА пошла «деза» о штабе Уральского военного округа, эвакуированной в Свердловск академии ВВС им. Жуковского и т. д. Игра продолжалась до конца 1943 года и была прекращена из-за утраты интереса немцев^[169].

«Фисгармония»

Одновременно с тремя агентами, участвовавшими в описанной выше игре, в районе станции Рузаевка был сброшен и сразу же арестован еще один агент – Сальский с рацией, питающейся от сети, а не от батарей. У него было похожее задание, только в качестве места оседания ему предстояло выбрать один из трех крупных сибирских городов: Красноярск, Омск или Новосибирск.

Дав откровенные показания, Сальский был включен в радиоигру и регулярно передавал дезинформацию о промышленных объектах оборонного значения и железнодорожном транспорте, а также сообщил о вербовке двух местных жителей.

Военные чекисты решили вызвать курьера. После многомесячных переговоров агент-курьер был сброшен 24 января 1944 года с самолета на парашюте в районе станции Занозная Московско-Киевской железной дороги. Бывший командир взвода Дмитрий Соколов явился

с повинной к чекистам и рассказал о задании – он должен был пробраться до Новосибирска и встретиться с Сальским, затем он должен был вернуться к немцам. Поведение Соколова во время встречи «втемную» с Сальским вызвало к нему доверие чекистов. Но отправить Соколова к немцам не получилось из-за оплошности сотрудников транспортного отдела НКГБ Московско-Киевской железной дороги, отправивших, несмотря на предупреждение, сразу же сдавшегося агента в тюрьму, где его остригли наголо, и в таком виде отправить его к немцам было затруднительно. В дальнейшем от имени Соколова и Сальского передавалась дезинформация. Но побудить немцев организовать радиоточку на Северном Урале не удалось, и радиоигра закончилась в конце 1944 года^[170].

«Львов»

Радиоигра была начата в марте 1942 года в городе Ярославле от имени трех немецких агентов, выброшенных немцами на территории Бровичевского района Ленинградской области. Группа должна была проникнуть в Ярославль с целью получения данных о численности, наименовании и дислокации воинских частей гарнизона, их обеспечении вооружением и боеприпасами, о наличии промышленных предприятий и выпускаемой ими продукции, о прохождении воинских частей в сторону фронта, а также о количестве и наименовании вооружения, поступающего из США и Англии.

Поскольку показания агентов по многим вопросам были противоречивы и вызывали сомнения, радиоигра была начата спустя 20 суток после их выброски. Задержка в установлении связи была объявлена противнику якобы неудачным приземлением и подбором удобного местожительства. Несмотря на задержку,

оперативное мероприятие развивалось успешно и продлилось до 11 января 1943 года^[171].

На территории Ярославской области

В сентябре 1942 года на территории Борисоглебского района Ярославской области с немецкого самолета с парашютами были выброшены два агента: Карл и Дубель. Оба почти сразу же после приземления явились с повинной. С октября 1942 года по апрель 1943 года с их участием проводилась радиоигра^[172].

«Дуэт»

В ночь на 27 сентября 1942 года в районе деревни Долшино Рязанской области были сброшены два выпускника Брайтенфуртской разведшколы под Веной (в марте 1943 года она была реорганизована в самостоятельный учебный центр, специализировавшийся на подготовке специалистов по советской авиационной промышленности (1-я группа «Техника авиации») и советских ВВС и ПВО (2-я группа «Авиация»). Агенты Кедров и Сагайдачный имели задание:

«создать базу для разведывательной работы в городе Уральске или Сарапуле с предварительным заездом Кедрова в Москву для сбора сведений о работе авиапромышленности;

установить заводы авиационной промышленности и предприятия, связанные с выпуском самолетов, выяснить типы самолетов и авиамоторов, создаваемых этими предприятиями;

собирать сведения о формировании и дислокации частей Советской Армии и аэродромов, о передвижении воинских грузов по железным и шоссейным дорогам;

выяснять количество и типы вооружений, прибывающих из США и Англии;

выявлять политико-моральное состояние личного состава частей Советской Армии и населения»^[173].

Агенты добровольно сдались рязанским чекистам и согласились участвовать в радиоигре, проводившейся контрразведкой НКВД, а с апреля 1943 года - 3-м отделом «Смерш». Игра продолжалась до взятия советскими войсками Вены в апреле 1945 года, когда разведцентр прекратил свое существование. Хотя за это время был огромный объем дезинформации, но не удалось вызвать курьеров или нового радиста (по «легенде» агентов мобилизовали в армию, и они оказались в разных городах)^[174].

«Бурса»

Радиоигра началась 12 октября 1942 года на территории Тамбовской области. Группа немецких агентов должна была организовать серию диверсий на железных дорогах и оборонных предприятиях, вести среди местного населения антисоветскую агитацию от имени «Боевого союза русских националистов». К марту 1944 года по радиоигре было арестовано два парашютиста противника^[175].

«Казбек»

Операция была проведена органами военной контрразведки Особого Грозненского оборонительного района в 1942 году. В ней участвовало двое агентов германской разведки: Исмаил Наргисович Моллаев и Николай Григорьевич Ковалев. Игра продлилась недолго. Район, из которого якобы велась передача, внезапно был занят немецкими войсками^[176].

«Штурм»

Проводилась органами военной контрразведки Закавказского фронта в течение двух лет. За это время было арестовано 30 агентов противника, задержаны тонны оружия, взрывчатки, боеприпасов, сброшенных немцами с самолетов. Между тем руководители немецкой разведки регулярно докладывали Адольфу Гитлеру об «успешной работе» своих агентов и присылали им радиосообщения о награждении их немецкими орденами^[177].

«Находка»

Эта игра началась весной 1943 года в районе города Волоколамска. Группа Костылева была сброшена с самолета на парашютах и захвачена чекистами.

Радиосвязь была установлена на третий день после выброски и пленения группы. Игра продолжалась до декабря 1944 года. Из немецкого разведцентра прибыли 4 курьера, двое из них перевербовывались советскими контрразведчиками^[178].

На территории Ярославской области - 2

14 мая 1943 года чекистами был задержан немецкий агент – выпускник варшавской разведшколы. Участвовал в проводимой военными контрразведчиками радиоигре. Жил в Ярославле^[179].

«Борисов» («Бумеранг» и «Находка»)

Тройное название радиогры связано с тем, что в «Смерше» она именовалась «Борисов»^[180], а в воспоминаниях сотрудников НКВД (которые ее начали)

как «Бумеранг» и «Находка» (под таким названием у «Смерша» проходила своя радиоигра - о ней рассказано выше). Эта радиоигра началась в феврале 1943 года. В Егорьевском районе Подмосковья были арестованы выброшенные на парашютах (с заданием следить за движением военных эшелонов на Московско-Рязанской железной дороге) окончившие Борисовскую школу абвера Антонов и Нилов.

Агент Нилов сразу же был включен в радиоигру, в немецкий разведцентр было сообщено о его знакомстве с диспетчером одной из станций на Московско-Рязанской железной дороге, от которого и шла «информация», подготовленная в Генштабе РККА. Немцы оценили работу своего агента, наградив его медалью «За храбрость», о чем и было сообщено во время радиосеанса.

Для обеспечения агентов документами, деньгами, батареями для рации и продуктами был заброшен немцами агент Семенов, сразу же задержанный чекистами. Посылка с рацией, сброшенная на отдельном парашюте, сразу не была найдена, что и было использовано военными чекистами как предлог для вызова другого курьера.

Однако немцы потребовали возвращения Семенова. Пришлось легендировать его «гибель» при переходе линии фронта путем передачи в открытый радиоэфир радиোগраммы штаба 33-й армии.

Следующим немецким курьером оказался преподаватель Борисовской разведшколы «Меншиков», выброшенный в Калужской области и добровольно сдавшийся бойцам 11-й армии. Это чуть было не стоило ему жизни, а радиоигре - провала, так как руководители армейского «Смерша», получив от Меншикова показания об ожидавших его агентах, выехали в Томилино для ареста Антонова и Нилова. Заехав по дороге в Люберецкий горотдел НКГБ, они встретились там

с оперативниками 3-го отдела ГУКР «Смерш», ожидавшими доставки арестованного Меншикова. В итоге начальник «Смерша» 11-й армии получил «втык» от Абакумова.

Меншиков же, привезший батарею, деньги, документы и экипировку, все откровенно рассказал и был привлечен к операции. Его освободили из тюрьмы и поселили в гостинице. Ему была устроена встреча на конспиративной квартире с радистом Ниловым, причем обоим использовали «в темную», каждый был уверен, что перед ним немецкий агент. Затем Меншиков был переброшен обратно к немцам и продолжил работу в разведшколе, уже на «Смерш».

Нилов с санкции Абакумова был переведен из тюрьмы на явочную квартиру. В дальнейшем с ним не обошлось без эксцессов. Пользуясь свободой передвижения по Москве, он гулял по столице.

Одна из таких «экскурсий» чуть не закончилась трагически. Его сбил автомобиль, и в бессознательном состоянии его доставили в военный госпиталь. Там его и обнаружили военные чекисты после недели поисков. Агента уже собирались объявлять во всесоюзный розыск.

В дальнейшем перед абвером, с целью вызова нового курьера, была легендирована «смерть» Нилова от болезни. К операции был привлечен его напарник Антонов, переведенный из тюрьмы на явочную квартиру.

Эти меры дали эффект. В сентябре 1944 года был направлен абвером курьер Матвеев, бывший власовец, сразу же арестованный чекистами. Вскоре Антонов получил предложение разведцентра поехать в Вильнюс для наблюдения за передвижением эшелонов с частями Красной Армии.

Смершевцы использовали это как предлог для вызова (по радиосвязи из Вильнюса) из разведцентра агента-литовца, знающего местные условия. Задачей

в данном случае было раскрыть оставленное немцами при отступлении подполье. В итоге 25 октября в Гродненской области был захвачен при приземлении немецкий агент Климович, вместе с батареями для радиации, документами и т. п. В конце 1944 года игра, принеся такие великолепные результаты, была закончена^[181].

«Пешеходы»

В феврале 1943 года во время перехода линии фронта на участке обороны 8-й Гвардейской дивизии в засаду попала группа из трех немецких агентов. Они должны были пробраться в город Торопец и собрать там сведения о военном гарнизоне и его вооружении; установить характер грузов, прибывающих на местную железнодорожную станцию; выяснить, производится ли переброска воинских частей по дорогам, ведущим к городам Холм и Великие Луки. Через две недели агенты должны были вернуться обратно.

Изъятую радиостанцию включили в радиоигру, которая велась Особым отделом Калининского фронта с 9 по 20 февраля. За это время было передано шесть радиোগрам, содержащих дезинформационные сообщения о продвижении через станцию Торопец частей Красной Армии и воинских грузов. Игру закончили из-за «возвращения» агентов обратно.

Карелия

В радиоиграх использовались агенты не только германской, но и финской разведок. В качестве примера – операция, проведенная карельскими чекистами в феврале-марте 1943 года. Все началось 9 февраля, когда были задержаны два агента.

На первом допросе они рассказали начальнику отдела контрразведки А. Кузнецову и начальнику радиоцентра А. Анисимову, что согласно директиве начальника Петрозаводской разведшколы они должны были: «Разведать движение на дороге Вытегра – Пудож – Повенец, притащить хорошего пленного. Сведения добывать от встречных, которых затем ликвидировать. Возвращаться спустя неделю через Бесов Нос».

Выяснив задачи группы, район ее действия, расписание работы рации, время передачи и содержание первой радиограммы, контрразведчики немедленно проинформировали 2-е Управление НКВД СССР, которое приняло решение начать радиоигру с финнами.

16 января передана первая радиограмма: «Приземлились благополучно. 7 утром наткнулись на двух охотников, все схоронили и удрали на север глубоко в лес.

15 разыскали рацию. Скажите, что делать».

Передача прошла хорошо, финны прием подтвердили и 17 января передали: «Если вас преследуют, возвращайтесь обратно. Если нет, то начинайте выполнять задание».

Москва не торопится с высылкой материалов по радиоигре. Вот и приходится местным чекистам самим придумывать дезинформацию. Передаются радиограммы о передвижении корреспондентов на юг к Пудожу, о разведке деревни Сарозеро, состоянии дороги на Повенец, просьба прислать продукты, которые финский самолет сбрасывает 23 января 1943 года.

По легенде разведчики переместили шалаш в окрестности деревни Давыдова Гора южнее Пудожа и приняли решение: радиограммы ежедневно не передавать, «экономить» питание рации.

Москва 27 января наконец-то предлагает передать финнам радиogramму следующего содержания:

«Находимся в 30 км от Пудожа. На Повенец прошло до 2 рот красноармейцев в зимней форме. Идут по 4-6 автомашин с грузом».

Очередная телеграмма содержала «нейтральный» текст:

«Условия наблюдения трудные. В Пудож не идем, в его районе патрули. В городе сильный гарнизон, какие войска – выясняем».

А 30 января финнам переданы две очередные радиogramмы о дислокации в деревне Авдеево штаба воинской части, о наличии в Пудоже стрелкового полка, о движении на Повенец большого числа автомашин с красноармейцами, лыжников и легковушек.

На все переданные радиogramмы было получено подтверждение о приеме, в ответной радиogramме подбадривают, ждут возвращения.

Ответную радиogramму финны передали 2 февраля. Ее текст звучал так: «Уточните: какие войска и сколько их в Пудоже. После этого возвращайтесь, как было указано». Ответа они так и не получили. Москва уже приняла решение о прекращении игры в связи с завершением дезинформационных мероприятий. По определенным причинам от перевербовки разведчиков и их обратной заброске отказались [\[182\]](#).

Бегство Орлова

Эта история, имевшая негативные последствия для организаторов радиоигр, началась в ночь с 18 на 19 апреля 1943 года, когда на территории Клетского района Сталинградской области был сброшен с самолета на парашюте агент немецкой разведки, бывший лейтенант Красной Армии некто Орлов. После приземления он сам явился с повинной в органы

советской власти и сдал коротковолновый радиопередатчик, оружие, деньги и фиктивные документы. В процессе следствия агент вел себя искренне: подробно рассказал о полученном им задании, о варшавской школе германской разведки и известных ему агентах, передал шифр и код, рассказал об условном пароле на случай провала.

В связи с этим было решено привлечь Орлова к работе на радиостанции под диктовку советской контрразведки. Согласно разработанной легенде, он познакомился с машинисткой штаба резервной армии, от которой узнавал секретные сведения по интересующей немецкую разведку тематике.

Для проведения операции было принято решение освободить его из-под стражи и поселить вместе с двумя сотрудниками УНКВД по Сталинградской области на специально подобранной квартире. Ее адрес агент сообщил в Центр - ожидалось прибытие курьера. Гость должен доставить деньги, документы и батареи для радиостанции.

Агент-связник, бывший майор Красной Армии Амосин, был арестован 20 июля, на третий день после приземления. После окончания предварительного следствия и выяснения всех обстоятельств было решено сообщить противнику о прибытии курьера, но одновременно указать, что визитер оказался нечестным и часть денег присвоил себе.

28 июля противнику была передана следующая радиограмма:

«Прибыл Амосин, привез батареи и 8 тысяч рублей, а я, как мне известно, должен был получить 10 тысяч. В беседе выяснилось, что Амосин хочет поехать домой. Рассказывая о себе, он упомянул, что был большим командиром в Советской Армии и жаловался на теперешнее свое положение. Как мне теперь с ним держаться? Благодарю за внимание».

Операция по задержанию курьера прошла успешно. А вот на следующей день исчез сам Орлов. Прошло несколько дней, и чекисты получили от него письмо, доставленное по городской почте:

«Вот, наконец, ушел от вас, господин начальник. Как вы себя чувствуете? Сейчас, когда вы читаете мое письмо, я в составе передовых частей германской армии двигаюсь к городу, в который мы скоро войдем победным маршем. Желая благополучно унести ноги. Орлов».

Легко представить, что ощутил начальник отдела контрразведки, прочитав это послание. В ходе расследования было установлено, что сбежал Орлов по причине своей мнительности и впечатлительности. Во время его пребывания в Сталинграде военная обстановка, мягко говоря, складывалась для советских войск неблагоприятно. Линия фронта стремительно приближалась к городу, что отрицательно влияло на малодушных и неустойчивых, к которым относился и Орлов. Неблагоприятный фактор - наличие двух чекистов, которые постоянно находились рядом. Он опасался, что при опасности захвата Сталинграда противником его уничтожат как опасного свидетеля.

Как удалось выяснить после окончания войны, Орлов скрыл от немцев явку с повинной и участие в радиоигре. Согласно его версии причиной провала стал Амосин, а телеграмму 28 июля он передал под контролем чекистов. Через пару дней, воспользовавшись благоприятной возможностью, он сбежал. Немецкие разведчики поверили его объяснению и направили в одну из разведывательных школ в качестве инструктора [\[183\]](#).

«Салават»

Весной 1943 года при отступлении немецких войск из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки оставил в станице Славянская двух своих агентов – Рашида Мухаммедова и Виталия Яковлева с радиостанцией. После двух сеансов связи советские контрразведчики вычислили место, откуда велась радиопередача, и задержали агентов.

Было решено начать радиоигру, при этом переместив радиоточку в новое место – станицу Нововеличковская. Операция прошла успешно. Так, 27 августа было сброшено с самолета на парашютах трое немецких агентов – армянских националистов. Их задержали без единого выстрела.

Игра продолжалась до сентября 1943 года, так как дальнейшее ее проведение стало невозможным по техническим причинам. Германская армия поспешно отступала из Крыма и с юга Украины. А мощности радиостанции было недостаточно, чтобы поддерживать связь на больших расстояниях [\[184\]](#).

«Загадка»

Все началось 20 июня 1943 года. В тот день в Егорьевский РО НКВД Московской области явился зафронтной разведчик Особого отдела Северо-Западного фронта «Северов». Он заявил, что он вместе с напарником «Волковым» ночью был сброшен немцами на парашютах (с рацией, 10 пистолетами, документами и т. д.) для выполнения спецзадания в тылу Красной Армии.

Их немедленно доставили в Москву. Офицерам 3-го отдела «Смерш» агенты рассказали, что их главная задача – вербовка высокопоставленного работника НКПС «Леонова» (дальнего родственника «Северова»). Также они сообщили данные на 130 немецких агентов, готовившихся к заброске на советскую территорию.

С самого начала войны противник проявлял большой интерес к Московскому железнодорожному узлу, поэтому подполковник В. Я. Барышников 23 июля рапортом доложил В.С. Абакумову:

«В связи с тем, что группа имеет очень интересное задание, по которому можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как вызов, например, квалифицированных вербовщиков, данную группу целесообразно включить в радиоигру».

Санкция была получена, и после проверки прибывших из-за линии фронта началась игра с разведорганом 6-го Управления РСХА «Цеппелин» «Россия - Центр». В качестве радиста в игре использовался Волков.

Северов инсценировал вербовку родственника, выступая в качестве представителя американской разведки. Для оплаты услуг «ценного» агента требовалась валюта. Поэтому в ночь с 29 на 30 марта 1944 года в районе Егорьевска был сброшен с самолета сотрудник СД Алоиз Гальфе, берлинский специалист по подготовке агентов-радистов. Его заброска являлась показателем огромного доверия к своим агентам со стороны разведоргана противника. Помимо шпионского снаряжения для вербовки родственника Северова он привез 5 тысяч долларов и 500 тысяч рублей. На вокзале в Егорьевске немца арестовали, а по радиации в разведцентр сообщили о его благополучном прибытии, получении посылки и состоявшейся вербовке Леонова, с помощью которого немцы планировали также организовать убийство члена Политбюро ЦК наркома путей сообщения Л. М. Кагановича.

Следующего немецкого агента заманили наличием «тщательно отработанных» планов воинских перевозок на летне-осенний период 1944 года, который позволял выявить замыслы командования Красной Армии и заранее узнать о готовящихся наступлениях. Ведь

Москва являлась важнейшим транспортным узлом. Спустя несколько дней после сеанса связи очередной агент-парашютист был захвачен на месте приземления в том же Егорьевском районе. 21 июля 1944 года в разведцентр противника было сообщено, что все необходимые средства получены, документы сфотографированы и оговаривались условия их передачи. Эта радиограмма была доложена Шелленбергу и Кальтенбруннеру, не исключено «что и самому Гиммлеру. Ведь уже на следующий день имелся наготове самолет, с которого предполагали сбросить фотоаппарат. В 1944 году «Цеппелину» никогда бы самостоятельно не удалось в течение шести часов достать самолет» (из показаний арестованного немецкого разведчика).

Самолет, посланный для доставки добытых материалов, приземлился в районе Егорьевска в ночь с 14 на 15 августа на специально подготовленной контрразведчиками площадке, оборудованной ямилловушками, но не застрял ни в одной из них. Смершевцы открыли огонь на поражение, но самолету удалось уйти за линию фронта. Через месяц аналогичный спецсамолет был захвачен в Смоленской области. Выяснилось, что он был специально сконструирован фирмой «Мессершмитт» для высадки разведгрупп в глубоком тылу противника. Вместо обычных шасси он был снабжен каучуковыми траками, дававшими ему возможность приземляться даже на заболоченной местности. Это и позволило его экипажу уйти из засады под Егорьевском.

С германским разведцентром 21 августа 1944 года радиосвязь была установлена уже из Рязска. Немцы решили вывести агентов на свою территорию, но это не было сделано из-за изменения линии фронта. Тем не менее в РСХА продолжили операцию.

В ночь с 3 на 4 февраля 1945 года в районе Смоленска снова было сброшено пять тюков различного снаряжения с продуктами, фиктивными документами, радиостанцией, оружием, деньгами. Последнее задание от разведцентра заключалось в указании вернуться в Москву и восстановить связь с работником Наркомата путей сообщения.

Операция продолжалась до середины апреля 1945 года и была прекращена из-за технической невозможности германского разведцентра связаться со своими агентами по радиоканалу^[185]. Всего за период радиоигры было передано 159 радиোগрам, получено – 170^[186].

Алоиз Гальфе, двадцатичетырехлетний судетский немец, был 27 января 1945 года приговорен Особым совещанием к расстрелу с конфискацией имущества.

Представляет интерес оценка работы «Смерша» по радиоигре «Загадка», прозвучавшая из уст официального работника «Цеппелин» «Россия-Норд», который вел дело группы «Иосифа» («Северова»). На допросе в июне 1945 года он утверждал: «В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал такое мнение, что «Иосиф» – лучшая агентурная группа, и если бы все активисты были такого склада, как люди «Иосифа», то разведка на территории Советского Союза была бы гораздо лучше поставлена. Все неполадки и провалы его группы служили поводом для критики плохой работы немецкой разведки. Вина за них возлагалась на взаимную конкуренцию и погоню за орденами среди руководства»^[187].

«Контролеры»

Эта игра началась 2 августа 1943 года в Москве и велась от имени радиста и его напарника. Оба шпиона попали в немецкий плен в начале войны и дали свое

согласие на сотрудничество с германской разведкой. На самолете их перебросили через линию фронта и с парашютами сбросили в окрестностях столицы. Основное задание – сбор информации о Московском железнодорожном узле. Парашютисты добровольно сдались чекистам.

В течение длительного времени они передавали противнику дезинформацию о движении грузов по железным дорогам северного направления – на Мурманск и Ленинград. Кроме этого, благодаря им были захвачены две пары агентов-курьеров [\[188\]](#).

«Развод»

Проводилась одновременно с радиоигрой «Контролеры» в Москве и первоначально использовалась для передачи дезинформации о работе Московского железнодорожного узла. В результате «Смершу» удалось захватить трех курьеров. Игра продолжалась до мая 1945 года [\[189\]](#).

Битва на Курской дуге

В мае – июне 1943 года, в соответствии с планами советского командования, была проведена крупномасштабная и уникальная операция, подробности которой и в наши дни продолжают оставаться секретными. Речь идет о сокрытии для противника планирующегося наступления на Курской дуге.

Для передачи дезинформации использовались девять агентурных радиостанций, расположенных в населенных пунктах Ливны, Елец, Щигры, Касторное и Тамбов. Одна из трудностей, с которой столкнулись чекисты, – все радиостанции располагались в прифронтовой полосе (в зоне досягаемости авиации противника), а малолесистая и равнинная местность не

способствовала маскировке. Это означало, что немцы могли использовать для проверки переданных сведений самолеты или сбросить агентов-парашютистов.

Для нейтрализации этой реальной угрозы были предприняты конкретные меры:

1. В игру были включены все контролируемые органами госбезопасности германские агентурные группы, выброшенные противником для ведения разведки в районе Курской дуги.

2. После передачи основных радиোগрам, в том числе тех, которые подтверждали данные других групп, работа радиоточек под разными предложениями прекращалась, чтобы противник не смог проверить их работу.

3. Дезинформация передавалась, как правило, задним числом и не систематически, а в выгодное для нас время. Она подтверждалась двумя агентурными радиостанциями в Москве и тремя радиоточками в Саратове и Пензе.

Всего в процессе подготовки битвы было проведено 17 радиоигр^[190].

«Подрывники» и «Подголосок»

Проводились на территории Вологодской и Архангельской областей в 1943-1944 годах. В результате было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента. По этому каналу в разведцентр противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Учитывая ее тогдашнее стратегическое значение в общем объеме перевозок, эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования^[191].

В ночь с 15 на 16 октября 1943 года на границе Харовского и Вожегородского районов Вологодской области была выброшена и почти сразу же задержана чекистами группа из пяти немецких агентов. Основные задачи группы: подобрать площадку для приема основного десанта, а после этого организация диверсий на Северной железной дороге и формирование «повстанческих отрядов из антисоветских элементов». Командир группы – Аулин, радист – Левин.

С 20 октября 1943 года в районе станции Явенга Северной железной дороги от их имени началась радиоигра «Подрывники»^[192].

1 ноября 1943 года были сброшены с немецкого «юнкерса» 14 агентов, 13 были сразу задержаны, один застрелился. Немцам по радиации сообщили, что никто из выброшенных не явился на условленное место. 11 ноября 1943 года состоялась выгрузка еще трех агентов, сразу же арестованных. Попала к смершевцам и посылка с 4 пулеметами, 12 автоматами, 500 кг взрывчатки, ящиком мин, гранатами, рацией, снаряжением и т. п. От имени арестованных и упомянутого радиста Соколова началась вспомогательная радиоигра «Подголосок». 16 ноября немцы сбросили еще 4 тюка. Затем было сообщено в разведцентр об «объединении» двух групп диверсантов.

В марте 1944 года были захвачены выброшенные с самолета агенты Антонов и Страхов (советские военнопленные, выпускники школы «Цеппелин-Норд») и 28 тюков грузов с оружием, взрывчаткой, снаряжением, деньгами и двумя центнерами продуктов^[193].

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года были задержаны еще трое парашютистов: Павел Павлович Соколов («Ястребов»), Василий Гайкович Степанов («Курганов») и Анатолий Николаевич

Шеховцев («Раскольников»). Все трое сразу начали активно сотрудничать с военными чекистами^[194].

В результате игры было выведено на советскую территорию и арестовано 22 немецких агента, в разведцентр немцев систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге^[195].

Руководителем радиоигры «Подголосок» был следователь ОКР «Смерш» Архангельского военного округа лейтенант Федор Абрамов, впоследствии известный писатель. За участие в радиоиграх и успешную дезинформацию противника его наградили именными часами.

«Семен»

В начатой в мае 1943 года радиоигре принимал участие советский разведчик Семен Антонович Калабалин, воспитанник колонии известного педагога А.С. Макаренко, также ставший впоследствии учителем. В начале Великой Отечественной войны в качестве зафронтового разведчика он был выведен в тыл наступающей немецкой армии, оказался в плену, затем учеба в Варшавской разведывательной школе по программе разведчика-радиста. После завершения подготовки был сброшен с самолета на парашюте на нашу территорию. Цель - организация наблюдения за работой железнодорожного узла в городе Горьком, а также добыча разведывательной информации по другим вопросам.

В течение месяца шел интенсивный обмен радиogramмами между агентом и Центром. Затем советские контрразведчики решили проверить уровень доверия Берлина к своему шпиону и создали ситуацию, когда для дальнейшей связи требовалось прислать

курьера (имитировали полную разрядку батарей радиостанции).

Два курьера прибыли в Горький 27 июня 1943 года. Их арестовали на квартире, где проживал Семен Анатольевич Калабалин. Сама радиоигра продолжалась до конца 1944 года, затем из-за передислокации радиостанции противника в глубь Германии радиосвязь пришлось прекратить. Калабалин же по представлению ГУКР «Смерш» 28 октября 1943 года был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Продолжив дело своего учителя Антона Семеновича Макаренко, он работал в детской колонии в Грузии и заведовал детдомом в Московской области^[196].

Смоленско-Рославльские радиоигры

Проводились летом 1943 года во время подготовки одноименного наступления Красной Армии, которое началось в сентябре. Подробности этих радиоигр неизвестны^[197].

«Друзья»

В марте 1943 года в Горьком начала действовать другая радиоточка. На ней работали два советских разведчика – Иван Никифорович Коцарев и его напарник Николай Лукич Палладий, выполнявший обязанности радиста. Как и по радиоточке «Семен», противнику шла военная дезинформация, рекомендованная Генеральным штабом Красной Армии. В первую очередь она касалась сведений о количестве эшелонов, проходящих через Горький, и номенклатуре перевозимых ими грузов. Информация, передаваемая двумя разведгруппами, отличалась в мелких деталях.

На втором этапе операции было принято решение вызвать курьеров, мотивируя это необходимостью новых

батарея для радиостанции. В сентябре 1943 года двух курьеров арестовали советские контрразведчики. Согласно заданию Центра они должны были вернуться. Вместо них решили послать Ивана Никифоровича Коцарева (он же Лукьянов). Объяснение простое – агенты не дождались посылки и решили взять инициативу в свои руки.

Советский разведчик, пройдя подготовку под руководством майора Владимира Климкина, специалиста по внедрению агентов в немецкие разведорганы, благополучно пересек линию фронта, прошел проверку и был награжден немецкой медалью «За храбрость» и ему присвоили звание лейтенанта РОА (Российская освободительная армия, ею командовал Власов). А 1 мая 1944 года его сбросили с самолета на парашюте на территории СССР вместе с батареями для радиостанции, кварцами и топографическими картами.

Радиоигра продолжалась до начала 1945 года. За эти полгода еще двое курьеров попали в «ловушку», организованную советскими контрразведчиками, а радиоточка продолжала посылать дезинформацию противнику [\[198\]](#).

Случай в Сызрани

В Салтыковском районе Пензенской области 25 апреля 1943 года с самолета на парашюте был сброшен агент-радист Иванихин с заданием собирать сведения о Пензенском железнодорожном узле. Он поселился на окраине Пензы и в течение трех недель вел наблюдение за передвижением составов.

Разоблачили его случайно. Самопроизвольный выстрел в процессе чистки оружия. Тяжелое ранение, которое оказалось не смертельным. А дальше из милиции дело попало в «Смерш».

Первая радиограмма под контролем чекистов была отправлена 2 июня 1943 года. А в сентябре 1943 года немцы прислали курьера. Его тоже задействовали в радиоигре [\[199\]](#).

«Лесники»

На территории Ярославской области 1 марта 1943 года были заброшены и сразу же задержаны три немецких агента-парашютиста – Марков, Степанков и Николаев с оружием, рацией и снаряжением. Их основная задача была определена как организация движения сопротивления из антисоветски настроенных лиц [\[200\]](#).

По другим данным, фамилии немецких агентов: Богданов, Угаров и Добрецов, а приземлились они 16 марта 1943 года [\[201\]](#).

Чекисты разработали легенду радиоигры «Лесники», согласно которой в Чухломских лесах скрываются многочисленные дезертиры и их можно организовать в отряд. Также в Берлине узнали, что в городах Галич, Ярославль и Кострома были «созданы опорные пункты... для установления связей с антисоветским элементом и привлечения его для шпионско-диверсионной работы» [\[202\]](#).

От имени агентов поступали сообщения об организуемых ими поджогах складов и ферм в колхозах и других диверсиях в Ярославской области, куда якобы переехала группа. Германская разведка одобрила этот план. Из-за линии фронта стали регулярно поступать оружие, боеприпасы, медикаменты, деньги, одежда, продовольствие и т. п., кроме этого с парашютами сбросили 12 агентов-связников, сразу же арестованных [\[203\]](#).

В архангельских лесах

22 мая 1943 года в лесной местности, которая входила в зону ответственности пограничной заставы «Куя» Архангельского погранотряда, приземлилось четверо парашютистов. Группа должна была вывести из строя электростанцию, снабжавшую электричеством предприятия по выпуску и ремонту подводных лодок. Другое задание – сбор информации о поставках западными союзниками СССР вооружений по ленд-лизу. А точнее, эффективность действий немецких субмарин, атаковавших союзные конвои, которые следовали с военными грузами в Архангельск.

Группу почти сразу же задержали пограничники. На первом же допросе в Управлении контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа все четверо парашютистов во всем признались. Среди тех, кто беседовал с ними, был сам руководитель военной контрразведки Виктор Абакумов. Все четверо участвовали в организованной чекистами радиоигре. Ее подробности и результаты продолжают оставаться секретными и в наши дни [\[204\]](#).

«Штурм»

Проводилась с 1943 по 1945 год чекистами Закавказского фронта. В июле 1943 года на парашютах в горах в окрестностях Тбилиси была десантирована разведывательно-диверсионная группа численностью шесть человек. Сразу же после приземления они явились с повинной в местные органы госбезопасности. Было решено начать радиоигру с противником.

Первая радиоточка «Венера 1» вышла в эфир 19 июля 1943 года. После того, как была сброшена вторая шестерка диверсантов, заработала радиоточка «Венера 2».

Результаты радиоигры: более 30 задержанных агентов; миллионы изъятых рублей; тонны оружия, боеприпасов и взрывчатки. Хотя главный итог – германская разведка не пыталась создавать других резидентур на территории Грузии [\[205\]](#).

«Связисты»

Игра началась 13 февраля 1944 года в районе города Тосно. Для ее проведения использовалась радиостанция, изъятая у разведывательной группы Вермахта, получившей приказ вести наблюдение за переброской частей и соединений Советской Армии к линии фронта.

В связи со стремительным перемещением линии фронта на запад и, соответственно, бесперспективностью работы радиоточки в этом районе смершевцы приняли решение перевести ее в Ленинград. В этом городе она и работала до окончания войны [\[206\]](#).

«Тростники»

В августе 1943 года в районе города Гурьева Казахской ССР была сброшена с парашютами группа германских агентов, казахов по национальности. Основные задачи отряда типичны: проведение антисоветской агитации среди казахов; сбор и передача разведанных о частях Красной Армии, дислоцированных в этом районе; военной технике и промышленности.

Одно из традиционных мероприятий – вызов и задержание агентов-связников закончилось неудачно. Пять (в т. ч. командир группы Алимов и старший радист) из восьми агентов – военнослужащих РККА, попавших в плен к немцам, десантировавшихся ночью с 2 на 3 мая 1944 года, погибли при аресте. Поэтому использовать их в начавшейся радиоигре не представлялось возможным.

Немцы выбросили и вторую группу. Агентов сбросили в районе Гурьева в ночь с 10 на 11 июня 1944 года. После приземления один из агентов отправился в город Гурьев для установления связи с «подпольщиками». По пути его задержал патруль, и он во всем сознался. Через пару часов задержали и двух других агентов. У них были изъяты деньги, документы, батареи для рации и 100 экземпляров Корана.

Радиоигра продолжалась до 28 августа 1944 года, когда немецкий радиоцентр переехал в Дрезден [\[207\]](#).

«Подполье»

Радиоигра была начата военными чекистами 4 января 1944 года после ареста группы агентов противника, нелегально перешедших советско-турецкую границу в ноябре 1943 года. Незваные гости должны были установить контакт с известной германской разведке нелегальной группой, ранее возглавлявшейся перевербованным грузинским эмигрантом Патаридзе (арестован в ноябре 1943 года), проводить совместно с ней работу по подготовке восстания, собирать информацию по Аджарии. Радиоигра велась из Батуми. Перед противником легендировалось установление связи с антисоветскими элементами в городе Кобулети [\[208\]](#).

В белорусских лесах

В начале 1944 года на территории Белоруссии при попытке захвата разведгруппы противника был убит резидент. Зато его супругу и радиста военным чекистам удалось взять живыми. В дальнейшем они стали участниками радиоигры, которую провели сотрудники Особого отдела 4-й воздушной армии [\[209\]](#).

Не все задержания заканчивались так удачно. Так, в июне 1944 года сотрудники военной контрразведки 2-го Украинского фронта попытались взять живыми членов разведгруппы. В результате резидент погиб, а радист был ранен. Радиоигра не состоялась [\[210\]](#).

В окрестностях Белостока

Данная радиоигра стала завершением контрразведывательной операции, которую вели во второй половине 1944 года сотрудники Управления контрразведки «Смерш» 2-го Белорусского фронта.

В середине 1944 года военные чекисты задержали в Белостоке некоего Кушнаревского – резидента немецкой разведки, который выполнял указания абвергруппы-205. Его удалось склонить к сотрудничеству с советскими органами госбезопасности. Первым успехом военных чекистов стало изъятие содержания шести складов с оружием и боеприпасами, которые оставила немецкая разведка. Изъятого оружия хватило бы для вооружения целого батальона.

После этого за линию фронта был направлен сотрудник польских органов госбезопасности Стефан Францевич Жуковский. Он должен был доложить об успешной деятельности Кушнаревского и его агентуры. С заданием польский чекист справился. Из-за линии фронта он вернулся не один, а с агентом – радистом немецкой разведки Котельниковым. Причем Жуковскому удалось склонить напарника к явке с повинной. Началась радиоигра с немецкой разведкой, которая продолжалась до апреля 1945 года. О ее результативности свидетельствует такой факт – попавший в советский плен начальник Абвергруппы-205 обер-лейтенант Гемерлер заявил на одном из допросов, что за успешную деятельность своего резидента

Кушнаревского и агента Жуковского (якобы они организовали и успешно командовали несколькими отрядами повстанцев) на освобожденной от оккупантов территории Польши его наградили орденом [\[211\]](#).

«Уголовники»

Для организации отрядов сопротивления из дезертиров, скрывающихся в Брянских лесах, 8 марта 1944 года в районе Клинцы – Унеча – Сураж – Мглин немцы выбросили разведывательно-диверсионную группу в составе девяти человек. Ею командовал бывший военнослужащий Красной Армии Грищенко, в прошлом вор-рецидивист, неоднократно судимый. Он дважды успешно выполнял разведывательно-диверсионные задания в нашем тылу, за что был награжден 4 медалями «За храбрость» и произведен в фельдфебели.

Группу быстро обнаружили, при задержании 7 человек погибло, восьмого – радиста – командир рассчитывал застрелить последним, но был контужен и, потеряв сознание, вместе с радистом оказался в плену.

Началась игра с участием согласившегося на сотрудничество с чекистами Грищенко. Немцам сообщили об установлении связи с дезертирами, скрывавшимися в лесу. Двумя рейсами самолета были сброшены немцами грузы, в третий раз еще и два агента-курьера.

Игра продолжалась до мая 1944 года, когда сбежал Грищенко (из бани, где ему разрешили помыться), воспользовавшись ослаблением контроля. По дороге он сошелся со случайной подругой, занимался перепродажей продовольствия. При этом он обходился без документов. Когда его останавливал патруль, то он начинал кричать, что фронтовик (точно так же поступал один из персонажей отечественного фильма «Вор»)...

Его постоянно отпускали, но в конце концов арестовал милиционер, не побоявшись угроз [\[212\]](#).

«Ленинградский дуэт»

Весной 1944 года на территории Ленинградской области одновременно велись две радиоигры. Первая радиоточка располагалась в районе города Невеля и передавала дезинформацию о передислокации 11-й гвардейской армии.

Вторая радиоточка заработала в районе города Гатчина. На ней якобы работали двое немецких агентов – Шатров и Малахов (выпускники разведшколы в городе Валка (Латвия). На самом деле этих людей расстреляли через две недели после задержания.

Одесса

В мае 1944 года военные контрразведчики в Одессе арестовали трех германских агентов, которые должны были собирать информацию о прибывающих в город военных транспортах, переброске войск и военной техники к линии фронта, дислокации штабов и частей РККА. Радиоигра началась 8 июня 1944 года и продлилась до последних дней войны. В ходе игры 28 декабря 1944 года было захвачено еще два курьера [\[213\]](#). Радиоигра продолжалась до мая 1945 года.

«Диверсанты»

Удачная операция прошла на Брянщине. Группа из шести немецких агентов была сброшена с самолета на парашютах на территории Комаричского района Брянской области 19 мая 1944 года. Основное задание: организовать из дезертиров и бывших полицейских

группу для диверсий на шоссейных и железных дорогах в тылу. 25 мая 1944 года чекисты арестовали радиста, а затем и всех членов группы, что позволило начать радиоигру. В результате удалось получить две «передачи», вызвать и задержать еще трех агентов, обученных подрывному делу^[214].

«Двина»

Операция началась 8 июня 1944 года в тылу 3-го Прибалтийского фронта. Сначала она велась от имени агента - радиста Биганова и его напарника Иванова, выброшенных немцами с самолета в ночь на 17 мая 1944 года в районе деревни Воротаево Поддорского района Ленинградской области и добровольно сдавшихся органам НКГБ. Затем в операции задействовали «втемную» немецкого пилота обер-лейтенанта Зигера (командир авиаэскадрильи дальней разведки 1-го воздушного флота). Его самолет сбили над расположением советских войск в конце июля 1944 года.

Предполагалось, что для эвакуации экипажа из трех высокопрофессиональных летчиков (все имели правительственные награды) Германия пришлет самолет, который можно будет захватить. В этом заключалась основная цель радиоигры, которая продлилась до января 1945 года. Из-за катастрофической ситуации на фронте самолет так и не прилетел^[215].

«Арийцы»

Стремление немцев организовать антисоветские восстания в национальных районах СССР также стали предметом проведения некоторых радиоигр. В мае 1944 года началась игра «Арийцы».

Ей предшествовала произведенная около поселка Утта в Калмыкии (откуда незадолго перед этим была выселена, по обвинению в сотрудничестве с немецкими оккупантами, большая часть населения) выброска на парашютах с немецкого самолета «Ю-290» диверсионного отряда (24 чел.) под командованием капитана абвера Эбергарда фон Шеллера (Кваст).

Отряд должен был стать авангардом планировавшегося десанта в Калмыкию 36 эскадронов «Калмыцкого корпуса доктора Долла» (десантный корпус, образованный из калмыков, перешедших к немцам, под командованием доктора Долла – сотрудника абверкоманды-101 зондерфюрера СС Отто Верба). Калмыцкие пособники фашистов должны были объединить уже имевшиеся в Калмыкии повстанческие отряды и начать большое восстание, попутно организуя диверсии. Эту операцию под названием «Римская цифра два» готовило подразделение абвера «Валли-1».

Отряд фон Шеллера должен был организовать радицентр для передачи сообщений забрасываемых на восток СССР немецких агентов (мощность радиопередатчиков которых была недостаточна для связи с немецкими разведцентрами) и авиабазу для последующего приема немецких самолетов с вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Шеллер успел сообщить в разведцентр радиограммой об успешном приземлении. Видимо, он не знал пословицы «не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Посты воздушного оповещения советской ПВО сразу же зафиксировали немецкий десант.

На место посадки прибыли самолеты-«истребители» и опергруппы управлений НКВД и НКГБ Астраханской области. Самолет был подожжен, немцы начали отстреливаться, в итоге 3 летчика и 4 бойца отряда были убиты, 6 летчиков и 6 диверсантов, в том числе

и Шеллер, взяты в плен, 14 диверсантам удалось скрыться.

С захваченными диверсантами абвера начали работать смершевцы. Доложили наркому внутренних дел Берии, курировавшему все спецслужбы СССР. Ознакомившись с первыми протоколами допросов, 26 мая он обратил внимание на то, что немцы не знают о прошедшем недавно выселении калмыков. Предположив, что «есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться», он распорядился в записке Абакумову составить план совместной работы «Смерш» (под руководством заместителя Абакумова Павла Мешика) с начальником отдела борьбы с бандитизмом НКВД А.М. Леонтьевым и его сотрудниками Свириным и Лукьяновым, а также Михайловым (НКГБ).

В тот же день Абакумов и Леонтьев представили план операции, получившей название «Арийцы». Уже 29 мая начальник ОКР «Смерш» базировавшегося в Харькове ПВО Южного фронта, Юшкевич получил указание организовать, совместно с командованием ПВО, наблюдение на трассе возможного пролета самолетов из оккупированной немцами Румынии в Калмыкию и Казахстан.

Фон Шеллер (которому за его колоритную раздвоенную бороду в стиле генерала Скобелева смершевцы дали псевдоним Борода) и радист оберлейтенант Ганс Ганзен (соответственно Колонизатор) были завербованы (причем Шеллер, хорошо знавший русский язык, добровольно предложил свои услуги) и привлечены к участию в радиоигре.

Первая радиограмма была отправлена 30 мая 1944 года. В ней достоверные сведения об уничтожении самолета и гибели части диверсантов сочетались с дезинформацией об укрытии Шеллера (Кваста), Ганзена и других в поселке Яшкуль.

Немцы послали для проверки для подтверждения полученной информации самолет, которому военные чекисты дали благополучно вернуться на свою базу. Таким образом немцы убедились в правдивости Кваста. Вскоре, стремясь побудить немцев к активным действиям, Шеллер и Ганзен передали в центр подготовленную чекистами «дезу» об установлении связи с вымышленным антисоветским калмыцким отрядом Огдонова (85 чел.).

В результате, в ночь на 12 июня 1944 года на заранее условленном месте в поселке Песчаный (Яшкуль) в замаскированные ямы приземлился немецкий самолет «Ю-290», с которого ранее были выброшены 5 парашютистов (из них монгол Бадмаев разбился насмерть, осетин Цокаев, татары Бацбурин и Росимов были захвачены, и еще один – калмык, смог бежать) и 20 грузовых тюков. Начался захват самолета, во время которого сгорела его часть (новейший авиадвигатель сохранился, как и в первом случае – 23 мая) и погибли 3 пилота (один из них застрелился), остальным летчикам удалось бежать (через 3 дня они были захвачены в степи). Во время последовавшего сеанса радиосвязи немцам было сообщено о «неприбытии» самолета, возникла версия гибели самолета.

В начале июля радиоигра была перенесена в город Енотаевск Астраханской области, в районе которого якобы действовал отряд Огдонова.

В начале августа, когда стало очевидно, что у немецкой стороны возникли сомнения в правдивости получаемой информации, началось завершение радиоигры, немцам было сообщено о разгроме отряда Огдонова, передача последней, 42-й по счету, радиограммы (за время игры от немцев было получено 23 радиограммы) состоялась 20 августа и была умышленно прервана.

Итогом игры стала гибель 12 и захват 21 немецких диверсантов и летчиков, а также информация о существовании, структуре, вооружении и базировании в немецких ВВС (люфтваффе) разведывательно-диверсионной эскадрильи КГ-200^[216].

«Десант»

Операция «Десант» началась в июле 1944 года. Военными чекистами Орловского военного округа и сотрудниками Почепского (Брянская область) районного отдела НКВД 30 июня были захвачены 14 диверсантов (четверо скрылись) первого из заброшенного немцами из Минска и Варшавы в брянские леса трех отрядов (еще два были десантированы в июле - августе 1944 года, операцией руководили начальник отдела 1-Ц группировки вермахта «Митте» полковник Воргицкий и начальник абверкоманды-203 майор Арнольд).

Высадившись 26 июня, диверсанты 4 дня держали связь с разведцентром. Чекистам удалось захватить в числе пленных командира группы обер-лейтенанта вермахта Галима Хасанова. В Почепский райотдел 1 июля пришел с повинной Васильев («Ромов»), радист второй отправленной немцами (29 июня, о чем уже знали чекисты из допросов «хасановцев») группы под командованием обер-лейтенанта вермахта Чары Курбанова.

С помощью радиста смершевцы вместе с бойцами Орловского ВО захватили всю группу - 17 человек. Из допросов стало известно о планировавшемся десантировании третьей группы диверсантов во главе с Павловым.

Началась радиоигра, проводившаяся в районе станции Навля под Брянском сотрудниками ОКР «Смерш» Орловского ВО против абверкоманды-203.

Немцы, которым регулярно приходили сообщения о диверсиях, совершаемых их посланниками, поверили и дважды сбрасывали с самолетов продукты. А 3 сентября были высажены 15 диверсантов. Во время захвата трое из них (командир группы В. Павлов, специалист по изготовлению документов А. Зеленин и писарь А. Панков) были убиты, остальные взяты в плен. Также военным чекистам досталось 38 тюков с вооружением (в т. ч. миномет, автоматы, винтовки, пистолеты и ручные гранаты) и боеприпасами.

Из допросов задержанных стало известно о планируемом десантировании еще 160 человек, которые должны были составить т. н. «4-й партизанский отряд» под командованием Хасанова.

В ходе дальнейшей радиоигры 12 декабря 1944 года были захвачены сброшенные немцами с самолета 12 диверсантов (11 из них были членами известной антисоветской организации «Национально-трудовой союз нового поколения» - НТСНП, впоследствии еще более знаменитый под именем НТС) и 7 тюков с вооружением, боеприпасами, взрывчаткой, деньгами, походной типографией, ротатором и пропагандистской литературой.

С целью побудить немцев направить наиболее доверенных людей в эфир шли сообщения о конфликтах среди «партизан». Но планы чекистов в этом случае не удалось. Радиоигра «Десант» закончилась за месяц до Победы, в апреле 1945 года, когда из-за изменения линии фронта радиосвязь с абверкомандой-203 была прервана^[217].

«Десант»-2

Летом 1944 году в Навлинском районе действовал еще один диверсионный отряд. Группу из 34 человек возглавлял бывший лейтенант Советской Армии Михаил

Хлудов, который неоднократно выполнял задания германской разведки как в расположении наших войск, так и на оккупированной территории, принимая участие в боях с партизанами.

В брянские леса их забросили 30 июня 1944 года. Вероятно, что они были выброшены с самолета вместе с группой из 14 человек и сумели избежать встречи с чекистами. Диверсантам удалось продержаться месяц. За это время было совершено полтора десятка диверсий на железнодорожных и автомобильных трассах, убийства представителей Советской власти, поджоги административных зданий и прочее.

Ликвидировали отряд 30 июля 1944 года. Трех десяткам диверсантов противостояло более семисот бойцов Советской Армии и «Смерша». В результате командир отряда, один из радистов (Борисов) и десять бойцов были захвачены в плен, остальные погибли. Используя шоковое состояние радиста (прострелены обе ноги), чекистам удалось его перевербовать. Так началась эта радиоигра.

Первая группа из десяти человек была сброшена 10 сентября 1944 года. При ее задержании не удалось избежать стрельбы. В результате командир Павлов и два его заместителя убиты, остальные взяты в плен. Через сутки было сброшено и пленено еще два агента.

Радиоигра продолжалась до января 1945 года, когда положение на фронте стало для Германии катастрофическим^[218].

«Янус»

В то же время и в тех же брянских лесах параллельно велась радиоигра «Янус», начавшаяся при трагикомичных обстоятельствах. В Семлевский райотдел НКГБ (Смоленская область) 2 сентября 1944 года пришли с повинной командир высадившейся днем ранее

с самолета «Фокке-Вульф-187» группы (16 чел.) И. Базалий (по документам прикрытия - «офицер стрелкового полка внутренних войск НКВД Ярошенко», на самом же деле - бывший белый казачий офицер, затем учитель средней школы в станице Ессентукская, ушедший при отступлении немцев в январе 1943 года с ними и служивший полицейским в лагере «остарбайтеров», где и вступил в НТСНП и был завербован абвером) и начальник штаба группы Епифанов.

Начальник райотдела старший лейтенант Кухлин, которому раскаявшиеся диверсанты все рассказали и попросили лошадь, чтобы вернуться в отряд за грузом, не смог принять какого-либо решения. Позвонил начальнику райотдела смежного ведомства (НКВД). Пословица «один ум хорошо, а два лучше» в данном случае не сработала. Командиру группы пришлось взять инициативу в свои руки и пешком вернуться к месту дислокации отряда.

Непонятно, как бы события развивались дальше, если бы не стремление начальника райотдела НКГБ решить возникшую проблему. В десяти километрах от райцентра базировался 37-й запасной стрелковый полк 3-й запасной стрелковой дивизии Орловского ВО. Начальник полкового отдела «Смерш» капитан Литвинов, к которому обратился лейтенант Кухлин, доложил о происшедшем казусе начальнику ОКР «Смерш» дивизии майору Маслову. Последний, взяв с собой опергруппу - роту автоматчиков, без единого выстрела захватил парашютистов.

О задержании было доложено в ОКР «Смерш» Белорусского военного округа, оттуда в Москву. Пока начальство решало, как использовать диверсантов, Маслов организовал розыск выброшенного с самолета имущества. Были найдены ящики с гранатами, антисоветскими листовками и разными документами,

а также шесть парашютов. Немало амуниции и шпионского снаряжения диверсанты имели и при себе: 4 автомата ППШ, 11 винтовок СВТ, 2 ручных пулемета Дегтярева, 30 ручных гранат, 30 противотанковых мин, около 20 килограммов тола, а также 150 тысяч рублей советскими деньгами и сухой паек на 15 суток.

Одновременно шли интенсивные допросы немецких агентов. Чекистам удалось выяснить, что группе предстояло действовать в районе Москва - Витебск - Смоленск - Тула. Диверсанты должны были представляться «6-й партизанской бригадой имени Ленина».

На допросе И. Базалий рассказал о задачах, полученных его отрядом от немецкой разведки (сохранены стиль и орфография оригинала. - Авт.):

«1. Осуществление террористических актов против крупных партийных военных работников, и в первую очередь, работников НКВД. Для этой цели немецкой разведкой мне было обещано дополнительно выслать определенные яды, бесшумные пистолеты, толченное стекло и другие средства.

2. Осуществление диверсионных актов, как-то взрывов мостов, стратегически важных железных дорог, взрывы железнодорожного полотна в момент прохождения воинских эшелонов, водопроводных башен, электростанций, заводов оборонного значения, поджог колхозного имущества.

3. Вести антисоветскую агитацию среди колхозников, рабочих и красноармейцев. Антисоветскую агитацию вести в разрезе: среди колхозников - о невыполнении хлебозаготовок государству и о роспуске колхозов. Среди рабочих вести антисоветскую агитацию в разрезе саботирования ими госплана. Среди красноармейцев своей антисоветской агитацией добиваться, чтобы последние отказывались воевать далее границ СССР 1939-1940 годов.

4. Вести шпионскую работу, интересоваться прежде всего политико-моральным состоянием военнослужащих, имеют ли стремление продвигаться до Берлина, какими резервами располагает Красная Армия, дислокация воинских частей, наличие оборонных предприятий и их производительная мощность.

5. Дискредитация крупных партийных, советских, военных работников и работников НКВД. Для этой цели использовать метод посылки провокационных писем в их адреса. Антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить путем личного общения с населением из числа неблагонадежных, практиковать вербовки. Практиковать метод распространения листовок антисоветского содержания через завербованных нами лиц, путем расклейки на витринах в общественных местах, путем якобы случайно забытых в этих местах. Упор на антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить в основном в населенных пунктах со значительной плотностью населения.

Для изготовления листовок нам выдана специальная типография, приспособленная в специальной рубаше с отдельными карманами на каждую букву русского алфавита...»

Наконец, Москва утром 5 сентября 1944 года приняла решение начать радиоигру «Янус». В ней участвовали сам Базалий и радисты группы Г. Поляков и Н. Крылов^[219].

В первой радиограмме, отправленной 9 сентября 1944 года, немцам сообщили, что при высадке людей разбросало далеко друг от друга, в результате чего потерялась половина группы и весь багаж. У абвера срочно запросили «помощи».

Вот как звучал текст этого сообщения. «Выброшены примерно 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Со мной осталось 8 человек, радиостанция и у людей личный

груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Затем Базалий отправил 18 сентября 1944 года еще одну довольно резкую телеграмму. «Меня с уцелевшими людьми поражает ваше длительное молчание. Продукты вышли, снаряжения и боеприпасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко».

Видимо, все это подействовало на руководство абверкоманды-103 (позывной «Сатурн», с 1942 по 1945 год в ней работал советский контрразведчик А. И. Козлов) и они ответили, что груз пришлют. Кроме того, они отправляли в помощь группе «пять новых ребят, надежных и деловых». «Все вам подчиняться согласны. Пароль для новых ребят: дождь, дождь, а для вас: снег, снег. Ребята имеют с собой лист с перечнем груза и письма Ярошенко». Базалий радировал в ответ, что тронут вниманием и заботой руководителей, доверие начальства оправдывает.

Радиоигру решили продолжить. В немецкий тыл ушла телеграмма следующего содержания:

«Долгожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здоровье. Все шлем вам сердечное русское национальное спасибо, а особенно я за ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжить общее великое дело. Как в «штиле нахт» – мы мысленно с вами. Крепко целуем вас. Ярошенко».

Немцы в итоге «клюнули», Базалию – Ярошенко было даже присвоено звание капитана власовской РОА, о чем и сообщили по радиосвязи.

С немецкого самолета 21 декабря 1944 года было сброшено 4 диверсанта в форме советских офицеров. Чтобы вызвать диверсантов на откровенность, был разыгран спектакль. Смершевец, выступавший в роли

заместителя Ярошенко, встретил немецких агентов, уже разоруженных. Их «заподозрили» в провокаторстве, в доказательство старший группы И. Горбатов (представлял «Центральный штаб национальных партизан», от имени которого должен был вручить отсутствовавшему Базалию - Ярошенко орден «национальных партизан» 3-го класса) подробно рассказал о разведшколе. Агентов заставили написать подробные рапорты на имя «Ярошенко» с описанием работы разведшколы, ее сотрудников и т. д. Все это время они охранялись группой захвата из 3 оперативников и 10 солдат и офицеров батальона охраны УКР «Смерш» МВО. 24 декабря диверсантов перевезли в Москву для встречи с Ярошенко и доставили на площадь Дзержинского. Было захвачено и 3250 кг груза (походная типография, 10 тыс. экземпляров литературы, естественно, антисоветской, фиктивные документы, вооружение, снаряжение, боеприпасы и продукты).

Радиоигра «Янус» была прекращена в начале 1945 года, когда погибающему Третьему рейху было уже не до смоленских партизан^[220].

Корсунь-Шевченковская радиоигра

В начале 1944 года по предложению Генерального штаба Красной Армии фашистскому командованию была передана дезинформация. Цель - задержка наступления войск противника через Звенигородку на Корсунь-Шевченковский для соединения с окруженной советскими войсками крупной группировкой немецко-фашистских войск. Чтобы сорвать планы гитлеровского командования - необходимо выиграть время для перегруппировки наших войск и подтягивания резервов.

Советская военная контрразведка передала вражеским разведывательным органам 5 февраля 1944

года ложные сведения о подготовке к наступлению 1-го и 2-го Украинских фронтов в направлении Васнярки, чтобы взять в клещи фашистские войска, наступающие на Звенигородку, и что в районе Казатина и к югу от Житомира сосредоточено много танковых и артиллерийских частей. В операции были задействованы 24 агентурных радиостанции.

Получив такую информацию, фашистское командование, опасаясь окружения группировки своих войск, приостановило наступательные операции в опасном для советских войск направлении. Это позволило Красной Армии ликвидировать немецкую группировку в районе Корсунь-Шевченковский^[221].

«Смерш» и «Багратион»

Серия радиоигр с целью дезинформации противника была проведена весной – летом 1944 года перед началом наступательной операции «Багратион».

О динамике борьбы с агентурой противника в действующей армии в период подготовки операции свидетельствуют цифры отчета в Государственный Комитет Обороны и Генеральный штаб за май 1944 года: «Наибольшее количество агентов германской разведки было заброшено противником на участки 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. На Белорусских фронтах органами «Смерш» арестован 91 шпион, в том числе на 1-м Белорусском – 50, на 2-м Белорусском – 22 и 3-м Белорусском – 19 человек...»

Накануне операции «Багратион» по согласованию со ставкой ВГК и командованием фронтов был отработан план дезинформации врага. Основной замысел состоял в том, чтобы отвлечь внимание противника с направления главного удара в Белоруссии. Намечалось создать у гитлеровских генералов впечатление, что

основные наступательные операции летом 1944 года советские войска готовят на южных участках фронта.

Дезинформационные данные продвигались в германские спецслужбы через оперативные игры с противником в сочетании с военно-маскировочными мероприятиями (через оперативно-чекистские группы в немецком тылу, а также через направленных обратно агентов вражеских разведорганов)^[222]. Подробности этих радиоигр продолжают оставаться секретными и в наши дни.

«Разгром»

Германский разведорган «Цеппелин» 9 июля 1944 года на территорию Чиатурского и Амбролаурского районов Грузинской ССР забросил разведывательно-диверсионную группу из 7 бывших военнопленных-грузин с задачей проникнуть в Тбилиси и готовить там восстание. Агенты явились с повинной в органы госбезопасности. Старший группы «Жорж» сообщил чекистам, что должен установить контакт с потенциальным агентом (профессор медицины, в прошлом сочувствовал меньшевикам). После этого началась радиоигра.

Кроме передачи дезинформации, сотрудникам УКР «Смерш» Закавказского фронта удалось вызвать и арестовать в августе 1943 года шестерых агентов противника, а в мае 1944 года – еще четверых, которые должны были проверить группу «Жоржа». У них было изъято большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Немцам регулярно сообщалось о вербовке агентов, установлении связей с дезертирами. Операция продлилась до конца марта 1945 года^[223].

«Друзья»

С июля 1944 по май 1945 года военная контрразведка провела оперативную игру под таким названием на территории Румынии. Ее основная цель – выявить и ликвидировать готовящийся там мятеж против Национально-демократического фронта. Вот как описывался ход операции в одной из ведомственных монографий, посвященной истории КГБ.

«Сотрудники военной контрразведки, удачно использовав сложившуюся там оперативную обстановку, подставили одному из руководителей реакционного подполья в стране и высокопоставленному сотруднику Главного управления имперской безопасности Германии агента Хельмута (поясним, что речь идет о резиденте германской военной разведки Твене. – *Прим. авт.*). Выработав агенту правильную тактику, своевременно внося в нее соответствующие коррективы в связи с изменением оперативной обстановки, военные контрразведчики с помощью Хельмута взяли под контроль почти всю подрывную деятельность германской разведки и реакционного подполья в Румынии, наносили упреждающие удары по противнику, выявляя его агентов и участников подполья, дезинформируя немецкое командование. В результате игры удалось получить ценную информацию о позиции США и Англии в отношении Румынии и других государств Восточной Европы, освобождаемых Красной Армией. Эти данные в последующие годы были использованы в борьбе с подрывной деятельностью английской и американской разведок против СССР и народно-демократических государств Восточной Европы».

Вербовка Твена чекистами была нетрадиционной для технологии радиоигр. Он работал на германскую разведку с 1940 года, а перед отступлением германских войск из Румынии был оставлен в Бухаресте. Его довольно быстро вычислили сотрудники «Смерша».

В ходе следствия выяснилось, что основная причина сотрудничества этого человека с гитлеровцами – материальная заинтересованность. Понимая бесперспективность работы на Берлин, он согласился с предложением Москвы.

Так началась одна из уникальных разведывательных операций. Достаточно сказать, что в ходе проведения радиоигры «Прятели» удалось выявить и арестовать 179 активных участников движения сопротивления (шпионов, террористов и диверсантов), в т. ч. 43 человека руководящего состава, а также захватить самолет с руководителями румынских фашистов-легионеров^[224].

«Бандура»

В июне 1944 года советскими контрразведчиками в районе города Андреаполь было захвачено четверо агентов абвера с радиостанцией. Руководитель группы Н. Е. Михайлов (в архивах немецкой военной разведки он числился Волковым, а у «Смерша» – Балтийцем) и радист сразу же согласились работать на нового «хозяина»^[225]. Так началась очередная радиоигра между немецким разведцентром групп армий «Север» и военными контрразведчиками 2-го Прибалтийского фронта. Подробно об этой операции рассказано в книге Е. А. Толстых «Агент Никто»: Из истории «Смерша». По утверждению автора: «события, происходящие в романе, во многом документальны, а персонажи – не вымышлены». При этом он честно признается, что «не обошлось без авторской фантазии»^[226]. Мы не будем подробно разбирать, где идет описание реальных событий, а где художественный вымысел. Отметим лишь, что имена четверых членов диверсионной группы реальные, а дело литер «Э» № 301 «Бандура» велось с 1944 по 1948 год.

«Десант»

Радиоигра была начата 5 июля 1944 года через радиста немецкого разведывательно-диверсионного отряда (34 человека), ликвидированного чекистами на территории Брянской области.

В ночь с 3 на 4 сентября и с 5 на 6 сентября 1944 года для пополнения отряда была десантирована группа из 15 «парашютистов-диверсантов» и «112 мест груза общим весом около 6 тонн, в т. ч. одна радиостанция». В результате чекистам удалось задержать 13 агентов, трое (в т. ч. командир группы бывший лейтенант Павлов) оказали вооруженное сопротивление и погибли в перестрелке [\[227\]](#).

«Небесные пришельцы»

Об этой радиоигре известно еще меньше. В сентябре 1944 года группа из шестнадцати диверсантов, которой командовал бывший казачий есаул Базахов, была заброшена в тыл наступающей Красной Армии. Двое парашютистов сразу же явились с повинной. Они помогли сначала захватить своего командира, а потом оставшихся членов группы. При попытке оказать сопротивление один из диверсантов был застрелен.

В результате радиоигры удалось захватить как минимум еще пятерых парашютистов и несколько тюков с грузами [\[228\]](#).

«Филиал»

После ухода германских войск из Симферополя в городе начала действовать немецкая разведывательная группа из шести человек. Ее основная задача: сбор разведывательной информации о частях

Советской Армии и их дислокации; о наличии аэродромов на Крымском полуострове (с них советская авиация бомбила нефтепромыслы Румынии).

Два члена группы, Оганесян и Торлакян, явились с повинной в управление «Смерша» 4-го Украинского фронта и все рассказали. Благодаря их показаниям удалось задержать всех, кроме одного, бежавшего еще ранее вместе с немцами.

Сначала шла «обычная» радиоигра – передача дезинформации по заданию Ставки Верховного главнокомандующего и Генштаба Красной Армии. Через три месяца удалось вызвать агента-связного Алиева (мотивируя это установлением связи с группой бандитов – крымских татар) и арестовать его.

В феврале 1945 года противник неожиданно запросил точные сведения о погоде: осадки, облачность, температура. Видимо, это было вызвано проходившей тогда же в Ялте встречей Сталина, Черчилля и Рузвельта, и планировался бомбовый удар по Ливадии. Все время работы конференции немцам передавались сведения об исключительно плохой погоде (сплошная облачность, снег, ветер). Немецкое командование не послало в Крым бомбардировочную авиацию [\[229\]](#).

«Ярость»

В сентябре 1944 года на территории Смоленской области в районе железнодорожной станции Нелидово была сброшена диверсионная группа, насчитывающая 16 человек. Засечь высадку средствами противовоздушной обороны не удалось, поэтому о группе чекисты узнали только 1 октября 1944 года.

В тот день было совершено нападение на железнодорожный узел Нелидово. В результате погибло 25 милиционеров и железнодорожников, потери атакующих – пять человек. Через несколько часов

диверсантов удалось обезвредить. После этого началась радиоигра^[230].

«Костры»

Эта игра проходила в Белоруссии с октября 1944 года в районе города Мир Барановичской области. Работа велась от имени пяти германских агентов, которым постоянно поступали от немцев различные грузы. Немцам было сообщено о соединении группы «Костры» с отрядом немецкого агента Борисика, входившим в диверсионную группу белорусского националиста Витушко (на самом деле Борисик был захвачен в ноябре 1944 года сразу после приземления). От имени Борисика затребовали радиста, который и был доставлен и арестован. Операция продолжалась из района польского города Белостока вплоть до капитуляции Германии^[231].

«Трезуб»

Операция началась 28 ноября 1944 года в Житомире с рации, приданной трем агентам германской разведки, выброшенным с самолета в ночь на 21 ноября в районе местечка Дзержинск Житомирской области.

Основная задача, которая стояла перед агентами, – выявление боевых групп Украинской повстанческой армии, установление с ними личного контакта и организации их связи с немецкой разведкой.

Была организована радиоигра, которая продолжалась до 12 апреля 1945 года. Немцам сообщили о существующем в Житомирской области антисоветском «Национально-трудовом союзе украинского народа». В итоге агентов-связников немцы не прислали, хотя и обещали.

Тогда же на Львовщине с 13 декабря 1944 года шла игра «Антенна» от имени двух агентов (мужчины и женщины), входивших в группу из четырех направленных германской разведкой украинских националистов. Так как двое не внушали доверия, немцам ушла радиограмма о том, что при выброске всех разбросало и два агента на контакт не вышли. В ходе игры немцам была послана «деза» о движении частей РККА из Львова на фронт и т. д. Курьеров немцы не прислали. Чекисты попытались легендировать перед немцами связь агентов с оуновцами, но близился конец войны, и игра завершилась.

«Коммерсанты»

Игра была начата Управлением контрразведки «Смерш» одного из фронтов 26 ноября 1944 года. Радиоточка располагалась в городе Гродно. Ее «обслуживали» два агента германской разведки – Герберт Торнич и Павел Тацкан. Хотя реально работал только Тацкан, молдаванин, бывший радист Красной Армии, попавший в плен к немцам. Перейдя линию фронта, он сразу пришел к чекистам и помог задержать Торнича.

Согласно заданию разведцентра, они должны были осесть в районе Гродно и создать резидентуру из националистически настроенной польской молодежи.

Операция продолжалась до окончания Великой Отечественной войны, но существенных результатов не принесла^[232].

«Антенна»

Радиоигра стартовала 11 декабря 1944 года в Львове и велась от имени группы из четырех агентов

германской разведки. Задание было аналогично тому, что выполняли участники операции «Трезуб».

Результаты тоже были похожими. Агентов-связников вызвать не получилось, мероприятие пришлось завершить в связи с капитуляцией фашистской Германии^[233].

Радиоигра в Пруссии и Польше

В конце декабря 1944 – начале января 1945 года по утвержденному в Генеральном штабе плану 24 агентурные радиостанции, находящиеся в различных районах СССР, начали передавать дезинформацию о том, что на территории Польши и Восточной Пруссии зимнего наступления в 1945 году советских войск не будет. Противник поверил этому и за несколько дней до начала войсковой наступательной операции перебросил почти все танковые дивизии из этого района в Венгрию^[234].

«Братья»

Радиоигра началась 3 января 1945 года в Болгарии от имени арестованных немецких агентов Неро и Дио, заброшенных с заданием установить связь с фашистским подпольем. Немцам сообщили о существовании таких групп, получив таким образом 23 февраля 1945 года пятнадцать тюков груза с пулеметами, автоматами, винтовками, рацией, деньгами и т. д. В дальнейшем немцы получали «дезу» военного и экономического характера, также сообщалось об организации «Отец Паисий». Для усиления работы немцы 24 марта 1945 года прислали трех агентов-болгар – Гугучкова, Крачева и Дойникова. Их арестовали, а рацию включили в игру, продолжавшуюся до мая 1945 года.

«Туристы»

Эта игра была начата 19 января 1945 года от имени арестованной чекистами разведывательно-диверсионной группы в составе восьми человек, оставленных немцами для диверсий в тылу РККА. Радиоточка располагалась северо-западнее польского населенного пункта Макус. Закончилась в связи с капитуляцией Германии [\[235\]](#).

«Странники»

Эта игра началась 14 февраля 1945 года в районе польского города Нове-Место. В ней участвовал агент-радист Кожунов, которого немцы оставили вместе с напарником Орловым в этом населенном пункте для сбора разведывательной информации. Так как фронтовое управление «Смерш» вскоре переехало в Познань, было решено перевести рацию ближе к линии фронта. Чтобы убедить немцев согласиться с этим, им сообщили об уходе Орлова, а затем о встрече Кожунова с группой немецких диверсантов (в частности, с Малининым, на самом деле уже арестованным военными чекистами). В итоге немцами было прислано 12 тюков с грузами. Операция продолжалась до капитуляции Германии [\[236\]](#).

На территории Болгарии

В начале февраля 1945 года в 70 километрах от Софии были задержаны трое немецких агентов: двое русских, третий - болгарин. Они были брошены органами немецкой разведки с территории Чехословакии. Понимая, что война Германией проиграна, они согласились принять участие в радиоигре. Ее

эффективность оценить сложно. Известно лишь, что противник один раз прислал самолет, который сбросил груз для диверсантов: автоматы, пистолеты, боеприпасы, взрывчатку и продукты. Радиоигра прекратилась в апреле 1945 года [\[237\]](#).

«Туман»

Радиоигра интересна лишь тем, что в ней участвовал дуэт немецких «агентов-террористов» Шилова – Таврина. По версии советских органов госбезопасности, эти двое должны были убить самого Иосифа Сталина. Якобы летом 1944 года Адольф Гитлер приказал уничтожить Иосифа Сталина. А двое немецких агентов согласились выполнить приказ фюрера.

По мнению отдельных историков и журналистов, истинная цель дуэта Шилова – Таврина – после высадки в советском тылу скрыться от германских и советских спецслужб. Убивать они никого не планировали, а набора бланков документов, печатей различных учреждений и крупная сумма советских денег было более чем достаточно для безбедной жизни в Советском Союзе. Тем более что Петр Шило имел богатый опыт жизни на нелегальном положении.

Петр Иванович Шило родился в 1909 году в Черниговской области. До 1930 года батрачил у местных кулаков, а после того как началась коллективизация, перебрался в Нежин, где устроился в отдел труда, который занимался вербовкой рабочей силы для строительства промышленных предприятий. В качестве уполномоченного этого отдела был послан в Глуховский район Черниговской области. Там проиграл пять тысяч казенных денег в карты. Попытался скрыться от правоохранительных органов. В 1932 году он работал в Саратове инспектором горсовета, но был разоблачен и оказался в местном следственном изоляторе. Разломав

вместе с сокамерниками стену бани следственного изолятора, сбежал. Скрывался сначала в Иркутске, затем в Воронежской области у жены, которая работала учительницей в глухой деревне. Однажды в их хате вспыхнул пожар. Он воспользовался этим и обжег верх своего паспорта. После этого ему удалось оформить новый паспорт. Теперь он стал Гавриным. Под этой фамилией он поступил в Воронежский юридический институт. После окончания первого курса был принят на должность старшего следователя в воронежскую прокуратуру. Через год самовольно оставил работу и уехал в Киев, где был задержан и этапирован в Воронеж, где и был осужден по статье 111 УК РСФСР. Прочитируем эту статью:

«Бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков, - лишение свободы на срок до трех лет».

Поясним, что статья 109 карала:

«Злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом

систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия, влечет за собой».

Как видим, его осудили лишь за то, что он самовольно уехал из Воронежа в Киев, а не за подделку документов и растрату казенных денег.

В воронежской тюрьме Петр Шило находился недолго. Однажды во время работ за ее пределами он сбежал. Сначала жил в Ташкенте, потом в Уфе. В 1940 году, подправив первую букву в паспорте, из Гаврина превратился в Таврина. С «новым» документом уехал в Свердловск, где устроился на работу в Уралзолото. Оттуда 14 июля 1941 года был призван в Красную Армию. Попал на фронт, отличился в боях, за что был награжден орденом^[238]. В мае 1942 года добровольно перешел на сторону противника. Якобы его биографией заинтересовались военные контрразведчики^[239]. О его приключениях в немецком тылу будет рассказано ниже, а пока отметим лишь, два важных факта.

Первый – Петр Шило никогда не демонстрировал свое недовольство советской властью. Поэтому согласиться участвовать в покушении на Иосифа Сталина он мог лишь по одной причине – чтобы получить от немцев «надежные» документы и советские деньги. А после того, как попадет на советскую территорию, – скрыться.

Второе – Петр Шило обладал необходимым практическим опытом пребывания на «нелегальном» положении. В отличие от большинства немецких агентов, чья спецподготовка ограничивалась лишь прослушиванием лекций и семинарами в разведшколе.

По «странному» стечению обстоятельств из тех руководителей спецслужб Третьего рейха, кто пережил Вторую мировую войну и мог бы рассказать подробности

разработки Берлином плана покушения на главу СССР, остался один лишь Вальтер Шелленберг – руководитель политической разведки Третьего рейха. Хотя его мемуары – сомнительный источник. Дело в том, что существует несколько версий книги «Лабиринт», которые разительно различаются между собой. Поэтому доверять этой книге сложно.

Обратимся к отечественным источникам. Главный из них «Сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР № 4126/М в ГКО», который датирован 30 сентября 1944 года. Запомним эту дату! Вот что сообщило руководство органов госбезопасности в Государственный Комитет Обороны:

«5 сентября т.г., близ районного центра Смоленской области с. Карманово, сотрудники НКВД-НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной Армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина – Шиловой Лидией Яковлевной.

При обыске у задержанных изъято:

а) Специальный аппарат «Панцеркнаке» с 9 снарядами.

При исследовании установлено, что снаряд «Панцеркнаке» калибр 30 мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является бронебойно-фугасной гранатой коммулятивного действия с бронепробиваемостью 35–40 мм, при дальности стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки.

б) 7 пистолетов различных систем, в том числе автоматический 8-зарядный пистолет английского

образца и 15 патронов к нему калибра 7,65 мм с разрывными пулями.

При анализе этих патронов установлено, что пули снабжены сильнейшим кровавым порошкообразным ядом, вызывающим моментальную смерть.

в) Мина типа магнитных, сильного действия и радиоприборы к ней, предназначенные для производства взрыва посредством радиосигнала с расстояния нескольких километров.

г) Портативная коротковолновая приемопередаточная радиостанция, условные таблицы, шифры, коды и средства тайнописи.

д) Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», поддельные орденские книжки и поддельные вырезки из советских газет с Указами о присвоении Таврину звания Героя Советского Союза и награждении его перечисленными орденами и медалями.

е) Большое количество бланков-документов, печатей и штампов различных военных учреждений [\[240\]](#).

ж) 428 тысяч рублей советских денег.

Для следствия Таврин был доставлен в Москву и на допросах показал:

Настоящая его фамилия – Шилов Петр Иванович, родился в 1909 году в селе Бобрик Черниговской области, отец кулак, расстрелян красными партизанами в 1918 году (подтверждено проверкой).

В 1940 г. сменил фамилию, получив обманным путем паспорт на имя Таврина, и устроился на работу в Свердловскую область в качестве служащего геолого-разведывательной партии Уралзолото (опознан как Таврин лицами, знавшими его по Свердловской области).

В августе 1941 г. был призван в Красную Армию и зачислен в 28-й запасный полк в гор. Свердловске,

в составе которого выбыл на Калининский фронт (подтверждено проверкой).

30 мая 1942 года, будучи командиром роты 1196-го полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии на Калининском фронте, в районе гор. Ржева, изменил Родине и перешел на сторону противника. Находясь у немцев, содержался в различных лагерях для военнопленных и в июле 1943 года был завербован германской разведкой.

С сентября 1943 г. по август 1944 г. включительно, сначала в г. Пскове, а затем в городах Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела СД в Берлине – подполковника СС Грейфе, сотрудника СД (принимавшего участие в похищении Муссолини) – Скорцени и начальника рижского органа СД – майора СС Крауса проходил в индивидуальном порядке особую подготовку как террорист для совершения террористических актов против руководителей СССР.

Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родине – Жиленков Г.Н.

В ночь с 4 на 5 сентября сего года переброшен через линию фронта с Рижского аэродрома на 4-моторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на непригодных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. (При посадке самолет потерпел аварию, вследствие чего улететь обратно не мог. 3 члена экипажа задержаны, 1 убит, 2 разыскиваются.)

Переброску организовал германский разведывательный орган СД в Иге, условно именуемый «Цеппелин».

Цель переброски – организовать и осуществить террористический акт против _____ [241] и при удобном случае также и других членов правительства – _____ и _____ [242].

Для выполнения этого задания был снабжен перечисленными выше предметами вооружения и документами и получил лично от начальника Восточного отдела СД в Берлине Грейфе следующий план действий:

1) После выброски на территорию СССР прибыть в Москву и прописаться на частной квартире под видом майора Красной Армии, находящегося в отпуску после ранения (в процессе подготовки Таврина немецкой разведкой ему были хирургическим путем нанесены следы ранений в области живота и рук);

2) Обосновавшись в Москве, устанавливать знакомства с техническими работниками правительственного аппарата, главным образом такими, как стенографистки, машинистки, телефонистки. Через этих лиц выяснить маршруты движения правительственных машин, время и место торжественных заседаний с участием руководителей Советского правительства;

3) Используя документы и соответствующие знаки отличия Героя Советского Союза, проникнуть на торжественное заседание и стрелять из автоматического пистолета отравленными разрывными пулями в _____ [\[243\]](#).

4) В случае невозможности проникнуть на торжественное заседание, стрелять из аппарата «Панцеркнаке» по машине, в которой будет следовать _____ [\[244\]](#).

Таврин был предупрежден сотрудниками германской разведки, что хотя машины членов правительства СССР бронированы и оборудованы непробиваемыми стеклами, но снаряды «Панцеркнаке» пробьют бронь толщиной до 45 мм.

Задержанная вместе с Тавриным Шилова Лидия Яковлевна, 1922 года рождения, постоянная жительница города Пскова, также является агентом

германской разведки и была переброшена с Тавриным в качестве радистки.

Следствие по делу Таврина и Шиловой, проверка их показаний, а также необходимые агентурно-оперативные мероприятия проводятся органами НКВД-НКГБ и ГУКР «Смерш» НКО.

Протоколы допросов будут представлены дополнительно»^[245].

Выше мы обратили внимание на дату процитированного документа - 30 сентября 1944 года. А за пять суток до этого - 25 сентября 1944 года, руководители органов госбезопасности утвердили «План агентурно-оперативных мероприятий НКГБ, НКВД и ГУКР «Смерш» НКО СССР по борьбе с агентами - террористами немецкой разведки». Сам по себе факт принятия этого плана - явление в годы Великой Отечественной войны обычное. Вот только с этим документом все сложнее.

В нем предписывалось не только усилить пропускной и контрразведывательный режим в Москве и пригородах, но и обратить особое внимание на охрану правительственных автотрасс! Оба варианта покушения на Иосифа Сталина или кого-нибудь из руководства страны предусматривали именно атаку на проезжающий автомобиль: подрыв мины или обстрел из специального оружия.

Другой важный факт. В плане особо подчеркивалась необходимость проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в Москве более суток. В первую очередь демобилизованные, находящиеся в отпусках или на излечении. При проведении такой проверки дуэт «немецких агентов-террористов», скорее всего, был бы разоблачен чекистами.

Третий факт - совпадение дат. Очень любопытная получается картина. 25 сентября принимается план оперативных мероприятий, а 30 сентября можно доложить о результатах. Маловероятно, что руководство

страны внимательно бы изучало содержание обоих документов. Вернее, только второго – рассказа о дуэте. Просто услышало от чекистов два факта – приняли оперативный план и вот результат – поймали германских террористов.

Можно предположить, что руководство органов госбезопасности ожидало появление в Москве «немецкой специальной агентуры с заданиями по террору»^[246]. Непонятно, на чем основывался такой прогноз? На сообщениях агентуры и результатах допросов Шилова – Таврина или стремлением руководства Лубянки продемонстрировать «заботу» о безопасности руководства страны и нанести упреждающий удар.

Не будем рассказывать общеизвестную версию о том, что о переброске дуэта «немецких агентов-террористов» чекисты узнали от своих источников в органах разведки противника. Отметим лишь, что якобы «от рижских подпольщиков советской разведке стало известно, что в одной из пошивочных мастерских столицы Латвии сделан странный заказ: респектабельный господин щедро оплатил пошив кожаного пальто по представленным им фасону (именно такой носили советские армейские контрразведчики) и мерке, которая была явно не его. Причем правый рукав он потребовал сделать на несколько сантиметров шире левого. Потом стало ясно – на правой руке закрепят «Панцеркнаке»...»^[247]. Хотя прошло больше шестидесяти лет, но так до сих не названы имена этих таинственных подпольщиков. А может, их вообще не было, а чекисты по другим каналам узнали о готовящейся переброске агентов?

По воспоминанию сотрудника «Смерша» С. З. Острякова, который принимал непосредственное участие в операции по нейтрализации «немецких агентов-террористов», она началась еще задолго до

того, как «семейная пара» диверсантов была арестована.

В июне 1944 года в леса севернее Смоленска была сброшена группа из трех диверсантов. Они имели довольно необычное задание. Подобрать в районе приземления несколько грунтовых площадок, пригодных для посадки самолета. О результатах они должны были доложить в разведцентр, дислоцированный в Риге. Все они явились с повинной в органы советской контрразведки. Было решено провести радиоигру и захватить самолет противника.

Был подобран и соответствующим образом подготовлен «аэродром». В Смоленск срочно перебросили подразделение, которое уже имело опыт проведения операций по захвату летательных аппаратов.

Вот только в конечном итоге самолет приземлился в 150 км северо-восточнее того места, где его ждали. Просто при пересечении линии фронта он попал под огонь средств советского ПВО и получил несколько повреждений. К этому следует добавить плохую погоду в районе предполагаемой посадки.

Его обнаружили только утром и сразу же перекрыли силами чекистов и милиции все дороги в этом районе. Сначала на проселочной дороге, ведущей к шоссе Ржев – Москва, задержали диверсантов, а потом и шестерых членов экипажа. Один из них оказал вооруженное сопротивление и был застрелен.

Еще одна важная деталь. При проверке документов у мотоциклистов сотрудники НКВД обратили внимание на две детали: на гимнастерке у Таврина правительственные награды были размещены с нарушением недавно введенных правил, и подозрительная пара не выглядела уставшей, хотя согласно «легенде» они проехали свыше 200 км^[248].

Другой ветеран военной контрразведки Леонид Георгиевич Иванов в своих мемуарах подтвердил рассказ своего коллеги. Он писал:

«В «Смерш» знали о готовящейся операции (переброске через линию фронта двух немецких агентов. – *Прим. авт.*), правда, неизвестны были цели противника, поэтому вели с немцами активную радиоигру»^[249].

Так что не было никаких «тайных информаторов Москвы» из Риги, а просто благоприятное для чекистов стечение обстоятельств. Сначала они узнали о планируемой дате и районе приземления, а потом перекрыли зону, где приземлилась «крылатая машина».

А теперь расскажем о ходе самой радиоигры «Туман».

27 сентября 1944 года под контролем советской контрразведки Шилова передала в эфир первую радиограмму. В ней сообщались вымышленные подробности о прибытии дуэта террористов к месту назначения. Только 21 октября 1944 года берлинский радиоцентр дал квитанцию – подтверждение о приеме радиограммы, а 25 октября 1944 года прислал запрос: «Прошу сообщить, где остались самолет и его экипаж. Михель».

В ответном сеансе радиосвязи на следующий день немцам ушло сообщение:

«Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, улица Кирпичная, 26. Сообщите, получили ли мое дополнение о высадке. Еще раз прошу, чтобы со мной работал опытный радист. Передавайте медленно. Привет всем. Л.И.»

В последовавшей от германской разведки радиограмме говорилось:

«Вашей задачей является прочно обосноваться в Москве и подготовить проведение поставленной вам

задачи. Кроме того, сообщать о положении в Москве и Кремле»^[250].

Редкие радиোগраммы в Берлин были малоинформативны. Например, вот текст послания, датированного 1 марта 1945 года:

«Познакомился с женщиной-врачом. Имеет знакомства в кремлевской больнице. Обрабатываю». Радиоигра продолжалась до мая 1945 года^[251].

Дуэт «немецких агентов-террористов» 1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-1а, 58-16 и 19-58-8 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор в отношении Шило-Таврина приведен в исполнение 28 марта 1952 года, в отношении Шиловой – 2 апреля.

Почему двух агентов германской разведки осудили только в 1952 году. Через семь лет после окончания Великой Отечественной войны. Существует две диаметрально противоположные версии.

Согласно первой – в течение всего этого времени на Лубянке ждали, что новые хозяева агентуры спецслужб Третьего рейха решат использовать дуэт в своих целях. А когда поняли, что по каким-то причинам он неинтересен западным спецслужбам, то отправили уголовное дело в суд.

Вторая версия – дуэт пал жертвой интриг среди руководства Лубянки или германских агентов решили расстрелять, чтобы скрыть следы инсценированного самим руководством органов госбезопасности покушения на Иосифа Сталина.

И последний сложно объяснимый факт. Ни один из рядовых участников операции «Перехват» (так иногда называют мероприятие по задержанию дуэта агентов-террористов), предотвративших покушение на Иосифа Сталина (а их, судя по публикациям, было немало), не был награжден. Ордена был удостоен только один человек – начальник «Смерша» генерал В. Абакумов. Его

отметили орденом Кутузова I степени. Полководческим орденом. Это было началом его головокружительной и трагической карьеры^[252].

В этом нет ничего удивительного. Летом 1944 года четверьмя сотрудниками «Смерша» было предотвращено покушение на заместителя наркома МВД СССР Ивана Серова. Особняк, где он жил, немецкие диверсанты планировали взорвать. Один из военных обратил внимание на подозрительных военных, курсирующих около резиденции функционера. В результате оперативных мероприятий они были задержаны. При обыске изъяты две радиоуправляемые мины. Из четверых смершевцев был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени только руководитель группы – начальник Особого отдела Управления войск НКВД охраны тыла подполковник Анатолий Михайлович Гуськов^[253].

В последние месяцы войны

Радиоигры продолжались до мая 1945 года. Например, в январе 1945 года было задействовано шесть радиоточек: «Ревизор», «Запоздалые», «Связисты», «Ключ», «Братья» и «Туристы». В феврале – четыре: «Диверсанты», «Вега», «Корни» и «Странники». В марте – пять: «Дезертиры», «Проба», «Лабиринт», «Цепь» и «Вальд». В апреле – четыре: «Звено», «Пограничники», «Организаторы» и «Финал»...

Последняя была самой короткой – 20 суток. Она закончилась в день официальной капитуляции Германии^[254].

Подводя итоги

По мнению уже упоминавшегося Дмитрия Петровича Тарасова, наиболее успешной радиоигрой стала переданная немцам дезинформация о том, что зимой 1944-1945 г. советского наступления не будет. Это было во время немецкого наступления в Арденнах против американцев и англичан. Немецкое наступление было выгодно для Красной Армии, и немцев следовало убедить, что наступления советских войск не будет.

Решение этой задачи И. В. Сталин поручил начальнику Главного разведуправления (ГРУ) Красной Армии генерал-полковнику Федору Кузнецову. При этом Сталин сказал: «Надо прекращать мелочиться. Нужно сыграть по-крупному и убедить немцев, что зимнего наступления в этом году не будет».

В первых числах декабря 1944 года Кузнецов пригласил к себе, в здание Наркомата обороны на Фрунзенской набережной, Дмитрия Тарасова для разработки деталей предстоящей операции. С подготовкой плана дезинформации противника о затяжной «зимней спячке» Красной Армии полковнику Тарасову и пяти офицерам ГРУ потребовалось несколько часов. Для проведения этой «радиоигры» было задействовано 24 немецких радиста, захваченных и перевербованных. Вот как излагает события журналист Евгений Жирнов:

«Первая шифровка была отправлена из Куйбышева от имени группы агентов, которых якобы заслали в советский тыл для пропагандистской работы и создания повстанческих отрядов из врагов власти: «В Куйбышев с фронта прибыла крупная авиачасть. Военные рассказывают, что бои в Восточной Пруссии показали недостаточную подготовку наступающих войск Советской Армии, в связи с чем началась переподготовка войск. Среди городского и особенно сельского населения распространились слухи о затяжной войне. Зимнего наступления уже не

ждут. Возможности нашей работы улучшились. Ускорьте доставку оружия, литературы, материалов».

Немцы отреагировали очень быстро. Сразу несколько работающих под контролем «разведгрупп» получили одну и ту же шифровку: «На чем основана уверенность партийных и советских кругов в победе? Что говорят про зимнюю кампанию и когда она ожидается? Проходят ли эшелоны через ваш пункт на запад? Какие части?»

«Был в гостях у инженера Кировского завода, – сообщали из Ленинграда. – Встретил там его родственника – полковника отдела боевой подготовки штаба Ленинградского фронта. В разговоре с ним выяснил, что в Ленинграде с 1 января открываются курсы усовершенствования командного состава артиллерии Красной Армии. Будут обучаться фронтовики».

И такие сообщения сыпались на немцев каждый день. Еще 16 радиоточек, которые по заданию нацистов и с помощью контрразведки «специализировались» на наблюдении за железной дорогой и прифронтной полосой, передавали информацию об уменьшающемся день ото дня перемещении войск к фронту и продолжающемся укреплении рубежей обороны. Параллельно шло дезинформирование противника и через агентуру военной разведки. «В результате немцы не только перешли в наступление в Арденнах, растрачивая резервы, но и перебросили с польского участка фронта часть танковых дивизий, чем еще больше облегчили наступление советских войск»^[255].

Вспоминая былые сражения

Для описания механизма проведения радиоигр и взаимодействия различных спецслужб можно привести отрывок из воспоминаний полковника госбезопасности Сергея Михайловича Федосеева, непосредственно

руководившего операцией «Находка» в 1943 году, до ее передачи из КРО УНКВД в ГУКР «Смерш»:

«10 февраля 1943 года в Московское областное управление НКВД было передано по телефону сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волоколамского района заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте, отделилось несколько парашютов. Сколько именно, с какого самолета, когда это конкретно произошло, он сказать толком не смог.

Тут же к месту происшествия выехала оперативная группа УНКВД. В Волоколамском и соседствующих с ним Клинском и Высоковском районах были задействованы истребительные отряды. Взяв под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги, тщательно прочесав местность, поисковики в тот же день задержали внешне показавшегося подозрительным младшего лейтенанта. Предъявленные им документы на имя Григорьева при поверхностном осмотре не вызвали сомнений. Его выдали обнаруженные при нем радиостанция, упакованная в чемодане, и крупная сумма денег, происхождение которых он толком объяснить не сумел.

В ходе расследования старшему следователю Прокопию Борисенкову удается выяснить, что задержанный является одним из трех разыскиваемых парашютистов, выброшенных с самолета в ночь с 9 на 10 февраля. Все они – бывшие советские военнослужащие. По словам задержанного, он сражался до последней возможности, выполнил до конца свой долг, но его часть попала в августе 1942 года в окружение. Пытаясь пробиться к своим, он попал в плен. Затем – Смоленский лагерь для военнопленных, вербовка офицером германской военной разведки, спецподготовка сначала в Борисовской, а затем – в Катинской школе абвера, расположенной в поселке Красный Бор под Смоленском.

Программа обучения охватывала широкий круг вопросов: «Способы маскировки», «Подложные документы», «Техника добывания информации», «Связь», «Прыжки с парашютом».

Задержанный был агентом-радиистом и в абвере значился под псевдонимом «Гайдаров». Как и остальных членов этой группы, его снабдили форменной одеждой младшего комсостава Красной Армии, соответствующей легендой и фиктивными документами. По словам радиста, их выброска происходила с определенными интервалами, поэтому они оказались на значительном расстоянии друг от друга, вследствие чего им пришлось довольно много времени потратить на взаимные поиски. Двоим удалось соединиться. Прождав безрезультатно два часа третьего и понимая, что задерживаться далее в районе выброски опасно, они решили оттуда выбираться. Прежде чем разойтись в разные стороны, лазутчики условились, что в дальнейшем пункты их встреч будут меняться и что предосторожности ради они не станут раскрывать друг перед другом адреса своего постоянного местонахождения. Следует отметить, что третий агент так и не дал о себе знать и несмотря на принятые меры не был обнаружен. Очевидно, оказавшись на родной земле, решил не ввязываться в шпионские дела. Такое случалось тогда, и нередко.

Перед группой абвер поставил задачу: осесть на территории Московской области в местах, близко расположенных к идущим на запад магистралям, и неослабно, круглые сутки, следить за продвижением воинских эшелонов по железной и шоссейной дорогам в направлении Москва – Ржев. Первый выход в эфир планировался либо после приземления, либо после устройства на жительство, проанализировав ситуацию, оценив личность задержанного, мы решили использовать открывавшиеся возможности для

завязывания радиоигры с абвером. Начальник управления комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Журавлев, которому замысел показался многообещающим, поддержал наши предложения.

Как мы и ожидали, предложение о сотрудничестве с органами советской контрразведки радист принял охотно. А его искренность у нас не вызвала сомнений. Доказательством служило прежде всего то, что он по своей инициативе рассказал во всех подробностях о Борисовской и Катинской разведшколах абвера, их личном составе, а главное, сообщил известные ему сведения о ряде заброшенных и подготавливаемых к заброске в наш тыл агентов врага. 13 февраля 1943 года в обусловленное с абвером время агент-радист вышел на связь с разведцентром. Доложил, что высадка прошла благополучно, но ему удалось встретиться лишь с одним из двух парашютистов. Другой, несмотря на принятые ими энергичные меры, так и не был обнаружен. Продолжать дальше поиск было небезопасно. Заканчивалась передача на оптимистической ноте: радист заверял шефов, что приступил к делу и постарается в ближайшие дни доложить о первых результатах выполнения задания.

В ответной шифрограмме разведцентр с использованием условного знака упорно добивался ответа на вопрос: «Не угрожает ли радисту опасность со стороны НКВД и не работает ли он под его диктовку?»

Это насторожило нас: не удалось ли противнику каким-то образом разгадать наш замысел? Поняли ли абверовцы, что в результате перевербовки их радиста они становились жертвой дезинформации? Не так-то просто и легко было в условиях войны в этом разобраться, уловить и разглядеть существо дела.

Конечно же, наша дезинформация вряд ли бы выдержала испытание, если бы в ней не присутствовала какая-то доля правды. А вот какая, определить мог

только Генеральный штаб. Придавая важное значение этой стороне дела, Оперативное управление, возглавляемое в то время генералом С.М. Штеменко, сумело создать тщательно продуманную и практически достаточно эффективную систему. В его составе постоянно функционировала группа специально выделенных высококвалифицированных «направленцев», в обязанность которой входила отработка дезинформации, которую желательно было довести до немецких штабов, чтобы ввести их в заблуждение относительно истинных планов советского командования. Надо заметить, что объем передаваемой дезинформации был достаточно обширен. В центральном аппарате органов госбезопасности поддержание контактов с Оперативным управлением Генштаба было сконцентрировано в руках заместителя начальника 2-го (контрразведывательного) Управления НКВД генерала Л.Ф. Райхмана.

Потеря третьего участника заброшенной в тыл Красной Армии группы парашютистов была, пожалуй, одной из слабых, уязвимых и даже опасных сторон затеваемой операции. Мы понимали, что это обстоятельство определенно должно насторожить абвер и даже, быть может, вызвать сомнение в целесообразности продолжения игры. Дабы как-то развеять эту настороженность, второго агента решили оставить пока на свободе (что обычно делалось редко), открыто не чинить ему препятствий, но держать постоянно в поле зрения. Была уверенность, что это придаст поведению участников радиоигры бóльшую естественность. Когда спустя несколько дней оставшийся на свободе второй лазутчик явился, чтобы вручить радисту собранные шпионские сведения, он был взят под наружное наблюдение. Следившим за ним разведчикам, хорошо знавшим свое дело, удалось установить населенный пункт и дом, где он обосновался.

В последующем за вражеским агентом наблюдали наши помощники из числа железнодорожников.

Основной целью радиоигры «Находка» было создание условий для дополнительного канала продвижения военной дезинформации. Заметим, что дело для нас облегчалось тем, что по требованию Ставки переброска частей, а также военной техники производилась главным образом ночью в условиях строжайшего соблюдения мер маскировки.

Так как перевербованный радист по ходу операции вполне заслуживал доверия, то в эфир он стал выходить хотя и под контролем, но без нашего физического сопровождения. Он самостоятельно поселился в доме одинокой пожилой женщины, монахини, за которым было установлено круглосуточное скрытое наблюдение. По соседству с радистом устроили на жительство опытного сотрудника нашей службы Николая Грачева, который опекал его с момента задержания. В процессе почти ежедневного общения он оказывал на него нужное влияние, тем более они оказались одногодками и между ними установились дружеские отношения.

Наконец, дело пошло. 16 февраля абверовский разведцентр, отбросив зародившиеся у него на первых порах сомнения, передал шифрограмму такого содержания:

«Поздравляем Вас с Вашим благополучным приходом. Хорошо, хорошо, сказал доктор. Приветствуем Вас – верных».

После этого, казалось, ничто не предвещало провала и шло по задуманному нами сценарию.

23 февраля 1943 года радист сообщил своим шефам из абвера об устройстве на новое жительство. Его выход в эфир стал регулярным – почти каждые три дня он добросовестнейшим образом передавал в разведцентр дезинформационные сведения о движении грузопотоков по железной и шоссейной дорогам, состоянии

противовоздушной обороны и всех происходящих изменениях в местном военном гарнизоне. Использовались при этом и прошедшие наш фильтр данные, которыми снабжал радиста второй лазутчик. Регулярно, почти каждый радиосеанс, передавались метеосводки, к которым противник проявлял повышенный интерес. Как можно было судить по реакции разведцентра на передаваемую информацию и исходящим от него заданиям и запросам, абвер относился к работе своих агентов с нарастающим доверием, высоко оценивая их «смелость и находчивость». 21 марта последовала шифрограмма, содержание которой окончательно развеяло наши опасения и укрепило во мнении, что мы на правильном пути. «Тринадцатого марта, – гласил ее текст, – вы оба награждены орденами «За храбрость» 2-го класса. Мы радуемся вместе с вами за заслуженную награду и ждем тот день, когда сможем вручить вам ордена за верную службу фюреру. Такая награда обязывает вас к еще большей верности и бдительности». Учитывая благоприятную ситуацию, дальнейшую игру мы повели с расчетом на вызов и захват курьера германской разведки. Нам было известно, что связь с абверовским разведцентром лазутчики должны были поддерживать только при помощи радиостанции. Никаких явок на советской территории им дано не было. При возникновении нужды в документах, деньгах, экипировке и продовольствии им надлежало подобрать удобную площадку для сброса необходимого с самолета и сообщить ее координаты радиограммой.

Шло время. Истекает срок действия фиктивных документов, которыми абвер снабдил своих агентов. По всем техническим параметрам скоро должно было иссякнуть и питание их рации. 26 марта во время очередного сеанса связи радист напомнил об этом своим шефам. Спустя неделю, 2 апреля, последовал ответ:

«Новые документы изготавливаются и будут сброшены с самолета». Под благовидным предлогом вариант с самолетом удалось отклонить. Немцы с этим согласились. Остановились на подсказанном им варианте доставки документов и питания для рации курьером, который должен был явиться по месту жительства радиста.

На этой фазе радиоигра неожиданно для сотрудников контрразведывательной службы Московского управления привлекла внимание И. В. Сталина. Как выяснилось, Верховный интересовался не только боевыми военными операциями, но и нашими, чекистскими. О радиоигре «Находка» ему доложил начальник военной контрразведки В.С. Абакумов. Откровенно говоря, мы были рады этому обстоятельству, так как радиоигра из Московского региона во многих отношениях была сложной и очень рискованной.

В памяти отложилась встреча с руководителем «Смерш». До этого мне было известно от своих коллег, что он обладал большим опытом в проведении подобных операций, был прост и доступен для работника любого ранга, обязателен. Умел создать непринужденную обстановку в разговоре, а главное, способен был дать дельный профессиональный совет, так как начинал службу с должности рядового оперработника. Как-то рано утром он позвонил мне и пригласил к себе. Подробно, до мельчайших деталей, Абакумов расспросил о радиоигре. Его интересовало все: как она возникла, вполне ли можно доверять радисту и чем закреплена его перевербовка, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым агентом, какова реакция абвера на переданную информацию. В заключение он сказал: «Подготовьте мне справку и отразите в ней главные моменты дела. Обязательно дайте краткое обоснование путей развития игры – как мы их себе представляем.

К справке подготовьте проект очередного сообщения радиста в радиоцентр».

Все это было исполнено в тот же день. В проекте шифрограммы содержалась очередная порция дезинформации. Кроме того, радист уведомлял центр о благополучном прибытии курьера. Это делалось на тот случай, если он действительно явится в эти дни.

Буквально на следующий день Абакумов вновь вызвал меня в свой кабинет на четвертом этаже дома N 2 на Лубянке. Я доложил ему, что около семи часов утра пост наружного наблюдения зафиксировал приход в дом монахини, где жил радист, неизвестного в форме лейтенанта Красной Армии. Убедившись в личности радиста, он сообщил, что по поручению «зондерфюрсра» доставил все необходимое. Две вещевые сумки с содержимым он, чтобы не подвергать себя риску, надежно спрятал недалеко от станции Волоколамск. Сейчас курьер отдыхает, после обеда вместе с радистом отправится за «подарками», после чего он намерен вернуться к немцам. Я также проинформировал Абакумова, что мы держим на месте группу захвата. «Прочтите», – говорит мне Абакумов, возвращая справку и проект сообщения в разведцентр. Вглядываюсь и вижу, что местами текст нашего документа подчеркнут карандашом. Я понял, что это рука Сталина. Абакумов подтвердил мою догадку: «Верховный считает, что немедленный захват курьера – риск малооправданный, за ним может быть и контрнаблюдение. Возможно посещение других явок. В результате провала игры мы лишим себя возможности передавать очень важную в данный момент дезинформацию. Кроме того, упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура немецкой разведки преодолевает линию фронта, возвращаясь с задания, какими опорными пунктами во фронтовой полосе пользуется, а то, что они есть там, у него не

вызывает сомнений». «Будем курьера арестовывать, – заключил разговор Абакумов, – но не там, где намечали, а в своем последнем пункте пути его следования через фронтную полосу. Соответствующие распоряжения военным контрразведчикам об организации надежного контроля за ним во фронтной зоне и готовности к его задержанию я уже сделал».

В ходе обсуждения было признано целесообразным, чтобы текст шифрограммы о выполнении поручения разведцентра исходил от самого курьера и был составлен им лично. В окончательном виде он выглядел так: «16 апреля добрался благополучно, передачу передают. Все в порядке. Привет доктору. Антонов». Некоторое время спустя в связи с изменившейся обстановкой на фронте оставшийся вне подозрений радист получил указание от немецкого разведцентра переместиться дальше на запад, а радиоигра «Находка» перешла из рук УНКГБ Московской области в ведение военной контрразведки действующей армии. В результате радиоигры наряду с продвижением в немецкие штабы дезинформации удалось вызвать и обезвредить семь вражеских агентов»^[256].

Вслед за Борисом Сыромятниковым и Николаем Поросковым отметим, что именно Виктор Семенович Абакумов фактически ради интересов дела не согласился с существовавшим тогда законом – согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой – уже измена.

Абакумов освобождал явившихся с повинной немецких агентов от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с абвером. Как верно заметили подполковники Борис Сыромятников и Николай Поросков: «Абакумов опередил время: только в 1960 году Верховный Совет СССР принял дополнение к статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления – не подлежит

уголовной ответственности гражданин, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой».

О нем не любят вспоминать ветераны

Читая об успехах военных чекистов в сфере дезинформации противника, не следует забывать об одном важном факте. Они серьезно рисковали, давая санкцию на проведение каждой операции по дезинформации. Иногда в результате такой акции выигрывает не тот, кто создает дезинформацию, а тот – кому она предназначена. Это происходит в том случае, если «жертва» раскрывает обман, но продолжает демонстрировать свою веру в получаемые сведения. В этом случае она получает несколько преимуществ, которые и позволяют ей выиграть.

Во-первых, по тому, что пытается внушить противник, можно понять, что он на самом деле замышляет. И использовать полученные знания с максимальной выгодой для себя.

Во-вторых, любая дезинформация – очень трудоемкая процедура. В подготовке сведений, которые нужно передать противнику, участвуют не только военные контрразведчики, но и старшие офицеры штаба. Участие в этом мероприятии отвлекает их от выполнения основной задачи. А если еще при этом противник не воспользуется результатами их труда, то они напрасно потратят свое драгоценное время.

В-третьих, обычно перед тем, как начать передавать дезинформацию, приходится сообщать правду. Иногда это сведения уже известные противнику, но так бывает не всегда. Если адресат сумеет отделить «зерна от плев», то он выиграл.

В качестве примера можно вспомнить о радиоигре «Северный полюс» (лето 1942 года - 1944 год). Отделению абвера в Гааге удалось взять под контроль англо-голландскую разведывательную сеть. Подробно об этой контрразведывательной операции рассказано в книге начальника подразделения абвера в Голландии, Бельгии и Северной Франции Германа Гискеса «Операция «Северный полюс». Тайная война абвера в странах Северной Европы»^[257].

На первый взгляд, ее результаты впечатляют: три агента арестованы сразу по прибытии из Англии; восемнадцать человек, связанных с Лондоном, завербованы; удалось захватить тридцать тысяч фунтов взрывчатки, сброшенной британцами на парашютах, три тысячи автоматов, пять тысяч револьверов, триста ручных пулеметов...

Вот только после окончания Второй мировой войны выяснилось, что Лондон почти сразу разгадал замысел противника и создал вторую разведсеть, которая так и не была обнаружена абвером. К этому следует добавить, что «Северный полюс» был использован в качестве одного из каналов дезинформации о предполагаемом месте высадки в Европе войск антигитлеровской коалиции. Перечень вопросов, которые получали перевербованные радисты, свидетельствовал о том, что второй фронт Англия и США планировали открыть в Голландии. И это еще не все. Немецкая контрразведка в Амстердаме была почти полностью сосредоточена на техническом обеспечении радиоигры. Ведь им приходилось постоянно обеспечивать данные для 18 радиопередатчиков, задействованных в «Северном полюсе», не говоря уже об организации псевдопокушений и актах псевдосаботажа. Добавьте к этому круглосуточное наблюдение за несколькими десятками оставленных на свободе агентов^[258].

Глава 9

«В августе 1944-го...»

Если верить опусам отдельных отечественных журналистов и сценаристов современных фильмов «про войну», военные контрразведчики постоянно пьянствовали в тылу, спали с ухоженными и чисто одетыми юными медсестрами, а когда в медсанбате заканчивался спирт и хотелось новизны ощущений, то отправлялись на передовую. Сфабриковав несколько уголовных дел и собственноручно расстреляв из нагана в затылок жертв, «военные контрразведчики» возвращались обратно в тыл, где их уже ждала новая порция спирта и похотливый медперсонал женского пола, который изнывал от безделья. Периодически «особистам» вручали боевые награды. Наверно, за победы на сексуальном фронте и успехи в сражениях с зеленым змием. И так на протяжении всей Великой Отечественной войны. Непонятно, правда, кто тогда ловил немецких агентов и ухаживал за ранеными.

В жизни все было по-другому. Хотя действительно были среди «особистов» пьяницы и бабники, и те, кто фабриковал уголовные дела, но это было скорее исключением из правил. С пьянством и нарушением норм соцзакононости руководство военной контрразведки активно боролось. Да и некогда было пить или заводить романы с медсестрами большинству рядовых военных контрразведчиков – часто погибали они [\[259\]](#).

С другой стороны, именно военные контрразведчики приняли на себя основной удар немецких спецслужб, которые организовали массовую засылку в прифронтовую зону своих разведчиков, провокаторов и диверсантов. Достаточно сказать, что в зону ответственности (прифронтовую полосу) военных

чекистов с 1941 по 1943 год противник забрасывал до 55 % своей агентуры. А к началу 1945 года этот показатель возрос до 90 %. К этому надо добавить «транзитников» – тех, кто пересекал линию фронта в пешем порядке, а не на самолете. А многие из немецких агентов заранее знали, что в случае ареста сотрудниками советских правоохранительных органов их ждет расстрел. Поэтому при задержании часто оказывали вооруженное сопротивление.

По утверждению начальника Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Георгиевича Безверхнего, за годы войны военными чекистами «было обезврежено более 30 тысяч шпионов, около трех с половиной тысяч диверсантов и свыше шести тысяч террористов. Невозможно представить степень вероятного ущерба для Вооруженных Сил, для страны, если бы были совершены все запланированные диверсии и теракты в расположении и на фронтовых коммуникациях, если бы все агенты регулярно докладывали противнику о сосредоточении и передвижении войск, о замыслах советского командования и готовящихся операциях...»[\[260\]](#).

Вот сухие цифры статистики по отдельным периодам Великой Отечественной войны. С 22 июня по 1 декабря 1941 года Особыми отделами арестовано 35 738 человек, в том числе: шпионов – 2343, диверсантов – 669, изменников – 4647, трусов и паникеров – 3325, дезертиров – 13 887, распространителей провокационных слухов – 4295, самострельщиков – 2358, «за бандитизм и мародерство» – 4214. Расстреляно по приговорам – 14 473, из них перед строем – 411. По данным НКВД на 8 августа 1942 года, органами госбезопасности с начала войны было арестовано 11 765 агентов противника[\[261\]](#).

Есть данные по отдельным фронтам. Так, в ходе одной лишь Ленинградской оборонительной операции Особым отделом фронта было обезврежено свыше 650 шпионов и диверсантов [\[262\]](#).

С 22 июня по 28 декабря 1941 года Особым отделом НКВД Западного фронта «арестовано и разоблачено 505 агентов немецкой разведки. Из них: завербованных до войны – 4, переброшенных через линию фронта из числа военнопленных – 380, жителей временно занятых противником районов – 76, жителей прифронтовой полосы – 43, агентуры, внедренной в штабы войсковых соединений – 2» [\[263\]](#).

В битве под Москвой обезврежено более 200 агентов абвера и около 50 разведывательно-диверсионных групп [\[264\]](#). Так, оперативные группы Особых отделов 29-й, 30-й и 31-й армий, действуя в боевых порядках, в период с 5 по 25 декабря 1941 года задержали в Клину, Рогачеве, Калининe и других населенных пунктах 115 шпионов и немецких пособников [\[265\]](#).

Всего на Западном фронте в 1941 году военные чекисты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше 1000 немецких агентов, на Ленинградском и Южном фронтах – около 650, на Северо-Западном – свыше 300 [\[266\]](#).

Один из первых итогов работы военной контрразведки был подведен 10 октября 1941 года заместителем начальника Управления особых отделов Соломоном Мильштейном:

«Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих».

Главной целью военных контрразведчиков было противодействие немецким спецслужбам. Система мер борьбы с агентами немецкой разведки включала оперативные, заградительные и профилактические мероприятия. Основная роль в контрразведывательной работе особых отделов отводилась агентурно-осведомительному аппарату.

А вот цитата из рассказа другого ветерана военной контрразведки – подполковника Бориса Сыромятникова:

«После введения в Москве и прилегающих районах осадного положения «особисты» МВО многое сделали по повышению эффективности работы комендатур, пропускных пунктов. Они инструктировали личный состав, учили распознавать поддельные документы, рассказывали о характерных легендах, используемых противником при заброске агентуры, а на лиц, подготовленных к переброске, сообщали конкретные данные, полученные в результате закордонной работы. Все это позволило изобличить не одного вражеского лазутчика»[\[267\]](#).

К 1 января 1942 года Особыми отделами Калининского фронта «выявлено и разоблачено 136 шпионов, завербованных немецко-фашистской разведкой»[\[268\]](#).

В боях за Сталинград в августе 1942 года военные контрразведчики «арестовали и разоблачили 110 немецких шпионов». Из них 97 человек было задержано на линии фронта, 3 человека – «в тылу фронта и сборно-пересылочных пунктах» и 10 человек – «разоблачено агентурным путем»[\[269\]](#).

В период подготовки и в ходе Курской битвы военные контрразведчики Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов обезвредили более 1500 немецких агентов и диверсантов[\[270\]](#).

Справедливости ради отметим, что «Смерш», в отличие от своего предшественника – Особых отделов

НКО – НКВД, специально не занимался вопросами борьбы с дезертирами и уклонистами от службы в Красной Армии. В качестве примера можно процитировать спецсообщение Лаврентия Бериин, которое датировано 27 июля 1943 года.

«В мае с.г. органами НКВД задержано 24 898 дезертиров и 26 300 уклонившихся от службы в Красной Армии; из них офицеров 285 человек, сержантского состава 1065 и рядового состава 49 850 человек.

Из числа задержанных арестовано и передано органам НКГБ, «Смерш» и Прокуратуры 9128 человек. Начальникам гарнизонов и в райвоенкоматы передано 35 543 человека.

Ликвидировано 187 преступных групп, состоявших из дезертиров и уклонившихся. При оказании вооруженного сопротивления убито 43 человека.

Арестовано 220 пособников и укрывателей дезертирского элемента».

Военные контрразведчики Центрального фронта в июне – июле 1943 года обезвредили 15 разведывательно-диверсионных групп противника. Некоторые из них должны были совершить нападение на штаб фронта и ликвидировать командующего фронтом генерала армии Константина Рокоссовского.

Во время битвы за Днепр военные чекисты Воронежского (1-го Украинского) фронта выявили и ликвидировали более 240 агентов противника и 21 разведывательно-диверсионную группу.

Военными чекистами 1-го Белорусского, 1, 2-го и 3-го Украинских фронтов в течение первой половины 1944 года задержано около 3000 участников ОУН, ликвидировано свыше 2000 боевиков и разгромлено несколько десятков крупных отрядов повстанцев [\[271\]](#).

В мае 1944 года органами «Смерш» на фронтах арестовано 430 германских агентов, в т. ч. на участке 1-го Белорусского фронта – 50 агентов, на 2-м

Белорусском - 22, на 3-м Белорусском - 19 и на 1-м Украинском фронте - 47^[272].

В ходе наступательной операции на Крымском полуострове (8 апреля - 12 мая 1944 года) военными контрразведчиками Отдельной приморской армии в результате серии «оперативных мероприятий по розыску и изъятию агентуры противника, пособников и карателей» было «разыскано и изъято:

официальных сотрудников местных германских контрразведывательных и карательных органов - 18 человек;

агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов («абвер») - 15 человек;

агентов гестапо, СД и ГФП - 59 человек;

начальников отделов полиции - 3 человека;

служащих полиции - 78 человек;

активных карателей - 14 человек;

начальников карательных отрядов - 3 человека;

активных предателей и пособников - 448 человек;

изменников, добровольцев германских войск - 1011 человек;

председателей фашистских, мусульманских комитетов - 6 человек...»^[273]

Всего же военными контрразведчиками в ходе Крымской наступательной операции «разыскано и арестовано 606 официальных сотрудников и агентов германских и румынских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов.

Из числа арестованных разоблачено:

Официальных сотрудников военно-разведывательных и контрразведывательных органов противника - 46 человек.

Агентов германской и румынской военной разведки и контрразведки, оставленных немцами в Крыму для подрывной деятельности, - 172 человека.

Активных карателей, предателей и пособников немцев – 388 человек.

Кроме того, задержанные органами контрразведки 3314 человек, проживавших на территории временно оккупированной противником и вызвавших подозрения, после соответствующей проверки – направлены в части действующей Красной Армии»^[274].

С 25 октября по 1 декабря 1944 года «органами «Смерш» действующей Красной Армии арестовано 776 агентов германской разведки и контрразведки, сброшенной противником с самолетов на парашютах, либо оставленной на нашей территории при отступлении германских и венгерских войск...

Арестованные агенты разведки противника имели задание разведать, на каком участке фронта намечается наступление войск Красной Армии; собирать шпионские сведения о группировке наших войск и движении к линии фронта людских пополнений, боеприпасов и техники; совершать диверсионные акты на железных дорогах, складах и на важнейших стратегических объектах; убивать офицеров Красной Армии»^[275].

В январе 1945 года, в ходе Висло-Одерской операции, Управление военной контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта ликвидировало 68 разведывательно-диверсионных групп противника.

В апреле 1945 года в ходе Кёнигсбергской операции военные чекисты 3-го Белорусского фронта ликвидировали 21 разведывательно-диверсионную группу противника^[276].

Расскажем о нескольких необычных эпизодах из истории военной контрразведки.

Шпионы носят противогазы

В ночь с 7 на 8 июля 1942 года на 85-м километре железной дороги Елец – Верховье перед ехавшим

ремонтно-восстановительным поездом была взорвана мина. Никто из железнодорожников не пострадал, но ремонт «стальной магистрали» занял несколько часов. Через сутки взрыв прозвучал на 372-м километре перегона Елец – Ефремов. Товарный состав не пострадал.

А вот прозвучавшие в ночь с 9 на 10 июля взрывы унесли жизни двух красноармейцев и еще двое получили ранения. Это произошло на перегоне Верховье – Скорятено. «Товарняк» вывозил с фронта поврежденные танки. Второй взрыв, прозвучавший в ту ночь, мог привести к огромным человеческим жертвам – диверсанты попытались пустить под откос пассажирский поезд, но все обошлось – никто не погиб.

После этого стало ясно – в районе действует немецкая разведывательно-диверсионная группа. На ее поиск был ориентирован весь личный состав райотделов НКВД и военной контрразведки. Также повышенную бдительность начали проявлять железнодорожники и местные жители. Началась настоящая охота на немецких диверсантов. И тогда они попытались незаметно перейти линию фронта. Вот только здесь их ждала неудача. Согласно официальной версии командование Красной Армии приказало военнослужащим в течение нескольких дней не носить противогазы. Ну, а тех, у кого сумка с этим предметом висела на плече, сразу же задерживали, как вражеских шпионов. Неизвестно, сколько из-за этого пострадало обычных красноармейцев из числа тех, кто не слышал о странном приказе командования, зато диверсантов удалось задержать. Ведь у них были противогазы. В ходе следствия выяснилось, что все четверо вражеских агентов не раз нарушали закон. Так, Трофимчук сбежал с гауптвахты, дезертировал из рядов Красной Армии, Курский и Титенко были ранее судимы за хулиганство, ну а четвертый – Соболев был вором-

рецидивистом. Квартет диверсантов выполнял задания руководства абвергруппы – 207 при 2-й танковой армии, которая до лета 1943 года дислоцировалась в городе Орле [\[277\]](#).

С особыми полномочиями

Когда осенью 2007 года телеканал «Россия» показал многосерийный фильм Сергея Урсуляка «Ликвидация», то многие зрители решили – один из персонажей картины – сотрудник военной прокуратуры полковник Кречетов, который одновременно был агентом немецкой разведки по кличке «Академик» – вымысел создателей ленты.

Кратко напомним сюжет «Ликвидации». После окончания Великой Отечественной войны в Одессе свирепствуют уголовники, и действует агентура немецкой разведки, которой командует таинственный «Академик». Последний планирует организовать захват города отрядами бандеровцев. Поисками немецкого резидента занимаются местный уголовный розыск и военная контрразведка. Ну, и по законам детективного жанра, сам полковник Кречетов, который во время оккупации Одессы находился на подпольной работе в городе по линии военной контрразведки. В конце концов «оборотня» разоблачают. Мы не будем разбирать все исторические «ляпы» и нестыковки «Ликвидации» [\[278\]](#).

Немецкие агенты, аналогичные Кречетову, существовали в жизни. Так, в 1943 году был разоблачен бывший майор разведуправления Наркомата обороны Демченко. Еще в 1939 году он выезжал в Берлин в составе советской делегации, принимавшей участие в установлении демаркационной линии между Германией и Советским Союзом. Видимо, именно тогда немецкая разведка и завербовала его в качестве своего

агента. Когда началась Великая Отечественная война, то майора было решено оставить в Киеве для организации разведывательно-диверсионной резидентуры. Его инструктировали лично первый секретарь компартии Украины Никита Хрущев и начальник 4-го управления НКВД Украины Строкач. Ему выдали мандат такого содержания, что он имел специальное задание, и всем советским и партийным органам вменялось оказывать ему всяческое содействие. В ходе следствия выяснилось, что он активно сотрудничал с противником. В годы войны немцами был создан контрразведывательный отдел абвера под названием «Абвернебенштелле – Киев», и следствие установило, что Демченко возглавил одно из отделений. Пользуясь своим мандатом, этот человек нанес большой ущерб нашему государству. Он внедрился в киевское подполье – в горком и в один из партизанских отрядов [\[279\]](#).

Ликвидировать любой ценой

Описание отдельных операций, которые проводили в годы Великой Отечественной войны военные чекисты, готовые сюжеты для остросюжетных фильмов. И когда после этого перечитываешь написанные в советское время приключенческие романы ветеранами военной контрразведки, например, Брянцева, то по-другому начинаешь относиться к этим произведениям. А может, все это было на самом деле. И ветераны лишь изменили место действия и имена участников? Известно, например, что когда Борис Васильев написал свою знаменитую повесть «А зори здесь тихие...», то он не был знаком с тактикой немецких диверсантов. Зато он прекрасно знал, как действовали советские армейские разведчики и десантники за линией фронта.

В 1943 году немецкие диверсанты осуществили серию терактов: было убито два генерала и семь старших офицеров Красной Армии. Сценарий всех убийств был одинаковым. В глубоком тылу на пустынной дороге одетые в форму сотрудников НКВД немецкие агенты останавливали легковую машину с военнослужащими Красной Армии, якобы для проверки документов, а потом расстреливали находящихся в ней людей. Справедливости ради отметим, что аналогичным способом в немецком тылу действовал знаменитый советский разведчик Николай Кузнецов со своими боевыми товарищами.

Для борьбы с этими группами немецких диверсантов руководство Лубянки решило использовать машины-ловушки. В каждой из них планировалось посадить офицера военной контрразведки, одетого в форму старшего офицера Красной Армии, и двух оперативников с великолепной реакцией и опытом скоротечных огневых контактов. Операция прошла успешно. Все диверсанты были ликвидированы^[280].

Это не единственный боевой эпизод в деятельности военных чекистов. В конце Великой Отечественной войны на территории Германии в зоне наступления Красной Армии действовали оперативно-боевые отряды, укомплектованные военными контрразведчиками. Их основная задача – «зачистка» освобожденных районов. В качестве результатов их деятельности приведем данные результатов деятельности подразделения Управления военной контрразведки 1-го Украинского фронта. В апреле 1945 года им было захвачено 50 пленных, при сопротивлении уничтожено 100 военнослужащих Вермахта, задержано 25 агентов немецкой разведки. Потери подразделения за этот период: три офицера (из семи) и 12 бойцов^[281].

Операция «Аргонавты»

В феврале 1945 года в Крыму состоялась Конференция глав правительств трех союзных во Второй мировой войне государств - Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Иосифа Сталина, президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Основные заседания Конференции проходили 4—11 февраля в бывшей царской резиденции в Ливадии, однако в мировую историографию она вошла как Крымская, или Ялтинская. Впрочем, на Западе второй термин является более распространенным. Мы не будем рассказывать о ходе этого политического мероприятия и принятых на нем решений, т. к. это выходит за рамки нашей книги. А поговорим о малоизвестной странице в истории Крымской конференции - участии в ней сотрудников органов «Смерша».

В начале 1945 года между лидерами трех великих держав была достигнута договоренность о том, что конференция пройдет в Ялте. По предложению Уинстона Черчилля кодом этого мероприятия стало слово «Аргонавт».

Во многих пунктах Крымского полуострова началась широкомасштабная подготовка к акции «Аргонавты». При этом были задействованы тысячи людей из гражданских и военных ведомств. Прорабатывались вопросы самого различного плана: транспорта, связи, подготовки рабочих помещений, размещения, питания, отдыха, культурной программы, медицинского обслуживания, подарков... Важнейшее внимание уделялось проблемам безопасности участников конференции. Учитывая это, все подготовительные мероприятия были покрыты пеленой секретности и дезинформации. Многие военные и штатские лица, ответственные за подготовку технической стороны конференции, узнали о приезде в Крым лидеров трех стран в дни их прибытия и даже позже.

Такой повышенный режим секретности был вызван множеством причин. Так, в феврале 1945 года Крым находился в радиусе действий немецкой авиации, которая базировалась на аэродромах Северной Италии и Австрии. В связи с этим большое внимание было уделено обеспечению противовоздушной обороны (ПВО) конференции. Днем в готовности находилось 140–170 истребителей, ночью – 48. Если бы в Берлине заранее знали об акции «Аргонавты», то, скорее всего, попытались бы не уничтожить лидеров трех государств, то хотя бы испортить впечатления от встречи, нанеся серию авиаударов.

Самолеты с членами американской и английской делегаций должны были приземлиться на военном аэродроме Саки в Крыму. Подготовка к приему самолетов с высокопоставленными гостями началась еще в январе 1945 года. Военные контрразведчики, которые обслуживали аэродром, через свою агентуру начали активно распространять слухи, что в Саки будет базироваться подразделение американских тяжелых бомбардировщиков – «Летающих крепостей». В этом не было ничего удивительного, ведь еще летом 1944 года на Украине под Полтавой и Миргородом базировались американские бомбардировщики, совершающие челночные рейсы из Италии в СССР и обратно. «Летающие крепости» по пути к нам бомбили военные и стратегические объекты Германии и ее союзников. У нас они заправлялись горючим, подвешивали бомбы и летели на Запад выполнять задание. Так что персонал Саки поверил в эту «легенду», как и проживающее рядом с аэродромом мирное население.

Ее «разрушение» началось в день прилета иностранных делегаций. Вот что много лет спустя рассказал ветеран Великой Отечественной войны Василий Андреевич Любимков, который служил тогда старшим лейтенантом – командиром звена 11-го

гвардейского дважды Краснознаменного Николаевского истребительного авиаполка ВВС Черноморского флота:

«3 февраля мы были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Командир дал задание: обеспечить полную безопасность и неприкосновенность американских и английских самолетов, которые должны были произвести посадку на нашем аэродроме. Установка была необычная даже для бывалых фронтовиков: не отвечающие на сигналы «свой – чужой» самолеты сбивать без предупреждения. Не принимая во внимание, чей он! Радиус особой зоны определялся в 30 км: «Пропустите самолет – на аэродром можете не возвращаться!»^[282].

Также в обеспечение безопасности Крымской конференции принимали участие сотрудники Особого отдела Черноморского флота^[283].

Часть четвертая

Большая зачистка

Глава 10

По следам «лесных братьев»

О борьбе советских органов госбезопасности с «лесными братьями» подробно рассказано в книгах Александра Севера «Спецназ КГБ»^[284] и Александра Колпакиди «Ликвидаторы КГБ»^[285], поэтому не будем повторять написанное ранее, а расскажем об участии сотрудников военной контрразведки в борьбе с «лесными братьями».

На территории Латвии

В Советском Союзе знали о «красных латышских стрелках», которые прославились в первые годы существования Советской России в качестве военной силы большевиков. Одновременно с ними существовали и «белые латышские стрелки», которые с таким же фанатизмом сражались с советской властью.

К сожалению, традиция создавать военизированные формирования в Латвии оказалась сильна. Москва на себе ощутила, что такое «антисоветские латышские стрелки», когда в конце тридцатых годов прошлого века на территории республики установила советскую власть.

В марте 1941 года в результате спецоперации, проведенной чекистами из НКГБ Латвийской ССР и их военными коллегами, была задержана группа членов «Тевияс Сарге» («Страж отечества»). Непонятно, правда, безопасность какой страны защищали члены этой организации – Латвии или Германии.

Руководящий центр «Стража отечества» состоял из трех отделов. Отдел внешних сношений осуществлял связь с германской разведкой и ее филиалом в Риге – УТАГом (организация по ликвидации имущества

немецких репатриантов). Военный отдел занимался сбором разведывательных сведений для Берлина и подготовкой вооруженного восстания. А отдел агитации издавал газету антисоветского содержания «Вестник». С октября 1940 по февраль 1941 года было издано шесть номеров.

Характеризуя «Страж отечества», один из резидентов немецкой разведки в Латвии Ганс Шинке, бывший владелец фирмы в Риге, представитель немецких машиностроительных компаний, докладывал в Берлин:

«Есть латвийская боевая организация «Тевияс Сарге»... Эта организация имеет, кроме военного, еще и политическое руководство, насколько это возможно в нелегальных условиях. Организация имеет отделения по всей стране, и ее члены сформировали группы из офицеров и бывших айзсаргов^[286]...

Образ мысли этих людей: примерно латвийский национал-социализм... Это течение отдает себя всецело в распоряжение Германии. Я стараюсь направить активность организации на рельсы тихой войны (сведения, служба обороны, белая пропаганда)... В текущий момент организация готова на все. Она допускает уже теперь организовывать себя в диверсионные группы»^[287].

Кто-то заявит, что процитированный выше документ, а также показания арестованного немца сфальсифицированы самими чекистами. Вот только тогда откуда у жертвы НКГБ появился арсенал оружия и другие компрометирующие его предметы и документы? Поясним, что при аресте у Ганса Шинке было изъято: 18 гранат, три пистолета, восемь винтовок (оружие для «стражей»), типографское оборудование, военные карты, а главное – списки лиц, которых следует уничтожить в первую очередь. Это адреса членов правительства Латвийской ССР, сотрудников НКВД

и других. В ходе допросов вскрылась сеть подпольщиков и в частях Латвийского корпуса РККА^[288]. К началу Великой Отечественной войны было арестовано 120 членов организации^[289].

Одновременно чекистами и военными контрразведчиками была ликвидирована и другая подпольная повстанческая организация – «Кола» («Военная организация освобождения Латвии»). Ее ячейки существовали в большинстве городов республики. Их члены участвовали в создании тайных оружейных складов, собирали сведения о Красной Армии, готовили диверсии на железнодорожном транспорте, выясняли адреса членов ЦК компартии Латвии и высокопоставленных правительственных чиновников – для их ареста в момент антисоветского восстания. Несколько групп (от трех до десяти человек) в одном уезде составляли бригаду. Последние имелись в Риге, Даугавпилсе, Добеле, Елгаве и других местах.

Вот выдержка из приказа командирам бригад «Кола», датированного ноябрем 1940 года:

«...1. Сообщать подробные сведения о государственных учреждениях, о людском (персонально) составе этих учреждений с характеристиками на отдельных лиц.

2. Сообщать сведения о расположении частей РККА и частей Латышского территориального корпуса, баз, складов и т. п.

3. Брать на учет все стратегические пункты, т. е. высоты, мосты, церкви и т. п.

4. Сообщать адреса членов правительства и руководителей партии. Установить адреса в глухой провинции с тем, чтобы в эти места вывезти всех арестованных в момент восстания...»^[290]

В мае 1941 года в Латвии была создана антисоветская подпольная организация «Латвияс саргс» («Стражи Латвии»). Ее членами были латышские

националисты, «кулацкие и белогвардейские элементы». Большинство участников организации в 1940–1941 годах совершили множество преступлений: эти люди убивали советских активистов, совершали вооруженные налеты на кооперативы и сельсоветы, угоняли скот, выпускали листовки с призывом борьбы с советским строем и т. п. [291] К сожалению, чекисты и военные контрразведчики не успели ликвидировать данную организацию – началась Великая Отечественная война.

Не будем рассказывать об активном сотрудничестве части коренного населения республики с фашистским оккупационным режимом и участии в «окончательном решении еврейского вопроса». Так, первая серия еврейских погромов прокатилась по территории Латвии в начале июля 1941 года. Причем инициаторами «хрустальной ночи» выступали сами латыши. 11 июля 1941 года местная газета «Тевия» писала:

«Еврейские грехи очень тяжелы: они хотели уничтожить нашу нацию, и поэтому они должны погибнуть как культурная нация».

Дело не ограничилось только погромами. Начались массовые аресты по национальному признаку. Так, с 4 по 7 июля 1941 года, по немецким данным:

«...арестовано, большей частью в последние дни, 1125 евреев, 32 политических преступника, 85 русских рабочих и две женщины – уголовницы» [292].

А дальше имело место активное сотрудничество части местного населения с оккупационными властями и страх перед справедливым возмездием за содеянное. С первых дней после освобождения территории Латвии от немецко-фашистской оккупации начался процесс ликвидации вооруженного антисоветского подполья, в котором активное участие принимали военные контрразведчики. Так, в результате чекистско-войсковых операций:

«На освобожденной территории Латвии в мае – августе 1944 года были арестованы 190 немецких агентов, сотрудников полиции, предателей, изъято 1412 винтовок, 162 автомата, 66 пулеметов, 670 гранат, 43 револьвера»^[293].

Как показали дальнейшие события, упреждающий удар по врагам советской власти и бандформированиям был нанесен своевременно. На территории республики начали активно действовать многочисленные банды «лесных братьев». С 1944 по 1952 год «лесные братья» совершили свыше трех тысяч диверсионно-террористических актов, в результате которых были убиты 1562 представителя советско-партийного и комсомольского актива, 50 военнослужащих Советской Армии, 64 сотрудника МВД и МГБ, 386 бойцов истребительных батальонов, а также многие члены их семей^[294].

По другим данным, число погибших с 1944 по 1952 год было значительно больше. Так, количество убитых и раненых соответственно: активистов – членов компартии, комсомольцев и секретарей местных организаций компартии и тех, кто активно сотрудничал с органами советской власти, – 1070 и 281 человек; сотрудников правоохранительных органов 680 и 433 человека; военнослужащих – 259 и 222; представителей органов советской власти: 199 и 109. Общее количество погибших составило 2208 и раненных – 1035^[295].

В Латвии в результате спецопераций, проведенных чекистами и военными контрразведчиками с 22 июня 1944 по 1 августа 1945 года, было убито 672 бандита, задержано и арестовано 10 285 человек, в том числе бандитов и бандпособников – 2228, изменников Родины и предателей – 1376, разного антисоветского элемента – 321, дезертиров и уклонившихся от призыва в армию – 6340. При этом было изъято 85 пулеметов, 278 автоматов, 914 винтовок, 159 револьверов, 718 гранат,

384 мины, 110 992 патрона, 23 кг взрывчатых веществ^[296].

Если бы не серия упреждающих ударов в мае – августе 1944 года и в июле 1944 года – августе 1945 года, то количество жертв «лесных братьев» было бы на порядок больше.

Расскажем теперь об участии военных контрразведчиков в ликвидации банд «лесных братьев» на территории Латвии.

К 13 сентября 1944 года органы «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта арестовали 60 активных участников подпольной националистической организации «Айзсарги». «По показаниям арестованных проходит 250 человек, в т. ч. «айзсарговцев» – сотрудников карательных органов – 25, агентов контрразведывательных органов – 6 и руководителей организации «Айзсарги» – 10 человек»^[297].

К концу октября 1944 года органы «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта: «установлены и частично ликвидированы 33 волостных организации «Айзсарги», а также 10 шпионских и диверсионных групп из числа членов этой антисоветской организации. По состоянию на 11 октября с.г. арестовано 13 волостных руководителей, 125 активных членов организаций. У арестованных изъято: 2 пулемета, 104 автомата, винтовки и пистолета, 1148 мин и гранат, около 2000 ракет, более 14 000 патронов и 1 радиостанция... Разыскана и изъята инструкция центра фашистской организации «Айзсарги» о переходе ее членов на нелегальное положение для проведения подрывной деятельности в тылу Красной Армии. По показаниям арестованных и обнаруженным документам выявлено дополнительно к уже ликвидированным организациям еще 14 волостных организаций «Айзсарги» с наличием значительного числа их участников, к розыску и аресту которых приняты меры»^[298].

На территории Литвы

Когда летом 1944 года советские войска вступили на территорию Литвы, то в Москве прекрасно осознавали, что процесс восстановления советской власти будет трудным, долгим и кровавым. Помнили, что происходило на территории республики в 1940 – первой половине 1941 года.

Сейчас многие утверждают, что «ликвидированные» накануне Великой Отечественной войны чекистами и военными контрразведчиками подпольные антисоветские организации существовали лишь на бумаге. Если все организации были выдуманы «палачами с Лубянки», то кто в конце июня 1941 года организовал множество локальных антисоветских восстаний и уничтожал евреев? Тоже фальсификаторы из советских органов госбезопасности?

Расскажем, например, о том, что произошло в небольшом литовском городке Мажейкяй. Согласно результатам расследования чекистов:

«В 1940 году были созданы в гор. Мажейкяй и соседних деревнях подпольные националистические организации, ставившие своей целью свержение советской власти в Литве вооруженным путем, приурочивая восстания к моменту возникновения боевых действий между Германией и Советским Союзом».

Часть из них была ликвидирована чекистами и военными контрразведчиками, а остальные... за несколько дней до начала Великой Отечественной войны начали распространять антисоветские листовки с призывом к вооруженной борьбе. А дальше интересней. 22 июня 1941 года эти подпольщики захватили власть в городе и «начали расправляться с советско-партийным активом и гражданами еврейской национальности». Захватить власть в советском городе можно было только при двух условиях – когда эта власть

отсутствует (сбежала) или операция была подготовлена заранее, и все ее участники знали про свои обязанности.

В факт исчезновения из города милиционеров, чекистов, партийного и советского актива в первые часы войны верить с трудом. Хотя прошло два года с момента установления советской власти, но администрация уже усвоила сталинские правила трудовой дисциплины. А вот поверить в их аресты по месту жительства или службы, куда они должны были явиться, «узнав о том, что началась война», – почему бы и нет?

«В повстанческих отрядах насчитывалось около 300 человек, преимущественно состоявших из кулацкого элемента, членов шаулистских организаций («Шаулист» – «Союз вольных стрелков» – военизированная организация бывших военнослужащих литовской буржуазной армии. – *Прим. авт.*) и враждебно настроенных к Советам лиц.

После захвата власти, по указанию штаба националистической партии, участниками повстанческих отрядов было арестовано около 200 лиц советско-партийного актива и около 2,5 тысячи граждан еврейской национальности»^[299].

Почти все советские активисты были казнены в июле – августе 1941 года. Тогда же лишилось жизни свыше четырех тысяч лиц еврейской национальности, проживающих в Мажейкяе. Члены повстанческих отрядов не только участвовали в расстрелах, но и добивали раненых^[300].

Аналогичные события происходили и в других литовских городах. В них активно участвовали не только члены националистических подпольных организаций, но и те, кого Москва считала лояльными советской власти – литовцев, которые служили в дислоцированных на территории республики частях и соединениях Красной Армии. Так, сразу же после начала Великой

Отечественной войны в 29-м стрелковом корпусе РККА, созданном на основе Вооруженных сил независимой Литвы, началось массовое дезертирство военнослужащих – литовцев, а также борьба с отступающими частями Красной Армии.

Не истребленное до конца чекистами и военными контрразведчиками местное вооруженное подполье даже взяло под свой контроль оставленные отступающими советскими войсками Вильнюс и Каунас. Уже 24 июня 1941 года в Каунасе начала работу литовская комендатура (в октябре – ноябре ее переименовали в «Штаб охранных батальонов») во главе с бывшим полковником литовской армии И. Бобялисом и началось формирование вспомогательных полицейских «Батальонов охраны национального труда» (сокращенно «ТДА», от литовского «Tautas darbo apsaugas batalionas»).

На 1 марта 1944 года в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонах служило восемь тысяч литовцев. Во время немецкой оккупации он «прославился» участием в карательных акциях по уничтожению мирного населения^[301].

Истребление земляков литовцы начали с первых дней Великой Отечественной войны, как только Красная Армия покинула города. Уже в июне 1941 года в Форте VII города Каунаса, который был превращен в концлагерь для евреев (вместимость 1500 человек), в качестве охраны в нем служили члены «литовских охранных отрядов». При этом местные националисты, не дожидаясь прихода Вермахта, проявили инициативу.

«После отступления Красной Армии население Ковно (Каунас. – *Прим. авт.*) спонтанно уничтожило 2500 евреев. Еще одна большая часть была расстреляна службой вспомогательной полиции («партизанами»).

В общей сложности во время этих акций было уничтожено в Каунасе 7800 евреев^[302].

Это примеры последствий деятельности городских подпольных националистических организаций. А ведь были еще республиканские структуры! Так, «Союзу литовцев в Германии» со штаб-квартирой в Берлине подчинялся созданный на территории республики «Фронт литовских активистов» («ФЛА»)^[303].

Согласно данным чекистов и военных контрразведчиков:

«Уже во второй половине 1940 года при непосредственном участии гитлеровских спецслужб был создан «Фронт литовских активистов» (ФЛА) во главе с бывшим литовским послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой, который являлся агентом германской разведки. Для непосредственного осуществления боевых операций и совершения диверсионно-террористических акций против советских войск после начала войны между Германией и СССР ФЛА были созданы военизированные подразделения т. н. «Гвардии обороны Литвы», которые конспиративно размещались в различных городах Литвы и по заданию немецкой разведки занимались вербовкой и непосредственной подготовкой кадров диверсантов и террористов»^[304].

19 марта 1941 года руководство «ФЛА» направило во все подпольные группы директиву, в которой излагались подробные указания, как надо действовать с началом войны и, в частности, «занимать мосты, железнодорожные узлы, аэродромы, фабрики и др. Немедленно арестовывать местных коммунистов и других советских активистов. Передать евреям, что их судьба ясна. Заберите их имущество в свои руки»^[305].

К выполнению директивы члены «ФЛА» и те, кто к ним примкнул, приступили на второй день Великой Отечественной войны. Резко возросла численность организации. По данным отдельных историков, она достигла ста тысяч человек^[306]. На улицах появилось множество людей с белыми нарукавными повязками.

Они хватали евреев, коммунистов, комсомольцев, членов семей военнослужащих Красной Армии, сотрудников учреждений и других – всех тех, кого они считали противниками независимости Литвы. «ФЛА» так и не удалось выслужиться перед Адольфом Гитлером. Литва так и не получила независимость, а сам «Фронт литовских активистов» исчез с политической арены. Большинство его членов и руководителей начали сотрудничать с оккупантами и своими кровавыми делами (геноцид в отношении местного населения) добились права на сытную жизнь слуг «расы господ». По утверждению отдельных современных литовских историков, кто-то из членов «ФЛА» проявил непокорность и отправился в концлагерь. К сожалению, назвать хоть одно имя они не могут. Зато судьба лидера «ФЛА» сложилась относительно благополучно. Всю войну он прожил на свободе в Германии, а после мая 1945 года перебрался на Запад, где и умер собственной смертью. А вот большинство членов организации погибли во время войны (карательные акции против партизан, бои с частями Красной Армии и т. п.) или были арестованы и осуждены за расправы над мирными жителями. Вот такие вот они борцы за свободу.

Если подвести итоги, то с июля 1940 года по май 1941 года чекистами в Литве было вскрыто и ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, созданных местными националистами, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных антисоветских выступлений к моменту возникновения войны между Германией и СССР. Несмотря на активную деятельность, советские органы госбезопасности не смогли полностью ликвидировать националистическое подполье. Это стало уже понятно в первые часы Великой Отечественной войны.

В декабре 1941 года на базе существовавших в то время различных националистических организаций и групп, объединившихся в целях борьбы за создание независимого литовского буржуазного государства, возникла так называемая «Армия освобождения Литвы» (ЛЛА), инициаторами создания которой были преимущественно офицеры бывшей национальной армии. Вот только реализовать свои планы они начали только в 1944 году, когда Красная Армия разгромила гитлеровцев.

После того как Красная Армия освободила территорию республики, то спешно создаваемым местным органам безопасности предстояло решить серьезную проблему – на территории Литвы находилось огромное количество тех, кто активно сотрудничал с оккупантами. Понятно, что последние добровольно сдаваться властям в большинстве своем не желали. И не только по идеологическим, но и по практическим причинам. Все они прекрасно понимали, что за совершенные преступления их ждет суровая кара – расстрел или многолетнее пребывание в ГУЛАГе.

На коллаборационистов была объявлена настоящая охота, в которой участвовали не только местные чекисты и присланные им в помощь коллеги из других регионов, но и военные контрразведчики. Началась «зачистка» тыла действующей Красной Армии. В результате серии чекистско-войсковых операций:

«С 14 по 20 июля 1944 года НКВД и НКГБ Литовской ССР было арестовано 516 человек, в том числе 51 шпион, 302 активных пособника немецких оккупационных властей, 36 участников подпольных антисоветских националистических организаций и 35 уголовников».

Также военные чекисты принимали активное участие в ликвидации многочисленных подпольных военизированных организаций, созданных еще до начала Великой Отечественной войны. В качестве

примера назовем «Шаулист». В годы немецкой оккупации его члены «прославились» своими зверствами по отношению к местному населению. А после того, как Красная Армия освободила территорию республики, они попытались начать вооруженную борьбу. Вот только эта попытка была пресечена органами военной контрразведки. Так, Управлением контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта 30 августа 1944 года было арестовано 159 активных членов и руководителей «Шаулиста»^[307].

На территории Эстонии

Происходящее в Эстонии накануне Великой Отечественной войны почти ничем не отличалось от того, с чем столкнулись военные чекисты в соседних республиках – Латвии и Литве. В тридцатые годы прошлого века у власти в Эстонии находились правые националисты, которые открыто демонстрировали свои симпатии Третьему рейху. После установления советской власти в Эстонии эти люди ушли в подполье и начали активно готовиться к приходу «освободителей» – немцев. А военным чекистам пришлось заниматься ликвидацией «пятой колонны». В качестве примера результатов борьбы процитируем Докладную записку начальника Особого отдела Северного фронта о ликвидации в первый месяц войны 3-м Отделом Краснознаменного Балтийского флота «ряда контрреволюционных и шпионских формирований». Документ датирован 2 августа 1941 года.

«Третьим отделом Краснознаменного Балтийского флота вскрыт и ликвидирован на территории Эстонской ССР ряд контрреволюционных и шпионских формирований.

Ликвидированные контрреволюционные и шпионские организации и группы свою работу проводили в следующих направлениях:

1. Создание в тылу Красной Армии бандитских отрядов и диверсионных групп.

2. Сбор шпионских сведений о дислокации частей, складов и бензохранилищ Красной Армии и передача их германскому фашистскому командованию.

3. Совершение террористических актов над военнослужащими, коммунистами и ответственными работниками советских учреждений.

Кадрами вскрытых контрреволюционных организаций являлись эстонские националистические элементы, и в первую очередь участники фашистской прогерманской организации «Кайтселиит».

Ликвидирована контрреволюционная организация, так называемая дружина «самозащиты», возглавляемая эстонцем Саартоком. По делу арестовано 9 человек.

Агентурно-следственным путем по данному делу установлено, что немцы, заняв отдельные районы Эстонской ССР, сразу же приступили к созданию фашистских организаций – дружин «самозащиты».

Эти фашистские дружины являлись активом, на который опиралось германское командование в борьбе с оставшимися на занятой немцами территории коммунистами, комсомольцами, военнослужащими и советскими активистами. Участники группы использовались для диверсионной и разведывательной работы в тылу Красной Армии.

Члены этой контрреволюционной дружины «самозащиты», возглавляемой Саартоком, во время пребывания немцев в м. Виртсу расстреляли рабочих бензобаков, сочувствующих советской власти, выдали немцам комсомольцев и коммунистов.

Германское командование участникам дружин «самозащиты» оказывало большое доверие

и использовало их для дежурств на телефоне по приему и передаче сводок немецкого командования.

Участники группы расстреляны.

Частично ликвидирована бандитская группа, возглавляемая эстонцем Мандре Гербертом, оперировавшая в районе аэродрома Яголло.

Основной своей целью данная бандитская группа ставила борьбу с истребительными батальонами Красной Армии

Вскрыта и подготавливается к ликвидации в волости Выру контрреволюционная группа в количестве 5 человек, возглавляемая Эльмаром Ластиком.

Группа ставила своей задачей активную борьбу с советской властью, а также подготавливала списки на коммунистов, комсомольцев и советских работников, подлежащих уничтожению»^[308].

Когда Красная Армия освободила территорию Эстонии, то здесь начали активно сражаться с советской властью, а если точнее, уничтожать мирных жителей, банды повстанцев. Единственное отличие от соседей заключалось в масштабах повстанческого движения. Органам госбезопасности достаточно быстро и с минимальными потерями после 1944 года удалось ликвидировать большинство бандформирований. Разумеется, не обошлось без чекистско-войсковых и спецопераций.

Эстонское население в большинстве своем было настроено негативно к советской власти. Так, на призывные пункты в первые месяцы после освобождения республики Красной Армией явилось только 2,31 % от всего мужского населения, а в отдельных районах в военкоматы вообще никто не пришел^[309]. Аналогичная ситуация складывалась в Литве и Латвии. Также были подготовлены заранее кадры для вооруженной борьбы с советскими «оккупантами».

На базе «Кайселит» («Лига защиты») в сентябре 1941 года была создана военно-политическая организация «Омакайтсе» («Самозащита»)^[310]. На одном из судебных заседаний, где современная эстонская Фемида судила очередного советского ветерана, одна из свидетельниц заявила: «Мы все вступали в «Омакайтсе», это для нас было нечто вроде комсомола»^[311].

Если осенью 1941 года «Самозащита» насчитывала 20 тысяч человек, то через два года ее численность возросла до 65 тысяч человек^[312].

В годы немецкой оккупации «Самозащита» скомпрометировала себя сотрудничеством с Третьим рейхом – ее подразделения выполняли роль вспомогательных полицейских и охранных частей на территории Эстонии, а также проводили карательные акции против мирного населения республики. К 1 ноября 1941 года ими было проведено 5033 облавы, арестовано 41 135 человек, из которых казнены на месте «из-за оказанного сопротивления» 7357 человек. Помимо евреев, эстонская полиция и «Самозащита» ликвидировали сторонников советской власти (к которым зачастую причислялись все русские жители некоторых городов и сел), эстонцев – членов левых организаций (в т. ч. социал-демократов), а также крестьян, получивших землю в результате аграрных реформ в Эстонии в 20-е годы и в 1940 году.

После занятия Вермахтом Тарту летом – осенью 1941 года в противотанковом рву близ населенного пункта Лемматси отрядами «Омакайтсе» было убито более 12 тысяч мирных жителей и советских военнопленных.

Все годы фашистской оккупации члены «Самозащиты» принимали активное участие в уничтожении мирного населения^[313].

Так же активно сотрудничало руководство «Самозащиты» с немецкой военной разведкой – абвером.

На одном из допросов начальник абвергруппы-326 лейтенант Вернер Редлих сообщил:

«В работе мы опирались на существовавшие во всех уездах Эстонии вооруженные отряды «Омакайтсе». Офицеры разведки при штабах полков «Омакайтсе» имели своих доверенных и особо благонадежных лиц, через которых они получали необходимые сведения. Все эстонские офицеры, проводившие эту работу, регулярно присылали в наше распоряжение доклады. В них отражались сведения не только о лицах, подозреваемых в связях с советскими разведорганами, но и содержались данные о событиях отрицательного отношения местных жителей к немецким оккупационным властям. Мы охотно принимали такие сведения, тем более что штат у нас был небольшой»^[314].

С таким кровавым «послужным» списком у членов «Самозащиты» после освобождения Эстонии советскими войсками было два пути – сразу сдаться и на много лет отправиться в ГУЛАГ или перейти на нелегальное положение и круглосуточно опасаться за свою жизнь. Об этом в последние годы забывают, но Иосиф Сталин сделал все, чтобы ни один палач не ушел от справедливого возмездия. И неважно, служил ли человек деревенским старостой и доносил оккупационным властям об односельчанах, связанных с партизанами, или участвовал в расстрелах мирных жителей.

Кто-то из членов «Самозащиты» выбрал первый путь – и, спасая собственную жизнь, сообщил чекистам все о скрывающихся в лесах подельниках. Хотя большинство предпочло погибнуть с оружием в руках, сражаясь с чекистами и военнослужащими внутренних войск.

В годы немецкой оккупации «Омакайтсе» состояла из двенадцати полков (по одному в каждом из уездов и один в Таллине). Полки делились на батальоны, роты,

взводы и отделения. Члены «Омакайтсе» жили дома и являлись в штаб для выполнения приказов.

Когда Красная Армия вошла на территорию республики, то «Омакайтсе» трансформировалась. Вместо полков возникло множество мелких отрядов, каждый из которых насчитывал 25–30 человек. Командовали ими офицеры «Омакайтсе». Повстанцы скрывались в лесах или жили на нелегальном положении у местных жителей^[315]. Чекисты быстро составили список всех членов «Омакайтсе» и начали на них «охоту».

К 13 сентября 1944 года органами «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта арестовано 64 участника организации «Омакайтсе» из числа ее актива. По показаниям арестованных (по делу) проходит 772 человека, из которых 271 человек, как наиболее активные элементы этого подполья, объявлены в розыск^[316].

По состоянию на 5 октября 1944 года органами военной контрразведки Ленинградского фронта было арестовано:

«Командиров взводов – 11;
командиров рот – 17;
командиров батальонов – 4;
начальников уездных отрядов, отделов и служб – 2»^[317].

При этом нужно учитывать, что материковая часть Эстонии была освобождена в результате Таллинской операции 1944 года (17–26 сентября). Фактически советская военная контрразведка начала «зачистку» только в конце сентября 1944 года и за неделю достигла таких успехов!

К началу 1945 года большинство отрядов было ликвидировано. Местным националистам и их западным хозяевам (о связях «лесных братьев» с разведками Англии, США и Швеции мы расскажем ниже) пришлось

создавать подполье заново. Задача сама по себе архисложная, а если нет поддержки местного населения и реальной помощи извне (деньги, оружие и т. п.), то реализация боевого плана становится очень трудной задачей.

Глава 11

Вскрытые схроны

О противостоянии украинских националистов и российских интернационалистов подробно рассказано в книгах Александра Севера «Русско-украинские войны»^[318] и «Спецназ КГБ»^[319], поэтому мы не будем подробно излагать хронику вооруженной борьбы советских органов госбезопасности с западноукраинскими националистами, а также историю ОУН-УПА. В указанных выше монографиях не была отражена важная роль отечественной военной контрразведки в ликвидации антисоветских вооруженных формирований на территории Западной Украины. Хотя именно «Смершу», после вступления Красной Армии в указанный регион, пришлось заниматься вопросами защиты тыловых коммуникаций действующей армии. Насколько опасны были бандеровцы для Красной Армии?

В качестве примера расскажем историю нападения на командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина 29 февраля 1944 года^[320]. В тот день военачальник в сопровождении охраны из восьми автоматчиков совершал обычную поездку в войска. Готовилось наступление, и ему предстояло решить ряд вопросов с командирами 13-й и 60-й армий.

Около восьми часов вечера автомобиль, в котором ехали командующий фронтом с членом Военного совета фронта генерал-майором Константином Крайнюковым, на северной окраине села Милятино был обстрелян неизвестными. В перестрелке шальная пуля попала в бедро генералу армии. По утверждению врачей, в чьей компетенции никто не сомневался, ранение

военачальника было тяжелым, но не опасным для жизни. Несмотря на благоприятный диагноз, 16 апреля 1944 года Николай Ватутин умер^[321].

В ходе расследования, проведенного по факту нападения на командующего фронтом, выяснилось, что генерал армии стал жертвой цепи трагических совпадений и недобросовестного отношения к своим обязанностям собственных подчиненных. Последние, зная о наличии в районе многочисленных вооруженных повстанцев, не обеспечили ему полноценную охрану. Более того, УПА заранее не планировало совершать нападение на генерала Красной Армии по той простой причине, что оно не располагало информацией о маршруте его перемещения.

Опергруппа «Смерша», выехавшая на место происшествия, сумела задержать одного из участников нападения. Его показания стали основой для цитируемого ниже документа:

«...29 февраля 1944 года бандой «Зеленого» в количестве 80-90 чел. было совершено нападение на группу автомашин, которыми ехал командующий 1-го Украинского фронта генерал армии тов. Ватутин.

Указанное нападение было совершено при следующих обстоятельствах: Утром 29 февраля с. г. бандгруппа в количестве 80-90 чел. во главе с «Зеленым» вышла из с. Дубенцы в засаду в район Милятино - Сиянцы, где, по полученным от высланной «Зеленым» разведки данным, двигался обоз в 12 подвод.

Когда обоз поравнялся с находящейся в засаде бандгруппой, по нему был открыт огонь и завязалась перестрелка с охранявшими обоз красноармейцами.

В ходе боя красноармейцам на 6 повозках удалось убежать по направлению с. Садки, а остальные 6 повозок, из них 4 с боеприпасами, были захвачены бандитами. Во время боя был убит 1 красноармеец.

В то время, когда бандитами еще преследовались бежавшие подводы, из с. Милятин показалась грузовая автомашина, которая была обстреляна, и находившиеся на ней военнослужащие бросили автомашину и бежали.

Через некоторое время, уже перед вечером, по дороге из с. Тессова показали 4 автомашины, из коих 3 легковых.

«Зеленым» была организована в районе Милятинских хуторов засада, и когда автомашины начали подходить к находившимся в засаде бандитам, по ним был открыт сильный огонь.

После этого три автомашины развернулись и пошли обратно, а следовавшая первой автомашина была выведена из строя и осталась на месте...»^[322]

После окончания Великой Отечественной войны чекисты задокументировали еще две версии нападения на Николая Ватутина.

В ходе одной из чекистских операций 15 января 1946 года был захвачен бывший командующий группы УПА «Тютюнник» Фёдор Воробец (Верещака). На одном из допросов он сообщил, что нападение на Николая Ватутина произошло в районе действия сотни Деркача, и сделали это группки Службы безопасности ОУН (СБ ОУН) сел Михальковцы и Сиянцы Островского района Ровенской области. В операции участвовало, по разным данным, от 17 до 27 бойцов. В подбитой машине повстанцы нашли оперативные документы и простреленную генеральскую шинель. В ней долгое время щеголял Чумак, один из рядовых участников операции.

Другую версию убийства Николая Ватутина рассказал в девяностые годы прошлого века ветеран УПА Евгений Басюк (Черноморец), которого судьба занесла в Ростовскую область России. По его словам, в стычке с охраной генерала армии участвовал отряд численностью 30 человек под командованием Примака

(Трояна). Когда появилась колонна, бандиты разгружали подводы обоза, ранее захваченного у красноармейцев. И по машинам огонь открыли спонтанно, безо всякой засады^[323].

Если генерал армии не был защищен от нападения бандеровцев, то что говорить о простых военнослужащих Красной Армии. Известно, что только в течение января – февраля 1944 года на территории одной только Ровенской области повстанцы совершили 154 нападения на воинские части и отдельных военнослужащих. В результате было убито 439 солдат и офицеров Красной Армии^[324]. Так, в ночь с 8 на 9 января 1944 года в селе Белошувка Березанского района Ровенской области бандеровцы зарезали 13 красноармейцев, а в селе Моквине отравили 30 военнослужащих 181-й стрелковой дивизии^[325].

С июня по октябрь 1944 года на Волыни УПА нанесло свыше 800 ударов по армейским тыловым объектам^[326]. Так, 12 августа 1944 года «бандгруппа численностью до 50 человек совершила налет на воинский склад в/ч. ПП 07380, расположенной в хуторе Засельских Буцинского сельсовета Седлищенского района, в 500 метрах от шоссеной дороги, идущей на Брест. В результате бандитами были убиты майор Мельников А. В. и капитан Карпов А. и подожжен склад. Находившиеся в складе 200 шинелей, большое количество сапог, трофейное оружие разного образца – винтовки, пистолеты и саперное имущество – сгорело»^[327].

В сентябре – октябре 1944 года в Станиславской области от рук «бандеровцев» погибли 23 офицера и 128 солдат и сержантов^[328]. Были случаи нападения на маршевые колонны и уничтожения командного состава.

«Смерш» вступает в борьбу

Понятно, что такая ситуация не устраивала Москву. В борьбе с ОУН-УПА были задействованы ресурсы не только органов госбезопасности, внутренних и пограничных войск НКВД, но и военной разведки и контрразведки.

В марте 1944 года «для укрепления личного состава органов НКВД – НКГБ из тыловых областей СССР и из органов «Смерш» отбираются и направляются на места оперативные работники НКВД – НКГБ, ранее работавшие в районах западных областей Украины»^[329].

С января по март 1944 года «части войск НКВД по охране тыла 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов» разгромили 65 бандгрупп. «При этом было убито 960 и захвачено 613 бандитов, а в пунктах столкновения подобрано 3 орудия, 280 винтовок, 41 автомат, более 60 тысяч патронов и другого военного имущества»^[330].

В первой половине 1944 года органами «Смерш» 1-го Белорусского, 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов в тылу действующей армии было задержано около 3000 участников ОУН, уничтожено около 2000 бандеровцев и разгромлено несколько десятков крупных банд, связанных со спецслужбами Третьего рейха^[331].

С февраля 1944 года по июнь 1945 года на территории Западной Украины было проведено 17 733 чекистско-войсковых операций. В результате убито 91 615 человек, 96 446 человек захвачено живыми и 41 858 человек добровольно сдались в плен^[332].

Если говорить о конкретном участии «Смерша», то, например, на территории Киевской, Житомирской и Ровенской областей в начале 1944 года УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта «вскрыл ряд подпольных организаций, арестовав до 150 участников»^[333].

Органами «Смерш» 4-го Украинского фронта к августу 1944 года «на территории Станиславской,

Дрогобычской и частично Тернопольской области, в разных населенных пунктах выявлено свыше 150 оуновских групп и банд УПА, с общим количеством свыше 6000 человек их участников». С июня по август 1944 года «задержано и арестовано 619 человек. Кроме того, во время проведения прочесов и облав было убито участников ОУН и УПА 223 человека. Наряду с этим органами «Смерш» захвачено до 30 складов с оружием, боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом, в т. ч.:

- минометов – 1;
- пулеметов станковых и ручных – 30;
- автоматов и винтовок – 139;
- гранат – 198;
- пистолетов – 20;
- патронов – свыше 30 000;
- радиоприемников – 11;
- телефонных аппаратов – 4;
- медикаментов – 6 ящиков...»[\[334\]](#)

Есть данные об успехах органов «Смерша» других фронтов.

«ГУКР «Смерш» докладывает о результатах борьбы органов контрразведки 1-го и 4-го Украинских, а также 1-го Белорусского фронтов с бандформированиями «Организации украинских националистов» на освобожденной от противника территории Западной Украины и Западной Белоруссии за последние два месяца.

В июле и августе с. г. в процессе проведения операций арестовано 2378 и убито 1719 бандитов, а также захвачено следующее вооружение:

- пушек – 1;
- минометов – 15;
- пулеметов – 92;
- автоматов, винтовок и пистолетов – 776;
- снарядов, мин и гранат – 6 559;

патронов – 250 000.

Кроме того, в захваченных 152 подпольных складах так называемой «Украинской повстанческой армии» изъято 238 тонн продовольствия, 1 радиостанция, 58 радиоприемников, 22 пишущие машинки, 48 телефонных аппаратов, 3 автомашины, 10 мотоциклов, 57 повозок с лошадьми и 700 комплектов обмундирования.

Необходимо отметить, что наиболее активно проявляли себя банды УПА в тылах 4-го Украинского фронта, где за это время арестовано 1897 и убито при вооруженных столкновениях 1474 бандита, а также захвачен 41 подпольный склад с оружием, боеприпасами и продовольствием.

Таким образом, с апреля по настоящее время органами «Смерш» арестовано 6082 оуновца и при вооруженных столкновениях убито 47 бандита; изъято 23 орудия, 61 миномет, 317 пулеметов, 1415 автоматов, винтовок и пистолетов, 10 849 снарядов, мин и гранат, 878 130 патронов, 95 радиостанций и радиоприемников, 6 типографий и 5061 тонна продовольствия»^[335].

Глава 12

Как пан пропал

Когда в середине 1944 года сначала советские партизаны, а потом Красная Армия вошли на территорию Польши, то в Москве прекрасно понимали – вооруженного конфликта с частью местной военно-политической элиты не избежать. И дело даже не в том, что планы Иосифа Сталина в отношении политического будущего Польши не совпадали с мнением большинства поляков, но и в многовековом противостоянии между Москвой и Варшавой.

Многовековое противостояние

Россия и Польша всегда претендовали на роль ведущих держав в славянском мире. Конфликт между Москвой и Варшавой начался еще в конце X века, из-за пограничных городов на территории нынешней Западной Украины. В начале следующего столетия польские войска вторглись уже непосредственно на территорию Киевской Руси, вмешавшись в войну между князьями Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным на стороне последнего.

Следующий крупный военный конфликт между двумя странами – конец XVI – начало XVII века (период Смутного времени). Приход к власти в 1614 году династии Романовых, которая правила страной около 300 лет, лишь на время снизил остроту конфликта, а потом почти всем российским императорам пришлось заниматься урегулированием отношений с Варшавой.

В 1772 году состоялся первый раздел Речи Посполитой. А в 1792 году, после серии антиросийских внутривосточных событий, произошедших в Польше

(гонение на православных, арест русского подданного епископа Переславского и т. п.), Российская империя ввела войска на территорию этой страны. В 1794 году на территории Польши вспыхнуло восстание под предводительством Тадеуша Костюшко, которое было подавлено регулярной Российской армией под командованием Александра Суворова. За это воинское достижение он получил звание генерал-фельдмаршала. А в 1795 году состоялся третий раздел Польши. Россия получила Западную Волынь, Западную Белоруссию, Литву и Курляндию. Исконно польские земли были поделены между Австрией и Пруссией. Речь Посполита, как независимое государство, прекратила свое существование.

Девятнадцатый век по накалу страстей почти не отличался от предыдущего столетия. В 1809 году в результате военных успехов (победа над Пруссией и т. п.) французский император Наполеон I создал вассальное государство Княжество Варшавское. Таким образом, была восстановлена территория страны в ее этнических границах. Вот только местная аристократия хотела большего – как минимум возрождения Речи Посполитой в границах 1772 года. А для этого следовало отнять у Российской империи украинские, белорусские и литовские земли. От этих притязаний местная политическая элита не отказалась даже во время Второй мировой войны!

В 1813 году российские войска вновь вошли в столицу Княжества Варшавского. Государство в очередной раз прекратило свое существование, так как его территория была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. При этом Царство Польское (территория, входящая в состав Российской империи) имело почти все атрибуты независимого государства: конституцию, сейм, правительство, собственную денежную единицу – злотый, армию и т. п. Вот только

это не удовлетворило местную национал-политическую элиту... слишком мало! В 1830 году вспыхнуло очередное восстание. Основная цель - присоединить территории Литвы, Беларуси и Украины. Бунт был подавлен. А в 1832 году Княжество Варшавское лишилось большинства привилегий, дарованных в 1815 году Александром I.

В 1863 году вспыхнуло очередное восстание. Теперь основная тактика бунтарей - не военные операции национальной армии, а партизанская борьба. Через год оно было подавлено [\[336\]](#).

Во время Первой мировой войны лидер местных националистов Юзеф Пилсудский сделал все, чтобы вывести страну из-под контроля Российской империи и...

получить автономию, но не независимость, от Австро-Венгрии и Германии. Эта особенность национально-освободительной борьбы проявилась и в середине прошлого века, когда Польша стремилась получить освобождение от фашистской оккупации с помощью армий западных стран. США и Англия всячески поддерживали это стремление. Еще в марте 1917 года английский министр иностранных дел Артур Джеймс Бальфур заявил, обращаясь к лидерам польского национально-освободительного движения:

«Если вы сделаете абсолютно независимую Польшу... вы отрежете Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в политике Запада или почти перестанет».

В этой фразе объясняется одна из основных причин активной поддержки Запада национального движения в социалистической Польше после Второй мировой войны.

В 1918 году Польша в очередной раз стала независимым государством и начала активно расширять свою территорию за счет захвата областей Западной Украины, Галиции, Западной Пруссии и других районов.

Затем была советско-польская война 1919–1920 годов, которая закончилась позорным миром и передачей ей огромных территорий Украины и Беларуси. При этом не следует считать, что в случае победы и очередного захвата Варшавы началось бы успешное установление Советской власти на территории страны. В начале двадцатых годов прошлого века для большинства населения более привлекательно звучали идеи национального реванша, чем построения коммунистического общества [\[337\]](#).

В июне 1921 года в Польше была создана знаменитая «двуйка» – 2-й отдел Генерального штаба, сосредоточивший в своих руках вопросы разведки и контрразведки. Во главе его встал один из ближайших сподвижников Юзефа Пилсудского Игнаций Матушевский. В двадцатые – тридцатые годы прошлого века это подразделение стало одним из основных противников советских органов госбезопасности.

В середине двадцатых годов прошлого века на территориях Западной Украины и Беларуси активно действовали многочисленные отряды «боевиков», которые организовала советская военная разведка. Их основная задача – организация партизанского движения местного населения и освобождение этих территорий. Подробнее об этом периоде в противостоянии между Москвой и Варшавой рассказано в книге «Спецназ ГРУ» [\[338\]](#), поэтому не будем рассказывать об этом.

Когда началась эпоха «кровавых чисток» 1937 года, то об активной деятельности 2-го отдела Польского Генерального штаба в НКВД прекрасно помнили. Поэтому в отчетах появилась графа так называемая «польская линия». По ней только в Омской области было арестовано 557 человек (данные из телеграммы от 22 октября 1937 года № 976 руководителя областного управления НКВД своему начальнику – Николаю Ежову) [\[339\]](#). В то же время в Казахстане было арестовано 405

человек^[340]. Не все из этих людей были жертвами следователей НКВД, некоторые действительно работали на польскую разведку. Об этой категории разоблаченных чекистами шпионов мы поговорим подробнее.

В тридцатые годы прошлого века органы отечественной госбезопасности столкнулись с необычным явлением. Отправлявшие на территорию только что завербованных агентов офицеры 2-го отдела Польского Генерального штаба оперировали старой истиной «о безопасности и безнаказанности шпионской работы в СССР, что при задержании агентам ничего серьезного не угрожает, кроме недолгого заключения в лагерь». Так же, по мнению чекистов, объясняется «та легкость, с которой агентура, только что привлеченная к шпионской работе, соглашалась на переброску в СССР». А между тем, согласно докладу Николая Ежова Иосифу Сталину, который датирован 22 марта 1938 года, выявленных незваных гостей приговаривали к высшей мере наказания^[341].

О массовой заброске агентуры свидетельствует и такой факт. С 1 января по 13 июня 1939 года погранвойска НКВД Киевского округа на участках шести погранотрядов задержали 34 нарушителя границы, большинство которых оказались польскими шпионами. В том же году несколько агентов было разоблачено в Киеве, Ташкенте и Новосибирске. А осенью 1939 года чекисты обнаружили на территории Польши документы местной разведки, которые содержали данные на 186 сотрудников и агентов, действующих на территории СССР.

А о высоком уровне профессионализма польских разведчиков уважительно отзывались их британские коллеги. А ведь английская разведка сама считается одной из лучших в мире. В качестве одного из аргументов в пользу варшавских «рыцарей плаща и кинжала» – такой малоизвестный факт. После начала

Второй мировой войны на разведку эмигрантского правительства, которое находилось в Лондоне, работало более 1700 агентов почти во всех европейских странах^[342].

Хотя основную опасность для Советской России представлял не сам 2-й отдел Генштаба, а «Польская организация войсковая» (далее – ПОВ), которая была создана еще в Первую мировую войну и специализировалась на создании на территории Советской России «разведывательных, диверсионных, террористических резидентур, причем с давних пор внедряли здесь крупную политическую агентуру, главным образом используя кадры, которые ей удастся влить в Коммунистическую партию Польши». Так утверждал руководитель НКВД Николай Ежов в спецсообщении № 55331 «О польской организации войсковой», датированном 16 января 1937 года^[343].

ПОВ – серьезный противник, с которым чекисты начали сражаться еще до того, как был организован 2-й отдел Польского генерального штаба. Во время советско-польской войны в тылу советских войск активно действовала агентурная сеть «ПОВ». Не ограничиваясь сбором разведанных, ее участники взрывали мосты и железнодорожное полотно, пускали поезда под откос, портили линии связи, нападали на красноармейские части. Только в мае 1920 года польские диверсанты уничтожили около двадцати заводов и складов.

О размахе деятельности польской разведки свидетельствует количество арестованной органами ВЧК польской агентуры. Только в Киеве было задержано около двухсот человек, среди них – тридцать руководящих работников ПОВ. В Одессе ликвидировали организацию ПОВ, насчитывавшую свыше ста человек и поддерживавшую связи с Врангелем и Румынией.

Филиалы ПОВ были выявлены и уничтожены в Харькове, Житомире, Минске, Смоленске и других городах^[344].

Когда началась Вторая мировая война

После оккупации Польши Германией в октябре 1939 года во Франции было создано правительство в изгнании, которое возглавил Владислав Рачкевич. Премьер-министром и одновременно главнокомандующим, министром военных дел, министром внутренних дел, а также министром юстиции стал генерал Владислав Сикорский, имевший широкую поддержку французских правящих кругов^[345]. После того, как Вермахт оккупировал Париж, «правительство в изгнании» переехало в Лондон. Сначала его признали Англия и США, а 30 июня 1941 года и СССР.

На территории Польши появились его органы управления, действовавшие подпольно. В ноябре 1939 года был организован «Звонек вальки збройней» («Союз вооруженной борьбы» – ЗВЗ). До конца 1941 года командованию «ЗВЗ» удалось подчинить ряд военных конспиративных организаций, действующих на территории Польши^[346]. В феврале 1942 года на базе этого военизированного формирования начался процесс создания Армии Крайова (далее – АК), основная задача которой определялась как «борьба за восстановление государства с оружием в руках». В ее состав также входили: часть «Народовой организации войсковой»; частично «Батальоны хлопские» («Крестьянские батальоны» – «БХ»), основными кадрами которых являлись члены Союза сельской молодежи Польской республики – «Вици»; военные отряды правого крыла Польской социалистической партии и другие военные нелегальные организации политических центров, поддерживавших правительство в Лондоне^[347].

Максимальная численность «АК», по различным источникам, колебалась от 250 до 350 тысяч человек.

В конце августа 1943 года в Армии Крайовой насчитывалось 40 отрядов и партизанских групп. Общая численность этих подразделений не превышала 2 тысяч человек, что составляло менее 1 % тогдашних сил «АК»^[348]. Половина партизан из них находилась на территориях, расположенных восточнее Буга. К западу от реки в основном действовали формирования «БХ».

Главный штаб «АК», занимая позицию так называемой «ограниченной борьбы», не был заинтересован в развитии массового партизанского движения в стране. Умышленно ограничивалась численность подразделений повстанцев, перед которыми прежде всего ставились задачи по самообороне населения и проведения диверсий. Это было отражено в приказе главного коменданта «АК», датированном 13 марта 1943 года^[349].

Активно участвовать в боевых действиях против фашистских оккупантов большинство подразделений «АК» начали только при приближении Красной Армии. Объяснение этому простое. Основная задача этой военизированной организации – обеспечение установления власти эмигрантского буржуазного правительства, а не тех сил, которые активно поддерживает Москва. В частности, Польского национального комитета освобождения (создан в Люблине 23 июля 1944 года) и Польской рабочей партии (ПРП), организованной группой агентов НКВД во главе с Марцелием Новотко, Болеславом Моложечем и Павлом Финдером (десантированы на территорию Польши с парашютами в декабре 1941 года) на базе довоенной польской коммунистической партии^[350].

Понятно, что Москва сделала бы все, чтобы в Варшаве находилось лояльное ей правительство. Одно из средств решения этой задачи – ликвидация

вооруженных противников социализма. Сначала их просто разоружали и отпускали по домам. Когда повстанцы начали оказывать сопротивление подразделениям внутренних войск НКВД, частям Красной Армии и местным правоохранительным органам, при этом еще стремительно деградируя до уровня обычных уголовников, то их просто уничтожали.

Хроника ликвидации

Процесс разоружения повстанческих организаций, действовавших на территории Польши, начался в середине лета 1944 года. А если быть точнее, то 16 июля – в тот день начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Михаил Малинин разослал распоряжение командующим армий и корпусов, где о повстанческих воинских формированиях, среди прочего, было указано:

«...Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Командующий войсками фронта приказал:

Ни в какие отношения с этими польскими отрядами не вступать. При обнаружении таких отрядов немедленно личный состав их разоружать и направлять на армейские пункты сбора для проверки.

В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении них вооруженную силу...»

А через два дня появилось дополнение к этому приказу. Согласно этому документу:

«Донесения о ходе разоружения польских отрядов и о количестве собранных на сборные пункты солдат и офицеров включать в ежедневное боевое донесение,

представляемое в штаб фронта к 20. 00 нарастающим итогом»[\[351\]](#).

Можно предположить, что успехи в ликвидации отрядов повстанцев были так же важны, что и победы над фашистскими войсками.

В отличие от просоветских военизированных формирований – типа Армии Людовой, которая с боями дошла до Берлина, повстанцы не могли оказать реальной помощи в освобождении страны. Как уже упоминалось выше, большинство отрядов отличал «пацифизм» в отношении фашистских оккупантов. Когда 3 августа 1944 года на переговорах в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Станислав Миколайчик (сменивший в июле 1943 года погибшего в авиакатастрофе своего предшественника Владислава Сикорского) заявил, что «поляки создали в Польше подпольную армию», Иосиф Сталин резонно заметил:

«Борьбы с немцами она (Армия Крайова. – *Прим. ред.*) не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков... наши войска встретили под Ковелем две дивизии этой армии, но когда наши войска подошли к ним, оказалось, что они не могут драться с немцами, так как у них нет вооружения... отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские»[\[352\]](#).

Еще одна веская причина уничтожения националистического подполья – потребность в защите тыла стремительно наступающей Советской Армии. Еще в мае 1944 года, до того, как красноармейцы начали освобождение Польши, была выпущена специальная

директива заместителя наркома внутренних дел СССР Ивана Серова и начальника войск НКВД по охране тыла действующей армии генерал-майора Ивана Горбатюка. Она «информировала» командиров частей и соединений внутренних и пограничных войск, что на территории, которую планировалось очистить от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 года, «враждебно настроенные к нам группы населения» будут стремиться «в подходящий момент ударить нам в спину». К разряду «враждебно-настроенных» были причислены все польские вооруженные организации, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции^[353].

Дело в том, что еще в 1943 году польским «правительством в изгнании» были разработаны планы провокационной вооруженной демонстрации на случай вступления Советской Армии на территорию восточной и центральной части страны. Они были отражены в директиве, датированной 27 октября 1943 года. Более того, в конце того же года Главный штаб «АК» на основе этого документа издал инструкцию о целях и задачах так называемой операции «Бужа» («Буря»). Он предусматривал активизацию подразделений Армии Крайовой и захват ими отдельных населенных пунктов и районов, которые будет оставлять отступающая германская армия^[354].

Не дожидаясь появления Красной Армии, отряды «АК», действовавшие на территории Западной Белоруссии и Южной Литвы, в середине 1943 года начали вооруженную борьбу против советских партизан. В рапортах комендантов из этих районов ежемесячно сообщалось о сотнях убитых подпольщиков^[355].

Об активном участии военных контрразведчиков в ликвидации «АК» расскажем подробно ниже, а пока об антисоветских вооруженных формированиях.

Армия Крайова (АК)

Когда говорят о антисоветско-националистическом движении в Польше, то чаще всего вспоминают Армию Крайову. Чем же она интересна? Например, своей организационной структурой.

Руководило Армией Крайовой Главное командование. Командующему «АК» подчинялись:

начальник штаба;

Бюро информации и пропаганды;

Бюро финансов и контроля.

Главному командованию подчинялись:

Бюро информации и пропаганды;

Бюро финансов и контроля;

Департамент национальной обороны;

Организационная часть;

Церковная часть;

Руководство службы правосудия;

Военная служба женщин;

Оперативная часть;

Отдел обучения;

Саперный отдел;

Артиллерийский отдел;

Отдел флота;

Бюро информации;

Информационно-разведывательная часть;

Управление приема переброшенного оружия;

Справка;

Часть V. К. (курьеры, шифровальщики, архив и главная канцелярия).

Управление диверсиями (Кедыв);

Интендантство;

Руководство служб: вооружения интендантства, географической, ветеринарной и обозной;

Управления подпольного производства;

Инспекторат главной военной службы охраны восстания;

Руководство военных бюро;
Военный начальник связи, транспортная
и железнодорожная службы.

Аналогичная структура была в уездных и окружных штабах «АК».

В начале 1944 года численность «АК» достигла максимальной численности за весь период своего существования: 10 756 офицеров, 7506 юнкеров (подхорунжий), 87 886 сержантов (унтер-офицеров). В этой подпольной армии насчитывалось 6287 полных взводов (по 50 человек в каждом) и 2633 неполных взвода (по 25 военнослужащих в каждом). Таким образом, общее количество солдат 380 175^[356].

И эта огромная подпольная армия подчинялась польскому правительству в изгнании, которое в свою очередь активно сотрудничала с VI отделом (Польша) Управления специальных операций Великобритании (УСО). Данная организация была создана в июле 1940 года и специализировалась на организации и проведении диверсионно-разведывательных акций на оккупированной фашистами территории Западной Европы.

Взаимоотношения между УСО и польским правительством в изгнании были необычными. Например, британцы предоставляли партнерам необходимые финансовые и материально-технические ресурсы, организовывали «заброску» агентов и оружия по воздуху, при этом они не знали подробности операций, проводимых «АК», и не знали имен агентов. Если в подборе подпольщиков для других оккупированных стран участвовали офицеры УСО, то поляки сами решали, кого переправить за линию фронта^[357].

Впервые «АК» заявила о себе как о серьезной военно-политической силе во время так называемой волынской резни в июле 1943 года. Хотя все началось

несколькими днями раньше, когда, по утверждению профессора Киевского университета Константина Сменяна:

«Считая Волынь своей территорией, польские правящие круги разработали план восстания, чтобы взять власть в свои руки еще до прихода Красной Армии и тем самым поставить Москву перед фактом, что на этих землях восстановлен суверенитет Польши... Выполняя соответствующие указания, 27-я дивизия Армии Крайовой применила в отношении населения Волыни средневековые экзекуции... Центром дивизии было село Билын Ковельского района. Именно отсюда, по приказу командования, отдельные части разъезжались по селам, грабили и уничтожали крестьян...»

Понятно, что члены украинской военно-националистической организации ОУН – УПА (известные как «бандеровцы») активизировали ответный террор. Хотя его-то они начали еще в марте 1943 года, уничтожая поляков (мстя за прошлые унижения со стороны Варшавы) и фашистских оккупантов^[358].

Увеличению размаха межнациональной резни способствовали политики из польского правительства в изгнании, которые начали вооруженную борьбу за воссоздание независимой буржуазной Польши в границах по состоянию на 17 сентября 1939 года. Поскольку ОУН – УПА сражалась за построение независимого украинского государства и имела в Западной Украине от соотечественников массовую поддержку, то украинское население изначально было для руководителей «АК» как минимум недружественной силой^[359]. Истоки украинско-польской розни уходят в глубь столетий. Особенно ярко они проявились в период существования Второй Республики Польской (1920–1939 гг.), но тогда дело не дошло до резни.

Итог этого кровавого противостояния. По разным данным, погибло от 50 до 100 тысяч поляков, в основном мирных жителей. Ответные действия польской Армии Крайовой вызвали не менее 20 тысяч жертв с украинской стороны^[360]. Потери самих АК и ОУН – УПА исчислялись сотнями бойцов. Территория после освобождения ее Красной Армией вошла в состав УССР.

События в Волыни стали одним из мероприятий «АК», выполненных по указанию из Лондона. Стремительное наступление Красной Армии и намерение Иосифа Сталина иметь в Варшаве подконтрольное правительство заставили политиков – эмигрантов, находящихся на территории Британии, активизировать свою деятельность по освобождению родины, руководствуясь планом операции «Буря», военные и политические цели которой излагались в «Правительственной инструкции для страны» от 27 октября 1943 года.

О том, как Красная Армия совместно с внутренними войсками НКВД обезоружила основные формирования «АК», подробно рассказано в книге Александра Колпакиди «Ликвидаторы КГБ»^[361].

В июле 1944 года командующий «АК» Тадеуш Комаровский (Бур) приказал своему заместителю генералу Леопольду Окулицкому создать и возглавить новую подпольную офицерскую разведывательную военно-политическую организацию «НЕ» («Нееподлеглость»). Официальное решение о ее создании польским правительством в изгнании было принято только 14 ноября 1944 года.

Основные задачи новой структуры:
создание террористических групп для убийства политических противников в стране и представителей командования Советской Армии;
проведение подготовительной работы к вооруженному выступлению против новой власти.

Официально она прекратила свое существование только в марте 1946 года, когда все активные члены «НЕ» были арестованы^[362]. Фактически это произошло на год раньше, когда была разгромлена ее сеть на территории Польши, Литвы, Западной Украины и Западной Беларуси.

Вернемся к истории противостояния «АК» и Красной Армии.

В августе 1944 года военные чекисты «изъяли 13 радиостанций польского лондонского подполья». Кроме этого, начальник ГУКР «Смерш» Виктор Абакумов и уполномоченный Ставки ВГК Красной Армии по иностранным военным формированиям на территории СССР Георгий Сергеевич Жуков предложили:

«Для обеспечения работы по выявлению и ликвидации на территории Польши радиостанции лондонского эмигрантского правительства и германских агентурных радиостанций считаем необходимым организовать фронтовой отдел радиоконтрразведывательной службы с центром в Люблине, а в последующем в Варшаве, которому также поручить контроль в эфире... и руководство забивкой на территории Польши антисоветского радиовещания»^[363].

Начиная с сентября 1944 года «аковцы» начали вооруженную борьбу. Так, в Владавском уезде они уничтожили шесть милиционеров, в Люблинском уезде погибло пять советских военнослужащих, в Замостьевском уезде:

«... убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной Армии, освобождено 12 арестованных, в т. ч. 6 активных «акоыцнв», а в Холмском и соседних уездах «совершено более 10 вооруженных нападений. Убито 13 человек из числа местных работников, в т. ч. убили 4 работников Отдела общественной безопасности, которые конвоировали арестованных и освободили 4 арестованных».

В августе – начале ноября 1944 года «имели место 50 случаев террористических выступлений банд «АК» против военнослужащих» 1-го Белорусского фронта.

«Из 50 случаев 12 террористических выступлений были отражены военнослужащими без жертв, а остальные 38 сопровождалась жертвами со стороны бойцов и командиров Красной Армии.

Всего от террористических выступлений пострадали 56 военнослужащих, в том числе:

	Всего	Из них		
		Офицеров	Сержантов	Рядовых
Убито	29	9	8	12
Ранено	27	6	8	13

В числе пострадавших: убито 3 военных коменданта волостей, один комендант уведен в лес, о судьбе которого неизвестно, один комендант ранен.

Как наиболее характерные случаи террористических выступлений необходимо отметить следующие:

13 августа в м. Рыки Люблинского воеводства террористами убит капитан Красной Армии Парамонов.

21 октября войсками НКВД по охране тыла в селе Тужисто Луковского уезда задержаны террористы из группы «Орлик» Пьентек и Антоневиц, которые сознались в совершении убийства капитана Парамонова.

1 октября в 21.00 произведено вооруженное нападение группы «АК» – 30 чел. – на пост № 3 190-го дорожного комендантского участка, ранен начальник поста ст. сержант Зазябов.

5 октября группа диверсионно-террористического отряда «Загончик» в гмине Целеюв, идя на выполнение диверсионного задания, была остановлена патрулем ОКР

«Смерш» 69-й армии. Во время проверки документов террористы напали на патруль и убили ст. сержанта Сакура, тяжело ранили старшину Вакуленко.

11 октября в районе дер. Радилово Холмского уезда участниками «АК» были схвачены и уведены в лес военный комендант гмина Жмудзь лейтенант Ветошкин и находившийся вместе с ним сотрудник милиции.

15 октября в Люблине проходил артдивизион 892-го артиллерийского полка. Возле колонны проехала польская автомашина, из которой в колонну была брошена граната. Взрывом гранаты ранены замкомандира артдивизиона по политчасти капитан Григорьев и командир батареи Бабенко.

В тот же день в Люблине была обстреляна автомашина командира артдивизиона 892-го артиллерийского полка майора Сытника, ранен шофер.

18 октября в Люблине проходила колонна 323-го стрелкового полка. Колонну обогнала автомашина с флагом Войска Польского и умышленно врезалась в голову колонны, после чего скрылась. Ранение получили 6 военнослужащих.

19 октября участниками «АК» во время исполнения служебных обязанностей убиты военный комендант гмины Тарло мл. лейтенант Куракин и милиционер местной милиции Озан, трупы которых бандитами были зарыты в землю. При извлечении трупов установлено, что военный комендант Куракин, кроме пулевых ранений, имел два выбитых зуба, сломанную ногу и ранение головы от удара деревянным предметом, что свидетельствует о зверском издевательствах над ним.

22 октября участниками «АК», бывшими сотрудниками милиции гмины Вырожембы, было совершено нападение на военного коменданта указанной гмины, в результате которого тяжело ранен военный комендант гмины капитан Осипов и старшина – работник комендатуры.

25 октября на хут. Липняк была направлена оперативная группа УКР «Смерш» фронта. При приближении к хутору оперативная группа подверглась неожиданному обстрелу, в результате которого тяжело ранен один боец, два бойца разоружены и два сотрудника милиции уведены бандгруппой в неизвестном направлении.

25 октября дозор РПГ под командой ст. лейтенанта Воронкова, находясь на южной окраине хут. Романовек (Рудник) по изъятию оружия, был обстрелян группой аковцев, в результате чего ранено 4 пограничника, в том числе и Т. Воронков. Организовав преследование, дозор убил двух и задержал трех аковцев.

29 октября в селе Гуры участниками «АК» из бандгруппы, руководимой поручиком «Опель», совершено вооруженное нападение на служебный наряд 127-го погранполка, в результате которого был ранен сержант Урвайцев.

30 октября комендант Устимовской волости Владавского уезда с красноармейцем Паршиным и представителем Правительства УССР по переселению украинского населения выехал в деревню Красное и остановился у жителя этой деревни Пакуды для оформления документов по переселению. В 21.00 в деревню прибыло 7 подвод с аковцами, которые обстреляли и зажгли дом гр-на Пакуды, где погибли комендант Гуров, красноармеец Паршин, представитель по переселению Тарасов и семья Пакуды.

7 ноября в гор. Люблин была порвана связь между НП и огневыми позициями 3-го дивизиона 892-го артиллерийского полка. Для исправления линии была послана группа связистов, которую обстреляли неизвестные в 200 метрах от места обрыва. Ранен ст. сержант Зеленин.

8 ноября в гор. Парысув военным комендантом был задержан активный участник «АК», который

в сопровождении одного бойца направлялся в гор. Гарволин. В 13.00 при выходе из города Парысув двое вооруженных напали на конвоира, которого выстрелом из пистолета тяжело ранили в голову и, захватив задержанного участника АК, скрылись.

12 ноября во Владавском уезде в районе деревни Пшемярки вооруженная банда аковцев в количестве 15 человек напала на двух красноармейцев кондепо 7-го гв. кк – Шурха В. И. и Гореликова Т. Д. Оба красноармейца убиты, захвачена лошадь, два седла, вооружение и обмундирование красноармейцев.

13 ноября комендант Воля-Верещагинской волости Владавского уезда ст. лейтенант Демяненко с группой милиционеров выехал в село Залучье для изъятия приемника у поляка Грабовского. Выполнив задание и возвращаясь в волостной центр, Демяненко с группой милиционеров был обстрелян бандой «АК», в результате обстрела убит Демяненко и 4 милиционера, труп Демяненко изуродован до неузнаваемости.

13 ноября в дер. Понеснерки Воля-Верещагинской волости Владавского уезда найдены трупы военнослужащих кавполка Епифанова и Максимова, которые работали в этом селе по заготовке сена.

20 ноября на восточной окраине Борки бандгруппа неустановленной численности из ручных пулеметов и пистолетов обстреляла колонну автомашин одной из частей Красной Армии. Жертв не было. Задержано 6 бандитов»^[364].

Есть и другие данные. С 1 августа по 25 ноября 1944 года «в результате террористической деятельности аковцев и других банд, руководимых польскими реакционерами, войска Красной Армии понесли следующие потери...

	Офицеров	Сержантов и рядовых	Всего
Убито	31	153	184
Ранено	16	62	78

(...)

Итого - 264 человека (в т. ч. - 2 пропавших без вести)...

Кроме того, из состава частей Белорусского военного округа убито сержантов и рядовых - 63, ранено - 4, и 13 человек сержантского и рядового состава потеряла сводная дивизия НКВД (2 убито и 11 ранено)»[\[365\]](#).

Осенью 1944 года начался процесс проникновения аковцев в Отделы безопасности ПКНО (Польский Комитет Национального освобождения) - организация, созданная при активном участии Москвы. Так, в начале октября 1944 года местными чекистами был арестован начальник контрразведки Люблинского военного округа «АК» Александр Бенецкий. Два раза с ним беседовал начальник контрразведки Отдела безопасности ПКНО Р. Ромковский и в течение суток его допрашивал следователь. После этого его расстреляли, объяснив это странное решение офицерам «Смерша» тем, что арестованный «...никаких показаний не дал, ни в чем не признался...». В ходе проведенного расследования советские чекисты выяснили, что подследственного знали другие арестованные «аковцы». С ними можно было провести очную ставку и изобличить Александра Бенецкого. На основании этого советские военные контрразведчики предположили, что кто-то из сотрудников Отдела безопасности, боясь показаний казненного, инициировал его расстрел.[\[366\]](#)

Несмотря на предпринимаемые меры по «чистке» подразделений органов польской госбезопасности, полностью решить проблему «оборотней в погонах»

даже спустя десять месяцев не удалось. Например, за период с июня по август 1945 года было арестовано 333 чекиста. Из них 265 «за связь с антисоветским подпольем». К ним следует добавить 176 человек, которые ушли в банды. Арестованным инкриминировался широкий спектр деяний: начиная от создания ячеек «АК» по месту работы, информирования подполья о готовящихся активных мероприятиях и заканчивая грабежами и мародерством. А еще они активно занимались бизнесом: торговали служебной информацией (агентурные разработки), прекращали за определенную плату уголовные дела и освобождали арестованных. Это, не считая традиционной коммерческой деятельности – владение магазинчиками^[367]. «Оборотни в погонах», как называли бы этих людей сейчас.

Не лучше обстояли дела в Вооруженных силах Польши. В результате проверки подразделений польской армейской контрразведки советскими военными чекистами выяснилось, что они малочисленны (50 % к положенному штату), а имеющийся оперативный состав недостаточно квалифицирован. При этом рассчитывать на помощь «старших товарищей» из Москвы сложно. Так как вместо 4 оперативных работников на каждый полк приходится по одному, да и тот не владеет польским языком. Для решения этого вопроса из Москвы срочно командировали 100 офицеров «Смерша» и 15 сотрудников НКВД – НКГБ^[368].

В качестве помощи польским правоохранительным органам можно назвать специально сформированную Сводную стрелковую дивизию внутренних войск НКВД под командованием генерал-майора Бориса Серебрякова, главной задачей которой стала борьба с польским национальным подпольем^[369]. Другая эффективная мера – подключение к борьбе

с антисоветским вооруженным подпольем советской военной контрразведки.

«Смерш» начинает действовать

В середине октября 1944 года сотрудниками «Смерша» был арестован комендант группы «Звензек Харцерства Польского» («Союз польской молодежи» – ЗХП), которая специализировалась на подготовке кадров (разведчиков, диверсантов, связистов, мотоциклистов и других) для «АК». Она имела три секции:

Диверсионная.

Боевая школа.

Младшая группа (Завиша).

Выше уже упоминалось об использовании агентуры. Военные чекисты активно практиковали этот метод оперативно-розыскной работы. Например, с 16 по 21 октября 1944 года только в городе Люблин было проведено 27 вербовок. При этом в агентурной сети по этому населенному пункту уже числилось 114 человек. С ними было проведено 180 встреч и получено 112 донесений^[370].

Указанные выше факторы (активизация агентурной работы и проведение облав) позволили с 20 по 25 октября 1944 года разоблачить 840 «аковцев», а во время прочесывания лесов задержать 317 дезертиров и тех, кто уклонялся от призыва в армию. Сотрудники создаваемых местных правоохранительных органов арестовали 970 человек, большинство из которых обвинялось в принадлежности к «АК». Понятно, что это привело к увеличению числа вооруженных столкновений (пять) в результате чего 7 бандитов убито, а 78 захвачены в плен^[371].

В период с 5 по 11 ноября 1944 года сотрудниками «Смерш» и войск НКВД арестовано 2210 человек, при прочесывании лесов обнаружено и задержано 793

«аковца». Кроме того, в уездных отделах общественной безопасности и областных городах Польши содержатся арестованными 1732 человека, большинство из которых «аковцы». Таким образом, общее количество задержанных превысило 4200 человек.

«Во время обысков и при арестах, а также на основании полученных данных и при проведении операций войсками НКВД изъято оружия и боеприпасов:

минометов - 12;

пулеметов ручных и станковых - 110;

винтовок - 901;

автоматов - 202;

револьверов - 292;

ручных гранат - 2300;

стволов к пулеметам - 11;

мин - 1262;

патронов - более 270 000 штук;

дисков к ручным пулеметам - 69;

снарядов - 1637.

Также изъято: приемо-передающих радиостанций 9; радиоприемников 67...»

Тогда же реализована крупная войсковая операция в Белостокском уезде. В ней участвовали три полка внутренних войск НКВД (4500 человек), десять оперативных групп «Смерша» и НКГБ Белорусской ССР (200 человек). По состоянию на 8 ноября 1944 года ими было арестовано 1200 человек, а к 14 ноября 1944 года эта цифра достигла 2044 человек [\[372\]](#).

Если подвести итоги, то в период с 1944 по 1948 год органами госбезопасности Польши, совместно с коллегами из Москвы, ликвидировано 3500 вооруженных групп и убито около 8000 бандитов. Потери польских правоохранительных органов и армии - 12 000 человек. В это число не включено 10 000 гражданских лиц - членов ППР и тех, кто пал от рук

бандитов. Потери Красной Армии - около 1000 военнослужащих.

В повстанческом движении приняло участие свыше 100 тысяч человек. Ими было совершено 54 800 «антигосударственных актов». В их числе: 17 152 убийства, 1 030 налетов на железные дороги и мосты, 10 000 сожженных сельских усадеб и др. террористические и грабительские действия^[373].

Заключение

Военные чекисты во время Великой Отечественной войны смогли за короткое время нейтрализовать почти всю агентуру противника, воплотив в жизнь лозунг «Смерть шпионам!».

«Переиграть» отставных сотрудников Особых отделов НКВД - УКР «Смерш» НКО удалось только Джеймсу Бонду. Его реальным коллегам из германской разведки пришлось в конце войны сдаться на милость победителя и отправиться в сибирские лагеря или перебраться на Запад, сохранив на всю оставшуюся жизнь страх и уважение перед советскими военными контрразведчиками.

Биографии военных контрразведчиков - Героев Советского Союза

ЖИДКОВ Петр Анфимович – оперуполномоченный отделения контрразведки «Смерш» мотострелкового батальона 72-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, старший лейтенант.

Родился в 1904 году в городе Иваново-Вознесенск (с 1932 года – Иваново).

Окончил профтехшколу, Коммунистический институт журналистики в Ленинграде. Работал редактором многотиражной газеты «Массовик» на текстильной фабрике имени Жидилева в Иваново.

С июня 1941 года в Красной Армии.

С июня 1942 года на фронте в органах военной контрразведки – оперуполномоченный отделения контрразведки мотострелкового батальона 72-й механизированной бригады 9-й механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

6 ноября 1943 года в бою в районе села Хотов (Киево-Святошинский район Киевской области) противник попытался отсечь наступающую вслед за танками пехоту. Среди солдат началась паника, бойцы залегли, и тогда старший лейтенант Жидков проявил мужество и героизм, личным примером поднял солдат в контратаку. В рукопашном бою уничтожил нескольких гитлеровцев, но и сам погиб от осколка гранаты. Его действия обеспечили прикрытия фланга батальона.

10 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Он стал первым фронтовым контрразведчиком, удостоенным этого высокого звания за годы Великой Отечественной войны [\[374\]](#).

КРАВЦОВ Григорий Михайлович – оперуполномоченный органов военной контрразведки 69-й армии 1-го Белорусского фронта, лейтенант.

Родился в 1922 году.

В феврале 1939 года окончил курсы ветеринарных фельдшеров и семилетку.

В феврале 1941 года призван в Красную Армию и направлен в Омскую летную школу, где обучался в течение года. Затем учеба в военно-политической школе.

С июня 1943 года проходил службу в отделе контрразведки «Смерш» Приволжского военного округа.

С августа 1944 года – оперуполномоченный ОКР «Смерш» 69-й армии 1-го Белорусского фронта.

14 января 1945 года при прорыве обороны на западном берегу реки Висла (в районе польского города Пулавы), когда погиб командир подразделения, принял командование на себя. Погиб в этом бою.

6 апреля 1945 года удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно) [\[375\]](#).

КРЫГИН Михаил Петрович – оперуполномоченный Отдела контрразведки «Смерш» Островного сектора береговой обороны (Морской оборонительный район, Тихоокеанский флот), старший лейтенант.

Родился 18 июля 1918 года в селе Кабановка (ныне Кинель Черкасского района) Куйбышевской (ныне Самарской) области.

С 1925 по 1934 год учился в школе.

Работал наборщиком в разных типографиях Куйбышевской области.

В 1939 году был призван в Красную Армию и направлен для прохождения службы на Тихоокеанский флот. Во Владивостоке краснофлотец Крыгин окончил курсы младших командиров и служил в 39-м отдельном батальоне морской противовоздушной обороны. Вскоре он окончил военно-политические курсы и был назначен на должность помощника политрука.

В июне 1941 года служил на батарее 68-го зенитного артиллерийского дивизиона учанского базового района ПВО флота. Несколько раз краснофлотец Крыгин писал рапорты с просьбой отправить его с маршевыми батальонами на фронт, но всякий раз получал отказ.

В апреле 1943 года он написал рапорт о зачислении в органы Особого отдела НКВД. Через некоторое время, после окончания курсов, лейтенант Крыгин был назначен оперуполномоченным Отдела контрразведки «Смерш» Владимиро-Ольгинской военно-морской базы Тихоокеанского флота.

Затем он был переведен в Отдел контрразведки «Смерш» островного сектора береговой обороны Владивостокского морского оборонительного района Тихоокеанского флота, который располагался на острове Русском.

Участник войны с Японией 1945 года, участвовал в десанте морской пехоты в корейский порт Сейсин (Чхонджин, Северная Корея). Группе контрразведчиков, в которую входили лейтенант Крыгин и капитан Семин, было приказано захватить разведцентр противника, действовавший под прикрытием военно-морской миссии, базу резидента японской разведки агента 1-го ранга Д. Минодзумы.

В полдень 13 августа 1945 года восемь торпедных катеров с десантниками вошли в порт Сейсин. В тумане катер, на котором был Крыгин, выбросило волной на каменный мол. 15 моряков, высадившись на берег, оказались оторваны от основных сил десанта. Морские

пехотинцы стали с боем пробиваться к своим. Когда погиб командир отряда сержант Ушаков, Крыгин, как старший по званию, принял командование на себя. Он 12 раз поднимал десантников в атаку, и они медленно сближались с основным десантом, но пробиваться становилось все труднее, на исходе были боеприпасы. Уже ночью лейтенант Крыгин приказал оставшимся в живых отходить к гавани, а сам, собрав у павших товарищей оружие и оставшиеся боеприпасы, остался прикрывать отход. Он погиб, сраженный пулей.

14 сентября 1945 года за проявленные бесстрашие и героизм в борьбе с японскими захватчиками посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза ^[376].

ЧЕБОТАРЕВ Василий Михайлович – оперуполномоченный отдела контрразведки «Смерш» 19-й гвардейской танковой бригады 3-го гвардейского танкового корпуса 3-го Белорусского фронта, гвардии лейтенант.

Родился 25 июня 1918 года в крестьянской семье в селе Гавриловка, впоследствии – в составе Рузаевского района Кокчетавской области Казахской ССР.

Трудился трактористом в совхозе «Хлебороб» Кокчетавской области, затем забойщиком на руднике в Целиноградской области.

В 1938 году призван в Красную Армию. Служил в 12-й отдельной стрелковой бригаде. Окончил школу снайперов. Летом 1941 года должен был быть демобилизован из армии.

С августа 1941 года на фронте – снайпер-истребитель в 1080-м полку 310-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. На личном боевом счету снайпера – 60 уничтоженных врагов. Присвоено звание лейтенанта.

В январе 1943 года был ранен и направлен на излечение в тыл в госпиталь на Урал. После излечения

окончил окружные курсы политсостава РККА.

Летом 1943 года направлен на учебу в 1-ю школу ГУКР «Смерш» в Москве.

В декабре 1943 года, после окончания школы, направлен на фронт оперуполномоченным отдела контрразведки «Смерш» 19-й гвардейской танковой бригады 5-й гвардейской танковой армии.

В июне 1944 года развернулась гигантская по масштабам операция «Багратион» по освобождению Белоруссии от врага. Фронтовик-контрразведчик находился в гуще ожесточенных боев, продвигаясь с войсками на запад. Когда 3-й гвардейский танковый корпус 26 июня 1944 года вышел на Минское шоссе, он встретил яростное сопротивление противника, пытавшегося не допустить выхода войск 3-го Белорусского фронта к Борисову.

Командование поставило перед танкистами задачу – стремительным рейдом по тылам врага выйти к реке Бобр и захватить переправу, обеспечивая тем самым стремительное продвижение войск фронта к Борисову, с нанесением удара по немцам с тыла. Оперуполномоченный отдела контрразведки лейтенант Чеботарев также убыл в рейд с целью организации захвата «языка», лучше из числа офицеров, а также штабных документов для установления дальнейших действий немецких войск.

Танкистам удалось скрытно преодолеть боевые порядки врага и нанести по нему неожиданный удар с тыла. Противник сопротивлялся отчаянно, однако бойцам удалось закрепиться и захватить в плен оберлейтенанта, пропагандиста, которого Чеботарев планировал доставить в контрразведку живым. Однако прорвавшийся батальон попал в кольцо окружения. Бойцы вступили в неравный бой, отвлекая на себя силы противника. Лейтенант Чеботарев организовал оборону. Когда боеприпасы были на исходе, приказал бойцам

прорываться к основным силам и передать пленного командованию, сам остался прикрывать их отход. Вел бой до последнего патрона, а когда закончились боеприпасы - вступил в рукопашную схватку. Получив в том жестоком единоборстве пять ножевых ранений, он попал в плен и героически погиб 27 июня 1944 года в районе поселка Бобр Крупского района Минской области.

29 июня 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии лейтенанту Чеботареву Василию Михайловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [\[377\]](#).

Биографии руководителей советской военной контрразведки в годы войны

АБАКУМОВ Виктор Семенович (1908–1954). Министр государственной безопасности СССР (1946–1951). Генерал-полковник (1943).

Родился в Москве, сын рабочего фармацевтической фабрики и прачки.

Образование: в 1920 г. окончил 4 класса городского училища в Москве.

Работал: с 1920 г. рабочий на заводе, санитар в отряде ЧОН, поденщик, стрелок военизированной

промышленной охраны. В 1930-1932 гг. - на комсомольской работе в Москве.

В органах госбезопасности с января 1932 г.: практикант экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Московской области, затем уполномоченный экономического отдела, с 1933 г. - уполномоченный экономического управления ОГПУ, с июня 1934 г. - уполномоченный экономического отдела ГУГБ НКВД СССР.

В 1934-1937 гг. оперативный уполномоченный 3-го отделения отдела охраны ГУЛАГ, в 1937-1938 гг. оперуполномоченный 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, зам. начальника отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД, начальник отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

В декабре 1938 г. занял должность начальника Управления НКВД по Ростовской области. В феврале 1941 г. был назначен зам. наркома внутренних дел, в июне - начальником Управления особых отделов НКВД СССР. С апреля 1943-го по март 1946 г. возглавлял Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР, являясь в апреле - мае 1943 г. зам. наркома обороны, т. е. Сталина.

По отзывам сотрудников «Смерш», был знающим, энергичным начальником, внимательным к подчиненным. Под его руководством органы «Смерш» фронтов из сугубо контрразведывательных органов превратились в мощную разведывательно-контрразведывательную службу, занимающуюся не только розыском вражеской агентуры, но и агентурной разведкой во фронтовом тылу противника.

К концу Великой Отечественной войны был награжден орденами Красного Знамени, Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Красной Звезды, медалями за оборону Москвы, Сталинграда, Кавказа.

С сентября 1945 г. входил в состав комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале. В начале 1946 г. им было проведено т. н. «дело авиаторов». Были арестованы Главный

маршал авиации А.А. Новиков, нарком авиапромышленности СССР А.И. Шахурин и другие по обвинению в «злоупотреблении и превышении власти при особо отягчающих обстоятельствах», «выпуске нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции» во время войны.

В мае 1946 г. Абакумов был назначен министром госбезопасности СССР. Назначение было произведено в пику Берии, которого Сталин начал подозревать в нелояльности. Став министром, Абакумов дал понять Берии, что будет выполнять только указания Сталина, начал заменять ставленников Берии в МГБ выходцами из ГУКР «Смерш». По прямому указанию Сталина инициировал т. н. «мингрельское дело», непосредственно затрагивающее Берию.

В мае 1951 г. старший следователь по особо важным делам МГБ подполковник М. Рюмин написал на имя Сталина письмо, в котором обвинял Абакумова в покровительстве еврейских буржуазных националистов, «готовящих террористические акты» против членов Политбюро и лично Сталина. Рюмин также обвинял Абакумова в бытовом разложении – присвоении трофейного имущества и квартирных махинациях.

4 июля Абакумов был снят с должности, 12 июля арестован. Был заключен в тюрьму «Матросская Тишина» МВД СССР, затем переведен в Лефортово и осенью 1952 г. в Бутырскую тюрьму. На допросах категорически отрицал обвинения. Но факты о бытовом разложении подтвердились. При обыске на квартире и госдаче были обнаружены значительные материальные ценности – ткани, столовое серебро, много мужских и женских наручных часов и др. Нашло подтверждение и обвинение в квартирных махинациях. Но главное – он обвинялся в сокрытии террористических замыслов в деле молодежной организации «Союз борьбы

за дело революции», по которому были арестованы студенты МОПИ.

13 февраля 1952 г. дело Абакумова было передано из прокуратуры в МГБ. 15 сентября 1954 г. Президиум ЦК КПСС по предложению Н.С. Хрущева принял решение о проведении суда в Ленинграде в присутствии партактива. 14 декабря 1954 г. в Доме офицеров открылся процесс над Абакумовым и его подчиненными И. Черновым, Я. Броверманом, А. Леоновым, В. Комаровым и М. Лихачевым. Абакумов категорически отверг предъявленные обвинения, утверждая, что дело против него сфабриковано и он находится в тюрьме по ложному доносу в результате происков Берии. Суд не принял во внимание эти заявления. 19 декабря Абакумов был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Награды: 2 ордена Суворова 1-й (31.07.1944) и 2-й степени (8.3.1944); Кутузова 1-й степени (21.4.1945), Красного Знамени (26.04.1940), Красной Звезды, 6 медалями, знаком Почетного работника ВЧК - ГПУ (9.05.1938).

АБРАМОВ Федор Алексеевич (1920–1983). Советский писатель-«деревенщик».

В период Великой Отечественной войны служил в военной контрразведке. Уроженец Архангельской области. Будучи студентом 3-го курса филологического факультета Ленинградского университета, пошел добровольцем на фронт. Зимой 1942 года после тяжелого ранения на Ленинградском фронте был эвакуирован в госпиталь города Сокол. Затем служил в запасном стрелковом полку в Архангельске, в Архангельском военно-пулеметном училище в звании старшего сержанта.

С апреля 1943 года служил в Отделе контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа в должности помощника уполномоченного резерва, с августа того же года – следователь, с 1944 года – старший следователь следственного отдела. Участвовал в ликвидации разведгрупп немецкой разведки, принимал участие в производстве следствия по восьми группам (руководил оперативной игрой «Подголосок» в Вологодской области). За участие в радиоиграх и успешную дезинформацию, направленную против немцев, лейтенант Абрамов был награжден именными часами. В октябре 1945 года демобилизован из органов «Смерша».

Автор получившей широкую известность трилогии «Пряслины». Лауреат Государственной премии СССР. Умер в Ленинграде.

АВСЕЕВИЧ Александр Александрович (1899—?). Генерал-лейтенант авиации.

Родился 23.10.1899 г. в деревне Казинщина Лепельского района БССР в семье крестьянина. Белорус.

Образование: народная школа в деревне Гущино-Прудок Лепельского уезда (1912). Частные Покровские курсы (сдал экз. за высшее нач. учил. в 1916 г.). Высшая пограншкола ОГПУ(1928). Динамовская школа пилотов (1932).

Работал: батрачил в Лепельск. уезде; затем в Петрограде: ученик браковщика в картогр. завед. Ильина, разносчик на Глав. телегр., чернорабочий на заводе, конторщик в Гвард. эконом. обществе (1915-1918). В хозяйстве отца (1918-1919).

В армии: красноармеец в запас. бат. (Витебск 1918), нач. ротной разведки 2-го сов. литовск. стр. полка Зап. фронт (1918-1919), писарь 13 зап. Стр. полка(1920), делопроизводитель волвоенкомата в с. Волосовичи Лепельск. уез.(1920-1921).

В органах госбезопасности с 09.1921 г.: политбюро ВЧК уездного уполн. ГПУ в г. Лепель до 02.1923; погран. отделение № 2 в м. Ушачи Полоцк. окр. (02.—10.1923); уездн. уполн. ОГПУ в г. Демидов Смол. губ.(10.1923—11.1925); губ. отдел ОГПУ в г. Смоленск (11.1925—10.1926); ОО ОГПУ 11-го стр. кор. (г. Смоленск 10.1926—11.1927); ОО ОГПУ 6-й кав. див. (г. Гомель 04.1928—10.1930); в ОО полпредств по обслуж. авиац. в Минске (10.1930—06.1936), Москве (12.1936—03.1941); нач. отдела 3-го Управл. НКО (03.1941—07.1941), нач. отдела НКВД СССР (07.1941—04.1943); помощник начальника Главного управления контрразведки НКО «Смерш» (04.1943—06.1943); С 07.1943-го по 01.1953 года - заместитель начальника Главного управления Гражд. возд. флота; В 07.1953 года уволен в запас по болезни. В 10.1953-1954 гг. зам. нач. упр., и.о. нач. Упр. Мин. автом. трансп. и шоссейн. дорог.

Награды: 2 ордена Ленина, 2 ордена Красного Знамени, Отеч. Войны 1-й ст., Знак Почета; медалями: «20 лет РККА», «За оборону Сталинграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «В память 800-летия Москвы», «30 лет Сов. армии и флота».

АКСЁНОВ Тимофей Максимович (1918 —? Ленинград). Генерал-майор (1973).

Родился 12.12.1918 г. в с. Самарино Тамбовской губ. Русский. Окончил: Ленинградское военное инженерное уч-ще им. А. А. Жданова (1939), ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (1960). На военной службе с 1936.

В органах госбезопасности с 1939 г.: оперуполномоченный ОО НКВД по отдельному инженерному батальону в БВО, затем был оперуполномоченным ОО НКВД 10-й армии БВО. С 22.6.1941 оперуполномоченный ОО НКВД Зап. фронта. Воевал в составе особых отд. Брянского и Центр.

фронтов (1942–1943), отд. управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта (1943–1945). При подписании акта безоговорочной капитуляции Германии находился в группе по обеспечению безопасности генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, адмирала флота Х. Фридебурга и генерал-полковника авиации Г. Штаумпфа. После войны служил в УКР МГБ по ГСВГ (1945–1951), в 1951–1960 в ОО МГБ – КГБ по Ленинградскому окр. Затем занимал руководящие посты в управлении погранвойск Ленинградского ВО (1960–1963), возглавлял ОО КГБ по Сев. – Зап. ПО (1963–1973). Нач. ОО КГБ по ЗабВО (1973–1983).

Награжден: орденами Красного Знамени, Красной Звезды (четырежды), Отеч. войны 2-й ст., «За службу Родине в Вооруж. силах СССР» 3-й ст., медалями. «Почетный сотрудник госбезопасности» (1967).

АРТАМОНОВ Михаил Петрович (1918 г.р.). Майор (26.09.47).

Родился в 1918-м в селе Агорсково Костровского сельсовета Рыльского района Курской обл... Из крестьян.

Окончил Рыльский сельскохозяйственный техникум.

Работал агрономом отделения Бийского свеклосовхоза Зонального района Алтайского края в 05.1939—12.1939.

Курсант Златоустовского пехотного училища в Свердловской обл. в 12.1939—05.1941. Оперуполномоченный ОО 254-го авиаполка 05.1941—07.1942; оперуполномоченный 3-го отделения ОО 62-й армии Юго-Западного фронта 07.1942—05.1943; ст. оперуполномоченный 3-го отделения ОКР «Смерш» 8-й гв. армии Юго-Западного фронта 05.1943—03.1944; ст. оперуполномоченный 3-го отдела УКР 3-го Украинского фронта Южной группы войск 03.1944—08.1947; зам. нач. отделения 2-го отдела УКР Южной группы войск 08.1947—01.1948; слушатель Горьковской

школы МГБ СССР 01.1948—02.1949; зам. нач. 2-го отделения 1-го отдела УКР ГСОВ в Германии 17.03.1949-17.07.1950; откомандирован в распоряжение УКР МГБ Киевского ВО 17.07.1950.

Награды: медаль «За отвагу» (1942); 2 ордена Красной звезды (1943 и 1944); орден Отечественной войны 2-й степени (1944); медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

АТРОХОВ Леонтий Григорьевич. Капитан (11.05.1943).

Родился в 1915 г. в деревне Бобыри Талашкинского сельсовета Смоленского района Смоленской обл. Из крестьян.

Окончил курсы кооперативного техникума в 1935 году.

Рабочий-табельщик на Смоленском льнокомбинате 1933-1934; зав. складом Смоленской областной культбазы ОПС 1934-1937; инспектор-товаровед Смоленской областной базы культтоваров ОПС 1938-1940; курсант 2-го Свердловского пехотного училища 1940-1941.

В вооруженных силах: писарь-кладовщик в Белорусском ВО 1937-1938.

В органах госбезопасности: уполномоченный 5-го отделения ОО НКВД Уральского ВО 10.06.1941-1942; ст. оперуполномоченный ОО НКВД 271-го полка 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД Сталинградского ВО 1942—14.12.1942; ст. оперуполномоченный ОО НКВД Сталинградской ордена Ленина стрелковой дивизии войск НКВД Уральского ВО 14-12.1942—10.02.1943; ст. оперуполномоченный ОО НКВД 181-й ордена Ленина

стрелковой дивизии Центрального фронта 06.04.1943—22.10.1943; ст. оперуполномоченный ОКР «Смерш» 181-й ордена Ленина стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта 1944—20.08.1945.

Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медали: «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией», «30 лет Советской армии и флота», «За боевые заслуги».

БАБИЧ Исай Яковлевич (1902—9.12.1948). Генерал-лейтенант (1943).

Родился в г. Берислав Херсонской губ. в семье сапожника-кустаря.

Окончил 2-классную церковно-приходскую школу.

Работал учеником наборщика и наборщиком в типографиях.

В органах госбезопасности с 1920 г. - работал в Николаевской губ. ЧК - губ. отделе ГПУ, ГПУ Молдавской АССР, начальник 25-го погранотряда ОГПУ, начальник секретно-политического отдела в региональных управлениях ОГПУ - НКВД в Харькове, Виннице, Одессе, Киеве, зам. нач. УНКВД Одесской и Киевской областей, и.о. нач. УНКВД Киевской обл. (январь - февраль 1938 г.). В марте 1938 г. вместе

с бывшим начальником Киевского УНКВД Н.Н. Федоровым перешел на работу в Особый отдел ГУГБ НКВД и до конца жизни работал в руководящих органах военной контрразведки НКВД СССР – нач. 2-го и 3-го отделов 2-го управления НКВД СССР, с января 1939 г. – начальник 4-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с сентября 1940 г. – начальник Особого отдела НКВД Прибалтийского военного округа, в 1941 г. – начальник 3-го отдела Прибалтийского военного округа, с июля 1941 г. – заместитель начальника, а с мая 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта. С мая 1943 г. – заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. В мае – сентябре 1945 г. находился со специальным заданием на Дальнем Востоке по координации работы органов «Смерш» Забайкальского и Дальневосточного фронтов. С мая 1946 г. – заместитель начальника 3-го Главного управления (военной контрразведки) МГБ СССР. С августа 1947 г. – по совместительству начальник Высшей школы МГБ СССР. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Награжден орденом Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени (25.3.1945), Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

БАЖЕНОВ Валерий Иванович (1906–1983).

Родился 15.02.1906 г. в селе Некрасовское Ярославской обл. в семье рабочего-столяра. С 1931 по 1932 год – учился в Центральной школе ОГПУ.

Окончил одногодичную центральную школу ОГПУ в г. Москве в 1932 г., 10 кл. областной заочной средней школы в г. Могилеве в 1955 г. Слушатель высшей школы НКВД в Москве (01.—04.1942)

Работал: чернорабочий, кочегар-смазчик машин завода «Красный профинтерн» (1922–1927), зав. секретной частью укома ВЛКСМ.

В армии: красноармеец 2-го стр. полка отдельной дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ.

В органах госбезопасности: с 03.1931 г.

С 1932 по 1936 год – ст. оперуполномоченный в Черемховском горотделе Восточно-Сибирского Управления НКВД; с 1936 по 1941 год – начальник Красночикийского райотдела НКВД. С 1942-го по 1943 год – преподаватель Высшей школы НКВД. В 1943 году – врио нач. спеццикла 1-й Московской школы ГУКР НКО «Смерш». В 1944 году – зам. нач. 2-го отдела УМГБ Пинской обл. В 1944 году – нач. отделения отдела кадров НКГБ БССР. С 1944 по 1950 год – ст. преподаватель школы НКГБ БССР в г. Могилев.

С 1950 по 1953 год - секретарь парткома в/ч 353 МГБ СССР в г. Могилев. С 1953 по 1954 год - ст. преподаватель в/ч 353 МГБ СССР там же. С 1954 по 1961 год - преподаватель и врио нач. спецшколы в/ч 509 МВД СССР там же. С 1961 года - на пенсии и на работе в библиотечном техникуме. В 1975-1980 гг. сотрудник Могилевского УКГБ БССР. С 1980 г. - пенсионер. Умер в декабре 1983 г. Награды: орден Ленина, Красной Звезды, 5 медалей.

БАЗАНОВ Максим Алексеевич (1911—?). Полковник (1944).

До 1939 г. служил в РККА, командир танкового батальона. С 1939 г. в ОО Киевского особого ВО. В 1941-1944 гг. в ОО - ОКР «Смерш» Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Центрального фронтов. В 1944-1947 гг. - начальник ОКР 4-й гвардейской армии. В 1947-1949 гг. - министр госбезопасности Бурят-Монгольской АССР. В 1949-1950 гг. - начальник УКР МГБ Одесского ВО. С 1950-го - зам. начальника 1-го управления 3-го ГУ МГБ. С октября 1951-го - начальник УКР МГБ// ОО КГБ Северной группы войск. С февраля 1956 г. - в запасе.

БАРЫШНИКОВ Владимир Яковлевич (1900—12.11.1971). Генерал-майор.

В 1927 году по партийному набору направлен на работу в ОГПУ. Работал в валютной группе Экономического отдела ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе (помощник уполномоченного). Более 20 лет работал в центральном аппарате контрразведки и разведки НКВД - КГБ. В 1943-1944 гг. - начальник отделения радиоигр 3-го отдела ГУКР «Смерш», с 1944 г. - начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш». После войны работал в разведке - начальник 3-го (нелегальная разведка) отдела представительства МГБ - КГБ в ГДР (1953-1958), зам. начальника управления «С» ПГУ КГБ при СМ СССР. Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалями.

БЕГМА Павел Георгиевич. Майор ГБ.

Родился 8.12.1902 г. в г. Кременчуге Полтавской губернии. Украинец. Из рабочих.

Образование: 1933-1939 гг. - слушатель Артиллерийской академии имени Дзержинского.

Служба в РККА: 1.05.1920-1933 - красноармеец, писарь, командир кавалерийского взвода, начальник связи артполка.

В органах НКВД: 4.02.1939—10.1939 - начальник ОО ГУГБ НКВД по Белорусскому особому военному округу (БОВО); 10.1939—11.1939 - начальник ГУГБ НКВД Белорусского фронта; 11.1939—02.1941 - начальник ОО ГУГБ по Западному особому военному округу; 02.1941—22.06.1941 - начальник 3-го отделения штаба Западного Особого ВО; 22.06.1941—07.1941 - начальник 3-го отдела штаба Западного фронта; 07.1941 - начальник ОО НКВД Брянского фрона, 18.11.1942 - уволен из НКВД и откомандирован в распоряжение начальника

артиллерии САВО. По другим данным, с началом войны он снят с зам. должности и назначен командиром артполка 68-й стрелковой дивизии Закавказского фронта.

БЕЛКИН Михаил Ильич (08.1901—11.1980). Генерал-лейтенант (1944).

Родился в г. Рославле Смоленской губернии в семье торговца.

С 1916 г. работал учеником токаря на вагоностроительном заводе в Брянске. Активный участник Октябрьской революции 1917 г. в Брянске.

В 1918 г. был партизаном на Кубани в отрядах Юдина и Медведева, служил в Красной Армии, начальник конной разведки полка на Южном фронте.

Военный контрразведчик с 02. 1918 г. – сотрудник Военного контроля, затем Особого отдела 16-й армии

Южного фронта. С 10.1919 – уполномоченный ОО ВЧК 53 погран. дивизии Западного фронта. С 12.1919 сотрудник военно-контрольного пункта – ОО ВЧК 14-й армии.

В 05–09.1920 г. – уполном. Рославльского уголовного розыска.

В 12.1920—08.1921 следователь 4-го военно-контрольного пункта ОО Юго-Западного фронта г. Белгорода. В 08.—12.1921 оперативный комиссар ОО ОГПУ 3-го конного корпуса в г. Мелитополе. В 12.1921—02.1922 следователь ОО ОГПУ Харьковского ВО г. Екатеринославль. В 02–08.1922 пом. коменданта ОО ОГПУ Зап. фронта в г. Смоленске. В 08.1922—01.1923 оперкомиссар ОО ОГПУ 1-го Томского конного корпуса г. Мозырь, В 05.—12.1923 нач. опергруппы по борьбе с бандитизмом ОО полпредства ОГПУ г. Смоленск. Крупки, Толочено. В 12.1923—06.1924 нач. опергруппы по борьбе с бандитизмом ОО Ферганской обл. в гг. Коканд, Андижан, Ош. В 06.—09.1924 нач. опергруппы по борьбе с бандитизмом ОО полпредства ОГПУ в гг. Сенно, Бобруйск Белор. ССР.

В 09.—12.1924 курсант школы погранинструкторов при Высш. пограншколе ОГПУ Москва, Кусково. В 12.1924—11.1925 инспектор СОЧ Погранохраны ОГПУ г. Ереван. В 01.1926—12.1927 нач. ОО ОГПУ 2-го стр. корп. МВО. В 12.1927—01.1929 пом. нач. отделения ОО ОГПУ МВО.

В 01.1929—01.1930 г. помощник начальника отделения ОО Подмосковного окружного отдела ОГПУ. В 01.—06.1930 нач. особой группы КРО полпредства ОГПУ г. Москва. В 07.—08.1930 г. – старший оперуполномоченный ОО ОГПУ г. Москва.

С 08.1930 г. в органах внешней разведки. В 08.1930—12.1931 гг. руководитель оперативной работы резидентур ОГПУ в Харбине, Северный Китай одновременно член подпольного Северо-Маньчжурского бюро крайкома и секретарь Пристаньского райкома ВКП(б). В 01.1932—01.1933 г. в Тегеране, Иран.

По возвращении в 1933–1934 гг. зам. начальника политотдела Красноармейской МТС Северо-Кавказского края.

С 1934 г. – оперуполномоченный 5-го отделения, с 1935-го – помощник начальника 10-го отделения Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР.

В 11.1935—10.1936 гг. вновь руководитель оперативной работы резидентуры НКВД в г. Кизил, Тува. В 11.1936—08.1938 рук. Чекист. Участвовал в войсковой операции в

г. Кажгар и г. Аксу, провинция Синьцзян, Китай. С 09.1938 г. – начальник 1-го отделения 2-го отдела Главного экономического управления НКВД СССР. С 08.1939 г. – слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе. После начала Великой Отечественной войны – начальник особого отдела 35-го стр. корп. Южного фронта (06.—08.1941), 34-й армии Северо-Западного фронта, замначальника ОО Крымского фронта (08.1941—05.1942), а затем – зам. нач. ОО Северо-Кавказского фронта (05.—09.1942). С 1942 г. нач. ОО НКВД Северной группы войск Закавказского фронта в г. Грозный (10.1942—02.1943). В 02.1943—04.1944 начальник УКР «Смерша» Северо-Кавказского фронта, в 04.—10.1944 – Отдельной Приморской армии Северо-Кавказского фронта, в 10.1944—06.1945 – 3-го Прибалтийского фронта (до ликвидации фронта в декабре 1944-го). В 07.1945—06.1946 – начальник опергруппы ГУКР «Смерша» Инспекции Союзной контрольной комиссии в г. Будапешт, Венгрия. С июня

1946 г. – зам. начальника ПГУ МГБ СССР представительства по Балканам в г. Будапешт.

С июня 1947 г. – в Бадене, начальник Управления контрразведки МГБ Центральной группы советских войск и главный советник МГБ СССР в странах Восточной Европы. Курировал разработку западных спецслужб и сионистского проникновения в страны Восточной

Европы, проведение спецопераций, в т. ч. устранение Яна Масарика в Праге и подготовку судебного процесса по делу Ласло Райка в Будапеште (1949 г.). С 03. 1950 г. по 30.07.1951 - зам. начальника 1-го Главного управления (внешняя контрразведка) МГБ СССР. В 1951 г. - уволен из органов госбезопасности и арестован по «делу Абакумова» (28.10.1951—06.1953). В 1953 г. был освобожден по постановлению Следчасти по ОВД МВД СССР от 4.06.

1953 г., но в октябре того же года уволен из органов МВД «по фактам дискредитации», в ноябре 1954 г. лишен звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». Пенсионер (06.1953—11.1955). Работал в 11.1960—11.1980 гг. слесарем-мотористом, контролером, старшим инженером, слесарем-испытателем и начальником испытательного цеха на Автозаводе им. Лихачева (ЗИЛ).

Награжден: 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями, знаком «Почетный работник ВЧК - ГПУ», государственными наградами ВНР.

БЕЛОУСОВ Михаил Артемьевич (1907—?). Генерал-майор (1958).

Служил в РККА, окончил Военно-политическую академию им. Ленина. С 1941 г. в военной контрразведке, служил в ОО Юго-Западного, Сталинградского, Донского и Южного фронтов, с июля 1943 - начальник ОКР «Смерш» 5 гв. мехкорпуса (Степной фронт), с февраля 1944-го начальник 3-го отдела УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта. С 1946 г. на руководящей работе в ОКР военно-морских баз, с 1948 - в УКР ПриБВО, с 1948 г. в УКР МГБ - ОО КГБ Приморского, Дальневосточного, Прикарпатского ВО.

В 1956–1958 гг. – начальник ОО Киевского ВО. В июле 1958-го – июне 1962 начальник Управления особых отделов Группы советских войск в Германии. С июля 1962 г. – вновь начальник ОО КВО. С 1966 г. – в отставке.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Иван Митрофанович (1907–1941). Майор ГБ (28.07.1941)

В 1939–1941 гг. нач. УНКВД Волынской области. В 04.—07.1941 г. нач. УНКВД Волынской обл., затем нач. ОО НКВД 5-й армии Юго-Западного фронта, погиб на фронте.

БЕЛЬЧЕНКО Сергей Саввич. (1903—9.01.2002). Генерал-полковник (18.02.1958).

Член ВКП(б) с 1925 г. В 1950–1954 гг. являлся депутатом Верховного Совета СССР; Верховного Совета РСФСР, БССР.

Родился 4 октября 1903 г. в Екатеринославской губернии (в настоящее время Днепропетровская область Украины). Украинец.

Образование: в 1927 г. окончил Киевскую военно-политическую школу, в 1939 г. окончил Высшую пограничную школу ОГПУ.

В 1927 г. после окончания КВПШ был командирован на политработу в Среднеазиатский пограничный округ.

В Средней Азии С.С. Бельченко начал служить политруком, затем командиром кавалерийского взвода маневренной группы 47-го погранотряда (г. Керки, Туркмения), а затем – в 48-м погранотряде в г. Сарай-Камар (Таджикистан). С 1929-го – инструктор Отдельной Сурханд-Дарьинской погранкомендатуры в Термезе (Узбекистан). В 1930 г. на Памире – помощником коменданта отдельной погранкомендатуры в г. Калай-и-Хумб. Через год он стал комендантом указанной комендатуры.

Принимал непосредственное участие в боевых действиях против басмаческих формирований Ибрагим-бека, Утан-бека, Мулло Шерифа, Фузаиль Максума и Глом Хасан-хана.

В 1932 г. С.С. Бельченко стал слушателем командно-политического курса Высшей пограничной школы ОГПУ в Москве, с 1933 г. назначается начальником клуба и преподавателем ВПШ ОГПУ/ НКВД. Читал курс лекций по истории Гражданской войны. С 17 июня 1937 г. С.С. Бельченко назначают инспектором политотдела Главного управления пограничных войск НКВД СССР, с 26 апреля 1939 г. – заместителем начальника Отдела культпросветработы политуправления ГУПВ НКВД СССР, а затем заместителем начальника Управления погранвойск НКВД БССР. В связи с присоединением к СССР западных областей Украины и Белоруссии 2 ноября 1939 г. назначается заместителем начальника Управления НКВД по Белостокской области. Летом 1940 г. – начальником указанного управления. Однако вскоре был понижен в должности до заместителя начальника УНКВД Белостокской области.

В годы Великой Отечественной войны возглавлял Особый отдел НКВД штаба Западного фронта, был заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК. С частичным освобождением территории Белоруссии в 1943 г. назначен наркомом, затем министром (1946 г.) внутренних дел БССР. В 1953–1956 гг. – начальник войск Северо-Западного пограничного округа, начальник УКГБ по г. Ленинграду и Ленинградской области, затем до 1959 г. – заместитель председателя КГБ СССР. С 1959 года на пенсии. Проживает в Москве.

Награжден: четырьмя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Дружбы народов,

орденом Жукова и многими медалями. Почетный сотрудник госбезопасности.

БЕЛЯНОВ Александр Михайлович (1903–1994). Комиссар ГБ 3-го ранга (19.07.1941). Генерал-майор (1943).

В 1939 г. – начальник Особого отдела НКВД Академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского, в 1939–1941 гг. – заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1941 г. – начальник 3-го отдела НКВД СССР, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта резервных армий. В 1941–1942 гг. – начальник 6-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, в 02.—05.1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Крымского фронта, в том же году за поражение в Крыму разжалован в звании до майора ГБ, в 07.1942–1943 гг. – заместитель начальника Особого отдела НКВД Воронежского фронта, в 1943 г. – заместитель начальника Управления контрразведки «Смерш» 1-го Украинского фронта. С июля 1944 г. – заместитель начальника 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. В июле 1945 г. – зачислен в резерв отдела кадров НКГБ СССР на должность заместителя начальника отдела. С апреля 1948 г. – начальник наградного отдела Министерства Вооруженных сил СССР.

БЛИНОВ Михаил Васильевич (1898–1946). Подполковник. Член РКП(б) с 1924 г.

Родился 13 сентября 1898 г. в д. Черносвитино Карачаевской волости Калужского уезда Калужской губернии в семье крестьянина.

Образование: окончил 3 класса городского училища.

Работал: в 1917 г. – чернорабочий пункта по заготовке капусты в Калуге, рядовой 286-го запасного пехотного полка, затем 4-го запасного пехотного полка. Окончил подготовительные курсы школы прапорщиков

при Виленском военном училище. В 1917-1918 гг. работал в хозяйстве отца.

В армии: 1918-1919 гг. - красноармеец, командир взвода 20-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии на Южном фронте. В 1919 г. находился в плену у деникинцев. Бежал. Заболел тифом. Находился на лечении в Курском военном госпитале.

В органах госбезопасности: с августа 1920 г. - комиссар для поручений при комендатуре, помощник коменданта Калужской губернской ЧК. В 1920-1925 гг. - помощник уполномоченного СО Калужской губернской ЧК - губернского отдела ГПУ, уполномоченный по Козельскому уезду, уездный уполномоченный по Сухиническому уезду Калужского губернского отдела ОГПУ. В 1926-1927 гг. - уездный уполномоченный Калужского губернского отдела ОГПУ по г. Козельску. В 1927-1929 гг. - уполномоченный Смоленского губернского отдела ОГПУ по г. Сухиничи. В 1929-1930 гг. - старший оперуполномоченный ИНФРСО ПП ОГПУ по Западной области в Смоленске. В 1930 г. - начальник ИНФРСО Ярцевского окружного отдела ОГПУ. В 1930-1932 гг. - районный оперуполномоченный ПП ОГПУ по Западной области по Дорогобужскому району. В 1932-1933 гг. - оперуполномоченный СПО ПП ОГПУ по Средней Азии. В 1934-1937 гг. - начальник 5-го отделения СПО УГБ НКВД Казахской ССР. В 1937-1939 гг. - начальник 3-го отделения 4-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР. С 22 февраля по 1 ноября 1939 г. - и. о. начальника УНКВД по Кустанайской области. В 1939 г. - заместитель начальника 3-го отдела УНКВД по Омской области. В 1941 г. - заместитель начальника КРО, начальник КРО УНКГБ по Омской области. С 1 ноября 1941 г. - начальник ОО НКВД Отдельной стрелковой бригады. В 1942-1943 гг. - начальник 6-го отделения ОО НКВД 3-й ударной армии. В 1943 г. - заместитель начальника ОКР «Смерш» 3-й резервной

армии. В 1943–1945 гг. – заместитель начальника ОКР «Смерш» 21-й армии. В январе 1945 г. откомандирован по собственному желанию в распоряжение ГУКР «Смерш» НКО СССР. В 1945–1946 гг. находился в специальной командировке в Германии. Приказом МВД СССР № 963 от 8 июля 1946 г. – исключен за смертью.

Награжден: орденом Красной Звезды (1943), медалью «За отвагу» (1942); ведомственными наградами ОГПУ – НКВД – нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)» № 2769 (09.05.1938), 3 грамотами от Коллегии ОГПУ, серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ (18.12.1927).

БОЛОТИН (Болотин-Балясный) Григорий Самойлович (1896—?). Генерал-майор (26.05.1943).

Участник войны в Испании (награжден орденом Красного Знамени в январе 1937 г.). В 1941–1943 гг. – начальник 4-го отдела УОО НКВД. С 1943 г. помощник начальника ГУКР «Смерш». В 1955 г. за участие в репрессиях исключен из КПСС и лишен генеральского звания.

Награды: орден Кутузова II степени (25.03.1945)

БОЧКОВ Виктор Михайлович (1900–1981). Генерал-лейтенант.

Родился в селе Казимировка Слобода Мстиславского уезда Смоленской губернии. С 1922 г. – в войсках ГПУ. В 1919–1922 гг. служил в эскадроне конных разведчиков Особой бригады. В 1922–1924 гг. был командиром отделения, затем – взвода кавалерийского дивизиона. В 1924–1932 гг. – занимал должности начальника заставы, маневренной группы 23-го и 24-го погранотрядов, начальника штаба 8-го кавалерийского полка. С 1932 по 1935 г. – командовал дивизионом 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ. В 1935–1938 гг. – учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе. После

окончания академии в 1938 г. работал начальником Главного тюремного управления и с ноября 1938 г. по август 1940 г. – начальник 4-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и в войне с Финляндией. В 1940–1944 гг. – занимал должность прокурора СССР, одновременно в июле – декабре 1941 г. – начальник ОО Северо-Западного фронта. В 1944–1951 гг. – возглавлял Управление конвойных войск НКВД СССР. В 1951–1960 гг. Бочков – зам. начальника ГУЛАГа МВД СССР.

Награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, 13 медалями.

БУЛАТОВ Иван Георгиевич (1901—?). Майор ГБ (20.12.1936).

Родился 27 октября 1901 г. в Саткинском заводе Златоустовского уезда Уфимской губернии в семье рабочего.

Образование: окончил начальную школу (1912) и 4 класса Высшего народного училища (05.1916).

Работал: с 16 мая 1916 г. – писец материального склада, младший помощник материального склада, а с осени 1916 г. – машинист, помощник заведующего отделением исходящих заказов завода АО «Магnezит». С 12 февраля 1919 г. – счетовод управления Бакальского казенного рудника.

В вооруженных силах: с октября 1917 г. – член Народного вооружения (Красной гвардии) Саткинского завода. С 22 февраля 1918 г. в составе красногвардейского отряда участвовал в боях против частей атамана Дутова, затем курсант, секретарь начальника Уфимской инструкторской пулеметной школы. Служил во 2-м Уфимском советском полку. С июня по 8 августа 1918 г. находился в плену. С конца

1918 г. находился в партизанском отряде. С 15 июля 1919 г. – телефонист роты связи 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С сентября 1919 г. – машинист, переписчик, чертежник, метеоролог-наблюдатель в штабе 3-й бригады.

20 августа 1942 г. досрочно освобожден из лагеря и отправлен на фронт. Воевал пулеметчиком, разведчиком 3-й пулеметной роты 3-го стрелкового батальона 173-го стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии.

С 17 июня 1920 г. – переведен делопроизводителем информационного отделения, затем уполномоченный особого отделения ОО ВЧК 5-й армии при 25-й стрелковой дивизии. С октября 1920 г. – помощник начальника информации ОО при Алтайской губернской ЧК, начальник информационного пункта. С 11 мая 1921 г. по 12 мая 1922 г. – начальник ОО ВЧК 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С июля 1921 г. одновременно член коллегии военного трибунала в Красноярске. С июня 1922 г. в распоряжении начальника ТОО 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа, назначен начальником особого пограничного отделения № 1 ОО того же округа. 28 сентября 1922 г. отозван в оперативный отдел СОЧ ОО ВЧК округа в Иркутск, назначен помощником начальника 1-го отделения оперативного отдела ОО. 20 октября 1922 г. выбыл из Иркутска в Читу, а оттуда во Владивосток. С 11 ноября 1922 г. – помощник начальника по обработке материалов, начальник по информации Приморского губернского отдела ГПО. С 18 декабря 1922 г. – начальник особого отделения Приморского губернского отдела ГПУ. 13 марта 1923 г. зачислен на действительную службу в пограничный отдел ГПУ с прикомандированием для работы в Приморский губернский отдел ГПУ. Отчислен от должности начальника особого отделения губернского

отдела. С 12 мая 1923 г. по 19 января 1924 г. – начальник ОО ГПУ 1-й Тихоокеанской (бывшей Забайкальской) стрелковой дивизии. С 23 января 1924 г. – начальник ОО 2-й Приамурской Краснознаменной отдельной стрелковой дивизии. С декабря 1926 г. – начальник Омского окружного отдела ОГПУ. С октября 1930 г. на руководящей работе в ПП ОГПУ ЗСК. На 8 апреля 1934 г. – начальник ОО ОГПУ Забайкальской группы войск ПП ОГПУ ЗСК. С 13 января 1936 г. – помощник начальника ОО УГБ УНКВД ДВК и ГУГБ НКВД ОКДВА. С 7 февраля 1937 г. – заместитель начальника ОО ГУГБ НКВД ОКДВА и 5-го отдела УГБ УНКВД ДВК. С декабря 1937 г. по июль 1938 г. – начальник 4-го отдела УГБ УНКВД ДВК. В июле 1938 г. откомандирован для оказания помощи в УНКВД Приморской области. В сентябре – октябре 1938 г. руководил оперативной бригадой по массовому «изъятию контрреволюционного элемента» в Ольгинском, Тернейском и Советском районах на севере Приморья.

До сентября 1945 года служил в «Смерш».

28 ноября 1938 г. арестован как агент иностранной разведки и участник право-троцкистской организации на ДВК в Хабаровске. 11 ноября 1938 г. арест санкционирован народным комиссаром внутренних дел СССР Л. П. Берия. Содержался во внутренней тюрьме УНКВД ДВК. В феврале 1940 г. этапирован во Владивосток. 18 ноября 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД СССР Хабаровского округа осужден за незаконные методы ведения следствия по ст. 193-17 «а» УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. 7 февраля 1941 г. определением ВК ВС СССР приговор оставлен в силе. Отбывал наказание в лагере. В 1943 г. по ходатайству командования дивизии судимость снята, восстановлен в правах.

Награды: знак «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)» № 989 (08.04.1934).

БЫСТРОВ Александр Семенович (1904–1964).
Генерал-лейтенант (1944).

Родился 1.04.1904 г. в деревне Лехны-Лесаны Пушкино-Горского района Псковской обл. в семье крестьянина.

Образование: 2-е классное министерское училище в 1917 г., курсы руковод. состава Высшей школы МГБ СССР в Москве в 1951 г.

Работал: землемер в хозяйстве отца, казначей, зам. пред. волисполкома, секретарь налоговой комиссии при уездн. финотделе в г. Опочка (1921–1927).

В вооруженных силах: красноармеец отд. роты связи 56-й дивизии г. Псков (1927–1930).

В органах государственной безопасности с 02.1930 г. Секретарь, пом. оперуполном., полк. уполн., ст. оперуполн. ОО 56-й дивизии в г. Псков (02.1930—08.1935), нач. ОО Мурманской горно-стрелковой дивизии ЛВО (09.1935—06.1939), зам. нач. ОО НКВД 56-го стр. кор. ЛВО (06.1939—11.1940), зам. нач. ОО НКВД 7-й армии ЛВО (11.1940–06.1941); зам. нач. ОО НКВД 7-й армии Карельский фронт (06.—10.1941). С 10. 1941-го –

начальник ОО 26, 50-й армий Западного фронта, с мая 1942-го – зам. начальника, с июня 1942-го – начальник ОО (с 1943-го – УКР «Смерш») Ленинградского фронта. В 1945–1949 гг. – начальник УКР МГБ ЛВО. В декабре 1949 г. – в связи с «ленинградским делом» снят с должности. В распор. УК МГБ СССР. С 11.1951 по 06.1953-го – зам. начальника УКР МГБ Прикарпатского ВО. С 1953-го – начальник 3-го отдела Управления Минерального лагеря пос. Инта Коми АССР. В 02.1954 году уволен из органов. Постановлением СМ СССР 3 января 1955 г. за нарушения законности лишен генеральского звания.

Награды: орден Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Кутузова II степени (5.10.1944), медали.

ВАДИС Александр Анатольевич (1906–1968).
Генерал-лейтенант (1944).

Родился в местечке Треполье Обуховского района Киевской губернии.

В 1917-м окончил 4-й класс гимназии в г. Артемовске. В 1918 г. беспризорничал в Киеве. Служил в рядах Красной Армии рядовым 2-го отдельного батальона (1920–1922). Батрачил, был членом коммуны «Пахарь»

(1922–1925). С 1926 г. находился на комсомольской работе: зав. районным детским бюро райкома ЛКСМ Украины, секретарем райкома ЛКСМ Украины.

С 1930 г. – на работе в органах госбезопасности: оперуполномоченный ГПУ Литинского райотдела Киевской области; нач. Пулинского, Эмильченского райотделов Киевской обл. (10.1931–10.1933); нач. ГПУ НКВД Чигиринского района (10.1933–10.1936); нач. оперативного отдела, нач. 3-го отд. Житомирского окружного отдела УГБ НКВД (10.1936–05.1938); нач. Бердичевского городского отдела НКВД (05.1938–08.1938); нач. 4, 3-го отд-я УГБ НКВД УССР (08.1938–07.1939); нач. 3-го отд. УГБ УНКВД Каменец-Подольской обл. (07.1938–11.1939); нач. УНКВД Тернопольской обл. (11.1939–07.1941); зам. нач. оперативного отдела НКВД Юго-Западного фронта (11.1941–01.1942); нач. ОО НКВД Брянского фронта (01.1942–09.1942); нач. ОО НКВД Воронежского фронта (09.1942–03.1943); нач. ОО НКВД Центрального фронта (03.1943–04.1943); нач. управления контрразведки «Смерш» Центрального фронта (04.1943–10.1943); нач. контрразведки «Смерш» Белорусского фронта (10.1943–05.1945); нач. управления контрразведки «Смерш» ГСОВГ (05.1945–07.1945); нач. упр. контрразведки «Смерш» Забайкальско-Амурского ВО (07.1945–05.1946); нач. Упр. контрразведки НКГБ – МГБ Забайкальско-Амурского ВО (05.1946–10.1946). В 1946 г. отправлен в кадровый резерв МГБ СССР. В 1947–1951 – нач. упр. охраны МГБ СССР на ж.-д. и водном транспорте, зам. министра Госбезопасности УССР. В 1951 г. – уволен в запас. С 1951 г. – работал в системе ГУЛАГ МВД СССР, в 1952-м – исключен из КПСС за злоупотребление служебным положением, уволен из органов МВД СССР (1953). 23 ноября 1954 г. лишен звания генерал-лейтенанта Пост. СМ СССР № 2349-1118сс «как дискредитировавший

себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Награжден: знак «Почетный работник ВЧК - ГПУ (XV)» (1938); орден Красного Знамени (1940); знак «Заслуженный работник НКВД» (1941); орден Ленина (1943); орден

Отечественной войны I степени (1943); орден Кутузова II степени (1944); орден Красной Звезды (1944); орден Кутузова I степени (1945); орден Ленина (1945); орден Отечественной войны I степени (1948); орден Красной Звезды и орден Красного Знамени (1949). Иностранные награды: 4 польских ордена, 3 монгольских ордена, 1 китайский орден, 5 медалей.

ВИНОГРАДОВ Валентин Васильевич (1906-1980).
Генерал-лейтенант (1954).

Окончил Военно-политическую академию им. Ленина и военно-морской факультет Высшей военной академии им. Ворошилова.

Служил в политорганах на флоте.

В марте 1939 года с должности начальника отдела руководящих партийных органов Политуправления ВМФ переведен на работу в НКВД и назначен начальником ОО Тихоокеанского флота. В мае 1943-го - апреле 1945-го -

начальник ОКР «Смерш» Краснознаменного Балтийского флота, с апреля 1945-го до ноября 1946 г. – начальник ОКР «Смерш» Черноморского флота. С 1947 г. – на командных постах в ВМФ: начальник политотдела военно-морских учебных заведений, член Военного совета Северного флота. С 1956 года – в запасе.

Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды. Умер в Ленинграде.

ВИТКОВ Григорий Иванович (1902—?).

Родился в 1902 г. в селе Алстия Хомутовского района Курской обл.

В органах госбезопасности: – уполномоченный ОО ОГПУ – НКВД 7-й стрелковой, 3-й кавалерийской дивизий, 90-й и 19-й авиационных бригад 1924–1938; нач. отделения ОО НКВД Дальневосточного ВО. 1938–1940; зам. нач., нач. ОО НКВД Харьковского ВО 1940–1941; нач. ОО НКВД Сталинградского ВО. 01.42–06.42; нач. ОО НКВД 7-й резервной армии. 16.06.42–07.42; нач. ОО НКВД – ОКР «Смерш» 62-й армии. 07.42–04.43; нач. ОКР «Смерш» 8-й гв. армии. 04.43–02.46. Откомандирован в распоряжение ОК ГУКР «Смерш» 27.02.46.

ВРАДИЙ Иван Иванович (1906–1984) – генерал-лейтенант.

Родился 23.12.1906 г. в селе Тишковка Ново-Архангельского района Одесской обл. в крестьянской семье.

Образование: 6 классов неполной средн. школы и 6 мес. хим. профшколы.

Работал: в хозяйстве родителей, грузчик-разносчик ст. Ташкент-товарная Среднеазиатской ж.д., санитар, эконом и надзиратель психиатрической больницы в г. Ташкенте. В вооруженных силах: ст. писарь, курсант,

делопроизводитель и казначей райвоенкомата (1928-1932).

В органах госбезопасности: С 1932-го по 1940 год - помощник инспектора, инспектор, начальник отдела кадров ОГПУ - УНКВД Орджоникидзевского края. С 1940-го по 1941 год - заместитель начальника УНКВД Орджоникидзевского края. С 1941-го по 1943 год - помощник начальника отдела кадров. В 1943 году - начальник отдела кадров Главного управления контрразведки «Смерш». С 1943 по 1946 год - зам. начальника Главного управления контрразведки «Смерш» по кадрам. С 06.1946-го по 07.1951 год - зам. начальника Управления кадров МГБ СССР. В 07.—11.1951 года - в распоряжении Управления кадров МГБ СССР. С 16.11.1951 по 14.09.1954 года - начальник контрагентских работ и трудового использования Управления Ухто-Ижемского ИТЛ Министерства юстиции СССР (до 03.1953 г. МВД). 14.09.1954 года - уволен в запас по служебному несоответствию.

Награды: орден Кутузова II степени. 25.3.1945.

ВУЛ Алексей Моисеевич (1902-1960). Генерал-майор (1944).

С июня 1941 г. - заместитель начальника 3-го отдела и начальник следственной части Северо-Кавказского военного округа. С октября 1941 г. - начальник ОО НКВД 56-й армии Северо-Кавказского фронта. С января 1943 г. - заместитель начальника ОО НКВД Волховского фронта. С мая 1943 г. - заместитель начальника Управления контрразведки «Смерш» Волховского фронта, затем 3-го Украинского фронта. С декабря 1944 г. - начальник Инспекции СКК в Болгарии. С декабря 1947 г. - начальник оперативного сектора МГБ г. Берлина. С декабря 1950 г. - заместитель начальника УКР МГБ войск Дальнего Востока. В декабре 1951 г.

уволен из органов. Постановлением Совета министров СССР 23 ноября 1954 г. лишен звания генерал-майора.

ГЕРАСКИН Борис Васильевич (21.05.1921—?). Родился в Киеве. Генерал-майор.

Образование: средняя школа, окружная школа мл. командиров Среднеазиатского погранокруга войск НКВД (1940–1942).

В 1940 г. призван на службу в пограничные войска. Являлся комсоргом 43-го кавалерийского пограничного полка. Весной 1943 г. получил направление в органы военной контрразведки «Смерш». Занимал должности от помощника оперуполномоченного до руководителя крупных оперативных подразделений в Группе Советских войск в Германии: с мая 1959 по 1964 гг. – начальник ОО 18-й гвардейской армии; 1964–1972 гг. – работал в ОО Закавказского военного округа; 1972–1979 гг. – зам. нач. УОО ГСВГ; с 1979 по 10.11. 1987 гг. – на руководящей работе в Высшей школе КГБ СССР.

ГЛАДКОВ Петр Андреевич (1902—?). Генерал-лейтенант береговой службы (1944). Начальник Управления контрразведки «Смерша» Наркомата военно-морского флота СССР в 1943–1946 гг.

Родился в д. Трубчевск Болховского уезда Орловской губернии в семье рабочего-стекольщика.

Работал на стекольных заводах, служил в РККА, в 1923–1927 гг. на комсомольской и физкультурной работе в Белоруссии, в 1927–1931 гг. Ульяновского губ./гор. совета физкультуры и редактор физкультурной газеты в Самаре.

Окончил Самарский геолого-разведочный институт (1933).

С 1933 г. в органах госбезопасности. После окончания Центральной школы ОГПУ (1934) работал в секретариате ЭКУ ОГПУ / ЭКО ГУГБ НКВД СССР, после объединения ЭКО и КРО работал в 3-м (контрразведка) отделе ГУГБ НКВД СССР, в марте 1937 г. переведен в аналогичный отдел НКВД Белоруссии, за два года сделал карьеру от оперуполномоченного до начальника отдела, с июня 1939 г. – зам. наркома внутренних дел БССР. В ноябре 1939 г., после присоединения к СССР Западной Белоруссии, назначен начальником УНКВД Белостокской области (ныне Польша), одновременно с мая 1940 г. зам. наркома внутренних дел БССР. В сентябре 1940 г. назначен 1-м зам. наркома внутренних дел Литовской ССР, с февраля 1941 г. после реорганизации НКВД – нарком госбезопасности Литовской ССР.

С начала Великой Отечественной войны работал в военной контрразведке – начальник Особого отдела Карельского фронта (сентябрь 1941-го – январь 1942-го), начальник 9-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР (январь 1942-го – апрель 1943-го), начальник Управления контрразведки «Смерша» Наркомата ВМФ СССР (апрель 1943-го – февраль 1946-го), после войны до 1950 г. работал начальником отдела УКР Московского военного округа. В 1950 г. переведен в систему лагерей МВД СССР, был замначальника Дубравного ИТЛ. В 1954 г. был уволен из МВД по фактам, «дискредитирующим

звание начсостава МВД». В 1955 г. постановлением Совета министров СССР лишен генеральского звания за дискредитацию «себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Нахимова 1-й степени, знаком «Заслуженный работник НКВД».

ГОНЧАРОВ Иван Иванович (1904—?). Полковник (1943).

В 1939–1942 гг. на руководящей работе в ОО Киевского ВО – Юго-Западного фронта. С апреля 1942 г. – замначальника ОО НКВД//ОКР «Смерш» КБФ. С июня 1944 г. – замначальника и начальник ОКР «Смерш», с 1946 г. – начальник ОКР МГБ Северного флота. В 1949–1955 гг. – начальник ОКР МГБ-ОО КГБ по Воронежскому ВО. С 1955 г. – в отставке.

ГОРГОНОВ Иван Иванович (1903–1994). Генерал-лейтенант (1944).

В органах гос. безопасности с 1929 г. С августа 1941 г. – начальник КРО УНКВД Московской области, замначальника ОО Брянского и Западного фронтов.

Начальник 10-го отдела УОО НКВД в 1942–1943 гг. Начальник 1-го отдела ГУКР «Смерш» в 1943–1946 гг., 1-го управления 3-го ГУ МГБ в 1946 г. Начальник УМГБ по Москве и области в 1946–1951 гг. Член коллегии МГБ СССР. Награжден орденами Ленина и двумя орденами Красного Знамени, Суворова 2-й степени. В 1954 г. постановлением СМ СССР лишен генеральского звания. 13.9.1945.

ГОРЯИНОВ Евгений Николаевич (1907–1963).
Генерал-майор (23.07.45).

Родился в 1907 г. в селе Заболотское Золотухинского района Курской обл. Из крестьян. Русский. Член ВЛКСМ с 1926 г.

Окончил Ленинградский институт советского строительства и права в 1930 г. Работал: чернорабочий металлического завода в Ленинграде 1927–1928; грузчик кожевенного треста в Ленинграде 1928–1929; пожарный завода «Двигатель» в Ленинграде 1929–1930 гг.

В органах госбезопасности: помощник уполномоченного и уполномоченный ПП ОГПУ в Ленинградском ВО 1930–1932; уполномоченный Свирлага ОГПУ в г. Лодейное Поле 1932–1934; нач. 3-й части Управления Свирлага ОГПУ – НКВД в г. Лодейное Поле, 1934–1937; оперуполномоченный ОО НКВД 8-го механизированного корпуса, 1937–1938; оперуполномоченный, помощник нач. 5-го отделения ОО НКВД Ленинградского ВО, 1938; замнач. 6-го отделения ОО НКВД Ленинградского ВО 1938–1939; зам. нач. ОО НКВД 33-го стрелкового корпуса 1939; зам. нач. ОО НКВД 13-й армии 1939–1940; нач. ОО НКВД 1-го танкового корпуса 1940–1941; нач. ОО НКВД 9-го воздушно-десантного корпуса, 1941–1942; нач. ОО НКВД 8-й воздушной армии Юго-Восточного фронта 1942; замнач. ОО НКВД Сталинградского фронта 1942–1943; замнач.

ОО НКВД Южного фронта 1943; замнач. УКР «Смерш» Южного, 4-го Украинского фронтов 06.43-08.44; замнач. УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта 09.44-01.45; зам. нач. УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта 01.45-11.45; замнач. УКР «Смерш» ГСОВ в Германии 11.45-04.48; откомандирован в УК МГБ СССР 04.48; замнач. УКР МГБ по Северо-Кавказскому ВО 07.48-09.49; замнач. УКР МГБ по Прикарпатскому ВО 09.49-10.51; замнач. УКР МГБ по войскам Дальнего Востока 10.51-06.53; нач. ОО МВД Дальневосточного ВО, Управления ОО КГБ при СМ СССР по Дальневосточному ВО 06.53-08.59; нач. ОО КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому ВО 08.59-04.62; в распоряжении 3-го Управления КГБ при СМ СССР 04.62-10.62. Уволен в отставку (по болезни) с правом ношения военной формы одежды 10.62. Снят с учета офицеров запаса КГБ при СМ СССР в связи со смертью 12.63.

Награды: орден Красной Звезды 1940; орден Красного Знамени 1943; орден Отечественной войны 1-й степени 1943; орден Красного Знамени 1944; орден Отечественной войны 2-й степени 1944; орден Красного Знамени 1945; орден Красной Звезды 1945; медали: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» 1944.

ГРИГОРЕНКО Григорий Федорович (род. 1918 г.).
Генерал-полковник.

Родился в г. Зенькове Полтавской губернии в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу, рабфак, в 1939 г. – физико-математический факультет Полтавского пединститута, после чего был направлен на работу в органы госбезопасности. В 1940-1941 гг. – помощник уполномоченного Особого отдела 151-й стрелковой дивизии. С марта по август 1941 г. – сотрудник Особого отдела 4-й воздушно-десантной бригады. Принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, был ранен. В 1941-1942 гг. – в Особом отделе

14-й саперной бригады под Сталинградом. В 1942–1943 гг. учился на курсах при Высшей школе НКВД, после окончания был назначен в 1-й (немецкий) отдел 2-го управления НКВД СССР. Входил в состав группы, занимавшейся организацией радиоигр с немецким командованием с помощью захваченных агентов. В 1943–1946 гг. группа входила в состав Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. В 1946–1949 гг. – начальник отделения 3-го Главного управления (военная контрразведка) МГБ СССР. В 1949–1952 гг. работал во внешней контрразведке ПГУ. В 1952–1954 гг. служил в должности зам. начальника Восточного отдела ВГУ (контрразведка по странам Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии). В 1954–1956 гг. 1-й зам. представителя КГБ в Венгрии, где близко познакомился с послом СССР Ю. В. Андроповым. Во время антикоммунистического мятежа 1956 г. тяжело ранен. В 1956–1959 гг. – начальник отдела 2-го Главного управления КГБ, занимавшегося пресечением антисоветской деятельности эмигрантских организаций. В 1959–1962 гг. – замначальника Службы активных мероприятий при 1-м Главном управлении, начальник контрразведывательного отдела. В 1962–1969 гг. занимал должность начальника Службы внешней контрразведки 1-го Главного управления. В 1969–1970 гг. 1-й замначальника, в 1970–1983 гг. – начальник 2-го Главного управления КГБ. В 1978–1983 гг. занимал пост зам. председателя КГБ СССР. В 1983–1989 гг. зам. министра общего машиностроения СССР.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 3 орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

ГРУЗДЕВ Сергей Михайлович (1907 г.р.). Капитан ГБ, 14.02.43.

Родился в 1907 г. в деревне Иваново Рязанского района Московской обл. в крестьянской семье.

Образование: низшее, слушатель оперативных курсов при Главном тюремном управлении НКВД 01.04.39–04.06.39.

Работал: каменоломщик на шахте в Донбассе 1926–1927; грузчик Моспогруза № 10 в Москве 1927; пожарный Хамовнической пожарной части в Москве 1928–1929.

В органах госбезопасности: красноармеец, отделенный командир 16-го погранотряда БССР 1929–1932; надзиратель спецхраны Тюремного отдела ОГПУ 27.08.32–01.06.33; ст. надзиратель изолятора особого назначения ОГПУ 01.06.33–10.07.34; старший по корпусу Внутренней тюрьмы НКВД 01.01.37–23.02.39; зам. дежурного помощника нач. Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД 1939; сотрудник ОО НКВД Сталинградского ВО, 1942; сотрудник ОО НКВД Юго-Восточного фронта 10.09.42–14.10.42; оперуполномоченный ОО НКВД 62-й армии Сталинградского, Донского фронтов 14.10.42–19.02.43; оперуполномоченный УКР «Смерш» Юго-Западного фронта, 19.43–27.08.43; выбыл на лечение в госпиталь, 1943; оперуполномоченный ОКР «Смерш» 8-й гв. армии 3-го Украинского фронта 1943–1944. Уволен из органов контрразведки по состоянию здоровья с 10.07.44.

ДУБРОВИН Борис Всеволодович (1904—20.3.1951). Полковник (1945).

В 1938–1939 гг. начальник секретно-политического отдела НКВД Карельской АССР, в 1939–1940 гг. – начальник 3-го (оперчекистского) отдела Беломорско-Балтийского лагеря. В 1940–1941 гг. – зам. начальника ОО Львовского и Западного погранотрядов, с марта 1941 г. – зам. начальника 3-го отдела (войска НКВД)

НКВД УССР. С июля 1941 г. – начальник 6-го отделения ОО Юго-Западного фронта, с января 1942-го – зам. начальника ОО 21-й армии того же фронта, с ноября того же года – зам. начальника ОО Донского, Центрального фронтов. В мае 1943-го – июле 1944 г. – начальник 4-го, затем 2-го отделов УКР «Смерш» Центрального фронта. В 1944–1945 гг. – начальник 2-го отдела УКР «Смерш» Белорусского/2-го Белорусского фронта. С 1946 г. – зам. начальника, с сентября 1947 г. – начальник отдела «О» (религиозные организации) МГБ СССР, после его реорганизации в декабре 1949 г. во 2-й отдел 5-го управления МГБ до самой смерти возглавлял его. Умер в Москве.

ДУБРОВСКИЙ Константин Васильевич (1904—?).

Родился в 1904 г. в поселке Дугненский завод Тульской обл. в семье рабочего-столяра.

В 1929 году был направлен на работу в Особый отдел ОГПУ 2/81 Кордива, где работал до 1934 года. С 1934-го по 1938 год служил в Особом отделе Тульского гарнизона. В 1938-м году был арестован, провел в заключении десять месяцев, но был освобожден по причине отсутствия состава преступления. С 1939-го по 07.1940 год – начальник отделения Особого отдела НКВД Калининского военного округа. С 07.1940-го по 04.1941 года – начальник отделения 3-го отдела Прибалтийского Особого военного округа. В 04.1941 года – начальник 3-го отдела стрелкового корпуса; заместитель начальника Особого отдела НКВД 13-й армии. С 1941 по 1942 год – начальник Особого отдела НКВД 40-й армии. С 1942 по 1943 год – заместитель начальника Особого отдела НКВД Брянского фронта. В 1943 году – заместитель начальника Управления контрразведки «Смерш» Южного фронта. С 11.1943-го по 11.1945 года – заместитель начальника Управления

контрразведки «Смерш» 4-го Украинского фронта.
С 11.1945 года - в распоряжении НКВД СССР.

ДУХОВИЧ Сергей Григорьевич. (1903, Витебск - 1970, Москва). Генерал-майор береговой службы (1943).

Родился в семье рабочего-пильщика. Русский.

Образование: церковно-приходская школа, Витебск 1914-1918; советская трудовая школа 2-й ступени, Витебск 1920.

Работал: старший агент УГРО, Витебск 06.1920—07.1921; не работал по болезни 07.1921—05.1922.

В органах госбезопасности: сотр. для особых поручений ОДТО ГПУ, станция Витебск 05.1922—09.1922; не работал по болезни 09.1922—05.1923; пом. уполн. погран. отряда ОГПУ, станц. Бигосово, БССР 05.1923—07.1929; пом. уполн., пом. коменданта погран. отряда ОГПУ, мест. Плешеницы, БССР 07.1929—10.1931; уполн. ПП ОГПУ по БВО, Минск 10.1931—01.1933; нач. ОО Мозырского окр. отд. ГПУ 01.1933—07.1934; нач. ОО УГБ Мозырского окр. отд. НКВД 07.1934—09.1937; пом. нач. Мозырского окр. отд. НКВД 09.1937—06.1938; зам. нач. УНКВД Полесской обл. 06.1938—02.11.1939; нач. УНКВД Пинской обл. 02.11.1939—13.05.1940; зам. наркома внутр. дел БССР 13.05.40-15.03.1941; зам. наркома ГБ БССР 14.04.1941—06.08.1941; зам. наркома внутр. дел БССР 06.08.1941—08.1941; нач. ОО НКВД 54-й армии 08.1941—03.1943; замнач. УКР «Смерш» Наркомата ВМФ СССР 03.06.1943—25.02.1946; замнач. УМГБ Горьковской обл. 01.1947—03.1949; нач. УМГБ Брянской обл. 03.1949—12.1951; зам. нач. УМГБ Вильнюсской обл., 12.1951—03.1953; замнач. УМВД Вильнюсской обл. 03.1953—10.1953. Пенсионер МВД с 10.1953.

Награды: орден Красного Знамени (26.04.1940); знак «Заслуженный работник НКВД» (02.02.1942); орден Крас-

ного Знамени (29.01.1944); орден Красного Знамени (03.11.1944); орден Ленина; 4 медали.

ДУШИН Николай Алексеевич (1919–2001). Член Коллегии КГБ СССР в 1973–1988 гг. Генерал-полковник.

Окончил пединститут, работал в школе.

Участник Великой Отечественной войны, служил в политорганах (политрук стрелковой роты), в военную контрразведку направлен с должности командира роты. После войны работал в партийных органах, в отделе административных органов ЦК КПСС (зав. сектором органов госбезопасности), откуда был вновь направлен в органы КГБ. С февраля 1974 г. начальник 3-го управления КГБ при СМ СССР (с 1982 г. – 3-го Главного управления), член коллегии КГБ СССР. Снят с должности в июле 1987 г. после проверки Инспекторского управления КГБ СССР, выявившей серьезные нарушения в работе органов военной контрразведки.

ДУШИЧЕВ Алексей Григорьевич (1922–1987). Генерал-майор.

Родился в д. Шишкино Сокольского района Вологодской области.

Образование: в 1960 г. окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР.

В органах государственной безопасности с 1942 г. – сотрудник Особого отдела Сибирского военного округа, а с 1943 г. служил в ОО Калининского фронта, затем – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный ОКР «Смерш» 65-й стрелковой дивизии 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. В послевоенный период в течение 10 лет работал заместителем начальника отделения УКР МГБ Ленинградского военного округа, заместителем начальника ОО КГБ при СМ СССР по 33-й механизированной дивизии отдельной механизированной армии. После окончания ВКШ КГБ СССР в 1960 г. назначен заместителем начальника отдела 3-го управления КГБ при СМ СССР, в 1967 г. – заместителем начальника ОО КГБ при СМ СССР по БВО, в 1970 г. – заместителем начальника ОО КГБ при СМ СССР по Центральной группе войск (Чехословакия). С января 1976 г. по июнь 1982 г. – начальник ОО КГБ при СМ СССР по Белорусскому военному округу.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, 17 медалями. Почетный сотрудник госбезопасности. Умер 10 октября 1987 г.

В 1983 г. уволен в запас КГБ по возрасту.

ЕДУНОВ Яков Афанасьевич (1896–1985). Генерал-лейтенант (1944).

Родился в селе Суромна Богомотовского сельсовета Владимирской губернии.

Русский.

Образование: в 1925 г. окончил командирские курсы 1-й Московской школы ОГПУ, в 1931 г. – курсы директоров зерносовхозов.

В органах госбезопасности с 1919 г. За период с 1919 по 1939 г. прошел путь от сотрудника Гомельского УТЧК до начальника Управления милиции УНКВД Московской области.

С 1940 г. по июнь 1941 г. работал заместителем начальника конторы «Ростек-стильпроект». Участник Великой Отечественной войны. В 06.1941—12.1942 гг. – оперуполномоченный УОО НКВД СССР, заместитель нач. ОО НКВД по 50-й армии, нач. ОО НКВД по 9-й армии Южного фронта, начальника ОО 48-й армии Брянского фронта, затем в 1943–1944 гг. начальник ОО Приволжского военного округа, УКР «Смерш» Северо-Западного фронта и в 1944–1945 гг. нач. УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта. В 1945–1946 гг. возглавлял УКР

«Смерш» Северной группы войск (в Польше). В 1946–1947 гг. возглавлял 1-е управление 3-го ГУ МГБ СССР, в 1947–1951 гг. работал заместителем начальника 2-го ГУ и начальником 3-го ГУ МГБ СССР (01.1951—02.1952). С 12.07.1952 г. и до выхода на пенсию – начальник УКР МГБ СССР (ОО МВД СССР – 03.1953—03.1954, ОО КГБ при СМ СССР – с 1954) по Белорусскому ВО. С 1956 г. на пенсии. Уволен в запас КГБ по возрасту в 1956 г. Умер в 1985 г..

Награжден: двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, 10 медалями. Заслуженный работник НКВД.

ЕРМОЛАЕВ Николай Дмитриевич (1905–1958).
Генерал-лейтенант береговой службы (1945).

Родился в деревне Михайловка Звенигородского уезда Московской губернии в семье рабочего.

В 1920 г. поступил на работу в отдел военной цензуры Ярославской ГубЧК. В 1921–1922 гг. работал в Особом отделе Ярославской ГубЧК делопроизводителем, сотрудником по особым поручениям ОО 18-й стрелковой дивизии. С 1922 г. – в запасе, работал в системе государственного страхования, на заводе в Ярославле. С 1932 г. –

в органах ОГПУ – практикант, полковой уполномоченный, помощник начальника (1938–1939) и начальник ОО (январь – октябрь 1939-го) 18-й стрелковой дивизии. С октября 1939 г. – замначальника, с ноября того же года начальник ОО 3-го стрелкового корпуса МВО. В 1940 г. замначальника ОО 8-й армии ЛВО, участник советско-финской войны. С июня 1940 г. – замначальника ОО (3-го отдела) Прибалтийского ВО. Во время Великой Отечественной войны – замначальника ОО Северо-Западного фронта (июнь – август 1941 г.), начальник ОО Новгородской опергруппы Северо-Западного фронта (август– октябрь 1941 г.), начальник ОО 5-й армии Западного фронта (октябрь 1941—февраль 1942 г.), начальник ОО НКВД – ОКР «Смерш» Черноморского флота (февраль 1942–1945). В 1945–1949 гг. – начальник УКР МГБ Приморского ВО, с 1949 г. – начальник управления МГБ Приморского края. С 17 сентября 1951 г. по 1 апреля 1953 г. – начальник управления МГБ СССР по Ленинградской области. В 1953–1956 гг. – начальник Особого отдела МВД – КГБ по Западно-Сибирскому военному округу. Награжден орденом Ленина, 3 орденами «Красного Знамени», орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями.

ЕРМОЛИН Иван Ильич (1911–1957). Генерал-майор. Родился в 1911 г. в д. Ивановская Шарангского района Кировской области. Русский.

Образование: в 1933 г. окончил военно-химический факультет Ленинградского химико-технологического института.

В органах государственной безопасности с 1933 г. Службу начал помощником оперуполномоченного ЭКО, КРО НКВД по Лен. обл., затем в 1938 г. назначен начальником Водного отдела УНКВД по Ленинградской

области. С 22 января по 22 июня 1941 г. – декан Ленинградского химико-технологического института.

С началом Великой Отечественной войны продолжает службу в органах госбезопасности – заместитель начальника 27-й, 4-й ударной армии, начальник ОО НКВД 4-й ударной армии Калининского фронта; в 1942–1943 годах – начальник ОО НКВД 70-й армии Центрального фронта, временно исполнял обязанности начальника ОКР «Смерш» Харьковского военного округа в 1943–1944 гг.

С марта 1943 г. проходил службу на территории Белоруссии: начальник ОКР «Смерш» Белорусского (с 03.1944), Белорусско-Литовского (с 1945), Минского (07.1945—03.1946) военных округов, в 03.1946—12.07.1952 гг. нач. УКР МГБ СССР по БВО. В 12.07.1952 откомандирован в распоряжение МГБ СССР. В сентябре 1952 г. уволен из органов госбезопасности по болезни. Умер в 1957 г.

Награжден: тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Красной Звезды, медалями. Почетный сотрудник госбезопасности.

ЕФАНОВ Сергей Павлович (1906—?).

Родился в 1906-м в селе Ермолowo Скопинского района Рязанской обл.

Образование: 7 классов.

В органах госбезопасности: помощник оперуполномоченного 2-го отделения 3-го отдела 1-го управления НКВД по г. Москве и Московской обл. 28.10.1938—01.02.1939; следователь следственной части УНКВД по г. Москве и Московской обл. 01.02.1939—01.02.1940; ст. следователь следственной части УНКВД по г. Москве и Московской обл. 01.02.1940—09.12.1940; ст. оперуполномоченный 2-го отделения 3-го транспортного отдела УНКВД по г. Москве и Московской обл. 09.12.1940—03.1941; ст. оперуполномоченный 8-го

отделения СПО УНКГБ по г. Москве и Московской обл. 03.1941—14.11.1941; ст. следователь ОО НКВД 1-го воздушно-десантного корпуса 14.11.1941—08.09.1942; сотрудник ОО НКВД Сталинградского фронта 08.09.1942—05.01.1943. После гибели командира возглавил роту связи 109-го полка. 14.10.1942, отразив атаки немцев, осуществил прорыв роты из окружения.

Сотрудник ОКР «Смерш» авиации дальнего действия, 05.01.1943—30.11.1944; сотрудник ОКР «Смерш» 18-й воздушной армии, 27.12.1944—01.06.1946; сотрудник Управления охраны № 1 МГБ СССР, 01.06.1946—12.02.1947; сотрудник Главного управления охраны МГБ СССР, 12.02.1947—03.06.1952; сотрудник отдела «Б» МГБ СССР, 03.06.1952—15.04.1953; сотрудник 2-го спецотдела МВД СССР, 15.04. 1953—01.04.1954; сотрудник 2-го спецотдела КГБ при СМ СССР, 01.04.1954—11.06.1959; ОТУ КГБ при СМ СССР, 1961—1962. Уволен из органов безопасности с 03.08.1962.

ЖЕЛЕЗНИКОВ Николай Иванович (1906–1974).
Генерал-лейтенант (1944).

В феврале 1939–1943 гг. – начальник ОО НКВД, 3-го отдела ОО НКВД Среднеазиатского ВО. С апреля 1943 г. – начальник УКР «Смерш» Брянского, с апреля 1944 г. – 2-го Прибалтийского фронта. С августа 1945 г. – начальник УКР «Смерш» Горьковского ВО, с февраля 1946 г. – начальник УКР Северной группы войск, в феврале 1950 г. – августе 1953-го – начальник УКР МГБ ГСВГ. С августа 1953-го – начальник ОО МВД/КГБ ЗакВО. Затем до 1966 г. работал начальником факультета и кафедры Высшей школы КГБ при СМ СССР. В сентябре 1966 г. уволен в запас по выслуге лет.

Награды: орден Кутузова II степени (21.4.1945).

ЗЕЛЕНИН Павел Васильевич (1902–1965). Генерал-лейтенант (23.05.1943).

Родился в 1902 году на Украине – в селе Кичкас Запорожского района Днепропетровской области в семье кузнеца.

Образование: двухклассное железнодорожное училище.

Работал учеником и подручным котельщика на заводе в Запорожье.

На службе в РККА с 1918 года.

На службе в органах госбезопасности с марта 1920 года: в транспортных органах госбезопасности и,

в частности, в отделах ОГПУ - НКВД города Александровска, Южно-Донецкой (управление - станция Ясиноватая Донецкой области) и Южной (управление - г. Харьков) железных дорог. В 1941 г. - начальник отделов разведки и контрразведки НКГБ - НКВД БССР. Участник Великой Отечественной и советско-японской войн: с июля 1941 г. - начальник 3, 6-го отделений ОО Западного фронта, с сентября 1941 г. - начальник ОО 30-й армии, затем начальник ОО Южного фронта. С августа 1942 г. - начальник ОО Северо-Кавказского фронта, с декабря того же года - начальник ОО Черноморской группы войск Закавказского фронта. В 1943 г. - начальник ОО Юго-Западного фронта, начальник УКР «Смерш» Западного (с апреля 1944-го - 3-го Белорусского) фронта. С августа 1945 г. - начальник УКР «Смерш»/МГБ ГСОВГ. В июле 1947-го снят с должности, в 1948-м уволен в запас. Арестован в октябре 1951 г. по «делу Абакумова». В апреле 1954 г. освобожден, в декабре того же года уволен из органов КГБ и лишен генеральского звания за нарушения законности.

Награжден: орден Суворова 2-й степени (19.04.1945).

ЗЕНИЧЕВ Дмитрий Семенович (1897—?)

С 1922 по 1931 год - сотрудник ДТЧК - ДТО ОГПУ Сызраньско-Вяземской железной дороги. С 1927 по 1928 год - курсант командных курсов ТО ОГПУ. С 1931 по 1938 год - сотрудник ОГПУ - НКВД СССР. С 1938 по 1940 год - зам. начальника школы НКГБ СССР. С 1940-го по 1942 год - начальник отделения НКГБ СССР. В 1942 году - начальник Особого отдела НКВД Южного и Сев. - Западного фронтов. С 1942 по 1943 год - начальник Особого отдела НКВД 4-й ударной армии. С 1943 по 1944 год - начальник отдела Главного управления контрразведки «Смерш». В 1944 году - зам. начальника ОКР «Смерш» Северного фронта ПВО. С 1944-го по 1945 год - зам. начальника ОКР «Смерш» Западного фронта

ПВО. С 1945-го по 1949 год – начальник ОКР МГБ Северо-Западного округа ПВО. С 1949 года – на пенсии.

ИВАНОВ Леонид Георгиевич (1918 г.р.) Генерал-майор (1962).

Родился 18.08.1918 г. в селе Чернавка, Тамбовская обл.

Образование: на учебе в Академии связи им. В.Н. Подбельского в 1937–1939 гг.

В органах госбезопасности: курсант школы НКВД, 1939–1940; помощник оперуполномоченного УНКВД по Черновицкой обл., 1940; ст. оперуполномоченный УНКВД по Черновицкой обл. 1940; зам. нач. отделения СПО УНКВД по Черновицкой обл. 1940; ст. оперуполномоченный ОО Одесского оборонительного района 1941; ст. оперуполномоченный ОО УНКВД Приморской армии 1941; ст. оперуполномоченный ОО 302-й стрелковой дивизии 1942; ст. оперуполномоченный ОО УНКВД 51-й армии 1942; ст. оперуполномоченный ОКР «Смерш» ГСОВ в Германии 1945–1949; нач. ОО 28-го гвардейского стрелкового корпуса 1949; нач. 1-го отдела 3-го Управления МВД СССР, 1953–1954; нач. 1-го отдела 3-го ГУ КГБ при СМ СССР, 1954–1957; нач. 2-го отдела 3-го ГУ КГБ при СМ СССР, 1957–1959; нач. ОО КГБ по Прибалтийскому ВО, 1959–1961; нач. ОО КГБ Южной группы войск – 1961–1968; замнач. ОО КГБ по Киевскому ВО, 1968–1973; нач. ОО КГБ по Киевскому ВО, 18.04.73–06.04.77; нач. ОО КГБ по Московскому ВО, 06.04.77–29.09.80; оперативный работник представительства КГБ в Болгарии 29.09.80–02.07.86; откомандирован в 3-е ГУ КГБ СССР. В отставке с 1986 года.

Награды: 4 ордена Красной Звезды; орден Отечественной войны 2-й степени; 2 ордена Отечественной войны 1-й степени; орден Боевого Красного Знамени; орден «За службу Родине

в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Почетный сотрудник госбезопасности (1957).

ИВАШУТИН Петр Иванович (1909–2002). Генерал армии (1971).

Родился в Брест-Литовске в семье рабочего-железнодорожника. После окончания профтехшколы в 1926 г. работал слесарем, путейцем, помощником мастера цеха на заводе в Иваново-Вознесенске. Одновременно учился на рабфаке. В 1930 г. вступил в ВКП(б). В 1931 г. по партнабору призван в Красную Армию, направлен в школу военных летчиков, после окончания которой с 1933 г. служил летчиком-инструктором, с 1936 г. – пилотом авиабригады МВО. В 1933 г. окончил Сталинградскую военную авиационную школу летчиков. В 1933–1936 – летчик-инструктор 107-й авиабригады Московского военного округа. В 1937-м – командир тяжелого бомбардировщика ТБ-3. В 1937–1939 гг. учился в Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. В 1938 г. поступил на командный факультет ВВА имени Н.Е. Жуковского, не окончил. После 2-го курса был направлен на работу в органы НКВД. В 1939 г. назначен начальником Особого отдела корпуса ЛВО. Участник советско-финской войны 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войны. Был

награжден орденом Красной Звезды. С 1941 г. – замначальника особых отделов НКВД ЗакВО, Крымского, Северо-Кавказского фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта. С 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД (с 1943 г. – УКР «Смерш») Юго-Западного, затем – 3-го Украинского фронта. С 1945 г. начальник УКР «Смерш» Южной группы войск, с ноября 1947 г. – начальник УКР МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии, с ноября 1949 г. – начальник УКР ЛВО.

В 1951 г. был назначен зам. начальника 3-го Главного управления МГБ СССР; с сентября 1952 г. министр государственной безопасности УССР, с марта 1953 г. замминистра внутренних дел УССР. В июле 1953-го – марте 1954 г. – вновь замначальника 3-го управления МВД.

С июня 1954 г. – зам. председателя КГБ при СМ СССР, одновременно до сентября 1954 г. – начальник 5-го управления (контрразведывательное обеспечение особо важных гос. объектов). В январе 1956 г. назначен 1-м зам. председателя КГБ, до октября 1958 г. курировал работу 3, 5-го и следственного управлений, 2-го спецотдела, моботдела. Во время пребывания председателя КГБ И.А. Серова в Венгрии в октябре – декабре 1956 г. заменял его. С октября 1958 г. курировал те же подразделения (кроме 2-го СО и моботдела), а также 1-й СО и Комиссию по аттестации офицерского состава, с декабря 1958 г. – 3, 4, 5, 6-е и следственное управления, 1-й СО, Комиссию по аттестации офицерского состава. С сентября 1959 г. 1-й зам. председателя КГБ, с августа 1959 г. – курировал 3, 5 и 8-е управления, ОТУ, ГУПВ, представитель КГБ в комиссии по гражданству. С 5 по 13 ноября 1961 г. исполнял обязанности председателя КГБ СССР (председатель А.Н. Шелепин, официально освобожденный от должности Указом Президиума

Верховного Совета СССР 13 ноября, с 31 октября фактически в КГБ не работал). В 1962 г. руководил следственной группой, направленной Президиумом ЦК КПСС в Новочеркасск. В марте 1963 г. был назначен начальником ГРУ – зам. начальника Генштаба ВС СССР вместо отстраненного после предательства Пеньковского генерала Серова. На службе в военной разведке побил все рекорды «долгожительств», руководя ею в течение почти 25 лет. Герой Советского Союза (1985).

Награжден 3 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, 3 орденами Красной Звезды, медалями, государственными наградами Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, ЧССР, МНР, Республики Куба. С февраля 1987 г. состоял в группе генеральных инспекторов МО СССР. В мае 1992 г. в возрасте 82 лет уволен в отставку по болезни.

КАЗАКЕВИЧ Владимир Михайлович (1908 г.р.)
Полковник ГБ 14.02.43.

Родился 5.06.1908 г. в деревне Енакиево Донецкой обл... Из кустарей. Еврей.

Образование: студент Института хозяйства, 1928–1929 гг.; слушатель Высшей школы рационализаторов-строителей в Харькове, 1930–1931 гг.

Работал: чернорабочий городской канализации, г. Харьков, 1924–1925; штамповщик государственного кроватного завода, г. Харьков, 1925–1928; токарь паровозостроительного завода, г. Харьков, 1929–1930; рационализатор, зав. планово-производственным отделом тракторного завода, г. Харьков, 1931–1933.

В органах госбезопасности: сверхштатный помощник уполномоченного СПО Одесского обл. отдела ОГПУ, 01.33-04.33; сверхштатный уполномоченный СПО Одесского обл. отдела ОГПУ, 04.33; сверхштатный уполномоченный 1-го отделения СПО Одесского обл. отдела ОГПУ, 04.33-04.34; штатный уполномоченный 1-го отделения СПО Одесского обл. отдела НКВД, 04.34-12.35; оперуполномоченный 1-го отделения СПО Одесского обл. отдела НКВД, 12.35-08.36; оперуполномоченный 4-го отделения СПО Одесского обл. отдела НКВД, 08.36-03.37; временный помощник нач. 2-го отделения 4-го отдела НКВД УССР, 03.37-09.37; временный помощник нач., зам. нач. 1-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД, 09.37-01.39; зам. нач. следчасти 4-го отдела ГУГБ НКВД, 01.39-03.39; преподаватель ВШ НКВД СССР, 03.39-02.41; зам. нач. 3-го отдела НКВД, 02.41-07.41; замнач. ОО НКВД Фронта резервных армий, 07.41-11.41; замнач. ОО НКВД Юго-Западного фронта, 11.41-08.42; замнач. ОО НКВД Сталинградского фронта, 08.42-10.42; зам. нач. ОО НКВД Донского фронта, 10.42-02.43; зам. нач. ОО НКВД Центрального фронта, 02.43-04.43; замнач. УКР «Смерш» Северо-Западного фронта, 04.43-04.44; замнач. УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта 04.44-03.45; замнач. УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта, 03.45-07.45; замнач. УКР «Смерш» Прикарпатского ВО, 07.45-08.46; зам. нач. УКР МГБ Прикарпатского ВО, 08.46-02.47; зам. нач. УКР МГБ Московского ВО, 02.47-09.48; откомандирован для дальнейшего прохождения службы в распоряжение УК Вооруженных сил СССР, 09.48.

Награды: орден «Знак Почета»; орден Красного Знамени, 1943.

КАРАНДАШОВ Сергей Петрович (1903-1972). Генерал-майор береговой службы (1944, переаттестован в звании «генерал-майор» в 1952 г.).

Служил на судах Морских сил Балтийского моря (Балтийском флоте) матросом, электриком, боцманом.

С 1934 г. в органах ОО ГУГБ НКВД в ВМФ – помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный, с 1938 г. – начальник отделения ОО бригады крейсеров, начальник ОО эскадры Черноморского флота. С октября 1940 г. – начальник 9-го (морского) отделения ОО ГУГБ НКВД СССР. В 1941 г. – начальник отдела 3-го управления НК ВМФ СССР, в июне 1941-го – августе 1943 г. – начальник ОО эскадры Балтийского флота. С августа 1943 г. – начальник 2-го отдела УКР «Смерш» НКВМФ, с марта 1944 г. – зам. начальника УКР. В мае 1946-го – январе 1952 г. – начальник 2-го (контрразведка в ВМФ) управления 3-го Главного управления МГБ СССР. В январе 1952-го – мае 1954 г. – начальник УКР МГБ – ОО КГБ Ленинградского военного округа.

Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями. Умер в Ленинграде.

КАРТАШОВ Сергей Николаевич (1914-1979). Полковник. С 1937 по 1941 год – сотрудник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. С 1941 по 1943 год – зам. начальника отделения 3-го Управления НКВ, начальник

отделения Управления особых отделов НКВД СССР. С 1943 по 1946 год - нач. 2-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш». С 1946 по 1949 год - начальник 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. С 1949 по 1950 год - советник МГБ СССР при УГБ Венгрии. С 1951 по 1952 год - зам. начальника 1-го управления МГБ СССР. С 1952 по 1953 год - начальник 2-го отдела 1-го Главного управления МГБ СССР. С 1953 по 1954 год - в резерве назначения 2-го Главного управления МВД СССР. В 1954 году - начальник 7-го отдела 2-го Главного управления МВД СССР.

КИРИЛЛОВ Александр Матвеевич (1897-1968).
Генерал-майор береговой службы (1943).

Участник Гражданской войны - красноармеец, командир эскадрона, комиссар полка (Южный, Юго-Западный фронты).

С 1920 г. в особых отделах ВЧК - уполномоченный, начальник ОО 16-й кавдивизии (декабрь 1920 - март 1921-го), с 1921 г. уполномоченный ОО в кавалерийских соединениях. Окончил Высшую пограничную школу ОГПУ (1925). С 1927 г. зам. и пом. начальника ОО 5-й и 13-й стрелковых дивизий. С 1936 г. начальник ОО стрелковых дивизий, 16-го стрелкового корпуса (1939-1941), с марта

по июнь 1941 г. зам. начальника 3-го отдела ПрибВО. С начала Великой Отечественной войны – начальник ОО 27-й (июнь 1941-го – февраль 1942-го), 4-й ударной (февраль – март 1942) армий, был ранен. С марта 1942-го по ноябрь 1944 г. – начальник ОО НКВД – ОКР «Смерш» Северного флота. С января 1945-го по март 1947 г. – начальник Высшей школы контрразведки ВМФ. С 1947 г. – в запасе.

Награжден орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды. Умер в Ленинграде.

КЛИМЕНКО Иван Ефимович (1908—?), полковник (1943), почетный сотрудник госбезопасности (1957).

Родился на ст. Коростень Юго-Зап. ж.д.

Нач. ОО НКВД по ЗабВО – Заб. фронту (1939–1942). В 1942 г. возглавил ОО НКВД 24-й армии Сталинградского фронта, с 1943 г. нач. отд. контрразведки «Смерш» охраны войскового тыла Центр. фронта, в 1944–1945 нач. отд. контрразведки «Смерш» Украинского окр. внутренних войск НКВД. В 1945–1959 гг. на руководящих должностях в ОКР «Смерш» объединения, центр. аппарате НКГБ – МГБ – КГБ.

Награжден орденами Красной Звезды, Отеч. войны 1-й ст., медалями.

КЛИМКИН Владимир Михайлович (1914—?). Полковник (1955).

В 1941–1943 гг. – сотрудник 2-го (контрразведка) управления НКВД СССР. С 1943 г. – помощник начальника 1-го отделения 4-го отдела ГУКР «Смерш». С октября 1944 г. – пом. начальника инспекции Союзной контрольной комиссии в Финляндии. С 1947 г. – в центральном аппарате контрразведки, с 1954-го – ПГУ (разведки) КГБ при СМ СССР, в 1954—

1962 гг. – начальник отдела внешней контрразведки.
В 1962–1967 гг. – начальник опергруппы, старший офицер представительства КГБ в ГДР. С 1967 г. – в отставке.

КОВАЛЕНКО Григорий Яковлевич (1916–1942). Мл. лейтенант ГБ.

Родился 26.12.16 в селе Рождественское Либкнехтовского района Орджоникидзевского края. Из рабочих. Русский.

Образование: незаконченное среднее. 7 классов фабрично-заводской десятилетки, ст. Невинномысск, 1934.

Работал: ученик конторщика, статистик на фабрике 1 им. Ленина по первичной обработке шерсти, г. Невинномысск 11.09.34–01.10.37.

Служба в войсках НКВД: курсант, зам. политрука, зам. нач. гарнизона по политической части 26-й бригады 61-го железнодорожного полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений 16.10.37–23.03.41. В органах госбезопасности: курсант межкраевой школы НКВД СССР, г. Горький 01.10.41–31.12.41; оперуполномоченный ОО НКВД 124-й отдельной стрелковой бригады Южно-Уральского ВО, 01.01.42–22.05.42; оперуполномоченный ОО НКВД 124-й отдельной стрелковой бригады Юго-Восточного фронта (124-й особой бригады 62-й армии Сталинградского фронта) 22.05.42–17.11.42. Погиб 17.11.42 в селе Рынок Сталинградской обл.

КОВАЛЬЧУК Николай Кузьмич (1902–1972). Генерал-лейтенант (1944).

Родился в Холмском уезде Люблинской губернии Царства Польского в семье таможенного досмотрщика. Украинец. Образование: окончил два класса школы 2-й ступени, сдал экстерном экзамены за курс военной школы.

До 1918 г. батрачил у помещика.

С 1919 г. состоял на службе в органах рабоче-крестьянской милиции, затем в войсках ОГПУ, с 1926 г. в Управлении погранвойск ОГПУ – НКВД Закавказского ВО. С 1938 г. – начальник отделения 4-го отдела Управления госбезопасности НКВД Грузинской ССР. С ноября 1938 г. – замначальника 4-го отдела Управления госбезопасности, с 1939 г. – замначальника, затем начальник следственной части УНКВД по Ленинградской обл. В годы Великой Отечественной войны, с июля 1941 г. – начальник Особого отдела НКВД Лужской оперативной группы Северного фронта. С октября 1941 г. – замначальника, начальник секретной части Особого отдела Ленинградского фронта. С июня 1942 г. – начальник Особого отдела НКВД Сибирского ВО. С апреля 1943 г. – начальник Отдела контрразведки «Смерш» Южного фронта, с апреля 1944 г. – 4-го Украинского фронта, с июля 1945 г. – Прикарпатского ВО. С мая 1946 г. – зам. министра госбезопасности СССР. Одновременно с августа 1946 г. – главный резидент

и уполномоченный МГБ СССР в Германии. В 1949 г. был назначен министром госбезопасности УССР (до ноября 1952-го). С февраля 1953 г. министр госбезопасности, с марта 1953 г. – внутренних дел Латвийской ССР, затем старший советник МВД СССР в Польской Народной Республике. С ноября 1953-го по май 1954 г. – начальник УМВД по Ярославской области.

В июле 1954 г. уволен на пенсию, в декабре по фактам, дискредитирующим звание офицера, лишен генеральского звания.

Награжден: двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Ленина, орденом Кутузова 2-й степени (21.4.1945), орденом Суворова 2-й степени (6.4.1945), польским орденом «Крест Грюнвальда 2-го класса», чехословацким орденом Белого Льва 1-й степени, медалями СССР и Польши, боевым оружием.

КОЖЕВНИКОВ Сергей Федорович (1904–1961).
Генерал-майор (1943).

Родился в Нежине в семье рабочего-сапожника.

Образование: городское начальное училище, высшее начальное училище в г. Нежин (1912–1918), один год вечерней совпартшколы 2 ст. в г. Киеве (1928), общеобразовательные курсы в г. Харьков (1935–1937).

Работал: ученик шорника, рабочий шорник в г. Нежин.(1918–1923), стрелок охраны Военпродмага.

В 07.1924—05.1925 гг. – пом. нач. заставы погранотряда ГПУ в г. Олевск.

В ГПУ с 1925 г.: оперработник Окротдела ГПУ г. Киев (05.1925-01.1928), зав. Спецчастью «Укрмет» (01.1928—01.1919), уполном. Окротдела ГПУ в г. Нежин (01.1929—10.1930), райуполн. Оперсектора ГПУ в г. Днепропетровск (10.1930—06.1931), оперуполн. райотдела ГПУ г. Ровеньки (06.1931—07.1932),

оперуполн. райотдела ГПУ г. Макеевка (07.1932—12.1933), зам. нач. п/о МТС по ГПУ на ст. Лихачево, Харьков. обл. (12.1933—03.1935), оперуполн. облупр. НКВД г. Харьков (03.1935—09.1937), оперуполн. 4-го отдела УГБ НКВД УССР в г. Киев (09.1937—09.1939). С 09.1939 – замначальника УНКВД Винницкой области, с марта по июль 1941 г. – начальник УНКГБ там же. Зам. нач. ОО 57 отд. армии (г. Сталинград) в 07.1941—11.1941 г. Зам. нач. 1-го отдела Управления ОО НКВД СССР (11.1941—03.1943). Пом. нач. ГУКР «Смерш» (03.1943—07.1946). В 08.1944 г. член Союзной контрольной комиссии в Румынии (Бухарест), 4.09.1944—1.07.1946 в г. Хельсинки (Финляндия). Начальник Инспекции МГБ СССР (07.1946—11.1950), нач. 9-го Упр. МГБ СССР (11.1950—12.1951) г. Москва, нач. Упр. МГБ СССР (12.1951—05.1952) г. Дрогобыч, нач. Упр. МГБ СССР (05.1952—10.1953) г. Запорожье. 12.04.1954 уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы.

Награды: 3 ордена Красной Звезды, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Ленина, орден Отечественной войны 1-й ст; медали: «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «30 лет Советской армии и флота», «За победу над Германией», «800-летие Москвы».

КОНОВАЛЕНКО Алексей Архипович (1904-1941).
Капитан ГБ.

С января 1939 г. – зам. начальника УНКВД Тульской области, с мая 1940 г. – зам. начальника УНКВД Львовской области, с апреля 1941-го – начальник разведотдела УНКГБ Львовской области. С начала войны – начальник ОО 37-й армии Юго-Западного фронта. Пропал без вести на фронте.

КОРЯЛКОВ Иван Михайлович (1902—?).
Ст. лейтенант ГБ.

С 1937 г. в органах НКВД. С 1939 г. – нач. 12-го отд. 2-го отд. ГУГБ НКВД СССР, в июне 1940 – янв. 1942 гг. Секретарь партбюро НКВД СССР, затем нач. политотдела машино-тракторной станции в Куйбышевской обл. С 1943 г. в органах «Смерш», в 1944–1950 гг. замнач. УКР «Смерш» – УКР МГБ 1-го Белорусского фронта – ГСОВГ с 1950 г., замнач. Свердловского райотдела милиции Москвы, подполковник.

КОРОЛЕВ Николай Андрианович (1907–1986).
Генерал-лейтенант (1944).

В НКВД с 1939 г. В марте – сентябре 1940 г. – начальник ОО Одесского ВО. С сентября 1940 г. – заместитель начальника ОО 3-го отдела Северо-Кавказского военного округа. С августа 1941 г. – начальник ОО НКВД 19-й армии Западного фронта. С сентября 1941 г. – заместитель начальника ОО НКВД Западного фронта. С января 1942 г. – начальник ОО НКВД Северо-Западного фронта, затем Северо-Кавказского и Брянского фронтов. С апреля 1943 г. – начальник УКР «Смерш» Степного округа и 1-го Украинского фронта. С октября 1946 г. – начальник УКР МГБ Центральной группы войск. С июня 1947 г. – начальник УКР МГБ Группы советских оккупационных

войск в Германии. С ноября 1947 г. – начальник 3-го Главного управления МГБ СССР. С 31 декабря 1950 г. – заместитель министра госбезопасности Союза ССР по милиции. В августе 1951 г. снят с работы, в ноябре того же года арестован. Освобожден в декабре 1953 г. В 1954 г. уволен из органов по фактам, дискредитирующим звание начсостава органов госбезопасности, и лишен генеральского звания.

Награжден: орденами Кутузова 2-й степени, 28.4.1945; Богдана Хмельницкого 2-й степени, 13.9.1944.

КОРХМАЗЯН Сергей Аркадьевич (Саак Аршакович) (1911—?). Полковник. Член ВКП(б) с 1939 г.

Родился 11.1912 г. в г. Карсе в семье переводчика. Армянин.

Образование: окончил 41-ю трудовую школу 10-летку в г. Тифлисе в 1930 году. Работал: зав. Учетно-информац. стат. отделом райкома им. Ленина ТО ЛКСМ Грузии, зав. Учетно-информац. стат. отделом Тифлисского комитета ЛКСМ Грузии. С 11.1931-го по 1936 год – в ЭКО ГПУ – ОГПУ – НКВД Грузинской ССР. С 1937-го по 1939 год – в 3-м отделе (КРО) УГБ НКВД Грузинской ССР (оперуполномоченный, нач. 7-го и 1-го отделений). С 1939-го по 1940 год – замначальника и начальник 1-го отдела ЭКУ НКВД Грузинской ССР. В 1940 году – первый замначальника Следственного отдела НКВД Грузинской ССР; начальник 1-го отдела ЭКУ НКВД Грузинской ССР. В 1941 году – замначальника 3-го отдела УГБ (КРО) НКВД Грузинской ССР; замначальника тюремного отдела по оперативной части НКВД Грузинской ССР. С 08.1941-го по 07.1942 год – первый зам. начальника Особого отдела 46-й армии Закавказского фронта. С 07.1942-го по 03.1944 год – начальник отдела контрразведки «Смерш» 45-й армии. В 03.1944—09.1945 гг. – начальник отдела контрразведки «Смерш» 33-й армии Западный, 3, 2, и 1-й Белорусский фронт. С 10.1945-го по 07.1947 год –

первый зам. министра госбезопасности Армянской ССР. С 07.1947-го по 08.1952 год - министр госбезопасности Армянской ССР. Репрессирован. После отбытия наказания в Каджаране работал в АН Арм. ССР. Скончался в Ереване.

Награжден: 2 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Богдана Хмельницкого 1-й ст., орденом Кутузова 2-й ст., медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Знак почетного чекиста (1938). Американский орден «Легион заслуги», польский «Виртути Милитари» 5-го класса, польской медалью «За Варшаву».

КОСОЛАПОВ Василий Михайлович. Старший майор ГБ (12.03.41).

Родился в 1911 г. в поселке Михайловский завод Нижнесергинского района Свердловской обл. Из рабочих. Русский.

Образование: рабфак, г. Свердловск 1930-1931; 3 курса Высшего Военно-морского училища им. М.В. Фрунзе, г. Ленинград, 1933-1936; Военно-морское авиационное училище им. И.В. Сталина, г. Ейск, 1936; 2 курса Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, г. Москва 1937-1939.

Работал: ученик школы фабрично-заводского ученичества, г. Серов Свердловской обл. 1925-1927; разметчик машиностроительного цеха Metallургического завода, г. Серов Свердловской обл. 1927-1930; разметчик инструментального цеха Уральского машиностроительного завода, г. Свердловск, 1931-1933. В вооруженных силах: штурман 13-й отдельной авиационной эскадрильи ВВС Краснознаменного Балтийского флота (1936-1937).

В органах госбезопасности: нач. ОО НКВД 6-го кавалерийского корпуса, Белорусский военный округ

(1939–1940); зам. нач. ОО НКВД Черноморского флота (01.1940—07.1941); откомандирован в распоряжение 3-го отдела ЧФ (07.1941—01.1942); зам. нач. ОО НКВД Юго-Западного фронта (01.1942—08.1942); замнач. ОО НКВД Сталинградского фронта (08.1942—10.1942); зам. нач. ОО НКВД Донского фронта (10.1942—05.1943); зам. нач. УКР «Смерш» Центрального фронта (05.1943—02.1944); зам. нач. ОКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта (02.1944—12.1945); зам. нач. ОКР «Смерш», ОКР МГБ по Таврическому ВО (12.1945—08.1952); зам. нач. ОКР МГБ Западно-Сибирского ВО (08.1952—06.1954); нач. ОО КГБ 8-й механизированной армии Прикарпатского ВО (06.1954—06.1958). Уволен в отставку (по болезни) с правом ношения военной формы одежды 06.1958.

Награды: орден Красной Звезды, 02.1943; орден Красного Знамени, 1943; орден Отечественной войны 2-й степени, 1943; орден Красного Знамени, 1945; орден Отечественной войны 1-й степени, 1945; орден Красной Звезды, 07.1949; медали: «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги».

КОСЫРЕВ Александр Андреевич (1902—?)

Родился в 1902 г. в селе Никольское Рыбинского уезда Ярославской губ. в семье буфетчика ж. д. станции.

Образование: окончил приходскую школу в г. Рыбинске, городское училище там же, с 1924 по 1927 г. учился в Об. военной школе им. ВЦИК в Москве, Инстит. Востоковедения в 1932–1933 гг.

Работал в 1917–1924 гг.: рабочий артсклада, накатчик-строгальщик спичечной фабрики, матрос-контролер водного транспорта.

В 1927–1929 гг. зав. канцелярией Волжского госпароходства в г. Рыбинске.

В РККА в 1924–1927 гг.: курсант полковой школы 53-го сп 18-й сд., курсант школы им. ВЦИК.

В органах госбезопасности с 1929 г.: с 1929 по 1930 год - пом. уполном. окротдел ОГПУ в г. Рыбинск. С 1930 по 1932 год - уполномоченный Особого отдела 3-го кавалерийского корпуса. С 12.1932 по 05.1940 год - чекистское обслуживание военного склада № 22 в Сызрани (оперуп. горотд. НКВД, оперуп. ОО ГУГБ НКВД). В 1940-1941 гг. - начальник Особого отделения НКВД Казанского гарнизона Приволжского военного округа. В 11.1941—02.1942 гг. нач. ОО 16-го кав. казачьего корпуса. В 02.1942—09.1942 нач. ОО 1-го танкового корпуса. В 09.1942—11.1943 гг. нач. отдела контрразведки 8-го гв. мех. корпуса. В 11.1943—12.1944 гг. нач. отдела контрразведки армии ПВО. 12.1944—09.1948 гг. нач. отдела контрразведки 8-го гвард. мех. корпуса. В 09.1948—09.1953 гг. нач. отдела ОКР МГБ 8-го гвард. возд. - десантного корпуса. С 09.1953 г. пенсионер в г. Полоцк.

Награды: орден Ленина, 2 ордена Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды, 4 медали.

КОЧЕГАРОВ Максим Константинович (1899—?). Генерал-майор. Член РКП(б) с 1919 г.

Родился 11 ноября 1899 г. в Турьинских рудниках Пермской губ. в семье рабочего-шахтера. Русский.

Окончил: начальную школу при Турьинском руднике (1913), повторные курсы ГПУ УССР в Харькове (1924), Высшую пограншколу ОГПУ в Москве (1930). Работал гонщиком-котельщиком на Турьинских рудниках.

С 09.1918 г. по 06.1921 г. в Красной Армии: красноармеец, политрук пулеметных команд 459-го полка 153-й бригады 51-й дивизии на Восточном и Южном фронтах. Был в плену у Врангеля (08.09.1920).

В органах госбезопасности с 06.1921 г. Сотрудник ОО 51-й сд (1921-1923), пом. нач. заставы 31-го отд. кав. дивизиона в Тирасполе (1923-1924), пом. нач. заставы, пом. коменданта 20, 25-го погранотряда в Тирасполе,

Славуте (1924–1928). В 05.1930—11.1936 гг. оперработник ГПУ – НКВД в Киеве, руководил подготовкой разведывательно-диверсионных групп. В 11.1936—04.1937 ст. инспектор ОК УГБ НКВД УССР. В 04.1937—06.1937 нач. уч. части ОК НКВД УССР. Участник войны в Испании (06.1937—09.1938). С 09.1939 по 03.1942 г. – начальник Украинской межкраевой школы НКВД (в период 05.—10.1941 вел партизанскую работу), с 03.1942 по 11.1942 г. – начальник Московской межкраевой школы НКВД. С 11.1942 по 06.1943 года – замначальника, начальник Московского филиала ВШ НКВД. С сентября 1943 г. – начальник 1-й Московской школы ГУКР «Смерш». С ноября 1943 г. нач. АХО ГУКР «Смерш». С сентября 1946 г. – зам. управляющего, с ноября 1947 г. – управляющий делами МГБ СССР.

Арестован 25 июля 1951 г. Уволен из органов 1.08.1951 г. Осужден ВК ВС СССР 20.01.1954 г. на 10 лет «за расхищение государственных средств и материальных ценностей». На основании Указа об амнистии 1953 г. срок сокращен до 5 лет. Освобожден из-под стражи 6.12.1954 г.

Награды: орден Ленина (1945), 3 ордена Красное Знамя (1937, 1944), орден Красной Звезды (1945), орден Отечественной войны 1-й ст. (1943), 2 ордена Отечественной войны 2-й ст. (1944, 1945), медали: «20 лет РККА», «Партизану Отечественной войны» 1-й ст., «За победу над Германией».

КОЧЕТКОВ Александр Евстафьевич (1905).

Родился в ноябре 1905 г. в г. Казани в семье рабочего-железнодорожника. Русский.

Образование: окончил курсы по подготовке ВТУЗ в г. Томске в 1931 г., 3 курса вечернего комвуза в г. Новосибирске в 1933 году.

Работал: рассыльный комитета комсомола (06.1920), батрак в кулацком хозяйстве; рассыльный агитпункта 5-

й армии; подсобный рабочий жел. дороги станции; ученик, помощник слесаря паровозного депо; пом. слесаря и секретарь ком. комсомола, секретарь райкома комсомола; зав. орготделом окружкома ВЛКСМ; член загранич. бюро ВКП(б) и секретарь загранич. бюро ВЛКСМ; член президиума крайкома профсоюза сов. торг., служащий (06.1930).

В органах госбезопасности: сотрудник поручений отдела дор. тран. ЧК с. Иланская Красноярского края (05.1921—06.1922); сотрудник районного отдела ОГПУ с. Кургасок Томской обл. (05.1931—02.1932); пом. уполномоч., уполномоч. пом. пред. ОГПУ УНКВД по Западному Сибирскому краю (02.1932—03.1937), курсант спецшколы НКВД СССР (03.1937—09.1938); Нач. отделения, нач. отдела УНКВД по Куйбышевской обл. (09.1938—09.1939); пом. нач. Особого отдела НКВД 12-й армии, Киевский особый военный округ (09.1939—12.1939); замнач. особого отд. НКВД 6-й армии Киевского особ. воен. округа (12.1939—01.1941); замнач. особого отд. НКВД Киевского особого военного округа (01.1941—09.1941); замнач. 3-го отд. 3 отдела Упр. ОО НКВД СССР (09.1941—04.1942); нач. 11-го отдела Упр. ОО НКВД СССР (1942—1943); нач. 9-го отдела ГУКР «Смерш»; нач. Секретариата МГБ СССР (1946); нач. отдела «Б» МГБ СССР (10.1946—11.1949); замнач. Упр. кадров МГБ и нач. Особой инспекции (11.1949—09.1951); в расп. МГБ (09.1951—02.1952); замнач. отдела «В» МГБ СССР (02.1952—04.1953); нач. отдела УМВД по Алма-Атинской области (04.1953—05.1954); замнач. обл. управ. Комитета Гос. Безопасности (05.1954—06.1955); уволен в запас (07.1955).

Награды: орден Ленина (1945), Красного Знамени (1944), два ордена Красной Звезды (1943, 1945), два ордена Отечественной войны I и II степени (1943, 1944), медаль «За боевые заслуги» (1944), «За оборону Севастополя» (1944).

КРАМАР Павел Васильевич. Генерал-майор.

Родился 27 июня 1919 г. в д. Спасовка Рыбинского района Красноярского края. Русский.

Образование: в 1956 г. окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского.

В органах государственной безопасности с 1942 г. Службу начал помощником оперуполномоченного ОО НКВД (затем ОКР «Смерш») 22-й стрелковой дивизии 1-й армии Дальневосточного фронта. В 1944-1947 гг. исполнял обязанности заместителя начальника отделения ОКР «Смерш» УКР МГБ Западно-Амурского военного округа. В 1947 г. назначается заместителем начальника отделения, затем заместителем начальника отдела УКР МГБ войск Дальнего Востока.

В 1953-1956 гг. - слушатель Высшей Краснознаменной школы КГБ при СМ СССР.

После ее окончания назначен на должность начальника 2-го сектора ОО КГБ при СМ СССР по БВО, затем начальником особого отдела 28-й армии БВО. В 1961-1963 гг. - начальник ОО КГБ при СМ СССР 8-й гвардейской армии ГСВГ. С мая 1963 г. по декабрь 1971 г. - начальник ОО КГБ при СМ СССР по Белорусскому военному округу.

С января 1972 г. по август 1981 г. - начальник ОО КГБ СССР по Одесскому военному округу. В 1981 г. уволен в запас КГБ по возрасту. Умер в 1987 г.

Награжден: орденами Красного Знамени, Отечественной войны III степени, двумя орденами Красной Звезды и 12 медалями.

КРИВИЛУН Самуил Аронович (1903-1972).
Подполковник.

В органах НКВД с 1937 г. С апреля 1939 г. нач. отд. 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, с июня 1941 г. в органах военной

контрразведки, нач. ОО НКВД 31-й армии, замнач. О НКВД 20-й армии, в 1943–1945 гг. замнач. ОКР «Смерш» армии 3-го Белорусского фронта. С марта 1946 г. – замдиректора фабрики Гознак по режиму. В декабре 1947 г. уволен из МГБ по сокращению штатов, работал гл. контролером по режиму ВНИИ Гознак, директором магазина № 34 райпищеторга, нач. цеха полиграфической фабрики № 2 в Москве.

КРОХИН Алексей Алексеевич (1912–1983). Генерал-майор (1956).

Родился в Санкт-Петербурге. С 1928 г. ученик школы ФЗУ, с 1931 г. слесарь ленинградского завода «Электросила». В 1938 г. окончил Ленинградский индустриальный институт имени М.И. Калинина, работал инженером-электриком на заводе «Электросила».

В 1938 г. был направлен на работу в органы госбезопасности. Оперуполномоченный, с 1939 г. – старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД Ленинградского ВО. В начале Великой Отечественной войны – зам. начальника Особого отдела НКВД авиакорпуса. В 1941–1942 гг. старший оперуполномоченный, зам. начальника 1-го отделения 2-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, начальник 2-го отделения Особого отдела НКВД Московского ВО. С 1943 г. – зам. начальника, начальник 2-го отдела службы контрразведки «Смерш» Московского ВО. В 1942 г. вступил в ВКП(б). В 1945–1946 гг. возглавлял оперативную группу «Смерш», входившую в состав советской военной миссии, аккредитованной при штабе английской Рейнской армии.

С 1946 г. – во внешней разведке. С мая 1946 г. – зам. начальника отдела «б-А» управления «1-А» ПГУ МГБ СССР. С 1947 г. – начальник 1-го отдела 2-го управления Комитета информации при СМ СССР. В 1948–1949 гг.

выезжал в специальные командировки в Данию, Италию и Францию. В 1950–1954 гг. возглавлял резидентуру внешней разведки в Париже. С октября 1954 г. – зам. начальника ПГУ КГБ при СМ СССР, одновременно начальник управления «С» (нелегальная разведка). С 1961 г. – уполномоченный КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР, а с 1964 г. – вновь зам. начальника ПГУ КГБ и одновременно – начальник управления «К» (внешняя контрразведка). В 1966–1971 гг. вторично возглавлял резидентуру КГБ в Париже. Был выслан из Франции. С 1974 г. – в отставке.

Награжден: орденом Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

КУДРЯВЦЕВ Михаил Михайлович (1902—?). Полковник (1945).

В 1941-м – январе 1942 г. – начальник 3-го отдела ОО НКВД Черноморского флота. В 1942–1943 гг. под следствием за нарушения законности. С 1943 г. – в системе оперотделов Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. С 1950 г. – в запасе.

КУЗОВЛЕВ Сергей Яковлевич (1902—?). Лейтенант (1939).

Родился в г. Серпухове Московской обл., в семье владельцев колбасной мастерской. Член КПСС с 1924 г.

Образование: 3-классное ремесленное училище, курсы по подготовке во втуз, 2 курса вечернего текстильного института, райсовпартшкола.

Работал: слесарем на ситценабивной фабрике в г. Серпухове (03.1918), слесарь-электрик на ситценабивной фабрике г. Серпухов (1922–1924); директор рабфака им. Горького, прядильно-ткацкой школы-фабрики, текстильного техникума (1928–1932),

Служба в вооруженных силах: красноармеец 207-го воен. Строительного отряда г. Серпухова (07.1920—06.1921). С 1924 по 1928 г. находился на партийной работе: инструктор, зав. партийного отдела агитации УКОМ ВКП(б), зав. политпросветом, зам. зав. ОНО окружного исполкома г. Серпухов, серетарь ячейки ВКП(б) на прядильно-ткацкой фабрике им. 10-го Октября

Служба в органах госбезопасности: сотрудник ДТО ВЧК Южно-донецкая железная дорога г. Харьков (07.1921—10.1922); чекистская работа в УНКВД Московской обл. (06.1932—12.1942); замначальника ОО НКВД 38-й армии Воронежского фронта (12.1942—10.1943); начальник ОКР «Смерш» 53 армии 2-го Украинского фронта (10.1943—02.1945); нач. ОКР «Смерш» 1-й гвард. армии 4-го Украинского фронта (02.1945—12.1945); нач. отдела управления контрразведки МГБ Московского военного округа (12.1945—07.1949); нач. 5-го отдела УМГБ Ивановской обл. (08.1949—05.1952); замнач. райотдела УМГБ (05.1952—03.1953); замначальника райотдела УМВД (03.1953—07.1954); замнач. секретариата УКГБ Моск. обл. (07.1954—08.1955). Пенсионер с 08.1955.

Награды: 2 ордена Красной Звезды, 2 ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, 4 медали.

КУЛЕШОВ Николай Арсентьевич (1909-1969).
Лейтенант ГБ.

Образование: Всесоюзная правовая академия в 1938 г.

В органах ОГПУ с 1933 г. С сентября 1939 г. - пом. нач. следчасти ГУГБ НКВД СССР, в 1941-1946 гг. в военной контрразведке - ОО и «Смерш», затем в центральном аппарате МГБ СССР, с апреля 1951 г. ст. редактор ВШ МГБ СССР.

КУПРИН Павел Тихонович (1908 - 11.11.1942).
Комиссар госбезопасности 3-го ранга (генерал-лейтенант) (1941), засл. работник НКВД (1942).

Родился в семье крестьянина в деревне Моховая Кромского района Орловской области.

Работал: батраком на родине, с 1929 г. на комсомольской работе, а с 1930 г. по 1937 г. на партийной работе в Воронежской и Курской областях.

В органах госбезопасности с 1937 г. Проходил стажировку в 4-м отделе ГУГБ НКВД СССР. Нач. УНКВД по Чит. обл. (2.12.1938—2.11.1939) и нач. ОО НКВД ЗаБВО (28.12.1938—31.1.1939). Способствовал освобождению многих забайкальцев, необоснованно арестованных в 1937-1938 гг. Нач. УНКВД по Хабаровскому кр. (1939-1941), нач. УНКВД по Ленинградской обл. (февр. - июнь 1941), нач. ОО НКВД Сев. и Ленинградского фронтов (июль 1941 - май 1942). Нач. ОО НКВД по МВО (май - авг. 1942). Нач. 3-го управления Гл. управления госбезопасности НКВД СССР (авг. - нояб. 1942). Делегат XVIII партсъезда. Погиб: сбит над Ладожским оз. в р-не мест. Морье (Ленинградский фронт). Награжден орденом Красного Знамени (1940).

ЛЕБЕДЕВ Алексей Павлович (1906–1968). Генерал-майор береговой службы (1943). Член партии с 1929 г.

Служил в инженерных частях РККФ, окончил Московскую военно-инженерную школу (1930).

В январе 1939 г., будучи курсантом Военной академии химзащиты им. С. Е. Ворошилова, был направлен на работу в органы НКВД и назначен начальником ОО НКВД Тихоокеанского флота (в феврале того же года присвоено звание майора ГБ). С октября 1939 г. – начальник ОО НКВД – 3-го отдела ОО НКВД – ОКР «Смерш» Краснознаменного Балтийского флота. С мая 1943 г. – замначальника УКР «Смерш» НКВМФ. В мае 1946-го – июле 1952 г. – замначальника 2-го (контрразведка в ВМФ) управления 3-го главного управления МГБ СССР. С 1952 г. – начальник ОКР МГБ Горьковского ВО, с октября 1953 г. – замначальника ОО МВД – КГБ Прикарпатского ВО, с ноября 1954 г. – начальник ОО Тульского гарнизона МВО, с августа 1956 г. – начальник ОО 28-й армии БВО. С января 1959 г. – начальник школы № 201 КГБ в г. Горьком, с 1961 г. – в действующем резерве КГБ. Награжден орденом Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды. Умер в Москве.

ЛИТВИНОВ Николай Александрович (10.12.1921, д. Ильина Новгородской губ. - ?), генерал-лейтенант (1976), почетный сотрудник госбезопасности (1972).

Окончил Васильковскую военно-авиационную школу (1942), Таллинское военно-пехотное уч-ще (1943), ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (1955). Службу в органах госбезопасности начал оперуполномоченным отд. контрразведки «Смерш» 8-й гвардейской воздушно-десантной бригады (1943), в 1946–1954 на оперативных должностях в ОО по соединениям ВДВ, соединению и объединению ВВС. В 1955—1959-м в управлении кадров КГБ СССР, зам. и нач. ОО КГБ по 7-й танковой армии БВО (1959–1967). Нач. ОО КГБ по ЗаБВО (1969–1973). В 1973–1979 возглавлял управление особых отделов КГБ по ДВО. В 1979–1988 служил в центр. аппарате КГБ. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «За службу Родине в Вооруж. Силах СССР» 3-й ст., Отечественной войны 2-й ст., медалями.

ЛУКАШЕВИЧ Евгений Иванович (1909-?). Полковник (27.01.58).

Родился в 1909 г. в городе Кутаиси. Из служащих.

Окончил Всесоюзный институт субтропических культур 09.1931—05.1937.

Работал: счетовод-статистик Сельскохозяйственного банка, Сухуми 04.1927—06.1929; счетовод Республиканской конторы Абхазлеса, Сухуми 06.1929—06.1930; бухгалтер Сухумского обкома КП(б) Грузинской ССР 08.1930—09.1931; студент Всесоюзного института субтропических культур 09.1931-05.1937; агроном Гагринского курортного управления 05.1937—09.1937; агроном Зеленотреста, Сочи 09.1937—06.1940; агроном санатория ЦК Союза Азотспецхимии 06.1940—06.1941.

В органах госбезопасности: помощник оперуполномоченного УНКГБ по Краснодарскому краю

21.06.1941—01.09.1941; помощник оперуполномоченного Адлеровского райотдела УНКВД по Краснодарскому краю 01.09.1941—02.1942; оперуполномоченный ОО НКВД Сталинградского ВО 02.1942—09.01.1943; оперуполномоченный ОО НКВД 62-й армии Донского фронта по обслуживанию периферийных объектов 09.01.1943—01.04.1943; оперуполномоченный ОКР «Смерш» 68-й армии Северо-Западного фронта по обслуживанию 266-го пулеметно-артиллерийского полка 01.04.1943—19.10.1943; ст. оперуполномоченный 3-го отделения ОКР «Смерш» 68-й армии Западного фронта 19.10.43—21.01.1944; нач. ОКР «Смерш» 15-й гв. артиллерийской бригады 6-й гв. дивизии Западного фронта, 21.01.1944—20.04.1944; нач. ОКР «Смерш» 15-й гв. артиллерийской бригады Орловского военного округа 20.04.1944—30.07.1944; помощник нач. ОКР «Смерш» 72-го стрелкового корпуса 3-го Белорусского фронта, 30.07.44—15.07.45; помощник нач. ОКР «Смерш» 72-го стрелкового корпуса Приморской группы войск, 15.07.1945—15.07.1946; в резерве 1-го отдела кадров УКР Приморского ВО, 15.07.1946—25.10.1946; откомандирован в распоряжение МГБ Туркменской ССР, 25.10.1946; нач. оперативного отделения УМГБ по Чарджоуской обл. Туркменской ССР, 20.12.1946—25.10.1949; нач. 3-го отделения 5-го отдела МГБ Туркменской ССР, 25.10.1949—10.02.1950; нач. 1-го отделения 5-го отдела МГБ Туркменской ССР, 10.02.1950—25.10.1950; нач. 2-го отделения 7-го отдела МГБ Туркменской ССР, 25.10.1950—20.06.1951; замнач. отдела кадров, он же нач. Особой инспекции МГБ Туркменской ССР, 20.06.1951—08.08.1953; замнач. 7-го отдела МГБ Туркменской ССР, 08.08.1953—17.05.1954; замнач. 7-го отдела КГБ при СМ Туркменской ССР, он же нач. отделения 17.05.1954—23.05.1955; нач. инспекции при Председателе КГБ при СМ Туркменской ССР,

23.05.1955—01.09.1959. Уволен из органов безопасности 01.09.1959.

Награды: медаль «За отвагу» 10.1942; орден Красной Звезды 06.1943; орден Отечественной войны 2-й степени 09.1943; 2 ордена Отечественной войны 1-й степени 06.1945 и 09.1945; медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

МАРЧИК Владимир Филиппович (1912—?). Комиссар милиции 2-го ранга.

Родился в 1912 г. в г. Кронштадте Ленинградской области Русский.

Образование: окончил трудовую школу, рабфак в Ленинграде, в 1940 г. – курсы Высшей школы НКВД СССР.

В органах государственной безопасности с 1938 г. Начал службу сотрудником Особого отдела НКВД БССР. В период Великой Отечественной войны занимал руководящие должности в Особых отделах Западного фронта, 204-й авиационной дивизии, 49-й лыжной бригады и 3-го стрелкового корпуса, в Управлении контрразведки МГБ 3-го Белорусского фронта. В послевоенный период – заместитель начальника Управления контрразведки Барановичского военного округа, затем был назначен на должность заместителя начальника УМГБ Фрунзенской области Киргизской ССР. С апреля 1947 г. по август 1949 г. – начальник Управления МГБ Брестской области. В 1950–1952 гг. – первый заместитель начальника Главного Управления милиции МГБ СССР. На пенсии с 1952 г.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

МАТВЕЕВ Александр Иванович (26.02.16, Ленинградская обл. - 13.05.2007, г. Москва.) Генерал-лейтенант (1974).

Родился в 1916 г. в деревне Верховина Волховского района Ленинградской области. Работал с 14 лет на Волховском алюминиевом заводе учеником слесаря, слесарем, пирометристом. С 1935 года - на комсомольской работе. Перед войной первый секретарь Запорожского горкома комсомола.

В органах госбезопасности с 1941 по 1986 г.: в военной контрразведке с 22 июня 1941 года - старший оперуполномоченный особого отдела 983-го стрелкового полка

В период Сталинградской битвы - зам. нач. ОО УНКВД 99-й стрелковой дивизии. С 1944 нач. ОКР «Смерш» 47-й гв. стрелковой дивизии; нач. ОКР МВД Московского района ПВО, 1953; нач. ОО МВД Московского района ПВО, 1953-1959; нач. ОО КГБ по Дальневосточному ВО, 1959-1961; замнач. Управления ОО КГБ по ГСОВ в Германии 1961-1962; нач. Управления ОО КГБ по ГСОВ в Германии 1962-1966; замнач. 3-го Управления КГБ при СМ СССР, 23.02.66-21.08.70; 1-й замнач. 3-го ГУ КГБ СССР, 04.09.70-30.03.79; 1-й зам. нач. 2-го ГУ КГБ СССР, 18.05.79-27.06.86. В отставке с 1986.

Награды: 3 ордена Красного Знамени; орден Трудового Красного Знамени; 3 ордена Красной Звезды; ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени; орден Почета; орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени. Почетный сотрудник госбезопасности (1961).

МЕЛЬНИКОВ Дмитрий Иванович (1906–1956).
Генерал-лейтенант (1944).

С августа 1941 г. – зам. начальника 1-го отдела УОО НКВД СССР. С сентября 1941 г. на фронте – начальник особых отделов 7-й Отдельной армии, Волховского (с декабря 1941 г.), Ленинградского (с мая 1942 г.), вновь Волховского (с июня 1942 г.), УКР «Смерш» Карельского (с марта 1944), Резервного (с января 1945 г.) фронтов. В 1945 г. – начальник УКР «Смерш» Приморской группы войск 1-го Дальневосточного фронта. В сентябре 1945-го – сентябре 1946 г. – начальник УКР МГБ Приморского ВО. В последующие годы на руководящей работе в Высшей школе МГБ СССР, 3-м ГУ центрального аппарата КГБ.

МЕШИК Павел Яковлевич (1910, Конотоп – 23.12.1953, Москва). Генерал-лейтенант (26.5.1943).

Сын служащего.

Образование: школа-семилетка, Конотоп, 1925; школа ФЗУ при механическом з-де, Конотоп, 1927; курсы по подготовке в вуз, г. Каменец-Подольский, 01.1930—08.1930; Энергетический ин-т, Самара, 10.1931—03.1932.

С 1925 г. работал слесарем на механическом заводе..

В органах госбезопасности: с марта 1932 г. курсант Высшей школы ОГПУ СССР 04.1932—02.1933; пом. уполн.

1-го отд-я ЭКУ ОГПУ СССР 20.02.1933—10.07.1934; пом. уполн. 1-го отделения ЭКО ГУГБ НКВД СССР 10.07.1934—25.05.1935; опер. уполн. 2 отд-я ЭКО ГУГБ НКВД СССР 25.05.1935—?; опер. уполн. 14 отд-я 3 отд. ГУГБ НКВД СССР? - 15.09.1937; пом. нач. 14-го отд-я 3-го отд. ГУГБ НКВД СССР 15.09.1937-1938; С 1.1.1939 помощник нач. Следственной части НКВД СССР. 4.9.1939 М. был назначен нач. созданной Следственной части Главного экономического управления НКВД ссср. 4.3.1940 - 26.2.1941 нач. 1-го (промышленные и пищевые наркоматы) отдела ГЭУ НКВД СССР. При разделении НКВД 26.2.1941 стал наркомом государственной безопасности Украины, а после прошедшего в июле 1941 - объединения возглавил Экономическое управление НКВД СССР. Во время Великой Отечественной войны в сент. - нояб. 1941 одновременно был и нач. 7-го спецотдела (обеспечение производства минометного вооружения).

В 19.4.1943—17.12.1945 занимал пост зам. нач. Главного управления контрразведки «Смерш», одновременно в 1944-1945 гг. зам. командующего 1-м Украинским фронтом. 5.3.1945 М. направлен в Польшу, где занял пост советника при Министерстве общественной администрации. Руководил созданием органов госбезопасности Польши. С 20.8.1945 по 16.3.1953 занимал пост зам. нач. 1-го Главного управления при СНК СССР по режиму. Управление занималось разработкой и созданием ядерного оружия, а на Мешика было возложено обеспечение полной секретности работы. 16.3.1953 Л.П. Берия назначил Мешика министром внутренних дел Украины. На этом посту активно проводил политику «украинизации». После падения Берии 30.6.1953 арестован. Специальным

судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен 23.12.1953 к смертной казни. Расстрелян.

Награды: орден «Знак Почета» 19.12.1937; орден Красной Звезды, 26.04.1940; знак «Заслуженный работник НКВД» 28.05.1941; орден Трудового Красного Знамени 03.06.1942; орден Красного Знамени 28.10.1943; орден Красного Знамени 31.07.1944; орден Кутузова 1-й степени, 23.03.1945; орден Кутузова 1-й степени, 29.05.1945; орден Ленина, 29.10.1949; 6 медалей. Лауреат Сталинской премии 2-й степени 1951.

МИЛЬШТЕЙН Соломон Рафаилович (1899, г. Вильно - 14.01.1955).

Генерал-лейтенант (09.07.1945). Член ВКП(б) с 05.1929.

Родился в Вильно в семье кровельщика. Еврей.

Образование: 5 классов начального училища при Еврейском учительском ин-те в Вильно, 1908-1915; 5 классов реального училища в Пскове, 1918; гимназия в Вильно в 1920.

В РККА: делопроизводитель-статистик Особой продкомиссии 4-й армии 08.1920—10.1920; делопроизводитель-статистик отд. продовольственного снабжения 18-й стр. дивизии 10.1920—05.1921; делопроизводитель-статистик отд. продовольственного снабжения 20-й стр. дивизии 05.1921—05.1922.

В органах госбезопасности: ст. делопроизводитель ОО Закавказской ЧК 05.1922—?; делопроизводитель ОО 11-й армии 1923; уполн. ОО Закавказской ЧК и Кавказской Краснознаменной армии 1924-1925; нач. 2-го отд-я ОО Кавказской Краснознаменной армии 1925—20.12.1926; секретарь коллегии ГПУ ГрузССР 01.1927—04.1931; секретарь СОУ ПП ОГПУ по ЗСФСР 04.1931—11.1931;

На парт. - сов. работе: пом. отв. секретаря ЦК КП(б) Грузии (Берия) 11.1931—20.02.1932; зав. секретным отд. ЦК КП(б) Грузии 20.02.1932—02.1934; зав. особым сектором ЦК КП(б) Грузии 27.02.1934—11.11.1936; пред. Совета физкультуры и спорта Тифлисского горисполкома 03.1934—1936; пред. Совета физкультуры и спорта ГрузССР 03.1934—07.1936; пред. Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК ГрузССР 07.1936—11.1937; 1 секретарь райкома им. 26 бакинских комиссаров Тбилисского горкома КП(б) Грузии 11.1937—09.1938; 3 секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии 09.1938—12.1938; зам. нач. следств. части НКВД СССР 29.12.1938—31.03.1939; нач. ГТУ НКВД СССР 31.03.1939—26.02.1941; нач. 3-го упр. НКГБ СССР 26.02.1941—11.03.1941; 1-й зам. наркома лесной пром-сти СССР 11.03.1941—10.08.1941; 1-й зам. нач. Управления ОО НКВД СССР, 19.07.1941—24.09.1942; Нач. Трансп. упр. НКВД СССР, 24.09.1942—12.05.1943; нач. 3 упр. (Трансп. упр.) НКГБ - МГБ СССР, 12.05.1943—05.1946; уполн. НКВД СССР, 26.02.1944—1944; нач. Трансп. упр. МГБ СССР, 05.1946—06.1947; и.о. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР на ж.-д. и водном транспорте, 06.1947—27.11.1947; нач. Казанской ж. д. 01.1948—10.1950; в распоряжении МПС СССР, 10.1950—01.1951; нач. треста по переработке и мобилизации внутр. ресурсов МПС СССР, 01.1951—20.03.1951; 1-й замнач. по лагерю Упр. ИТЛ строительства железных рудников МВД, 30.03.1951—21.02.1952; 1-й замнач. по общим вопросам Упр. ИТЛ строительства железных рудников МВД 21.02.1952—19.03.1953; замминистра внутр. дел УССР 19.03.1953—30.06.1953. Арестован 30.06.1953; приговорен ВКВС СССР 30.10.1954 по ст. 58-1«б» УК РСФСР к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Награды: орден «Знак Почета» № 7197 (22.07.1937); знак «Почетный работник ВЧК - ГПУ (XV)» - 30.04.1939; орден Красного Знамени № 4449 (26.04.40); орден

Ленина № 12087 (24.11.1942); орден Кутузова 2-й степени № 583 (08.03.1944); орден Отечественной войны 1-й степени № 60367 (05.07.1944); орден Красного Знамени № 11154 (03.11.1944); орден Отеч. войны 1-й степени № 126286 (02.12.1944); орден Кутузова 1-й степени № 373 (23.02. 1945); орден Суворова 2-й степени № 2398 (29.07.1945); орден Ленина № 51025 (04.12.1945); орден Трудового Красного Знамени № 128165; 5 медалей.

МИСЮРЕВ Александр Петрович (1902–1966).
Генерал-майор (1943).

Служил в погранвойсках, окончил Высшую погран. школу ОГПУ СССР в 1929 г., после чего работал в центральном аппарате ГУПО и войск ОГПУ СССР ГУПВО НКВД СССР до 1939 г. В 1939 г. – начальник разведотдела Управления погранвойск НКВД Белорусского округа, с ноября того же года – начальник УНКВД Барановичской и Белостокской областей. С марта 1941 г. – зам. наркома внутренних дел БССР. С декабря 1941 г. – начальник ОО НКВД Архангельского ВО. С апреля 1943 г. – пом. начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. С мая 1946 г. – начальник УКР МГБ Приволжского, с июля 1949 г. – Киевского ВО. С мая 1950 г. – начальник 1-го управления 3-го ГУ МГБ СССР (до января 1952 г.). С января 1952 г. – пом. начальника 3-го ГУ МГБ. С 23 марта 1953 г. – пом. начальника 3-го управления МВД СССР. С июня по август 1953 г. – начальник УОО МВД СССР ГСОВГ. С августа 1953–1959 гг. – начальник ОО КГБ по СКВО. 22 августа 1959 г. уволен в запас по болезни.

Награды: орден Кутузова 2-й степени, 13.9.1945.

МИХАЙЛОВ Алексей Никифорович. Полковник ГБ (02.43).

Родился в 1905 г. в городе Ворошиловград. Из рабочих. Украинец.

Образование: 3 курса машиностроительного института, г. Запорожье, 11.30-07.33.

Работал: чернорабочий Патронного завода, г. Ворошиловград, 02.1917—01.1919; батрак у кулака, хутор Погорелый Луганско-Станичного района Ворошиловградской обл. 01.1919—01.1920; рассыльный губпарткома, г. Артемовск, г. Ворошиловград 01.20-02.1921; токарь завода № 60, г. Ворошиловград 02.1921—12.1925; секретарь кусткома ЛКСМУ, г. Краснодон Ворошиловградской обл. 12.1925—06.1926; секретарь райкома ЛКСМУ, Ровеньковский район Ворошиловградской обл., 06.1926—10.1926; секретарь райкома ЛКСМУ, Каменный Брод Ворошиловградской обл., 10.1926—05.1927; зав. орготделом окружкома ЛКСМУ, г. Ворошиловград, 05.1927—11.1928; председатель завкома завода им. Артема, г. Ворошилов, 07.1930—11.1930; зам. нач. п/отдела Красно-Гришинской МТС г. Гришине Сталинской обл., 07.1933—03.1934, нач. п/отдела Удачнянской МТС Сталинской обл., 03.1934—02.1935; зам. директора МТС по политчасти, Добропольский район Сталинской обл., 02.1935—04.1937; секретарь райкома КП(б)У Добропольского района Сталинской обл., 04.1937—09.1938; зав. ОРПО обкома КП(б)У, г. Каменец-Подольский, 09.1938—02.1939.

Служба в вооруженных силах: красноармеец, командир отделения радиобатальона, г. Днепропетровск 11.1928—11.1929; политрук радиобатальона, г. Днепропетровск, 11.1929—07.1930.

В органах госбезопасности: нач. УНКВД, г. Каменец-Подольский (02.1939—06.1940); нач. УНКВД, г. Станислав (06.1940—04.1941); нач. УНКГБ по Станиславской обл. (04.1941—07.1941); нач. ОО НКВД 38-й армии Юго-Западного фронта, (07.1941—08.1942); откомандирован в ОО НКВД Юго-Восточного фронта (12-22.08.1942); зам. нач. ОО НКВД Юго-Восточного фронта (08.1942—

11.1942); зам. нач. ОО НКВД Сталинградского фронта (11.1942—01.1943); зам. нач. ОО НКВД Южного фронта (01.1943—07.1943); зам. наркома НКГБ Узбекской ССР (07.43—01.1944); откомандирован в распоряжение НКГБ Украинской ССР, (01.1944—07.1944); нач. УНКГБ Станиславской обл. (07.1944—09.1946).

Уволен по несоответствию с передачей на общевоинский учет, 25.09.1946.

МИХЕЕВ Анатолий Николаевич (1911-1941).
Комиссар ГБ 3-го ранга (1941).

Родился в г. Кемь Архангельской губернии в семье сторожа артели.

Работал на лесопильном заводе топливного отдела
Управления Северных ж. д. (1927-1928).

Образование: окончил военно-инженерную школу
Ленинградского военного округа (1928-1931), в 1935-
1939 гг. учился в Военно-инженерной академии РККА им.
Куйбышева (окончил 4 курса).

Служил в РККА - командовал взводом и саперной
ротой Отдельного саперного батальона 7-го стрелкового
корпуса (Украинский военный округ), затем в войсках
ОГПУ - НКВД - курсовой командир саперно-
маскировочного дивизиона, командир-руководитель

оборонительных и необоронительных построек 4-й пограничной школы ОГПУ – НКВД в Саратове. В феврале 1939 г. в звании майора РККА мобилизован в органы военной контрразведки НКВД. Начальник Особого отдела Орловского (1939) и Киевского (1939–1940) военных округов. С августа 1940 г. – начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля 1941 г., после реорганизации НКВД, – начальник 3-го управления Наркомата обороны СССР. 19 июля 1941 г. назначен начальником Особого отдела Юго-Западного фронта. Награжден орденом Красной Звезды. Погиб на фронте под Киевом.

МИШИН Василий Николаевич (1901—?), полковник.

В органах госбезопасности с 1921. В 1927–1941 на оперативных и руководящих должностях в ОО ОГПУ – НКВД по БВО (БОВО, Запово). В 1941 возглавлял ОО НКВД 3-й армии Брянского фронта; в 1942–1943 ОО НКВД, отд. контрразведки «Смерш» 30-й армии Зап. и Калининского фронтов; в 1943–1945 отд. контрразведки «Смерш» 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов; в 1945–1947 отд. контрразведки «Смерш», ОО МГБ по ЛВО. Нач. ОО МВД – КГБ по ЗабВО (1953–1955).

Награжден: орденами Ленина (четырежды), Красного Знамени, медалями.

МОРДОВЕЦ Иосиф Лаврентьевич (1899– 02.1976, Кишинев). Генерал-майор 09.07.45. Член ВКП(б) с 07.1929 г. Депутат Верховного Совета СССР 2-4 созывов.

Родился в с. Недай-Вода Криворожского уезда в семье крестьянина. Украинец. Образование: церковно-приходская школа, Недай-Вода, 1912. Работал: коногон, откатчик, забойщик на Александровском руднике шахты № 4, Днепропетровский уезд Екатеринославской губ. 10.1912—10.1918.

В РККА: рядовой отряда Савенко и Криворожского красногвард. полка 10.1918—02.1919; рядовой Отдельного кав. полка 14-й армии и береговой обороны Черного моря 02.1919—04.1923.

Работал: батрак у кулаков, Недай-Вода, 04.1923—10.1924; секретарь сельсовета, Недай-Вода 10.24-11.25; деловод Криворожского РИК, 11.1925—07.1926; пред. Криворожского райкома Союза совторгслужащих 07.1926—12.1927; информатор Криворожского райкома КП(б)У, 12.1927—01.1930. В органах госбезопасности: уполн. Долинского райотд. ГПУ Днепропетровской обл., 01.1930—06.1931; нач. Долинского райотд. ГПУ 06.1931—12.1931; нач. Магдалиновского райотд. ГПУ - НКВД 12.1931—07.1935; нач. Городокского райотд. НКВД

07.1935—07.1938; нач. 2-го отд. УГБ УНКВД Каменец-Подольской обл., 07.1938—09.1938; пом. нач. УНКВД Каменец-Подольской обл., 09.1938—12.1939; зам. нач. УНКВД Каменец-Подольской обл., 12.1939—07.08.1940; и.о. нач. УНКВД Каменец-Подольской обл., 01.1940—22.04.1940; зам. наркома внутр. дел Молд. ССР 07.08.1940—03.1941; зам. наркома ГБ Молдавской ССР, 03.1941—25.07.1941; зам. нач. ОО НКВД Южного фронта, 25.07.1941—05.1942; замнач. ОО НКВД Северо-Кавказского фронта, 05.1942—17.12.1942; замнач. ОО НКВД Черноморской группы войск, 17.12.42—03.1943; замнач. УКР «Смерш» Закавказского фронта, 04.1943—21.02.1944; замнач. УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта, 21.02.1944—31.07.1944; нарком - министр ГБ Молд. ССР 31.07.1944—16.03.1953; министр внутр. дел Молд. ССР 16.03.1953—04.05.1954; пред. КГБ Молд. ССР 06.05.1954—30.03.1955. Нач. отд. кадров Министерства коммунального хозяйства Молд. ССР 11.1955—11.1956. Пенсионер с 11.1956, проживал в г. Кишинев.

Награды: знак «Почетный работник ВЧК - ГПУ (XV)» 14.08.38; орден «Знак Почета» (26.04.1940); орден Красного Знамени (27.03.1942); орден Красной Звезды (03.11.1944); орден Красного Знамени (12.05.1945); орден Красного Знамени (24.08.1949); орден Ленина (11.10.1949); орден Ленина; орден Отечественной войны 1-й степени; орден Красной Звезды; 6 медалей.

МОСКАЛЕНКО Владимир Ионович (1910—?). Полковник (1943).

В августе 1941-го - феврале 1944 г. - начальник 3-го отдела ОО НКВД ОКР «Смерш» Беломорской военной флотилии. В 1944 г. - начальник ОКР «Смерш» Кронштадтского морского оборонительного района, далее до 1952 г. на руководящей работе в военной контрразведке ВМФ. С 1952 г. - замначальника УКР МГБ

МВО. С мая 1954 г. - начальник ОО КГБ по Черноморскому флоту. В 1958 г. уволен в отставку.

МОСКАЛЕНКО Иван Иванович (1907—?). Генерал-лейтенант (1944).

Родился в 1907 г. в Киевской области. Украинец.

Образование: окончил профшколу в 1925 г., окончил Киевскую пехотную школу в 1928 г., в 1939 г. - Краснознаменную ордена Ленина Военную академию им. М.В. Фрунзе.

В РККА: проходил службу на командных должностях в Украинском, Ленинградском и Дальневосточном военном округах.

В органах государственной безопасности с 1939 г.: с октября 1940 г. - начальник 1-го отделения и помощник начальника 4-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР, до августа

1941 г. - начальник 1-го отдела 3-го управления НКО СССР, помощник начальника 3-го управления НКО СССР. В 1941-1943 гг. - начальник 1-го отдела, помощник начальника УОО НКВД СССР. С 05.1943 г. - помощник начальника ГУКР «Смерш».

В мае 1946 г. назначен на должность помощника начальника 3-го ГУ МГБ СССР, где работал до 05.1952 г., в 1946-1952 гг. одновременно начальник 1-го отдела 3-го ГУ. С января 1952 г. по октябрь 1953 г. - заместитель начальника Управления контрразведки МГБ СССР по Белорусскому военному округу (Особого отдела МВД СССР по Белорусскому военному округу). С 1954 г. - в запасе.

Награжден: двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени (25.3.1945), орденом Красной Звезды, медалями. Заслуженный работник НКВД.

МУХАЧЕВ Николай Иванович (1903 г.р.).
Подполковник (05.11.55).

Родился в 1903 г. в г. Петрограде в рабочей семье.

Образование: окончил заочный факультет советского права при 1-м Московском государственном университете (без диплома) 1932. В вооруженных силах: юнга, матрос в Балтийском порту, 04.1915—02.1920; секретарь политбюро в Балтийском порту, 02.1920—10.1920; секретарь политбюро Нижегородской ГубЧК, 10.1920—05.1921; военный моряк на Балтийском флоте, 03.1920—10.1926.

Работал: народный следователь прокуратуры, Кунгур Молотовской обл., 10.1926—1931; народный следователь прокуратуры, Сатка Челябинской обл., 1931—05.1932; председатель райплана, Сатка Челябинской обл., 05.32—08.34; нач. юридического отдела, инспектор завода «Магнулит», Сатка Челябинской обл., 08.1934—09.1939; член Челябинского областного суда и и.о. народного судьи 09.1939—02.1940; нач. сушильного цеха завода «Магнулит» 02.1940—05.09.1941.

В органах госбезопасности: помощник оперуполномоченного 3-го отделения ОО НКВД Уральского ВО (05.09.1941—1942); оперуполномоченный ОО НКВД 17-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского ВО (1942—10.04.1942); оперуполномоченный ОО НКВД 196-й стрелковой дивизии Южно-Уральского ВО (10.04.1942—25.07.1942); оперуполномоченный ОО НКВД 196-й стрелковой дивизии Южно-Уральского ВО (25.07.1942—03.10.1942); оперуполномоченный 6-го отделения ОО НКВД 62-й армии Сталинградского фронта (03.10.42—09.01.1943); нач. 4-го отделения ОО НКВД 62-й армии Донского фронта (07.04.1943—?); ОКР «Смерш» 57-й армии Юго-Западного фронта (должность не указана) (?—04.05.1943); помощник нач. 1-го отделения 4-го отдела ГУКР «Смерш» (04.05.1943—04.08.1943); ст. оперуполномоченный 4-го отдела ГУКР «Смерш»

(04.08.1943—27.11.1943); нач. спецкурсов 4-го отдела ГУК НКО «Смерш» (27.11.1943—07.04.1945); нач. 2-го отделения 2-го отдела УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта (07.04.1945—14.06.1945); нач. 2-го отделения 2-го отдела УКР «Смерш» Южной группы войск (14.06.1945—?); нач. 2-го отделения ОКР МГБ Отдельной механизированной армии (?-16.02.1948); нач. секретариата ОКР МГБ 7-й гв. армии Закавказского ВО (05.05.1948—10.07.1948); нач. 3-го отделения ОКР МГБ 7-й гв. армии Закавказского ВО (10.07.1948—20.04.1949); нач. 1-го отделения ОКР МГБ 7-й гв. армии Закавказского ВО (20.04.1949—19.12.1953); нач. 1-го отделения ОО КГБ ГСОВ в Германии (03.02.1954—04.10.1955); зам. нач. 1-го отдела Управления ОО КГБ ГСОВ в Германии (04.10.1955—07.01.1956); ст. оперуполномоченный 2-го отделения ОО КГБ Бакинского ВО (07.01.1956—27.08.1960). Уволен в запас Советской Армии 27.08.1960.

Награды: 2 ордена Красной Звезды (01.11.1943), (24.11.1950); 5 медалей.

НАВАЛИХИН Степан Игнатьевич (1905-?). Комиссар милиции 3-го ранга (1957).

Родился в 1905 году в деревне Пеньки Богородского района Кировской области.

Образование: окончил Ленинградскую школу нач. состава милиции НКВД СССР (1934-1935); высшую школу милиции (1953).

Работал: с 1924 года разнорабочим металлургического завода.

В армии: в период с 1927 по 1929 год - срочная служба в Красной Армии: курсант полковой школы, старшина роты отдельного батальона, дислоцировавшегося в городе Ростове Ярославской области (Московский военный округ).

По увольнении в запас вернулся на родину, где продолжил трудовую деятельность: заведующий избой-

читальней, ответственный работник местных райкома ВКП(б) и райисполкома.

В 1932 году по партийной мобилизации направлен на политическую работу в органы милиции – политинспектор ряда райотделов Кировской области, начальник городских и районных отделов милиции Горьковской области. В Великую Отечественную войну – начальник ОБХСС и заместитель начальника управления милиции НКВД Горьковской области, подполковник милиции по специальному званию.

В декабре 1944 года откомандирован без освобождения от занимаемой должности в органы военной контрразведки действующей армии: заместитель начальника отдела «Смерш» 43-й армии 3-го Белорусского фронта по охране тыла; начальник оперативной группы и ряда (в том числе Гумбиненского и Инстербургского) оперативных секторов аппарата уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии. В период с 22 сентября по 12 ноября 1945 года – временно исполняющий обязанности руководителя агентурно-оперативной работой в Восточной Пруссии (то есть фактически – врио уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии). С 4 января и по август 1946 года – заместитель уполномоченного НКВД – НКГБ (с 15 марта 1946 года – МВД – МГБ) СССР по Восточной Пруссии. Заместитель начальника УМВД по Калининградской области – начальник управления милиции (1946–1949); заместитель начальника управления милиции МВД – МГБ Киргизской ССР (с 1949 по 1950 год), заместитель начальника управления милиции УМГБ – УМВД по Амурской области (с 1950–1953 год). С 1954 года после годичной учебы в Москве в Высшей школе милиции – начальник управления милиции УМВД по Орловской области. В 1955 году уволен со службы в органах внутренних дел по инвалидности.

Награды: орден Отечественной войны 2-й степени (1945), два ордена Красной Звезды (1945), орден Знак Почета (1943), медаль «За боевые заслуги» (1945), «За взятие Кёнигсберга» (1945), нагрудный знак «Заслуженному работнику НКВД» (1947). Умер в 70-х годах.

НЕРЕТИН Михаил Федорович (9.1.1918, с. Усть-Мосиха Томской губ. - ?), генерал-майор (1966). Почетный сотрудник госбезопасности (1972).

Военную службу начал рядовым 69-го полка 9-й дивизии Заб. окр. внутренних войск НКВД (1938). После увольнения в запас (1941) инструктор Алтайского крайпотребсоюза. В 1941-1942 гг. уполномоченный уголовного розыска и ст. оперуполномоченный ОБХСС управления НКВД Алтайского кр. В 1942 оперуполномоченный ОО НКВД по 17-й стрелковой дивизии на Зап. и Калининском фронтах, в 1942-1945 оперуполномоченный ОО НКВД, отд. контрразведки «Смерш» 43-й армии на 1-м Прибалтийском, 2-м и 3-м Белорусских фронтах. После войны служил в ОО МГБ по Сев. группе войск (1946-1952). В 1952-1960 занимал руководящие должности в ОО МГБ - КГБ по ПрибВО. В Заб. с 1960. Нач. ОО КГБ по ЗабВО (1962—68). Находился в заграничной командировке в Египте (1968—74), в резерве Первого главного управления КГБ (1974). В 1974—81 в представительстве КГБ при МВД ПНР.

Награжден: орденами Красной Звезды (дважды), Красного Знамени, Отечественной войны 2-й и 1-й ст., медалями.

НИКИФОРОВ Александр Тихонович (1902—18.06.1968, г. Москва). Генерал-майор (23.07.1945); постановлением Совета Министров СССР от 13.01.1953 лишен звания генерал-майор запаса, как осужденный ВК

ВС СССР; подполковник запаса КГБ при СМ СССР (25.01.56).

Родился в 1902 году в деревне Малые Почеснов(и)ки Рыбинского района Ивановской обл. Из рабочих. Русский.

Образование: среднее, ТО ОГПУ 1925. Работал: пастух в деревне М. Почеснов(и)ки Рыбинского района 1914; слесарь ПГС Октябрьской ж/д ст. Рыбинск 1914-1918. В вооруженных силах: красноармеец, 1918-1919.

В органах госбезопасности: агент, помощник уполномоченного ТО ВЧК, г. Рыбинск (1919-1921); курсант школы ВЦИК, г. Москва (1921-1923); агент ТО ОГПУ на ст. Рыбинск (1924-1925); курсант школы ТО ОГПУ ст. Рыбинск (1925-1926); курсант, инструктор (1926-1927); технический секретарь бюро ВКП(б) ЦКИ ВКШ ОГПУ (1927-1929); командир, врид политрука ВКШ ОГПУ 1929; ст. делопроизводитель административной части, нач. подмосковного окружного отдела ОГПУ, 1929; помощник уполномоченного Раменского р/о ОГПУ 1929; уполномоченный Звенигородского р/о ОГПУ (1929-1930); уполномоченный Дмитровского р/о ПП ОГПУ МО (1930-1931); нач. Дмитровского р/о ПП ОГПУ МО (1931-1932); нач. Пушкинской р/о ПП ОГПУ МО 1932; ст. инспектор ОК ПП ОГПУ - МО (1932-1933); помощник нач. 6-го отделения ОК ПП ОГПУ МО 1933; нач. Ленинской МТС (1933-1935); ст. инструктор 2-го отделения ОКУНКВД МО 1935; нач. учебной группы межкраевой ГУГБ НКВД (1935-1937); нач. Таганского р/о НКВД 1937-1938; нач. ОО 13-й мехбригады ГУГБ НКВД, г. Калуга (1938-1939); и.д. нач. ОО НКВД Московского ВО (в/ч 5284, г. Наро-Фоминск) 1939; нач. ОО НКВД 55-й танковой бригады Московского ВО, г. Наро-Фоминск 1939; в спецкомандировке в ОО НКВД Московского ВО (1939-1940); нач. ОО НКВД 55-й танковой бригады Московского ВО, 1940; и.д. нач. ОО НКВД 14-й дивизии Московского ВО 08.1940; замнач. ОО НКВД 52-й армии, Волховский фронт 1941; нач. ОО НКВД Приморской

армии Крымского фронта (02.1942—07.1942); нач. ОО НКВД Приморской армии Северо-Кавказского фронта, (07.1942—08.1942); нач. ОО НКВД 51-й армии Северо-Кавказский фронт, Сталинградский фронт, Юго-Восточный фронт (08.1942—06.1943); нач. ОКР «Смерш» 51-й армии, Южный фронт, 4-й Украинский фронт, 06.43–07.1944); убыл с армией в УКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта, 07.1944; нач. ОКР «Смерш» 51-й армии 2-го Прибалтийского фронта, Прибалтийского ВО (02.1945–07.1945); выбыл в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего 21.08.1945; нач. УМГБ по Тамбовской обл. 25.08.46, освобожден от должности и направлен в резерв УК МГБ 26.02.1951;

Уволен из органов МГБ за невозможностью дальнейшего использования, с передачей на общевоинский учет. Приговорен ВК ВС СССР 30.12.1952 на основании ст. 95 ч. 2 УК РСФСР к 1 году 6 мес. лишения свободы.

Награды: орден Красной Звезды, 1940.

НОСЫРЕВ Даниил Павлович (1915–1992). Член Коллегии КГБ при СМ СССР в 1969–1987 гг. Генерал-полковник (1981).

Родился в селе Тюковка (ныне Борисоглебского района Воронежской области). В 1936 г. окончил Борисоглебский автодорожный техникум, был распределен на работу прорабом стройучастка Уссурийской железной дороги. В 1938 г. был призван в Красную Армию, проходил службу красноармейцем в системе ВНУС Забайкальского военного округа. В 1940–1941 гг. – инженер Дорстроя Ташкентской железной дороги. По путевке обкома партии учился в межкраевой школе НКВД в Ташкенте. В 1943–1946 гг. работал оперуполномоченным, старшим оперуполномоченным (в советских войсках в Иране), зам. начальника отделения контрразведки «Смерш» Среднеазиатского ВО. С 1946-го

по 1950 г. – зам. начальника отдела контрразведки МГБ СССР 119-го стрелкового корпуса Туркестанского военного округа; с 1950-го по 1952 г. работал на той же должности в подразделениях 4-й гвардейской армии Группы советских войск в Германии. В 1952–1957 гг. – зам. начальника, начальник отдела 3-го Главного управления КГБ, в 1957–1958 гг. – зам. начальника Управления Особого отдела КГБ СССР по Группе советских войск в Германии. В 1958–1960 гг. – начальник особого отдела Северного военного округа; в 1961–1969 гг. начальник особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. С сентября 1969 г. – начальник Управления КГБ СССР по Ленинградской области (до июня 1987 г.). Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, 2 орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

ОЗЕРЯНСКИЙ Соломон Хаимович. Майор (13.10.47).

Родился в 1914 г. в деревне Медведовка Чигиринского уезда Киевской губ. Из кустарей. Образование: Кировоградский машиностроительный техникум, 1930–1934. Работал: мастер кузнечного цеха Крюковского вагоностроительного завода, Полтавская обл. 1934–1936; зав. штамповочного хозяйства кузнечного цеха Днепропетровского вагоностроительного завода 1937–1939. Служба в вооруженных силах: красноармеец, командир танка 12-й мотомеханизированной бригады, 05.36–11.37. В органах госбезопасности: курсант Харьковской межкраевой школы НКВД 06.08.39–16.05.40; следователь Харьковского горотдела НКВД УССР, 16.05.40–20.01.41; ст. оперуполномоченный Купянского р/о УНКВД по Харьковской обл., 20.01.41–12.04.41; ст. оперуполномоченный Купянского межрайонного отдела УНКГБ – УНКВД по Харьковской обл., 12.04.41–

13.02.42; оперуполномоченный Октябрьского р/о УНКВД по Харьковской обл., 13.02.42-07.08.42; следователь 6-го отделения ОО НКВД 57-й армии Сталинградского фронта, 07.08.42-01.03.43, переводчик следственной части ОО НКВД 57-й армии Донского фронта с 09.01.43; следователь 6-го отделения ОО НКВД 68-й армии Северо-Западного фронта, 01.03.43-01.05.43; ст. оперуполномоченный 4-го отделения ОКР «Смерш» 68-й армии Западного фронта, 01.05.43-15.11.43; ст. оперуполномоченный 2-го отделения ОКР «Смерш» Белорусского ВО, 15.11.43-18.09.45; в распоряжении УКР «Смерш» Одесского, затем Киевского ВО, 18.09.45-26.10.45; оперуполномоченный ОКР «Смерш» Кировоградского гарнизона Киевского ВО, 26.10.45-15.06.48; оперуполномоченный ОКР МГБ 17-й воздушной армии, Киевский ВО, 15.06.48-07.06.50. Уволен из органов безопасности с передачей на учет в Военное министерство 28.06.50. Награды: медаль «За боевые заслуги», 1942; медаль «За оборону Сталинграда», 1942; орден Отечественной войны 2-й степени, 1943.

ОСЕТРОВ Николай Алексеевич (1905-?). Генерал-лейтенант (25.09.44).

Родился в городе Иркутске. Из служащих. Русский. Окончил Артиллерийскую академию Красной Армии (1933-1939).

Работал: ученик жестянщика в вагонном депо ст. Инокентьевка Сибирской ж/д, 1920-1921; ученик шофера в автороте 5-й армии, г. Иркутск 1921; рабочий конторы «Иркутуголь», 1921-1922; безработный, 1922-1923; квартальный испол. в коммунальном отделе Иркутского губисполкома 1923; помощник шофера Иркутского губвоенкомата, 1923-1924; кровельщик в конторе Госстроя, г. Чита, 1924-1925.

В вооруженных силах: курсант военной артшколы Сибирского ВО, г. Красноярск, г. Томск, 1925-1929; командир взвода артдивизиона 93-го стр. полка Приволжского ВО, 1929-1931; командир батареи артдивизиона 159-го стр. полка Приволжского ВО, 1931-1933.

В органах безопасности: нач. ОО НКВД Киевского ВО с 04.02.39; зам. нач. ОО НКВД СССР, г. Москва 1939; нач. следственной части ОО НКВД СССР 07.09.39-02.41; зам. нач. 3-го Управления НКО СССР и нач. след. части НКО 02.41-08.41; замнач. Управления ОО НКВД СССР, 22.08.41-04.43; нач. УКР «Смерш» Воронежского фронта, 29-04.43—04.44; нач. УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта, 04.44-07.45; нач. УКР «Смерш» Киевского ВО, 07.45-11.46; нач. Управления контрразведки МГБ Киевского ВО 14.11.46. Освобожден в связи с переходом на другую работу (аппарат уполномоченного СМ СССР) с зачислением в действующий резерв МГБ СССР с 17.05.48; и.о. заместителя нач. след. части по особо важным делам МВД СССР, 15.03.53-27.04.53; нач. УКР МВД Московского ВО, 27.04.53-18.07.53; в распоряжении УК МВД СССР, 18.07.53-01.06.54; зам. нач. УКГБ при СМ СССР по Смоленской обл., 01.06.54-24.12.55. Уволен из КГБ при СМ СССР 24.12.55.

Награды: 2 ордена Красной Звезды, 1940, 1944; 4 ордена Красного Знамени, 1943, 1944 (дважды), 1945; 2 ордена Ленина, 1945, 1950; орден Отечественной войны 1-й степени, 1943; орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, 06.04.45.

ПАВЛОВСКИЙ Борис Семенович (1903—?) – полковник (1943).

С января 1939 г. – старший оперуполномоченный 2-го отделения, а затем 5-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С октября 1940 г. – временно исполняющий должность начальника, а затем начальник Особого отдела НКВД при Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1941 г. – исполняющий должность начальника, а затем начальник 3-го отделения при Военной академии им. М.В. Фрунзе. С июня 1941 г. – исполняющий должность заместителя начальника, а затем заместитель начальника следственной части 3-го Управления НКО СССР. С декабря 1941 г. – начальник следственной части Управления особых отделов НКВД СССР. С марта 1943 года находился в распоряжении отдела кадров НКВД СССР. В 1944–1946 гг. – начальник следственной части НКГБ – МГБ УССР. С января 1947 г. – начальник 5-го отдела УМГБ по Костромской области, с сентября 1948 г. – начальник 5-го отдела УМГБ по Воронежской области. С июня 1951 г. – начальник цикла специальных дисциплин Костромской школы милиции. Приказом МГБ СССР № 4617 от 7 августа 1952 г. уволен в отставку по возрасту.

ПЕТРОВ Андрей Иванович (1902 —?). Дивизионный комиссар (1941). С января 1939 г. – начальник 10-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с апреля 1940 г. – заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1941–1942 гг. – начальник 3-го Управления НКВМФ СССР. 15 мая 1942 г. арестован НКВД СССР по обвинению в том, что, «будучи начальником 3-го Управления НКВМФ, преступно-халатно относился к выполнению своих обязанностей, не контролировал и не руководил оперативной работой, допустил преступную практику применения извращенных методов в следствии (избиение арестованных, вымогательство вымышленных показаний) и искусственное заведение дел об антисоветских организациях». Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13 января 1943 г. заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года.

ПЕТРОВ Василий Иванович. Генерал-лейтенант (1964).

Родился 31 декабря 1918 г. в с. Беляево Велижского уезда Витебской губернии (в настоящее время Велижский район Смоленской области). Русский.

Образование: в 1939 г. окончил Киевское военное училище связи им. М.И. Калинина, в 1951 г. – юридический факультет Львовского государственного университета им. И. Франко (экстерном).

После учебы в военном училище в органах государственной безопасности – сотрудник – оперуполномоченный ОО УГБ НКВД СССР Киевского особого военного округа (1939—02.1941), оперуполномоченный 3-го отдела штаба КОВО (02.1941—07.1941).

В 1941–1946 гг. – сотрудник ОО Юго-Западного и Сталинградского фронтов, сотрудник ГУКР «Смерш» НКО СССР Юго-Западного фронта (1941–1942); ст. оперуполномоченный, замначальника отделения ОО НКВД Сталинградского фронта (1942–1943); зам. нач. отделения УКР «Смерш» Южного фронта, 4-го Украинского фронта, затем Прикарпатского военного округа (1943–1946).

С 1946 по 1951 г. – начальник отделения, заместитель начальника отдела, начальник отдела УКР МГБ СССР по Прик. ВО, начальник отдела контрразведки 8-й механизированной армии Прикарпатского военного округа в 1951–1954 гг.

В 1954 г. назначается заместителем начальника 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР, а в 1956 – начальником ОО КГБ при СМ СССР по Белорусскому военному округу.

С 13 октября 1959 г. по 10 августа 1970 г. – председатель КГБ при СМ БССР. В 1970–1980 гг. – начальник ОО КГБ при СМ СССР в Северной группе войск (в Польше). После увольнения в запас руководил отделом Министерства торговли БССР (1981–1983 гг.). С 1983 г. на пенсии. Проживает в Минске.

Награжден: орденом Ленина, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине

в Вооруженных силах СССР» 3-й степени, Боевым Чехословацким крестом, Командорским крестом Ордена Возрождения Польши и многими медалями СССР, ПНР и ЧССР. Почетный сотрудник госбезопасности.

ПОЛОВНЕВ Сергей Андреевич (1906). Полковник госбезопасности.

Родился в г. Алексине Тульской обл. в семье железнодорожного рабочего.

Образование: три класса начальной школы, окончил Алексинскую среднюю школу, Калужскую Губернскую советскую партийную школу.

Работал с 1923 г.: чернорабочим на Лесопильном заводе ст. Алексин, табельщиком службы пути. С 1924 г. – на комсомольской работе: председатель районного бюро юных пионеров Петровского РК ВЛКСМ.

В 1928 г. по 1930 г. – служил в рядах Красной Армии.

В органах госбезопасности с 1931 года: уполномоченный районного отделения ОГПУ г. Ефремова Московской обл. (12.1930—09.1934); ст. уполномоченный городского отдела НКВД г. Тула (09.1934—10.1937); зам. нач. отделения, нач. отд. упр. НКВД г. Тула (10.1937—09.1938); зам. нач., нач. городского отдела НКВД г. Сталиногорска Тульской обл. (09.1938—10.1939); нач. отд., зам. нач. управления НКВД по Тульской обл. (10.1939—08.1941); нач. административно-финансово-хозяйственного отдела ГУНКВД СССР г. Москва (08.1941—08.1943); зам. нач. отделения, отдел контрразведки Новосибирского военного округа (08.1943—05.1945); нач. отд. контрразведки 10-й гв. Артиллерийской дивизии РКК Южной группы войск (05.1945—07.1946); зам. нач. отд. контрразведки 7-й гв. армии Закавказского военного округа (07.1946—01.1947); нач. отд. упр. контрразведки Закавказского военного округа (01.1947—05.1947); зам. нач. отдела ОКР МГБ 4-й армии

Закавказского военного округа (05.1947—02.1950); зам. нач. ОО Бакинского района (02.1950–1954).

Награжден: орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды; медалями «За победу над Германией», «За оборону Москвы», «XXX лет Советской армии и флота».

ПРИНЦЕВ Сергей Петрович. (1919–1992). Генерал-майор.

Родился в 1919 г. в с. Санское Шиловского района Рязанской области.

Образование: в 1941 г. окончил Ленинградский юридический институт, в 1965 г. – курсы при ВКШ КГБ при СМ СССР.

В органах государственной безопасности с 1940 г. – младший следователь ОО НКВД Северного фронта, затем служил в 1941–1945 гг. в особых отделах в Ленинградском военном округе.

В 1955 г. назначен начальником ОО КГБ при СМ СССР по Ленинградской военно-морской базе, Кронштадтской военно-морской крепости Ленинградского военного округа.

В 1959–1961 гг. – начальник ОО КГБ при СМ СССР по 1-й армии Киевского военного округа, затем до 1965 г. – начальник ОО КГБ при СМ СССР по Прибалтийскому военному округу. В 1965–1966 гг. – заместитель начальника ОО КГБ СССР по Белорусскому военному округу, потом до 1971 г. – начальник ОО КГБ при СМ СССР по Туркестанскому военному округу.

С декабря 1971 г. по январь 1976 г. – начальник ОО КГБ при СМ СССР по Белорусскому военному округу.

В 1976 г. назначен начальником ОО КГБ при СМ СССР по Южной группе войск. В 1978 г. уволен в запас КГБ по болезни. Умер в 1992 г.

Награжден: орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, 12

медалями. Почетный сотрудник госбезопасности.

ПРИЩЕПА Петр Калинович (1906—?). Генерал-майор.

Родился в г. Ворошиловске Ворошиловградской области УССР.

В органах НКВД с 1939 г. В 1941–1943 гг. зам. нач. ОО НКВД Калининского фронта, в 1943–1945 гг. нач. УКР «Смерш» Киевского ВО. С 1953 г. зам. нач. УОО ГСВГ, с августа по сентябрь 1953 г. врид нач. УОО ГСВГ. 11.1954 – нач. ОО КГБ Главспецстроя МВД СССР. 09.1962 г. – уволен в запас.

ПРОХОРЕНКО Константин Павлович (1899–1944). Генерал-майор (1943).

Родился в семье рабочего в Смоленской губернии.

Образование: окончил гимназию в Смоленске в 1918 г.

С октября того же года в РККА: письмоводитель, делопроизводитель Красненского уездного военкомата, рядовой полка 13-й армии, делопроизводитель, помощник начальника отдела военной цензуры Западного фронта. В партии с 1919 года.

С 1921 г. в органах госбезопасности: начальник цензурного отделения Смоленской губЧК, начальник секретного отдела Смоленского губотдела ГПУ (1922), в секретном отделе ПП ОГПУ по Западному краю (с 1923 г. врид начальника и начальник с 1924 г.), зам. начальника Витебского губернского/окружного отдела ГПУ (1924–1926), начальник Калининского окротдела ГПУ (1926–1927), в аппарате ПП ОГПУ по БВО (1927–1931), начальник Гомельского оперсектора ГПУ и ОО 37-й и 6-й стрелковых дивизий БВО (февраль – сентябрь 1931 г.).

В сентябре 1931 г. назначается начальником секретно-политического отдела Уральского полпредства

ОГПУ в Свердловске. С января 1933 г. – начальник Пермского оперсектора ГПУ, с декабря того же года – председатель ГПУ (с июля 1934 г. – начальник УНКВД) Киргизской ССР (до ноября 1934 года). В марте – августе 1935 г. – зам. наркома внутренних дел Туркменской ССР, затем помощник начальника УНКВД и начальник ОО УГБ УНКВД Курской области. С июля 1937-го по май 1939 г. – начальник дорожно-транспортного отдела НКВД ж. д. им. Куйбышева. В 1939–1941 гг. – зам. начальника главной лесной конторы Волгостроя НКВД.

29 сентября 1941 г. назначен начальником 5-го отдела УОО НКВД СССР. С 1 апреля 1943 г. и до смерти – помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. Умер 4 октября 1944 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Награжден: знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)» (1932), медалью «XX лет РККА» (1938) и орденом Отечественной войны 1-й степени (1944).

РОГОВ Вячеслав Павлович (1900–1972). Генерал-майор (1943).

Из семьи рабочего-матроса водного транспорта.

Образование: окончил 3-классную начальную школу в

г. Перми (1912); высшее начальное училище (1916); 3 группы школы 2-й ступени в г. Сызрани, 2 курса вечернего Комвуза в г. Куйбышеве в 1936 г.

Работал: матросом (1916–1917, 1918), приказчиком, конторщиком пристани, зав. эконом. отдела укома РКСМ, секретарем политсекретариата Управления РК милиции, нарсудьей в г. Сызрань, уполномоченным губсуда Ульяновской губ., членом окружного суда.

В органах госбезопасности с 1929 г; начальник Особого отдела НКВД в/с 5395. г. Бердичев (06.1938—05.1940), нач. ОО Упр. погранвойск НКВД г. Львов (05.1940—06.1941); нач. ОО погранвойск НКВД УССР

(06.1941—09.1941); начальник 3-го отдела УОО НКВД СССР (09.1941—05.1943); помощник начальника ГУКР «Смерш» (05.1943—07.1945). Во время войны выезжал в Иран, Румынию, Чехословакию, Венгрию, Австрию и Германию. В 07.1945– 06.1946 гг. – начальник УКР МГБ по МВО. В 06.1946—12.1949 гг. – начальник 4-го Управления МГБ СССР. В 12.1949—09.1951 гг. – секретарь парткома МГБ СССР. В 09.1951—07.1953 гг. – начальник спец. отдела Управления Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря и строительства МВД. С 07.1953 нач. отдела режима и оперработы Упр. Кунеевского ИТЛ МВД в г. Ставрополь. В 1954 г. уволен в отставку по болезни.

Награды: орден Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й ст., орден Кутузова 2-й ст., медали: «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы».

РОМАШКОВ Петр Иванович (1915 г. р.). Лейтенант ГБ (1942).

Из служащих. Русский.

Образование: высшее, Сталинградский механический институт, 1934–1939. Работал: ученик токаря завода «Красный Октябрь», г. Сталинград, 1932; токарь завода № 221, г. Сталинград 11.32–09.34.

В органах госбезопасности с 1939 г. Зам. нач. КРО УНКВД по Сталинградской обл. 1942. Зам командира боевой группы (роты) сотрудников УНКВД и милиции.

Награды: орден Красной Звезды, медаль «За оборону Сталинграда» (формулировка: «За активное участие в обороне города Сталинграда»).

РУХАДЗЕ Николай Максимович (1905–1955).
Генерал-лейтенант (1944).

Родился в семье служащего – дорожного мастера.
Грузин.

Образование: окончил гуманитарный техникум
в Батуми (1924).

Работал: деловод сберкасс наркомфин г. Тифлис
(1924), секретарь КСМ к-ва Арт. завода в Тифлисе,
инструктор обкома КСМ в г. Батуми, зав. отделом укома
КСМ в г. Телави (1925–1926).

В вооруженных силах: ответств. переводчик воен.
трибун. Кавказ. армии (1927).

В органах госбезопасности: сотрудник Груз. ГПУ (г.
Тифлис, 04–06.1927); уполномоченный Аджарск. ГПУ (г.
Батум, 07.1927—12.1930); нач. отделения рай. отд. ГПУ г.
Кобулети (01–12.1931); нач. СПО Аджарск. ГПУ (01.1932—
01.1934); нач. отделения рай. отд. ГПУ г. Ланчхуты (01.—
09.1934); нач. отделения рай. отд. ГПУ г. Махарадзе
(09.1934—03.1935); комендант погран. коменд.
погранотряда в гг. Сухуми и Гагры с 03.1935. С марта
1941 г. – зам. наркома НКВД Груз. ССР. В августе 1941-
го – декабре 1947 г. – начальник ОО НКВД/УКР «Смерш»//
УКР МГБ Закавказского ВО (в 1941–1945 гг. –

Закавказского фронта). В декабре 1947-го - июле 1952 г. - министр ГБ ГССР.

Арестован в июле 1952 г. 9 сентября 1955 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу за нарушения законности.

РОСТОМАШВИЛИ Михаил Енукович (1902-1987).
Генерал-майор.

Родился в с. Гоми Горийского района Тифлисской губернии в крестьянской семье.

Образование: два курса артиллерийской академии им.

Ф.Э. Дзержинского, 3-годичный вечерний университет марксизма-ленинизма в Тбилиси.

С февраля 1921 г. по февраль 1939 г. служил в РККА: старшина батарей легкого арт. дивизиона 1-й грузинской стрелковой дивизии Кавказской Краснознаменной армии; командир взвода 2-го легкого арт. дивизиона 2-й грузинской стрелковой дивизии; командир батарей 2, 4, 7, грузинского стрелкового полка 2-й грузинской стр. дивизии; пом. командира 2-го грузинского арт. полка по МТО 2-й грузинской стр. дивизии Закавказского военного округа.

В органах НКВД с 1939 года: сотрудник ОО НКВД в Москве (02.1939—07.1939); начальник ОО НКВД ХВО г. Харьков (07.1939—06.1941); начальник ОО НКВД 18-й армии Южного, Сев. - Кавказского, Закавказского фронта, Черноморской группы войск (06.1941—03.1943); нач. отдела контрразведки 2-й гвардейской армии, 4-й Украинский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фронты (03.1943—08.1945); нач. управления контрразведки Бакинского военного округа (08.1945—08.1946); нач. отдела контрразведки Южно-Уральского военного округа (08.1946—07.1949); нач. отдела контрразведки Северо-Кавказского военного округа (07.1949—11.1953). С ноября 1953 года - уволен в запас.

Награды: орден Ленина, 4 ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I ст.; орден «Знак Почета»; медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; медаль «60 лет Вооруженных сил СССР»; медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; знаком «50 лет пребывания в КПСС».

РУСАК Иван Тимофеевич (1906-1987?). Генерал-майор.

Родился в крестьянской семье в дер. Кривичи Бобруйской области.

Образование: высшее, Бронетанковая школа, Военная Академия механизации и моторизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Трудовую деятельность начал в 1924 г. слесарем в железнодорожном депо Сталинграда. С 1931 г. – служба в РККА: курсант Саратовской бронетанковой школы, командир взвода – лейтенант 3-го отдельного учебного танкового полка Московского военного округа; слушатель военной Академии (05.1931—02.1939).

В органах госбезопасности с 1939 г.: нач. отд. ОО НКВД 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии (02.1939—05.1939); нач. ОО НКВД 31 стрелкового корпуса 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии (05.1939—02.1940); нач. ОО НКВД 15-й армии (02.1940—06.1940); зам. нач., нач. ОО НКВД Московского военного округа (06.1940—05.1942); нач. ОО НКВД 34-й армии (05.1942—10.1942); зам. нач. ОО НКВД Северо-Западного фронта (10.1942—05.1943); пом. нач. Главного управления контрразведки «Смерш» (05.1943—07.1946); нач. УКР МГБ Северо-Кавказского военного округа (07.1946—07.1949); нач. отдела контрразведки МГБ Донского военного округа (07.1949—08.1952); нач. управления контрразведки МГБ Дальневосточного

военного округа (08.1952—10.1953); нач. ОО МВД 15-й армии Дальневосточного военного округа (10.1953—07.1954); нач. ОО КГБ при Совете министров СССР, Ленинградский военный округ (07.1954—09.1956). С 1956 г. – пенсионер.

Награды: ордена – 3 Красного Знамени, Кутузова II степени, 2 Отечественной войны I ст., Красной Звезды; медали – «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», «XXX лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

РЮМИН Михаил Дмитриевич (1913-1954). Зам. министра госбезопасности в 1951-1952 гг. Полковник (1952). Отец – торговец скотом, тесть – бывший колчаковец.

Окончил 8 классов средней школы и бухгалтерские курсы. Работал начальником планово-финансового отдела дирекции строительства канала Москва – Волга. В 1941-1945 следователь, нач. следственного отделения Особого отдела НКВД, отдела контрразведки «Смерша» Архангельского и Беломорского военных округов. В 1945-1947 старший следователь, зам. нач. отделения Главного управления контрразведки «Смерш» (затем 3-го Главного управления МГБ СССР). В 1947-1951 старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

Написал донос на министра госбезопасности Абакумова, обвинил его в том, что он не расследует деятельность вражеской в т. ч. сионистской агентуры, а также использует казенные средства на личные нужды. 20.10.1951 назначен зам. министра государственной безопасности СССР и одновременно начальником следственной части МГБ СССР. Лично вел следствие по делу Абакумова. Создатель дела о «сионистском заговоре», в который, по его предположению, были вовлечены евреи - офицеры МГБ и «врачи-убийцы».

Руководил следствием по делу т. н. «Еврейского антифашистского комитета». По распоряжению Сталина, недовольного Рюминым (несмотря на его усилия) за слабые результаты руководимого им следствия по делу о «сионистском заговоре», был уволен из МГБ. С ноября 1952 г. работал старшим контролером в Министерстве госконтроля СССР. 17.03.1953 г. был арестован по приказу Берии. 7.7.1954 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН и расстрелян за фальсификацию следственных дел.

САЗЫКИН Николай Степанович (1910-1985).
Генерал-лейтенант.

Родился в селе Колобовка Царевского уезда Астраханской губернии в семье крестьянина-середняка. С сентября 1928 г. преподавал в школе 2-й ступени в Ленинске. В сентябре 1930-го - январе 1932 г. работал экспедитором Сталинградского отдела правительственной связи ОГПУ. В январе - сентябре 1932-го учился в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а в сентябре 1932-го - ноябре 1935 г. - в Московском плановом институте. С ноября 1935 г. - экономист ГУЛАГа НКВД СССР. С февраля 1936 г. - экономист Сталинградского крайплана. С апреля того же года - сотрудник УНКВД по Сталинградскому краю.

В августе 1937-го перешел на работу в центральный аппарат НКВД СССР. В декабре 1938 г. – возглавил секретариат 2-го Отдела ГУГБ НКВД СССР. В январе 1939 г. он получил назначение на должность зам. начальника секретариата НКВД СССР и одновременно возглавил Контрольно-инспекторскую группу при наркомате. С августа 1939 г. работал начальником УНКВД по Пермской/Молотовской области. С августа 1940 г. – нарком внутренних дел, а с февраля 1941 г. – нарком государственной безопасности Молдавской ССР.

В июле 1941 г. был назначен начальником Особого отдела НКВД Южного, а с сентября 1941 г. – ОО Юго-Западного фронта.

В октябре 1941 г. он получил назначение на должность начальника 3-го специального отдела НКВД СССР. В мае 1943 г. стал зам. начальника 2-го Управления НКГБ СССР. В ноябре 1944 г. вошел в состав Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и был назначен уполномоченным НКВД – НКГБ СССР в ЭССР.

С сентября 1945 г. – зам. начальника Отдела «С» (координация разведдеятельности по атомному проекту) НКВД СССР (с 10 января 1946 г. – НКГБ – МГБ СССР). С марта 1947 г. – зам. министра государственной безопасности Белоруссии. В мае того же года его отозвали в распоряжение СМ СССР и назначили помощником зам. председателя СМ СССР Л.П. Берии по вопросам новой техники с зачислением в действующий резерв МГБ.

После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. Сазыкин был утвержден начальником 4-го (секретно-политического) Управления МВД СССР. После ареста Берии в июле 1953 г. он был отстранен от должности. С октября 1953 г. занимал должность начальника цикла спецдисциплин Московской школы усовершенствования руководящего состава МВД (с марта 1954 г. – КГБ при СМ СССР).

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени.

С сент. 1954 г. находился в распоряжении управления кадров КГБ при СМ СССР. В ноябре 1954-го уволен в запас Советской Армии и лишен звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». В 1957 г. исключен из КПСС.

Умер в Москве.

САЛОИМСКИЙ Иван Тимофеевич (1903 - 10.04.1955). Родился 24.06.1903 г. в городе Шацке Тамбовской обл. в семье рабочего-плотника. Русский.

Образование: окончил 4-классное высш. начал. училище в 1916 г., вечернее отделение Военно-механического института в г. Ленинграде в 1933 г.

В вооруженных силах: пом. экспедитора по распространению печати при Политотделе 11-й армии (05.1918—09.1919), конторщик военно-продовольственного пункта 11-й армии (09.1919—02.1922).

В органах госбезопасности: Ст. делопроизводитель в ОО ОГПУ укрепрайона, в 1924-1926 гг. адъютант, помощник уполномоченного и уполномоченный 37-го

Батумского погранотряда ОГПУ, с 1926 г. уполномоченный ПП ОГПУ по ЛВО, с 1932 г. нач. ОО ОГПУ по 20-й стрелковой дивизии, с 1934 г. зам. нач. отд. УНКВД в Мурманске, с 1937 г. – в Пскове, с 1938 г. находился на руководящей работе в УНКВД Ленинграда.

В 1941–1942 возглавлял особые отделы 42-й армии Сев. фронта, 55-й армии Ленинградского фронта, зам. нач. ОО Ленинградского и Волховского фронтов. Нач. управления «Смерш» Заб. фронта (1943–1945). С 1945 руководил управлением контрразведки «Смерш» войск Д. Вост., с 1946 ОО МГБ по ПрикВО, в 1952–1955 ОО МГБ – КГБ по ТуркВО.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (дважды), Кутузова 2-й ст., Красной Звезды, Отеч. войны 1-й ст., медалями.

СЕЛИВАНОВСКИЙ Николай Николаевич (1901–1997). Генерал-лейтенант (26.05.43). Член ВКП(б) с 1923 г. Депутат Верховного Совета РСФСР.

Родился в поселке Хойники Речицкого уезда Хойниковской волости Минской губ. (Полесской обл.). Из семьи рабочего – железнодорожного служащего.

Образование: среднее; слушатель ВПШ ОГПУ СССР, 16.09.1929—04.07.1930.

Работал: рабочий на предприятиях в Белоруссии, 1914-1920.

В вооруженных силах: красноармеец-курсант РККА (1920-1922),

Служба в органах госбезопасности: слушатель курсов ОГПУ СССР 03.1920—23.09.1922; на оперативной работе в ОО войсковых подразделений в Средней Азии 22.02.1923—16.09.1929; на различных должностях в ОО ОГПУ - НКВД СССР 04.12.1930—01.04.1937. В 1937 г. выезжал в заграничные командировки в Париж и Прагу. Помощник нач. 7-го отделения, 7-го отдела 2-го Управления ОО НКВД СССР, 01.04.1937—02.01.1939; нач. 9-го отделения ОО ГУГБ НКВД СССР, 02.01.1939—10.04.1940; нач. 5-го отделения ОО НКВД СССР, 10.04.1940-1941; нач. 5-го отдела 3-го Управления НКО СССР, 19.05.1941—10.10.1941; нач. ОО НКВД Юго-Западного фронта, 10.10.1941—19.08.1942; нач. ОО НКВД Сталинградского фронта, 19.08.1942—07.10.1942; нач. ОО НКВД Донского фронта, 07.10.1942—17.11.1942; нач. ОО НКВД Сталинградского фронта, 17.11.1942—01.01.1943; нач. ОО НКВД Южного фронта, 01.01.1943—04.05.1943; зам. нач. ГУКР «Смерш» НКО по разведработе в 04.05.1943—05.1946; уполномоченный НКВД по 4-му Украинскому фронту и в Польше (официально должность называлась «советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши»), 11.01.1945—04.1945; зам. министра госбезопасности СССР, 07.05.1946—28.08.1951 и (до 11.1947-го) начальник 3-го Главного управления МГБ СССР. С 1947 г. - председатель Ученого совета МГБ СССР, с 1950 г. - председатель комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б).

Арестован по делу В.С. Абакумова 2.11.1951. Освобожден из-под стражи 23.03.1953. Уволен из органов безопасности по состоянию здоровья с 28.08.1953.

В ноябре 1953 г. формулировка увольнения ему была изменена на следующую: «по данным, дискредитирующим звание лица начальствующего состава МВД».

Звания: капитан ГБ, 1938; бригадный комиссар, 10.06.41; ст. майор ГБ, 21.11.41; комиссар ГБ 3-го ранга 14.02.43;

Награды: орден «Знак Почета» 1937; 3 ордена Красного Знамени 1943, 1944; 2 ордена Ленина 1944 и 1945; орден Кутузова 1-й степени, 25.03.1945; орден Суворова 2-й степени, 13.09.1945, орден Белого Льва (Чехословакия) и орден «Крест Грюнвальда» 3-го класса (Польша) 1946; 6 медалей.

СЕРВИАНОВ Михаил Петрович (1900—1.08.1965).
Полковник ГБ (14.02.43).

Родился в 1900 г. в городе Пензе. Из служащих. Русский.

Образование: окончил 5 классов реального училища в г. Пенза, 1912-1917.

Работал: делопроизводитель в конторе нотариуса, г. Москва, 04.1917—09.1918; приказчик галантерейного магазина, г. Москва 09.18-11.18; контролер по проведению карточной системы на селе Губстатбюро Пензенской губернии, с. Кочелаево Норовчанского района Пензенской обл., 02.19-04.19; зав. библиотекой и технический секретарь волостного комитета партии, с. Кочелаево Норовчанского района Пензенской обл., 07.1919—04.1920.

В вооруженных силах: красноармеец 99-го рабоче-крестьянского полка РККА, Москва, Сызрань, 11.1918—02.1919; политбоец 1-го Пензенского коммунистического полка, г. Пенза, 3-го Вологодского полка отдельной Саратовской бригады, г. Вологда 04.1919—07.1919;

В органах госбезопасности: делопроизводитель, секретарь административно-организационной части ОО

Южного и Юго-Западного фронтов, 04.1920—08.1921; секретарь особого отделения 136-й бригады, г. Днепропетровск, 08.1921—10.1922; уполномоченный ОО ОГПУ 14-го стрелкового корпуса, г. Киев, 10.1922—08.1925; уполномоченный ОО ОГПУ Украинского ВО, г. Харьков, 08.1925—04.1927; уполномоченный ОО ПП ОГПУ 7-й стрелковой дивизии Украинского ВО, г. Конотоп, 04.1927—10.1927; уполномоченный особого отделения ПП ОГПУ 2-й Червонно-казачьей дивизии Украинского ВО, г. Изяславль, 10.1927—08.1929; уполномоченный ОО ПП ОГПУ 75-й стрелковой дивизии, г. Лубны, 08.1929—09.1932; помощник нач. особого отделения 25-й стрелковой дивизии, г. Полтава, 09.1932—05.1935; зам. нач. особого отделения 15-й мотомеханизированной бригады Киевского особого ВО, г. Шепетовка, 05.1935—04.1938; нач. особого отделения 32-й кавалерийской дивизии Киевского особого ВО, г. Константинополь, 04.1938—09.1938; нач. 1-го отделения ОО НКВД Проскуровской конно-армейской группы Киевского особого ВО, г. Проскуров, 09.1938—09.1939; нач. ОО НКВД 27-го стрелкового корпуса Киевского особого ВО, г. Новоград-Волынский, 09.1939—01.1940; в резерве ОК НКВД СССР 01.1940-02.1940; зам. нач. ОО НКВД Северного флота, г. Полярное, 02.1940—10.1940; нач. отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, 10.1940—02.1941; и.о. нач. 3-го отдела 3-го Управления НКВМФ СССР, 02.1941—03.1941; и.о. нач. 5-го отдела 3-го Управления НКВМФ СССР, 03.1941—04.1941; нач. 3-го отдела Ленинградского военно-морского гарнизона НКВМФ СССР, г. Ленинград, 04.1941—09.1941; нач. 3-го отдела НКВД отряда учебных кораблей на Волге Волжской военной флотилии, г. Сталинград, 09.1941—09.1942; нач. ОО НКВД 8-й резервной, 66-й армий, Сталинградский фронт, 09.1942—02.1943; зам. нач. ОО НКВД 4-й танковой армии, Западный фронт, 02.1943—12.1943; зам. нач. отдела контрразведки «Смерш» 21-й

армии, Западный фронт, 12.1943—03.1944; зам. нач. отдела контрразведки «Смерш» 22-й армии, 2-й Прибалтийский фронт, 03.1944—03.1945; на лечении в госпитале, г. Москва, 03.1945—09.1945; зам. нач. ОК и нач. Особой инспекции МГБ Украинской ССР, г. Киев, 09.1945—08.1948.

Уволен в запас МГБ по состоянию здоровья, 30.08.1948.

Награды: медаль «XX лет РККА», 1938; медаль «За оборону Сталинграда» 1942; 2 ордена «Красного Знамени» 1944; орден Отечественной войны 2-й степени 1944; медаль «За оборону Ленинграда» 1944; орден Ленина 1945; медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» 1945.

СИДНЕВ Алексей Матвеевич (1907-1958). Генерал-майор (1943). Родился в рабочей семье в г. Саратове.

Образование: окончил школу 1-й ступени, рабочий вечерний университет, военно-инженерную школу в Ленинграде, 3 года Военно-инженерной академии РККА в г. Москве.

Трудовую деятельность начал с 1924 года: ремонтный рабочий, чернорабочий, подручный слесарь на железной дороге. С 1928 года служил в Красной

Армии: курсант военно-инженерной школы (09.1928—03.1932); командир взвода 31-го отдельного инженерного батальона Особой краснознаменной Дальневосточной армии (03. 1932—03.1935); командир роты 31-го отдельного инженерного батальона Забайкальского военного округа (03.1935—05.1936); слушатель Военно-инженерной академии РККА (05.1936—02.1939).

С февраля 1939 г. - начальник ОО НКВД Ленинградского военного округа. С 1941 г. - на фронте, в 1944-1945 гг. - зам. нач. УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. После войны: нач. оперсектора НКВД - МВД - МГБ Берлина (12.1945—12.1947); министр госбезопасности Татарской АССР (12.1947—01.1948). Арестован, осужден в 1951 г. ОСО МГБ и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Освобожден из-под стражи и уволен из МВД 07.1953.

Награды: орден Красной Звезды, «За успехи в боевой и политической подготовке», орден Красного Знамени.

СПЕКТОР Марк Борисович, он же Бойченко (1903, г. Николаев - 08.1985, Москва).

Полковник ГБ 14.02.43. Член ВКП(б) с 10.1920 (член РКСМ, 1918-1923).

Родился в семье печника.

Образование: 2 класса казенного еврейского училища, Николаев, 1915.

Работал: переплетчик, ученик столяра в частных мастерских, Николаев, 02.16-04.1917; подручный слесаря на судостроит. заводе «Наваль», Николаев, 04.1917—02.1919; один из организаторов Коммунистического Союза Молодежи в Николаеве 1918; красногвардеец, Николаев, 1918; на подпольной работе, Николаев; рядовой 2 погран. полка 02.—05.1919; подручный столяра в частной мастерской, Николаев, 05.1919—01.1920.

В РККА: политбоец 369-го полка 41-й стр. дивизии, 05.1920—08.1920; политбоец 1-го развед. батальона войск Херсонского направления, 08.1920—10.1920.

В органах госбезопасности: сотрудник Николаевской губ. ЧК, 01.1920—04.1920; секретный агент ЧК в анархистской группе «Набат» и в армии Н. И. Махно (под именем Матвей Бойченко) 1920. Сотр. Николаевской губ. ЧК, 10.1920—10.1921; сотр. ВУЧК, ГПУ Украины, Харьков, 10.1921—08.1925; курсант Высшей погран. школы ОГПУ СССР, 08.1925—01.1927; пом. коменданта участка 26 Одесского погран. отряда ОГПУ по СОЧ, 29.01.1927—01.11.1927; сотр. Одесского окр. отд. ГПУ, 11.1927—09.1930; сотр. Полтавского опер. сектора ГПУ, 09.1930—12.1930; сотр. Винницкого опер. сектора ГПУ, 12.1930—02.1932; опер. уполн. ОО Днепропетровского обл. отд. ГПУ, 02.1932—1932; сотр. Одесского обл. отд. ГПУ, 1932—?; нач. отд-я СПО Одесского обл. отд. ГПУ, ? — 10.07.1934; нач. 3-го отд-я СПО УГБ УНКВД Одесской обл., 07.1934—27.08.1934; пом. нач. СПО УГБ УНКВД Одесской обл., 27.08.1934—11.1935; нач. отд-я СПО УГБ УНКВД Харьковской обл., 11.1935—12.1936; нач. отд-я 4 отд. УГБ УНКВД Харьковской обл., 12.1936—08.05.1937; зам. нач. 4-го отд. УГБ УНКВД Харьковской обл., 08.05.1937—26.07.1937; нач. 4-го отд. УГБ УНКВД Одесской обл., 04.08.1937—22.10.1937; зам. нач. УНКВД Одесской обл., 22.10.1937—03.1938; врид нач. 3-го отд. УГБ НКВД УССР, 03.38—20.05.38; врид зам. нач. УНКВД Киевской обл., 26.05.1938—28.07.1938; в распоряжении НКВД СССР с 28.07.1938; нач. 6-го отд. 2-го упр. НКВД СССР, 07.1938—20.08.1938; нач. 7-го отд. 2-го упр. НКВД СССР, 20.08.1938—29.09.1938; зам. нач. 10-го отд-я 4 отд. ГУГБ НКВД СССР, 29.09.1938—02.1941; нач. отд. 3-го управления Наркомата ВМФ СССР 02.1941—12.1941; нач. Особого отдела Северного флота 12.1941—23.04.1942; в распоряжении отд. кадров НКВД СССР, 04.1942—09.1942; зам. нач. ОО 2-й резервной армии, 06.09.42—

1943; зам. нач. ОО 63-й армии, 1943—12.1943; лечился в госпитале «Архангельское», 12.1943—04.1944; в резерве ГУКР «Смерш» НКО СССР, 04.1944—10.1944; нач. отд-я и Особой инспекторской группы Секретариата НКГБ СССР, 05.10.1944—06.1946.

Пенсионер МГБ, Москва, 06.1946—03.1947; зав. юридич. консультацией Дзержинского р-на, Москва, 03.1947—02.1950; зав. юридич. консультацией Первомайского района Москвы, 03.1950—?(упом. 06.1954); впоследствии зам. пред. Московской городской коллегии адвокатов.

Награды: орден Красной Звезды 19.12.37; медаль «XX лет РККА» 02.38; орден Красного Знамени 03.11.44; орден Ленина; орден Отечественной войны 1-й степени; 5 медалей.

СТЕПАНЦЕВ Константин Григорьевич (1903).
Полковник.

Родился в Москве в семье чернорабочего. Окончил 1-й Московский авиационный техникум (1931).

Работал: курьер, грузчик, упаковщик 14 военный госпиталь и Контрагентство печати (08.1919—10.1925), грузчик, упаковщик и зав. отделом Контрагентства печати, Союзпечати (10.1927—09.1930).

В армии: красноармеец, младший командир 131 сп. РККА.(11.1925—09.1927).

В органах госбезопасности: уполномоченный ЭКУ ОГПУ с 09.1932, на Дальнем Востоке - Свободный (1933-1934); в Особом отделе ГУГБ НКВД - уполномоченный, нач. 4-го отдела с 1938-1939 г., нач. 7-го отделения до 08.1940 г. В заграничной командировке в МНР (06.1942—04.1943). Нач. отделения Управления НКВД СССР. (04.1943—06.1943). Пом. нач. отделения Главного Управления контрразведки «Смерш» НКО СССР (06.1943—08.1943). Зам. нач. отдела контрразведки Южно-Уральского ВО (08.1943—08.1944). Сотрудник аппарата

НКГБ - МГБ в Москве (08.1944—10.1946). Пом. нач. Орловского УМГБ (11.1946—03.1948). Нач. отдела Управления охраны МГБ Львовской железной дороги (10.1948—11.1950). Нач. отдела Управления охраны МГБ в г. Риге (11.1950—10.1952). Нач. оперотдела Управления охраны МГБ в г. Ржев. (03.1953—08.1953). Старший оперуполномоченный отдела МВД Москва - Рижская Калининской ж.д. (10.1953)

Награды: 2 ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота», значок «Почетный чекист» (1938).

СУРМАЧ Феодосий Кириллович (1904-1985).

Родился на хуторе Крещатик Кролевского района Сумской области в семье казаков.

Образование: сдал экстерном за нормальную артшколу, окончил 2 курса Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Трудовую деятельность начал с 1916 года: был батраком, дровосеком лесничества, контролером мельницы уопродкома, уполномоченным лесов райземотдела.

С 1926 г. служил в РККА: курсант, мл. командир, ком. взвода, командир, командир батареи 15-го артполка 15-й стрелковой дивизии Украинского военного округа; ст. лейтенант, пом. нач. штаба полка, капитан-слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе в Москве (10.1926—02.1939).

В органах госбезопасности с 1939 г.: нач. ОО НКВД 19 стр. корп. Ленинградского военного округа (02.1939—06.1941); зам. нач. ОО 14-й армии Карельского фронта (06.1941—12.1941); нач. оперчекистской группы Карельского фронта (12.1941—04.1942); нач. контрразведки армии Карельского фронта (04.1942—01.1945); нач. отдела контрразведки 11-го корпуса Юго-

Западного фронта (01.1945—05.1945); нач. отдела контрразведки 11-го корпуса 1-го Дальневосточного фронта (05.1945—02.1946); зам. нач. контрразведки 20-й воздушной армии Западного фронта ПВО (02.1946—08.1946); нач. УОМГБ г. Вильнюса Литовской ССР (08.1946—07.1950); нач. отдела «А» УМВД г. Вильнюса Литовской ССР (07.1950—01.1951). С 1951 по 1954 г. на службе в милиции: начальник учетно-регистрационного отдела республиканской украинской милиции, нач. ГОМ МВД в г. Первомайск Николаевской области. С 1955 г. – пенсионер МВД.

Награды: 2 ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I ст., 3 ордена Красной Звезды, медаль «XXX лет Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.», медаль «Ветеран Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР», медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», вручен знак «50 лет пребывания в КПСС».

ТАРАСОВ Дмитрий Петрович (1913-1998).
Полковник.

Родился в деревне Пялус-озеро (Пудожский район Карелии) в крестьянской семье (отец погиб на фронте в 1-ю мировую войну).

Окончил районную школу крестьянской молодежи и лесной техникум в Петрозаводске, после чего работал 2 года в районном лесном хозяйстве. В 1937 г., будучи студентом Ленинградского института инженеров промышленного строительства, по комсомольскому набору был направлен на учебу в Ленинградскую межкраевую школу ГУГБ НКВД, после окончания которой 2 года работал оперуполномоченным УНКВД ЛО.

С 1939 г. в центральном аппарате контрразведки в Москве. С 1943 г. – начальник отделения по радиограмм 3-го отдела ГУКР «Смерш». С 1946 г. – на руководящей работе во 2-м ГУ МГБ СССР. В 1952–1953 гг. – зам. начальника отдела 2-го ГУ МГБ.

В 1953–1974 гг. работал в центральном аппарате разведки МВД/КГБ при СМ СССР – начальник отдела безопасности управления «С» (нелегальная разведка). С 1974 г. в отставке.

Награды: орден Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медали. Автор книги воспоминаний.

ТВАРДОВСКИЙ Петр Трофимович (1902–1942).
Ст. лейтенант ГБ.

Родился 29.07.1902 г. в селе Кривин Славутского района Каменец-Подольской обл... Из крестьян. Украинец.

Образование: низшее, 2-классное училище, с. Кривин.

Работал: чернорабочим на железной дороге, ст. Шепетовка 1917–1924; младшим кондуктором на железной дороге, ст. Шепетовка, 10.1927—10.01.1928; секретарем партийной ячейки, зав. мельницей с. Дворец Изяславского района Каменец-Подольской обл. 03.1931–06.1932.

В вооруженных силах: рядовой береговой обороны морских сил Черного моря, г. Батуми, 1924–1927.

Служба в милиции: милиционер, с. Шепетовка Каменец-Подольской обл. 12.01.1928—05.1929; курсант школы начальствующего состава РКМ, г. Киев 05.1929—01.1930; уполномоченный уголовного розыска, м. Плужное Каменец-Подольской обл. 01.1930—03.1931.

В органах госбезопасности: помощник уполномоченного Изяславского райотдела ГПУ - НКВД УССР, 06.1932—06.1935; уполномоченный Каменец-Подольского окр. отдела НКВД УССР, 06.1935—07.1936; уполномоченный Старо-Ушицкого райотделения УНКВД по Каменец-Подольской обл., 07.1936—10.1936; курсант Харьковских оперативных курсов НКВД, г. Харьков, 10.1936—05.1937; врид нач. Старо-Ушицкого райотделения УНКВД по Каменец-Подольской обл., 05.1937—02.1938; оперуполномоченный особого отделения НКВД 96-й горнострелковой дивизии, 10.05.1938—22.10.1939; зам. нач. особого отделения НКВД 96-й горно-стрелковой дивизии, 22.10.1939—?; нач. ОО 10-й стрелковой дивизии внутренних войск,? - 25.11.1942.

На Сталинградском фронте, находясь на передовой, погиб от разрыва вражеской мины, 25.11.1942.

ТИМОФЕЕВ Петр Петрович (1899–1958). Генерал-лейтенант (1945).

Родился в семье железнодорожного служащего в г. Санкт-Петербурге. Образование: 3-классное городское начальное училище, 4-классное городское высшее начальное училище, среднее учебное заведение; партшкола райкома РКП(б) в Ленинграде. Трудовую деятельность начал в 1915 году: был матросом кочегаром легкого пароходства по реке Неве.

В 1917 году начал службу в армии матросом Балтийского флота.

В органах госбезопасности с 1919 года: помощник комвзвода особого батальона при Финской ЧК; уполномоченный полка и бригады ОО 55-й стрелковой дивизии (08.1920—09.1921); ст. уполномоченный див. погран. Особого отдела № 2 в Виннице (09.1921—03.1922); уполномоченный бригады ОО 24-й стрелковой дивизии в г. Жмеринка (03.1922—03.1923); уполномоченный окротделения ГПУ г. Гайсин УССР (03.1923—12.1923); зам. нач. окротдела (01.1924—06.1924); врид. нач. окротдела ГПУ г. Коростень УССР (06.1924—05.1925); зам. нач. окротдела ГПУ г. Шепетовка УССР (05.1925—09.1926); ст. уполномоченный окротдела ГПУ г. Киев (09.1926—09.1927); нач. отдд. Облотдела и 25 погранотряда ГПУ (09.1927—09.1930); зам. нач. ОО оперсектора ГПУ г. Сталино (09.1930—08.1931), ст. уполномоченный 23-го погранотряда ГПУ (08.1931—05.1932); зам. нач. 19-го погранотряда г. Олевск УССР (05.1932—10.1934); нач. райотдела НКВД 2-й кавдивизии и мехбригады г. Староконстантинов (10.1934—07.1937); пом. нач. отдела НКВД по Винницкой области (07.1937—05.1938); нач. горотдела НКВД г. Могилев-Подольск (05.1938—10.1938); нач. III отдела управления местами заключения НКВД УССР, нач. отделения 3-го отдела НКВД УССР, врио зам. нач. 3-го отдела НУВД УССР, исп. должн. нач. 3-го отдела НКВД

УССР в Киеве (11.1938—04.1941). В 1941-1943 гг. – начальник 1-го отдела (борьба с немецким шпионажем) 2-го управления НКГБ/НКВД СССР. С апреля 1943 г. – начальник 4-го отдела ГУКР «Смерш», помощник Абакумова по Степному фронту. С мая по июль 1946 г. – зам. начальника ПГУ МГБ СССР. С августа 1946 г. – в действующем резерве МГБ СССР. С 1948 г. – в запасе по болезни.

Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Награды: орден Ленина, 3 ордена Красного Знамени, 2 ордена Кутузова II ст., 2 ордена Отечественной войны I ст; «Знак Почета»; медали «XX лет РККА», «Партизану Отечественной войны» I ст; «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945», «XXX лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы», румынский орден.

ТКАЧЕНКО Иван Антонович (1916-1942). Сержант ГБ 07.07.42.

Родился в 1916 г. в деревне Ново-Троицкое Минусинского района Красноярского края – 1942, Сталинградский фронт. Из крестьян. Украинец.

Образование: неполное среднее.

Служба в органах милиции: паспортист Черногорского горотдела милиции Красноярского края, 07.12.39-01.09.40; помощник оперуполномоченного Черногорского горотдела милиции Красноярского края, 01.09-40—01.10.41; оперуполномоченный Черногорского горотдела милиции Красноярского края, 01.10.41-08.12.41. Оперуполномоченный Черногорского горотдела НКВД СССР, 08.12.41-01.03.42; оперуполномоченный ОО НКВД 308-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии Сталинградского фронта, 01.03.42-10.09.42. Согласно приказу ОО НКВД

Донского фронта № 141 от 08.10.1942, Ткаченко исключен из списков личного состава как убитый в бою 15.09.1942. В спецсообщении № 244 от 21.09.1942 указано, что бои за хутор Бородкин Сталинградской области велись с 18.09.1942. В списке безвозвратных потерь от 29.09.1942 отмечено, что Ткаченко убит 21.09.1942. В докладной записке № 555 от 05.11.1942 значится, что Ткаченко убит 22.09.1942. Предположительной датой смерти можно считать 21-22.09.1942 (возможно, ночь с 21 на 22.09.1942).

Похоронен на хуторе Бородкин в Волгоградской обл.

ТРУБНИКОВ Владимир Матвеевич (1907–1979).
Генерал-майор (9.07.1945).

Родился 18.04.1907 г. в поселке Юзовка Екатеринославской губернии в семье рудничного рабочего.

Образование: 2-классное рудничное училище; Серговская совпартшкола, 1927–1928; 3 курса Харьковского политехн. института, 11.1928–1933. Работал: лампонос, коногон, плитовой, саночник, забойщик на шахте в Донбассе в 1920–1925 гг; электрослесарь на шахте им. Менжинского в Донбассе в 1925–1927 гг.; секретарь комитета ЛКСМ Украины шахты им. Менжинского 07.1927—08.1928; зам. зав. орг. отд. Серговского райкома Союза горняков, 08.1928—11.1928; пом. управ. Первомайским рудоупр., Серговский район, 1933—05.1934.

В органах госбезопасности с мая 1934 г.: курсант Центр. школы ГУГБ НКВД СССР, 09.07.1934—01.04.1935; уполномоченный 5-го отд-я ЭКО ГУГБ НКВД СССР, 01.04.1935—01.05.1935; пом. оперуполн. ЭКО ГУГБ НКВД СССР, 01.05.1935—15.01.1936; опер. уполн. ЭКО, 3-го отд-я УГБ Мариупольского гор. отд. НКВД, 23.01.1936—04.05.1938; нач. Снежнянского райотд. НКВД, 04.05.1938—27.11.1938.

В 27.11.1938—17.07.1939 гг. начальник Рыбницкого РО НКВД Молдавской АССР, в 17.07.1939—03.09.1939 гг. - заместитель наркома, а затем с 03.09.1939—07.08.1940 гг. нарком внутренних дел Молдавской АССР. В 07.08.1940—28.03.1941 гг. - начальник УНКВД по Житомирской области, с февраля по июнь 1941 года - начальник УНКГБ по Черновицкой области. В 28.07.1941—01.02.1942 гг. - начальник Особого отдела НКВД 40-й армии Юго-Западного фронта, затем начальник опергруппы УНКВД по Днепропетровской области, заместитель начальника по оперативно-чекистской работе Управлений войск НКВД по охране тыла Южного и Воронежского фронтов.

В 01.04.—11.08. 1943 г. - заместитель начальника Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР по оперативно-чекистской работе. В 1943-1944 гг. - начальник УНКВД по Архангельской области. В 1944-1947 гг. - начальник УНКВД - УМВД по Ровенской области. С июня 1948 по ноябрь 1949 гг. - министр внутренних дел Киргизской ССР. С февраля 1950 по ноябрь 1951 г. - заместитель начальника УМВД и начальник УИТЛК УМВД по Куйбышевской области, с ноября 1951 года - 1-й заместитель начальника «Куйбышевгидростроя» МВД СССР. С февраля 1953 года - заместитель начальника УИТЛ и строительства железных рудников МВД СССР. Приказом МВД СССР № 23 от 14.12.1953 года уволен из органов МВД, по фактам, дискредитирующим начсостав МВД. Постановлением СМ СССР № 1204—617 от 27.08.1956 года лишен звания генерал-майора.

Награды: знак «Заслуженный работник НКВД» 28.05.41; орден Красного Знамени 24.02.42; орден Отечественной войны 1-й степени 01.05.44; орден Отечественной войны 1-й степени 02.03.45; знак «Заслуженный работник НКВД» 18.02.46; орден Трудового Красного Знамени 23.01.48.

ТУТУШКИН Федор Яковлевич (1900–1959). Генерал-лейтенант (1944).

Родился в 1900 году в селе Тереховицы современной Владимирской области, русский, рабочий, из крестьян. Участник Первой мировой войны. Воевал в войсках Юго-Западного фронта, на фронте получил контузию (1917 год).

Образование среднее. По военно-учетной специальности политработник (в одном из военных округов закончил приравненные к военно-политическому училищу военно-политические курсы).

В органах ОГПУ – НКВД с 14 августа 1925 года, при этом в течение первых восьми лет службу проходил на оперативных и руководящих должностях в территориальных подразделениях госбезопасности (в том числе и при особых совещаниях) Владимирской, Тамбовской и Саратовской областей. С 1934 года – на оперативных и руководящих должностях в органах военной контрразведки, в частности, возглавлял особые отделы 3-й стрелковой дивизии (Киевский военный округ) и Одесского военного округа. Великую Отечественную войну встретил в должности заместителя начальника 3-го управления Наркомата обороны СССР и в специальном звании майора госбезопасности. С 22 августа 1941 года – заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, а с 13 августа 1942 года – одновременно еще и начальник Особого отдела Московского военного округа; с 21 февраля 1944 года – начальник управления контрразведки «Смерш» все того же МВО. Неоднократно выезжал в правительственные командировки в действующую армию. Так, в июле – сентябре 1945 года – уполномоченный НКВД СССР по Восточной Пруссии.

30 ноября 1945 года переведен в распоряжение НКВД СССР. С 8 февраля 1946 и по 14 апреля 1951 г. – народный комиссар внутренних дел Молдавской ССР. Попал в опалу и от этой должности был освобожден. Затем (с июля 1951 года) в течение почти ровно года – начальник УМВД по Калининской области, после чего также освобожден от должности и отозван в распоряжение управления кадров МВД СССР, с 1952 г. – в УИТК УВД Свердловской области.

Награды: два ордена Красного Знамени (1943 и 1944), орден Кутузова 1-й степени (1945), орден Отечественной войны 1-й степени (1943), орден Красной Звезды (1940), медали «За оборону Москвы» (1944), «За оборону Севастополя» (1943).

УТЕХИН Георгий Валентинович (1906–1987).
Генерал-майор (1944).

Родился в Санкт-Петербурге в семье военного врача.
С 1919 г. – в Симбирске, ученик в театральной мастерской Госнардома. С 1921 г. – делопроизводитель, технический секретарь комитета комсомола завода имени В. Володарского. С 1922 г. – в отряде ЧОН ГПУ в Туркестане. В 1924 г. окончил школу 2-й ступени

в Симбирске. Работал кочегаром и помощником электромонтера на Симбирском патронном заводе, в 1925 г. – на маслозаводе «Красный Узбекистан» в Андижане.

В 1926 г. поступил в Ленинградский фотокинотехникум (позднее Институт кинематографии), после окончания которого в 1930 г. работал помощником кинооператора на «Ленфильме». В 1929 г. вступил в ВКП(б).

В 1933 г. принят на работу в органы госбезопасности. Практикант, помощник уполномоченного Особого отдела, с мая 1934 г. – уполномоченный Экономического отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа / УНКВД по Ленинградской области. В 1935–1941 гг. – в управлении НКВД по Ленинградской области: оперуполномоченный, помощник и зам. начальника отделения, начальник 5-го отделения 8-го отдела Управления госбезопасности, 8-го отдела Управления госбезопасности, зам. начальника Экономического отдела УНКВД по г. Ленинграду. С конца 1940 г. – начальник Экономического отдела УНКВД по Ленинградской области. С марта 1941 г. – начальник КРО УНКГБ по Ленинградской области.

После начала Великой Отечественной войны с 1941 г. – начальник Особого отдела НКВД 23-й армии Ленинградского фронта, с 1943 г. – 2-й гвардейской армии Южного фронта. С 15 апреля 1943 г. – начальник 3-го отдела, с февраля 1944 г. – 4-го отдела ГУКР «Смерш» Наркомата обороны СССР. С июня 1946 г. – зам. начальника ВГУ МГБ СССР, с 1949 г. – начальник 1-го управления (внешней контрразведки) МГБ СССР. С сентября 1951 г. – начальник отдела «2-Б» ВГУ МГБ СССР. В октябре 1951 г. был отстранен от работы и арестован по «делу Абакумова». Обвинялся в антисоветской деятельности, вредительстве, участии

в «заговоре в МГБ». В марте 1953 г. освобожден из заключения и полностью реабилитирован. Был назначен зам. начальника 4-го управления (СПУ) МВД СССР. После прихода Н.С. Хрущева в августе 1953 г. освобожден от занимаемой должности. В сентябре 1953-го – декабре 1955 г. – начальник 1-го отдела УМВД, начальник 2-го отдела УКГБ по Челябинской обл. В 1955 г. уволен в отставку по состоянию здоровья. С 1957 г. работал зам. директора по режиму и начальником специального отдела НИИ в Москве.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, Кутузова 2-й степени (13.9.1945)

ФЕДОРЧУК Виталий Васильевич (род. 1918). Председатель КГБ СССР (май – декабрь 1982). Генерал армии (1982).

Родился в селе Огиевке Сквирского уезда Киевской губернии (ныне Ружинского района Житомирской обл.), в многодетной крестьянской семье.

В 1934 г. окончил 7-летнюю школу, работал в редакции многотиражной газеты политотдела Белиловской МТС Ружинского района, районных газетах.

В 1938 г. окончил Киевское военное училище связи имени М.И. Калинина, лейтенант. В августе 1938 г. стал кандидатом в члены партии.

В начале 1939 г. был зачислен в Центральную школу НКВД СССР в Москве, где, по его словам, «в течение 2–3 недель был вкратце ознакомлен с методами работы органов НКВД», с марта 1939 г. – помощник оперуполномоченного Особого отдела НКВД Уральского военного округа, с июня зам. начальника ОО НКВД 82-й стрелковой (переформированной в мотострелковую) дивизии, в составе которой участвовал в боях с японскими войсками на реке Халхин-Гол.

Участник Великой Отечественной войны. Во время Московской битвы был тяжело ранен под Можайском. По

возвращении в строй в марте 1942 г. назначен начальником ОО НКВД 92-й отдельной танковой бригады, вместе с которой воевал в составе 31-й армии на Калининском и Западном фронтах, в Черноморской группе войск, на Северо-Кавказском фронте. В 1943 г. – зам. начальника отдела контрразведки «Смерш» Ярославского, с мая 1944 г. начальник отдела «Смерш» Калининского гарнизона. В 1949 г. переведен начальником отдела в Управление МГБ СССР по МВО, в 1950 г. – на аналогичную должность в Управление МГБ по Центральной группе войск в Австрии. Служил зам. начальника управления МГБ СССР (с 1953 г. – МВД, с 1954 г. – КГБ при СМ ССР) по Центральной группе войск вплоть до вывода советских войск из Австрии в 1955 г. В 1955–1963 гг. – зам. начальника, затем начальник Особого отдела КГБ по МВО. В 1960 г. он заочно окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ. С 1963 г. служил в ГДР зам. начальника, в 1966–1967 гг. – начальник Управления КГБ по Группе советских войск в Германии. В 1967 г. был назначен начальником 3-го Главного управления (военной контрразведки) КГБ СССР. С июля 1970 г. – председатель КГБ при СМ Украинской ССР (с 1978 г. – КГБ УССР), состоял членом Коллегии КГБ СССР. 26 мая 1982 г. в связи с избранием Ю.В. Андропова секретарем ЦК КПСС по предложению Л.И. Брежнева был назначен председателем КГБ СССР.

17 декабря 1982 г., через месяц после смерти Л.И. Брежнева, Федорчук был назначен министром внутренних дел СССР вместо Н.А. Щелокова. В январе 1986 г. был освобожден от должности. В том же году назначен инспектором-советником группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, в составе которой находился до ее роспуска в 1991 г.

ФИНКЕЛЬБЕРГ Григорий Павлович (1901-1974).
Полковник (1946).

В органах ОГПУ с 1930 г. В 1938-1941 гг. – зам. нач. 3 отделения 2 отд. ГУГБ НКВД СССР. С 1941 г. в органах ОО «Смерш» на фронте, в 1945-1947 гг. зам. нач. ОКР «Смерш» – МГБ 5-й ударной армии ГСОВГ. В марте 1947 – марте 1949 гг. зам. нач. оперсектора МГБ земли Мекленбург. С марта 1949 г. на пенсии в Москве.

ФЛЯГИН Иван Васильевич. Полковник (1946).

Родился 7.01.1904 в городе Москва. Из рабочих.

Окончил 4 класса городского училища 1915; 1 класс Комиссаровского технического училища 1916; 1 курс политехникума при Московско-Казанской железной дороге 1917; Юридическая школа экстерном 1952.

Работал: ученик наборщика, наборщик в типографии «Слово Истины», «Печатник», «Прогресс», Центрального дома Коммунистического воспитания рабочей молодежи, Госбанка,

г. Москва, 08.19-10.25; председатель Сокольнического группового комитета Союза печатников, г. Москва, 10.25-04.26; председатель завкома типографии Госбанка, г. Москва, 04.26-01.11.26; наборщик типографии Наркомвоенмора, 11.28-08.29; инструктор и зав. учетно-распределительным отделом областного отдела Союза печатников, г. Москва, 08.29-04.04.30.

В вооруженных силах: красноармеец, курсант и командир отделения 4-го Украинского полка внутренних войск НКВД, 01.11.26-01.11.28.

В органах госбезопасности: практикант Информационного отдела Полномочного представительства ОГПУ по Московской обл., 04.04.30-06.06.30; помощник уполномоченного, уполномоченный, ст. оперуполномоченный Сокольнического райотделения Полномочного представительства ОГПУ—

УНКВД по Московской обл., 06.06.30–21.04.37; помощник нач. Сокольнического райотделения УНКВД по Московской обл., 21.04.37–15.11.37; нач. Сокольнического райотделения УНКВД по Московской обл., 15.11.37–01.02.39; нач. Сокольнического райотдела УНКВД по г. Москве и Московской обл., 01.02.39–23.08.39; нач. след. части УНКВД по г. Москве и Московской обл., 23.08.39–26.05.41; зам. нач. 3-го спецотдела НКВД СССР, 26.05.41–07.12.41; нач. ОО НКВД 1-го Воздушно-десантного корпуса Сталинградского фронта, 07.12.41–08.09.42; нач. ОО НКВД 37-й гвардейской стрелковой дивизии 65-й армии, 08.09.42–31.03.43; нач. след. отдела УКР «Смерш» Центрального фронта, 31.03.43–02.09.43; зам. нач. 6-го отдела ГУКР «Смерш», 02.09.43–22.05.46.

Уволен из органов безопасности, 1958 г.

Награды: 2 ордена Красной Звезды, 1943 г. и 1944 г; Отечественной войны 2-й степени, 1944; Отечественной войны 1-й степени, 1945; Красного Знамени, 1949; 6 медалей.

ХАННИКОВ Николай Георгиевич (1896—29.04.1948).
Генерал-лейтенант (1944).

Служил на флоте матросом.

С 1919 г. в органах ВЧК на Украине (в транспортных отделах) и на Дальнем Востоке. С 1937 г. – в центральном аппарате военной контрразведки. В 1938–1940 гг. – зам. начальника ОО СКВО и ЛВО. В 1940–1941 гг. начальник Вологодского и Архангельского ВО. В марте – июле 1941 г. начальник 3-го отдела 3-го управления НКО СССР.

С июля 1941 г. на фронте – зам. начальника ОО Северо-Западного, в октябре 1941 – октябре 1943 гг. – начальник ОО НКВД/УКР «Смерш» Калининского фронтов. С октября 1943 г. – начальник УКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта/Прибалтийского ВО. С апреля 1947 г. – начальник 2-го управления 3-го ГУ МГБ СССР. Умер в Москве.

Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Суворова 1-й степени, Суворова 2-й степени (19.4.1945), Отечественной войны 1-й степени.

ЦАНАВА (до 1938 г. – Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900–1955). Генерал-лейтенант (1945). Член ВКП(б) с 08.1920 года, в 1922 г. был исключен из партии по обвинению в похищении невесты, восстановлен в 1924 г. Депутат Верховных Советов СССР 1-го-3-го созывов и Белорусской ССР 3-го созыва. Заслуженный работник НКВД (1941).

Родился 9 августа 1900 года в Грузии – в селе Нахунао Сенакского уезда Кутаисской губернии (ныне – Хут-Сопели Гегечкориевского района) в бедной крестьянской семье. Грузин. Образование: с 1912 г. сельское начальное училище; в 1919 г. – неполный курс гимназии в Тифлисе; вечерние общеобразовательные курсы в Тифлисе. Участник Гражданской войны в Грузии: в феврале 1921 года организовал в родном селе несколько большевистских повстанческих отрядов.

Участник большевистских восстаний против меньшевистского правительства в Грузии.

На службе в органах госбезопасности с 03.1921 года (с перерывами в 03.1926—12.1928 и 02.1933—12.1938 годов). Начинал с должности уполномоченного по борьбе с бандитизмом Озургетского политбюро ГрузЧК, начальника уездных отделов ВЧК: 03.1921—02.1922 гг. - Сенакского уезда; 02-05.1922 года - Тианетского; 05.1922—03.1923 гг. - Телавского; 03.1923—01.1924 гг. - Борчалинского. В 01.1924—04.1925 гг. - заместитель начальника Уголовного розыска АО Тифлисского горисполкома, но затем (04.1925—04.1926) вновь на чекистской работе - начальник политбюро ЧК Потийского уезда. С 03.1926—12.1928 гг. - на ответственной работе в органах прокуратуры: помощник прокурора Наркомата юстиции Грузинской ССР по Восточной Грузии. 02-05.1929 гг. - на службе в органах военной контрразведки: сотрудник Особого отдела 1-й Грузинской стрелковой дивизии. 05.—12.1929 гг. - вновь на руководящей чекистской работе в территориальных органах госбезопасности: начальник политбюро ОГПУ Шорапонского уезда и (с 06.1929) начальник Чиатурийского районного отдела ОГПУ. В 12.1930—1932 гг. - в центральном аппарате ОГПУ Грузинской ССР: сотрудник (по некоторым данным, в должности помощника начальника республиканского ОГПУ) и начальник (с 1932) 1-го отделения Секретно-политического отдела.

В 02.1933—12.1938 гг. - на руководящей советско-хозяйственной и партийной работе в Грузии: заместитель уполномоченного Наркомата совхозов Закавказской СФСР в Грузии; заместитель председателя правления Цекавшири - Потребсоюза Грузинской ССР; заместитель директора Лимантреста; заместитель начальника Субтропического управления Наркомата земледелия Закавказской СФСР; заместитель

управляющего Самтрестом – начальник виноградного управления данного треста; 1-й секретарь Потийского горкома КП(б) Грузии; 1-й секретарь Цхакаевского райкома КП(б) Грузии; 1-й заместитель наркома земледелия Грузинской ССР, начальник «Колхидстроя». Руководил строительством по осушению и освоению Колхиды. 17.12.1938 года был назначен наркомом внутренних дел Белорусской ССР, а 26.02 (по другим данным – 9.03) 1941 года – наркомом государственной безопасности БССР. В последней должности формально состоял до 31.07.1941 года включительно. Постановлением Государственного Комитета Оборона СССР № 57 от 8.07.1941 года комиссар госбезопасности 3 ранга Л.Ф. Цанавы был назначен уполномоченным ГКО по оборонному строительству в Смоленской области. 19.07–21.10.1941 года – начальник Особого отдела Западного фронта и одновременно (по отдельным данным) – руководитель оперативно-чекистской группы НКВД СССР по Белорусской ССР. 21.10.1941—19.03.1943 гг. – заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР и одновременно: 10.01.1942—6.03.1943 гг. – начальник Особого отдела Западного фронта; 6.03—7.05.1943 года – начальник Особого отдела Центрального фронта. 7.05.1943—29.10.1951 гг. – нарком (с 03.1946 – министр) государственной безопасности Белорусской ССР и, одновременно: в 1943–1945 гг. – заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения; 11.01—4.07.1945 года – уполномоченный НКВД СССР на 2-м Белорусском фронте.

Участвовал в ликвидации С.М. Михоэлса, который был убит на минской даче Л.Ф. Цанавы.

В 1949 (часть 1-я) и 1951 (часть 2-я) годах выпустил двухтомник «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков».

29.10.1951—14.02.1952 гг. – заместитель министра государственной безопасности СССР и одновременно,

с 6.11.1951 года, – начальник 2-го Главного управления (контрразведка) МГБ СССР. 15 февраля 1952 года снят со всех постов в МГБ СССР с формулировкой – «за серьезные ошибки». После того, как Л.П. Берия после смерти И.В. Сталина начал расследование дела С.М. Михоэлса, генерал-лейтенант Л.Ф. Цанава 4 апреля 1953 года по решению Президиума ЦК КПСС был арестован, ему было предъявлено обвинение по ст. ст. 135-2 и 193-17 «б» УК РСФСР (в т. ч. соучастии в убийстве С.М. Михоэлса). Скончался (по другим данным – покончил жизнь самоубийством) 12.10.1955 года в больнице Бутырской тюрьмы. Решения по уголовному делу нет. Место захоронения неизвестно.

Награды: пятнадцать советских и пять иностранных наград, в том числе пятнадцать орденов – тринадцать советских и два иностранных. Ордена: четыре Ленина (26.04.1940, 30.04. 1946, 30.12.1948, 12.08.1950); пять Красного Знамени (12.04.1942, 20.09.1943, 03.11.1944, 28.10.48, 01.06. 1951); Суворова 1-й степени (15.08.1944); два Кутузова 1-й степени (21.04.1945, 29.05.1945); Трудового Красного Знамени Грузинской ССР (1930); тувинский орден Республики (04.1942); монгольский орден Красного Знамени (1942); польский орден Грюнвальда 3-го класса. Медали: две советские и три польские (но какие конкретно, неизвестно). 28 мая 1941 года был удостоен почетного звания «Заслуженный работник НКВД» с вручением нагрудного знака. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1953 года был лишен своего четвертого по счёту из пяти орденов Красного Знамени (дата наградного Указа – от 28.10.1948 года), поскольку, как выяснилось, удостоен его был за участие в убийстве С.М. Михоэлса.

ЦВИГУН Семен Кузьмич (1917–1982). Генерал армии (1978). Член ВКП(б) с 1940 г. Родился 15 сентября 1917 г.

в селе Стратиевка Чечельницкого района Винницкой области. Украинец.

Образование: окончил исторический факультет педагогического института в Одессе в 1937 г. Учитель истории (1937–1938), директор средней школы в г. Кодыма Одесской области (1938–1939).

С 11.1939 в органах госбезопасности: сотрудник УГБ НКВД Молдавии. В июле 1941 г. – январе 1942 г. – сотрудник ОО НКВД Южного фронта; в январе – марте 1942 г. – сотрудник УНКВД Смоленской обл. в г. Юхнове; с 1 апреля 1942 г. – оперуполномоченный 4-го управления НКВД СССР; в ноябре 1942 – марте 1943 гг. – зам. нач. ОО 387-й стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии Сталинградского фронта; в марте 1943 г. – сотрудник, с февраля 1944 г. – начальник розыскного отд. ОКР «Смерш» Южно-Уральского ВО; с ноября 1944 г. – нач. розыскного отд. ОКР «Смерш» танкового гарнизона Южно-Уральского ВО. После войны на ответств. должностях в Мин-ве гос. безопасности Молдавской ССР. В 1951–1953 зам. министра гос. безопасности, в 1953–1955 зам. министра внутр. дел, зам. предс. КГБ при Сов. мин. Молдавской ССР. В 1955–1957 первый зам. пред., а в 1957–1963 пред. КГБ при Сов. мин. Таджикской ССР. В 1963–1967 пред. КГБ при Сов. мин. Азербайджанской ССР. С нояб. 1967 первый зам. пред. КГБ СССР. Кандидат в чл. ЦК КПСС с 1971. Депутат Верх. Совета СССР 7–10-го созывов. Ц. – автор ряда книг. Лауреат премии Ленинского комсомола.

Награжден: 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Красной Звезды, медалями, а также иностр. орденами.

ЧЕРНОВ Иван Александрович (1906–1991).
Полковник.

Родился в деревне Дилялево (Кубиноозерский р-н Вологодской области).

С 1928 г. на службе в войсках ОГПУ. Окончил Центральную школу ОГПУ, работал в ОО ОГПУ. С 1935 г. в заграничной командировке – заместитель начальника экспедиции по доставке оружия китайской Красной армии.

С 1937 г. по ходатайству Разведупра РККА направлен на работу в центральный аппарат военной разведки – начальник регистрационного отделения РУ РККА, занимался поставками вооружения Китаю (линия «Икс»).

С 1941 г. – зам. начальника, начальник отделения УОО. С 1943 г. – начальник Секретариата ГУКР «Смерш». В октябре 1946-го – октябре 1951 г. – начальник Секретариата МГБ СССР. В 1951 г. снят с должности.

Арестован в декабре 1951 г. по «делу Абакумова». В декабре 1954 г. приговорен к 15 годам тюрьмы. Освобожден в 1966 г. Умер в Москве.

ЧЕРТОВ Иван Александрович (1905–1951). Генерал-майор (1944).

Родился в г. Новочеркасске в семье шахтера.

Образование: 3 класса гимназии в г. Новочеркасске в 1918 г. Окончил Высшую пограншколу ОГПУ в Москве в 1929 г.

Работу начал сверловщиком на чугунолитейном заводе в г. Новочеркасске.

В органах госбезопасности с 06.1920: сотрудник Особого отдела ОГПУ – НКВД. Участник войны в Испании. С 1943 г. – начальник 11-го (шифровального) отдела ГУКР «Смерш». В конце 1940-х гг. – советник МГБ в Болгарии.

Награжден различными орденами (в т. ч. Красной Звезды за Испанию).

ЧЕСНОКОВ Александр Николаевич (1900—?).
Генерал-майор (26.05.1943).

До 1940 г. служил в пограничных войсках НКВД на Дальнем Востоке. С 1940 г. - зам. начальника Хабаровского УНКВД. С 26.02.—31.07.1941 гг. - начальник УНКГБ Хабаровского края. С сентября 1941 г. - зам. начальника УНКВД Хабаровского края, одновременно с мая 1942 г. - начальник ОО Дальневосточного фронта. С апреля 1943 г. - начальник УКР «Смерш» Дальневосточного фронта. В сентябре 1947-го - январе 1955 г. - начальник ОКР МГБ/ОО КГБ Таврического ВО. С 1955 г. - в запасе по болезни. В 1958 г. приказом КГБ уволен из органов КГБ за дискредитацию генеральского звания.

ШАРИКОВ Михаил Петрович (1902-1975). Полковник (1943).

Родился в Москве в семье рабочего.

Образование: городское училище в Москве, Строгановское художественное училище, вечернее ремесленное училище, школа политруков и командиров, курсы партактива НКВД - ОГПУ.

Трудовую деятельность начал с 1915 года: учеником продавца, учеником чертежника, чертежником-

копировальщиком на фабрике.

Служил в Красной Армии в 1919–1920 гг. Вел комсомольскую работу: был комсоргом Красно-Пресненского района (05.1920—11.1921).

В органах госбезопасности с 1921 г.: шифровальщик ЦК ВКП(б), шифровальщик Наркомвнешторга, торгпредства СССР в Турции (05.1924—01.1925), зав. шифрочастью Торгпредства СССР в Англии (12.1926—04.1927), сотрудник Спецотдела. С 1931 г. работал шифровальщиком резидентуры ОГПУ в Нью-Йорке под прикрытием должности зав. секретариатом председателя «Амторга». В октябре 1932 г. решением комиссии ЦКК партии «по проверке членов партии, возвращающихся с заграничной работы» (на заседании присутствовал начальник Спецотдела ОГПУ Г.И. Бокий) Шариков за обнаруженные у него и жены при таможенном досмотре контрабандные товары получил строгий выговор с предупреждением и был «снят с заграничной работы». Это не помешало ему сделать впоследствии карьеру. С 1942 г. Шариков – начальник 8-го (оперативной) отдела УОО НКВД/ ГУКР «Смерш» – 3-го ГУ МГБ, в августе 1950-го – октябре 1951 г. – начальник аналогичного отдела «С» МГБ СССР. Пенсионер (02.1952).

Награды: орден Ленина, орден Красного Знамени, Отечественной войны I и II ст., два ордена Красной Звезды, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За оборону Москвы», «30 лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы».

ШАШКОВ Александр Георгиевич (1900–1942). Майор ГБ.

Родился 12.09.1900 г. в селе Степное-Митюнино (Майнского р-на Ульяновской области) в семье рабочего-плотника. Русский.

Образование: окончил городское училище в г. Симбирске в 1915 г., Школу ОГПУ в г. Москве в 1925 г.

Работал чернорабочим на Волго-Бугульминской ж. д. (1915–1919).

В армии: красноармеец 4-го Приволжского полка Казанский ВО (1919–1920), адъютант 404с.п. Юго-Западный фронт (1920–1922), нач. опер. разведчасти 3-й с.д. Туркестанского фронта (1922–1923).

В органах госбезопасности с 1923 г. Работал в транспортных отделах ГПУ: оперуполномоченный ОД ТОО ГПУ на ст. Бобринская Юго-Западной ж. д; адъютант ОД ТОО ГПУ в г. Одессе, нач. отделения ОД ТОО ГПУ на ст. Христиновка ЮЗЖД; нач. отделения ОД ТОО ГПУ в г. Белгороде; нач. отделения ОД ТОО ГПУ в г. Харькове, с 08.1932 г. – комендант ГПУ – НКВД УССР в Харькове и Киеве. В 07.1937—04.1938 г. начальник АХУ НКВД УССР. В 04.1938—05.1939 г. пом. начальника УНКВД Донецкой (с июня того же года Сталинской); в 05.1934—12.1940 Запорожской; и в 12.1940 г. пом., а с 03.1941 по

05.1941 г. зам. нач. УНКВД Черновицкой областей.
С 07.1941 г. – нач. охраны войскового тыла 5-го стр. кор.
5-й армии, затем начальник ОО НКВД 2-й ударной армии
Волховского фронта. Погиб в июле 1942 г. во время
окружения (застрелился), похоронен в деревне Арофино
Чудовского р-на Новгородской обл.

Награды: дважды золотые часы (1920,1928), трижды
боевое оружие, орден 3-й ст. Бухарской Народной
республики (1922), орден Красной Звезды (1936), медаль
«20 лет РККА».

ШЕВЧЕНКО Даниил Петрович. Полковник ГБ
(14.02.43).

Родился в1904, ст. Иловайск Харцизского района
Сталинской обл... Из рабочих. Украинец.

Образование: окончил 1 курс Сталинского
индустриального института, 1938, ПШ НКВД СССР, г.
Москва, 1939, заочно Черновицкий государственный
университет, 1951, 1 курс Коммунистического
университета им. Артема и Высшей школы парторгов
при ЦК ВКП(б).

Работал: грельщик заклепок на шахте «София», г.
Макеевка Сталинской обл. 1916–1918; токарь-
строгальщик в депо ст. Иловайск Харцизский район
Сталинской обл. 1918–1927; секретарь
железнодорожного комитета ЛКСМУ Харцизский р-н
Сталинской обл. 1927–1928; секретарь Харцизского
РКЛКСМ(У) Сталинской обл., 1928–1929; секретарь
парторганизации с. Елизаветовка Марьевского района
Сталинской обл., 1929–1930; парторг шахты
в Краснолучском районе Ворошиловградской обл., 1931-
1937; инструктор Сталинского обкома КП(б)У, 03.1937—
09.1938.

В органах госбезопасности: зам. нач. УНКВД – УНКГБ
Ставропольского края, 01.1939—07.1941; зам. нач. ОО
НКВД Орловского ВО, 07.1941—08.1941; зам. нач. 60-й

армии Брянского, Западного фронтов, 08.1941—11.1941; нач. ОО НКВД, ОКР «Смерш» 57-й, 68-й армий Южного, Юго-Западного, Северо-Западного, Сталинградского фронтов, 11.1941—01.1944; нач. ОКР «Смерш» 6-й танковой армии 1-го и 2-го Украинских фронтов, 01.1944—05.1944; на лечении в эвакогоспитале № 5010 Западного фронта, 05.1944—10.1944; зам. нач. УМГБ по Львовской обл. 10.1944—08.1945; зам. нач. УМГБ по Закарпатской обл. г. Ужгород, 08.1945—03.1946; и.о. зам. нач., зам. нач. УМГБ по Черновицкой обл., 03.1946—1953; и.о. нач. УМВД Черновицкой обл., 04.1954.

Уволен в запас Советской Армии по болезни 06.04.1955.

Награды: орден Красного Знамени (1942); орден Красной Звезды (12.1942); медаль «За оборону Сталинграда» (03.1943); орден Отечественной войны 1-й степени (06.1944); медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (09.05.1945); медаль «30 лет Советской Армии и Флота» (1948); орден Отечественной войны 2-й степени (29.11.1948); медаль «За боевые заслуги» (25.07.1949).

ШКУРИН Алексей Калинникович (1904—?). Полковник (1943).

В органах НКВД с 1937 г. С сентября 1939 г. пом. нач. следчасти ГУГБ НКВД СССР. В 1940-1941 гг. зам. наркома внутренних дел Эстонии, в 1941-1942 гг. зам. нач. ОО Московского ВО, в 1942-1946 гг. нач. ОО НКВД-ОКР «Смерш» 47-й армии. В 1946-1949 гг. нач. УМГБ Брянской обл., затем нач. упр. милиции Калининской обл. В апреле 1954 г. уволен по «фактам дискредитации».

ШУЛИШОВ Федор Иванович (1902 г.р.). Полковник ГБ (14.02.1943).

Родился 18 февраля 1902 г. в г. Пятигорске в семье рабочего (по другим данным, крестьянина).

Образование: в 1915 г. окончил начальную школу. В 1920 г. окончил сов. парт. школу. В 1925 г. окончил рабочий факультет при Северо-Кавказском государственном университете. В 1933 г. окончил экономический факультет Ростовского государственного университета. С октября 1930 по май 1933 г. – аспирант Института пищевой промышленности в Ростове.

Работал: в 1915-1917 г. рабочим на шлакодробильном заводе во Владикавказе. В 1918-1919 гг. батрачил в станице Змейской. С октября 1922 г. по апрель 1926 г. – инструктор Ростовского райкома РКП(б). С апреля 1926 г. по ноябрь 1927 г. – секретарь президиума Ростовского городского Совета депутатов трудящихся. С ноября 1927 по октябрь 1930 г. – председатель краевого бюро Пролетарского суда.

В органах госбезопасности: с 1920 по 1922 г. – рядовой войск ВЧК в Ростове. С февраля по октябрь 1922 г. – уполномоченный ВЧК – ОГПУ в Ростове. 10 мая 1933 г. назначен уполномоченным СПО ОГПУ, а с 1 июля 1933 г. – помощником оперуполномоченного, врид оперуполномоченного, уполномоченный 4-го отделения СПО ОГПУ. С 23 июня 1935 г. – оперуполномоченный 6-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР.

23 июня 1935 г. назначен оперуполномоченным 4-го отделения 4-го отдела СПО ГУГБ НКВД СССР. С 1 ноября 1938 г. – помощник начальника следственной части ГУГБ НКВД СССР. 26 декабря 1938 г. – врио начальника, а с 27 сентября 1939 г. – начальник УНКВД Красноярского края. 26 февраля 1941 г. назначен начальником УНКГБ Красноярского края. 29 апреля 1941 г. переведен в резерв НКГБ Белорусской ССР по должности начальника отдела. 28 июля 1941 г. начальник 5-го отделения ОО НКВД Западного фронта. 15 сентября 1941 г. назначен начальником 4-го отделения СПО НКВД Узбекской ССР. С 22 марта 1942 г. – заместитель начальни-ка ОО НКВД Среднеазиатской особой армии, а

с 28 июня 1942 г. – 58-й армии, а с 14 августа 1942 г. – 39-й армии.

6 февраля 1943 г. назначен заместителем начальника ОО НКВД 4-й ударной армии Калининского фронта. С 4 июля 1943 г. – заместитель начальника УНКГБ Свердловской области. С 1 июня по 25 декабря 1945 г. – заместитель начальника, начальник следственного отдела УНКГБ Сталинградской области. 25 декабря 1945 г. стал начальником УНКГБ Камчатской области. 31 октября 1946 г. назначен начальником УМГБ Камчатской области. 3 декабря 1949 г. откомандирован в распоряжение отдела кадров МГБ СССР. С 8 апреля 1950 г. – помощник министра государственной безопасности Удмуртской АССР. 14 января 1951 г. уволен из органов по состоянию здоровья в запас МГБ СССР, с правом ношения военной формы одежды со знаком различия «полковник» в запасе. Проживал в Удмуртской АССР.

Награжден: 4 орденами Красной Звезды (26.04.1940, 02.10.1943, 1944, 06.11.1945), Отечественной войны 2-й степени (09.03.1944); медалями «За боевые заслуги» (03.11.1944), «За Победу над Германией» (09.05.1945), «30 лет Советской Армии и Флота» (1948), «В память 800-летия Москвы» (17.09.1948); высшей ведомственной наградой – нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)» (31.08.1937).

ЩЕРБАК Федор Алексеевич (1918–1998). Генерал-лейтенант.

В органах НКВД с 1941 г. – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный 2-го отдела Управления особых отделов. С 1943 г. – начальник отдела Управления контрразведки «Смерш» Наркомата Военно-морского флота СССР. Проработал в контрразведке свыше 40 лет. В 1944–1952 гг. – зам. начальника отдела 2-го ГУ МГБ, в 1953 г. – зам. начальника отдела 1-го ГУ

МВД СССР. С 1954 г. - зам., с 1963 г. - 1-й зам. начальника 2-го ГУ КГБ. В 1968-1970 гг. - зам. начальника Высшей Краснознаменной школы КГБ имени Дзержинского при СМ СССР. В 1970-1982 гг. вновь 1-й зам. начальника 2-го ГУ КГБ. В 1982-1989 гг. - начальник 6-го (экономического) управления КГБ СССР Член Коллегии КГБ СССР в 1982-1989 гг.

С 1989 г. - в отставке.

ЮХИМОВИЧ Семен Петрович (1900). Генерал-майор. Родился в марте 1900 г. в семье крестьянина-бедняка в м. Теофиполе Волынской губ.

Образование: второклассное министерское училище в м. Теофиполь, педагогический техникум в г. Полонное, 1 курс комвуза им. Артема в г. Харькове, имел специальность - учитель.

Трудовую деятельность начал с 1913 г.: был учеником в сапожной мастерской, письмоносцем почтового отделения, крестьянствовал.

В органах госбезопасности с 1920 г.: сотрудник по борьбе с бандитизмом районного политбюро в м. Теофиполь, г. Староконстантинов, г. Полонное (12.1920 —03.1923); уполномоченный контрразведывательного отделения окружного погранотряда ОГПУ Шепетовского

округа УССР (03.1923—01.1930); ст. уполномоченный контрразведывательного отдела ОГПУ г. Запорожье Днепропетровской обл. (01.1930—06.1932); зам. нач. отделения, нач. отд. контрразведывательного отдела областного Управления НКВД г. Днепропетровска (06.1932—12.1936); зам. нач. ОО Московской воздушной армии (01.1937—11.1939); зам. нач. отдела контрразведки «Смерш» НКВД СССР, нач. отдела «Смерш» (11.1939—05.1944); нач. областного Управления НКВД г. Одесса УССР (05.1944—04.1946). 13 марта 1946-го был назначен начальником управления строительства автомобильной дороги Минск - Барановичи - Брест ГУШОСДОР, 15 января 1949-го - начальником Севводстроя ГУЛЖДС (железнодорожные пути на Северной водопроводной станции Москвы; лагерь при этой стройке именовался Марковским ИТЛ), а 12 февраля 1951 года - начальником управления исправительно-трудовых лагерей строительства № 352, начальником строительства № 442 (станция Обнино Калужской области - нынешний Обнинск). В 1953 г. назначен начальником городского отдела МВД г. Орск Чкаловской обл., в 1954-1956 гг. - уполномоченный Управления КГБ при Совете Министров СССР по Чкаловской обл. В 1956 г. был уволен по болезни в запас КГБ при СМ СССР.

Награжден: двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, орденом Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почета», пятью медалями.

Исп. лит.: *Буяков А.М.* Ведомственные награды ОГПУ - НКВД: 1932-1940. Владивосток, 2008.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД: 1934-1941. Справочник. М., 1999.

Христофоров В.С. Сталинград: органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008.

Список литературы

Опубликованные документы

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Документы и материалы. - М., 1975.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. - Москва - Новосибирск. 2001.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004.

Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946. - М., 2006.

Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. - М., 2002.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. - М., 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн.1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года. - М., 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 3. Книга 2. «От обороны к наступлению. 1 июля - 31 декабря 1942 года». - М., 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007.

Русский архив: Великая Отечественная война. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). - М., 1994.

Русский архив: Великая Отечественная война. СССР и Польша Т. 14 (3-1). - М., 1994.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. - М., 1992.

Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. - М., 2000.

Трагедия Литвы: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. - М., 2006.

Эстония. Кровавый след нацизма: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. - М., 2006.

Монографии

Абрамов В. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. - М., 2005.

Академии ФСБ России 80 лет. - М. 2001.

Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948). - М., Нью-Йорк., 2006.

Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ - НКВД: 1932-1940 гг. Часть 2. Владивосток, 2008.

В авангарде отечественных спецслужб. - М., 2008.

Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944-1948 годы. - Киев, 1984.

Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. – Ярославль. 2001.

Гискес Г. Операция «Северный полюс». Тайная война Абвера в странах Северной Европы. – М. 2004.

Государственные органы безопасности России: История и современность. – М., 2004.

Дегтярев К. Диверсанты Сталина. Супермены Страны Советов. – М., 2005.

Дрогозов И. Г. Техника на колесах. История бронепоездов. – Минск, 2002.

Ильинский М. М. Тайны спецсвязи Сталина. 1930–1945 годы. – М., 2004.

Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 годы. – Минск, 2007.

Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. – М., 2005.

История советских органов госбезопасности. – М., 1977.

Колпакиди А.И. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004.

Колпакиди А., Север А. Спецназ ГРУ. – М., 2008.

Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 1998.

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. – М., 2007.

Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. – М., 2002.

Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: Справочник. – М., 2003.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. – Ростов-на-Дону, 1999.

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. – М., 1968.

На защите безопасности отечества. Контрразведка Петроградско-ленинградского военного округа в годы войны и мира (1918–1998 годы). – СПб., 2000.

На страже государственной безопасности. Органы ВЧК – КГБ – ФСБ на Орловщине. – Орел, 2007.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008.

Новосибирская школа контрразведки. – М., 2005.

Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979.

Перро Ж. Красная капелла. – М., 2004.

Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005.

Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941. – М., 2000.

Правительственная электросвязь в истории России. Ч. 1. (1917–1945). – М., 2001.

Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003.

Север А. Великая миссия НКВД. – М., 2008.

Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы Второй мировой войны. – М., 2008.

Север А. Русско-украинские войны. – М., 2008.

Север А. Спецназ КГБ. – М., 2008.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933–1945 годы. – М., 1999.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин «Смерша». – М., 2005.

Степаков В. Нарком Смерша. – СПб., 2003.

Телицын В. Л. «Смерш», операции и исполнители. – Смоленск, 2000.

Христофоров В. С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008.

Чернов С. Большой дом без грифа «секретно». – М., 2002.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002.

Чертопруд С. НКВД – НКГБ в годы Великой Отечественной войны. – М., 2005.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Книга 1. – СПб., 2003.

Шпионами не рождаются: исторический справочник // Составитель: Ассоциация истории спецслужб им. А. Х. Артузова. – М., 2001.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М., 1996.

Статьи из сборников и документально-художественные произведения

Алов А. М. Снайпер, чекист, герой // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Андреев В. И. По особому заданию // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Белоусов М. А. В те трудные дни... // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Беляев В. П. В калмыцких степях // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Богов В. М. Война в судьбах людских // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года.

Иванов А. Н. За фронтом // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Иванов Ю. И. Двенадцать атак // Сб. Военная контрразведка. – М., 1978.

Ионов В. В. Во имя победы // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003.

Колосов Л. С., Кассис В. Б. беру командование на себя... // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Лазарев В. И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Сб. Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке. 1997–2000 годы. – М., 2003. – С. 216.

Лихарев А. С. Человек из легенды // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003.

Михайлов А. Г., Томаровский А. И. Обвиняются в шпионаже. – М., 2004.

Найдович И. Н. Под Белостоком // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978.

Полутов А. Изменники и дезертиры – пособники врага // Сб. Честь и верность. 70 лет контрразведки Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 224–225.

Сафронова А. И. Огненные мили // Сб. Альманах военной контрразведки. Выпуск первый. Морской. – М., 2007.

Серебряков Г. В. Танки идут на Киев // Сб. Военные контрразведчики. – М. 1978.

Соловьев А. К. Шпионское досье «Бакалавра». – М., 2000.

Тарасов Д. Большая игра. – М., 1997.

Толстых Е. А. Агент Никто: Из истории «Смерш». – М., 2004.

Турубанов В. От Сталинграда до Балкан // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне.

26 апреля 2000 года.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. – М., 2004.

Юсуповский А.М. Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны // Сб. Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее. Вып. 2. Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2006 год, 24(312).

Мемуары

Гололобов М. Ф. Воспоминания военного контрразведчика. – Иваново, 2000.

Гуськов А. М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. – М., 2004.

Иванов Л. Г. Правда о «Смерше». – М., 2007.

Ивановский О. Г. Записка офицера «Смерш». В походах и рейдах гвардейского кавалерийского полка. 1941–1945 годы. – М., 2006.

Райле О. Тайная война. Секретные операции Абвера на Западе и Востоке (1921–1945). – М., 2000.

Статьи в СМИ

Авдеев С. Радиоигру завершаем // Северный курьер. 1999 год.

8 мая. № 102 (23399).

Алов Г.Г. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 18.

Безверхний А.Г. Легендарному «Смершу» – 60 лет // Новости разведки и контрразведки. 2003 год. № 7–8.

Барабаш Е. Подводная лодка в степях Украины // Независимая газета. 2007 год. 21 декабря.

Борисов Т. Провал «Цеппелина» // Российская газета – неделя. 2007 год. 20 декабря.

Вайс А. Охота на Сталина // АиФ – долгожитель. 2004 год. 16 июля.

Веденеев Д. Неизвестные учителя Че Гевары и Вьетконга // В мире спецслужб. 2006 год, январь – февраль, № 1(13).

Вежнин В. Накануне // Секретная служба. 2003 год. № 1.

Воякина Н., Макаров В. Путь в ЕС под марш СС // Военно-промышленный курьер. 2006 год. 2–8 августа, № 29(145).

Галайко В. Многоликий «Янус» // Российские вести. 2003 год. 16–22 апреля.

Гогун А. Как погиб генерал Ватутин // Посев, 2004 год, № 5 (1520).

Данилюк В. Война на Волыни // Киевские ведомости. 2003 год.

24 февраля. № 40 (2845).

Жирнов Е. В Кремль он ездил на машине Гимmlера // Коммерсант-власть. 2002 год. 21 мая.

Жирнов Е. Дезинформбюро. 80 лет советской службе дезинформации // Коммерсант, 2003 год, 13 января.

Зиганшин Р. Эстония на тропе «лесных братьев» // Российская Федерация сегодня. 2002 год. № 16.

Иванюк И. Столичный почерк контрразведки // Красная Звезда. 2001 год. 20 декабря.

Коваленко С. Наш бронепоезд // Киевский телеграф, 2005 год, 6–12 мая, № 18.

Крикунов В.П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 7.

Комиссар госбезопасности // Красная Звезда. 2005 год. 17 декабря.

Кодачигов В. «Смерть шпионам» // Независимая газета. 2004 год. 24 апреля.

Кузнецов А. Штрафники: правда без домыслов // Красная Звезда, 2004 год, 16 декабря.

Лагин В. Победители и побежденные // Труд. 2001 год, 30 ноября, № 222.

Логашин В. Тайная война генерала Устинова // Красная Звезда. 2007 год. 5 декабря.

Маетная Е. Литры пролитой крови // Московский комсомолец. 2004 год, 18 ноября.

Мы помним своих героев // Красная Звезда. 2003 год. 18 апреля.

Осин В. А. Роль и место контрразведки в военной структуре органов государственной безопасности // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года.

Полян П. Люди на обочине войны. «Сколько людей вы расстреляли за это время?» // Отечественные записки. 2006 год. № 4.

Пыхалов И. Как поработали Прибалтику // Спецназ России. 2002 год. № 7(69).

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002 год. Август. № 8 (71).

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002 год. Сентябрь. № 9 (72).

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002 год. Декабрь. № 12 (75).

Рощупкин В. Т. Под псевдонимом Суздальский // Независимое военное обозрение. 2007 год. 21 декабря.

Рудык Т. Чекист с берегов Селенги // Красная Звезда. 2008 год.

2 сентября.

Саснаускас В. Закон Сейма: Литва - фашистское государство // Дуэль. 2001 год, № 33.

Смирнов Н. «Смерш» и «Багратион» // Минский курьер. 2004 год.

26 июля.

Софронов И. Стальная крепость на колесах // Гудок, 2006 год, 1 декабря.

Турченко С. Он должен был убить Сталина // Труд-7. 2000 год. 10 августа.

Турченко С. Расплата за подвиг // Труд. 2000 год, № 72.

Фомин А. Почему не спасли генерала Ватутина? // Зеркало недели, 1999 год, 24-29 апреля, № 16 (237).

Чертопруд С. Секретные документы в России теперь можно найти даже среди мусора // Независимое военное обозрение, 2003 год, № 8.

Шпаен А. Волчья охота // Зеркало недели. 2000 год. 23-29 декабря.

Ямпольский В.П. За что боролись? Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5.

Публикации в Интернете

Аптекарь П. Внутренние войска НКВД против польского подполья (По документам Российского государственного военного архива). // <http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/APT10JUN.htm>

Военный аэродром Саки // <http://crimea1945.org.ua/content/view/2/1/>.

Гогун А. Кровавое лето 1943 года // http://www.kontinent.org/art_view.asp?id=1723

Задачу обеспечения сохранности средств оборонного бюджета военная контрразведка выполнила успешно -

генерал-лейтенант Безверхний // http://www.mfit.ru/defensive/pub_avn/pub_554.html

Кустов А. Правда о «борцах за свободу» // <http://www.inosmi.ru/print/228472.html>.

Нариманов И. Аттестат исторической зрелости // <http://www.edinenie.kiev.ua/Actual18/za/attestat.htm>

НКВД против шпионов. Часть первая // http://t-44.narod.ru/NKVD_and_spions1/NKVD_and_spions.html.

Погоний Я. Ф. Лубянка против Абвера // <http://www.fsb.ru/history/autors/pogoniy-pr.html>.

notes

Примечания

1

Гуськов А. М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации., - М., 2004; Иванов Л. Г. Правда о «Смерше». - М., 2007; Ивановский О. Г. Записки офицера «Смерша». В походах и рейдах гвардейского кавалерийского полка. 1941-1945 годы. - М., 2006 и др.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979; На защите безопасности Отечества. Контрразведка Петроградско-Ленинградского военного округа в годы войны и мира (1918–1998 годы). – СПб., 2000; История советских органов госбезопасности. М., 1977; Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск., 2008; Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933–1945 годы. – М., 1999; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003 и др.

З

Директива 3-го Управления НКО СССР № 34794 о задачах органов 3-го Управления в связи с началом военных действий по отражению агрессивного нападения фашистской Германии на СССР // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года, - М., 2000. - С. 37-38.

Север А. Великая миссия НКВД. – М., 2008. – С. 156.

Из директивы 3-го Управления НКВ СССР № 35523 о работе органов 3-го Управления НКВ в военное время от 27 июня 1941 го- да // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 90-93.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 21.

Приказ НКО СССР и НКВМФ СССР № 00110 о введении военной цензуры воинской почтовой корреспонденции. 13 июля 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 308-309.

Лазарев В. И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны. // Сб. «Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке». 1997-2000 годы. - М., 2003. - С. 217.

Лазарев В. И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны. // Сб. «Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке». 1997-2000 годы. - М., 2003. - С. 217-218.

Приказ НКВД СССР № 00941 о формировании частей войск НКВД при Особых отделах. 19 июля 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 366-367.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 26.

Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы Второй мировой войны. – М., 2008. – С. 51.

Чертопруд С. НКВД - НКГБ в годы Великой Отечественной войны. - М., 2005. - С. 58-62.

Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы Второй мировой войны. – М., 2008. – С. 51.

Постановление ГКО об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР // Цит. по: Лубянка: Органы ВЧК - ОГПУ - НКВД - МГБ - МВД - КГБ. 1917-1991: Справочник. - М., 2003., - С. 623-626.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 70.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 71.

Чертопруд С. НКВД - НКГБ в годы Великой Отечественной войны. - М., 2005. - С. 67-69.

Безверхний А. Г. Легендарному «Смершу» – 60 лет // Новости разведки и контрразведки. 2003 год. № 7-8.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 295.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 57.

Государственные органы безопасности России:
История и современность. – М., 2004. С. 551.

Белоусов М. А. В те трудные дни... // Сб. Военные контрразведчики. - М., 1978. - С. 174-175.

Белоусов М. А. В те трудные дни... // Сб. Военные контрразведчики. - М., 1978. - С. 177.

Там же. - С. 182.

Комиссар госбезопасности // Красная Звезда. 2005
год. 17 декабря.

Путь длиной в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003. – С. 74-75.

Лихарев А. С. Человек из легенды // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003. – С. 76.

Чернов С. Большой дом без грифа «секретно». - М., 2002. - С. 62.

В авангарде отечественных спецслужб. – М., 2008. – С. 34, 38, 39.

Иванов Л. Г. Правда о «Смерше». – М., 2007. – С. 9.

В авангарде отечественных спецслужб. – М., 2008. – С. 34, 38, 39.

На защите безопасности Отечества. Контрразведка Петроградско-Ленинградского военного округа в годы войны и мира (1918–1998 годы). – СПб., 2000. – С. 13.

Чернов С. Большой дом без грифа «секретно». - М., 2002. - С. 65.

Отчет УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта № 883 в ГУКР «Смерш» НКО СССР о работе с кадрами в 1943 году. 21 января 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 72-81.

Сафронова А. И. Огненные мили // Сб. Альманах военной контрразведки. Выпуск первый. Морской. – М., 2007. – С. 77.

Приказ НКВД СССР № 00960 об организации курсов подготовки оперативных работников для Особых отделов НКВД СССР. 23 июля 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 399.

Академии ФСБ России – 80 лет. – М., 2001. – С. 33, 34, 35, 39; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 25.

Академии ФСБ России – 80 лет. – М. – С. 42, 48.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 350.

Новосибирская школа контрразведки. - М., 2005. - С. 47-49, 51.

Приказ НКВД СССР № 001031 об организации при Особом отделе НКВД Сибирского военного округа курсов подготовки резерва оперативно-чекистских кадров для Особых отделов НКВД. 22 мая 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года., - М., 2003. - С. 472-473.

Приказ НКВД СССР № 001032 об организации при ОО НКВД Краснознаменного Балтийского флота курсов по подготовке и переподготовке оперативно-чекистских кадров. 22 мая 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года. - М., 2003. - С. 474.

Директива НКВД СССР № 261 об организации учета находящихся на излечении в военных госпиталях работников особых органов НКВД и дальнейшего их использования. 2 октября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года., - М., 2000. - С. 162-163.

Новосибирская школа контрразведки. - М., 2005. -
С. 52, 56.

Приказ начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР № 00167/СШ о реорганизации свердловских курсов контрразведки в школу ГУКР «Смерш». 15 июня 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 515.

Приказ наркома ВМФ СССР № 008/сш об организации Высшей школы контрразведки ВМФ по подготовке и переподготовке оперативного состава органов «Смерш». 9 февраля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 158–159.

Приказ наркома ВМФ СССР № 0012/сш об отборе кандидатов на учебу в Высшую школу контрразведки «Смерш». 15 февраля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 169.

Гололобов М. Ф. Воспоминания военного контрразведчика. – Иваново, 2000. – С. 24-25.

Лазарев В. И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Сб. Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке. 1997-2000 годы. - М., 2003. - С. 216.

На защите безопасности Отечества. Контрразведка Петроградско-Ленинградского военного округа в годы войны и мира (1918-1998 годы). - СПб., 2000. - С. 114-115.

Донесение заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР Ф. Я. Тутушкина И. В. Сталину о потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны. 8 июля 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Кн.1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 220-221.

Приказ НКО № 0042. О маскировке аэродромов, войсковых частей и важных военных объектов округов. 19 июня 1941 года // Русский архив. Великая Отечественная война. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). - М., 1994. - С. 280-281.

Ильинский М. М. Тайны спецсвязи Сталина. 1930-1945 годы. - М., 2004. - С. 213, 214.

Правительственная электросвязь в истории России.
Ч. 1. (1917-1945). - М., 2001. - С. 124.

Ильинский М. М. Тайны спецсвязи Сталина. 1930-1945 годы. - М., 2004. - С. 208.

Дрогозов И. Г. Техника на колесах. История бронепоездов. – Минск, 2002. – С. 227-228, 233-234.

Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996. – С. 298.

Коваленко С. Наш бронепоезд // Киевский телеграфъ,
2005 год, 6—12 мая, № 18.

Софронов И. Стальная крепость на колесах // Гудок, 2006 год, 1 декабря.

Донесение заместителя начальника 3-го Управления НКВ СССР Ф. Я. Тутушкина В. М. Молотову о недостатках в организации железнодорожных перевозок. 6 июля 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Кн.1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года., - М., 2000. - С. 207-209.

Спецсообщение НКВД СССР № 41/303 в ГКО, Генеральный штаб РККА и НКО СССР о расследовании причин больших потерь 199-й стрелковой дивизии. 17 августа 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 487-488.

Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. – М., 2005. – С. 355–368.

Лазарев В. И. Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Сб. «Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке». 1997-2000 годы. - М., 2003. - С. 220.

Постановление Государственного Комитета Обороны «О порядке ареста военнослужащих» № 469-сс. 11 августа 1941 года // Лубянка. Сталин и НКВД - НКГБ - ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. - М., 2006. - С. 310.

66

Не публикуются.

67

Не публикуется.

Докладная записка начальника Особого отдела Волховского фронта старшего майора госбезопасности Д. И. Мельникова заместителю наркома внутренних дел Союза ССР комиссару госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумову о срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения. 6 августа 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля - 31 декабря 1942 года. - М., 2003. - С. 120-125.

Директива ОО НКВД Воронежского фронта № 2664/1
ОО НКВД армии о перестройке работы. 17 октября 1942
года // Органы государственной безопасности СССР
в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны
к наступлению. 1 июля - 31 декабря 1942 года. - М.,
2003. - С. 397-398.

Докладная записка Особого отдела НКВД Калининского фронта № 2397/6 в НКВД СССР о работе, проводимой среди войск противника. 4 марта 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года., - М., 2003. - С. 10-60.

Христофоров В. С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 57.

Сообщение № 52/14991 ОО НКВД Сталинградского фронта в ГКО и Генштаб Красной Армии о положении в Сталинграде. 29 августа 1942 года // Цит. По: Христофоров В. С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. - М., 2008. - С. 154-155.

Христофоров В. С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 59.

Докладная записка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О недочетах в боевых действиях 23-го танкового корпуса за период с 1 по 10 июля 1942 года». 18 июля 1942 года // Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000. – С. 153-155.

Докладная записка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О недочетах, выявленных в ходе боевых действий в частях 4-й танковой армии за период с 20 августа по 7 сентября 1942 года». 20 сентября 1942 года // Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. - М., 2000. - С. 209-212.

Спецсообщение В.С. Абакумова И.В. Сталину и А.М. Василевскому о причинах расконспирации предстоящих наступательных операций на участке Брянского фронта. 26 июня 1943 года // Цит. по «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 28–30.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 39.

Чертопруд С. Секретные документы в России теперь можно найти даже среди мусора // Независимое военное обозрение, 2003 год, № 8.

Шпионами не рождаются: Исторический справочник
// Составитель: Ассоциация истории спецслужб им. А. Х.
Артузова. – М., 2001. – С. 65.

Докладная записка члена комиссии НКГБ СССР наркому госбезопасности СССР о результатах проверки охраны помещений и хранения военно-оперативных документов в Генштабе РККА от 30 июня 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 128-129.

Из директивы НКВД СССР № 271 о мероприятиях по устранению недостатков в работе шифровальных органов и предотвращению разглашения военной тайны от 8 октября 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 2. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000. - С. 186-187.

Из директивы НКВД СССР № 271 о мероприятиях по устранению недостатков в работе шифровальных органов и предотвращению разглашения военной тайны от 8 октября 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 2. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000. - С. 186-187.

Указание ОКР «Смерш» 53-й армии 2-го Украинского фронта об усилении агентурно-оперативного обслуживания радиосредств в частях и соединениях армии. 3 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 223-224.

Спецсообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 17171 в Генеральный штаб Красной Армии о нарушении приказа НКО по скрытому управлению войсками. 16 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 245.

Полян П. Люди на обочине войны. «Сколько людей вы расстреляли за это время?». // Отечественные записки. 2006 год. № 4.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 31.

Полутов А. Изменники и дезертиры - пособники врага // сб. Честь и верность. 70 лет контрразведки Тихоокеанского флота. - Владивосток, 2002. - С. 224-225.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 31.

Степаков В. Нарком Смерша. – Спб., 2003. – С. 66.

Докладная записка «Об обстановке на фронте в районе города Тулы и о работе заградительных отрядов Особого отдела НКВД 50-й армии». 2 ноября 1941 года // Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М., 2002. – С. 224–228.

Пыхалов И. Правда и ложь о советских военнопленных.

<http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/plen.htm>

Там же.

Степаков В. Нарком Смерша. – Спб., 2003. – С. 67.

Приказ НКВД СССР № 00941 о формировании частей войск НКВД при особых отделах. 19 июля 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 366.

Постановление Государственного Комитета Обороны № 187сс о преобразовании органов Третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР. 17 июля 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 338.

Инструкция для Особых отделов НКВД Северо-Западного фронта по борьбе с дезертирами, трусами и паникерами. (Не ранее 19 июля 1941 года.) // Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 371-372.

Сообщение ОО НКВД 56-й армии в ОО НКВД Южного фронта о результатах операции против гарнизонов противника на северном побережье Азовского моря. 27 февраля 1942 года // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 30 июня 1942 года. - М., 2003. - С. 162-166.

Справка С. Р. Мильштейна Л. П. Берии о количестве арестованных и расстрелянных военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Октябрь 1941 года // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946. - М., 2006. - С. 317-318.

Кузнецов А. Штрафники: правда без домыслов // Красная Звезда, 2004 год, 16 декабря.

Выписка из приказа войскам Западного фронта.
№ 0346. 13 октября 1941 года // Цит. по: Скрытая правда
войны: 1941 год. Неизвестные документы. - М., 1992. -
С. 168.

Приказание командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова Военному совету 5-й армии о принятии мер к отходящим войскам. Не позже 20 октября 1941 года // Цит. по: Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. - М., 1992. - С. 168-169.

Донесение начальника Можайского сектора охраны московской зоны о задержании военнослужащих. 20 октября 1941 года // Цит. по: Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – М., 1992. – С. 169.

Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. 22 июня 1941 года // Цит. по: Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. - М., 1992. - С. 55-58.

Логашин В. Тайная война генерала Устинова // Красная Звезда. 2007 год. 5 декабря.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск., 2008. – С. 157.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921-1945). – М., 2000. – С. 161-162.

Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 годы. – Минск, 2007. – С. 61–62.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 358.

Справка ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР о деятельности заградительных отрядов Сталинградского и Донского фронтов не ранее 15 октября 1942 года // Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. - М., 2000. - С. 230-232.

Указание № 117 об усилении борьбы с агентурой немецкой разведки, антисоветскими формированиями и группами из белогвардейско-монархических элементов. 18 марта 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года. - М., 2003. - С. 279-281.

Абрамов В. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. – М., 2005. – С. 211.

Турубанов В. От Сталинграда до Балкан // Сб. «Контрразведка: вчера и сегодня». Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. - С. 154-155.

113

Там же.

114

Русская эмигрантская детско-юношеская патриотическая организация, альтернативная скаутам.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 606/А в ГКО о работе органов «Смерша» по розыску и аресту активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций в Болгарии. 22 ноября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 618-619.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 694/А в ГКО о работе органов «Смерша» в Румынии по розыску и аресту агентуры германской и румынской разведок. 19 ноября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 599-600.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 615/А в ГКО о работе по розыску и аресту в Югославии руководителей и активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций. 29 ноября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 629-630.

Спецсообщение УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта № 30341/3 в Военный совет фронта о выявлении и задержании на территории Югославии активных участников антисоветских белоэмигрантских организаций. 28 декабря 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Граница СССР восстановлена. (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 738-748.

Колпакиди А.И. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 285-289, 298-304.

120

Мы помним своих героев // Красная Звезда. 2003 год.
18 апреля.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о контрразведывательной работе в тылу противника за апрель 1943 года - февраль 1944 года. 24 февраля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 190-191.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 169.

Турченко С. Расплата за подвиг // Труд. 2000 год.
№ 72.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008. – С. 170-171.

125

Мы помним своих героев // Красная Звезда. 2003 год.
18 апреля.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008. – С. 172-173.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008. – С. 174.

Справка 4-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР о результатах зафронтной работы Управлений «Смерша» фронтов за период с 15 февраля по 20 ноября 1944 года. Ноябрь 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Вперед на запад (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 635.

Справка об итогах зафронтной работы 2-го отдела УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта с 1 января по 25 мая 1944 года. Не позднее 31 мая 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 485–486.

Со своей задачей агент справился - сумел внедриться в разведывательную школу главной команды «Русланд Норд» в городе Дакемех (Латвия), где завербовал двух курсантов. Вместе с ними вышел в советский тыл. Затем в течение двух месяцев выполнял роль агента-розыскника при оперативной группе НКГБ по северным уездам Литвы.

Правильно «штате-бюро». Так назывался пересыльно-переправочный пункт, где после подготовки в разведшколе агентура получала дополнительный инструктаж по существу данного ей задания, экипировалась согласно легенде, снабжалась документами, оружием, после чего передавалась в подчиненные органы абверкоманды.

Справка 2-го отдела УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта о результатах зафронтовой работы за период с 1 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года. 26 мая 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 472-477.

Докладная записка УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта № 2/1/2368 в ГУКР «Смерш» НКО СССР о контрразведывательной работе в тылу противника. 24 июня 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 538-545.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 440/А в ГКО об агентурно-оперативных мероприятиях по розыску и аресту агентов Черноморской разведывательной абверкоманды НБО. 12 мая 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 415-419.

Отчет зафронтового агента ГУКР «Смерш» 60-й армии Давыдова о выполнении задания в тылу противника. 27 июля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 76-93.

Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 1998. – С.66.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979. – С. 168

Сафронова А. И. Огненные мили // Сб. Альманах военной контрразведки. Выпуск первый. Морской. – М., 2007. – С. 77, 80.

Андреев В. И. По особому заданию. // Сб. «Военные контрразведчики» - М., 1978. - С. 213-218.

Север А. Великая миссия НКВД. – М., 2008. – С. 163–175; Север А. Маршал с Лубянки. Берия и НКВД в годы Второй мировой войны. – М., 2008. – С. 70–95; Чертопруд С. НКВД – НКГБ в годы Великой Отечественной войны. – М., 2005. – С. 27–52; Дегтярев К. Диверсанты Сталина. Супермены Страны Советов. – М., 2005.

Указание Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта № 0689/ Об оказании помощи в организации партизанского движения в тылу противника. 5 августа 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 452.

Докладная записка начальника 3-го отделения 208-го партизанского отряда им. И. В. Сталина Г. И. Гинзбурга в Особый отдел НКВД Западного фронта о боевой деятельности и агентурном обеспечении отряда (по состоянию на 20 июля 1942 года). Не ранее 20 июля 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. – М., 2003. – С. 58-60; Докладная записка начальника Особого отдела НКВД 4-й ударной армии в Особый отдел НКВД Калининского фронта об использовании баз партизанских бригад для контрразведывательной работы в тылу противника. Август 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. – М., 2003. – С. 186-188; План-задание контрразведывательного отделения Особого отдела НКВД 4-й ударной армии младшему лейтенанту П. Т. Дрега при направлении в партизанскую бригаду. 21 сентября 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. – М., 2003. – С. 266-268.

Иванов А. Н. За фронтом // Сб. «Военные контрразведчики». – М., 1978. – С. 271, 274-277.

Спецсообщение Особого отдела НКВД Западного фронта № 6/3731 в НКВД СССР о результатах разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. 27 сентября 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000. - С. 146-147.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск., 2008. – С. 174.

Сообщение ОО НКВД 56-й армии в ОО НКВД Южного фронта о результатах операций против гарнизонов противника на северном побережье Азовского моря. 27 февраля 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года. - М., 2003. - С. 10-60.

Государственные органы безопасности России:
История и современность. – М., 2004. – С. 560-561.

Там же. С. 567.

Сообщение НКВД СССР № 1407/Б в ГКО и ЦК ВКП(б) об итогах борьбы с агентурой немецкой военной разведки от 2 августа 1942 года // Цит по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 3. Книга 2. «От обороны к наступлению. 1 июля - 31 декабря 1942 года». - М., 2003. - С. 102-107.

Жирнов Е. Дезинформбюро. 80 лет советской службе дезинформации // Коммерсантъ., 2003 год, 13 января.

Задачу обеспечения сохранности средств оборонного бюджета военная контрразведка выполнила успешно – генерал-лейтенант Безверхний
http://www.mfit.ru/defensive/pub_avn/pub_554.html

Осин В. А. Роль и место контрразведки в военной структуре органов государственной безопасности // Сб. «Контрразведка: вчера и сегодня». Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. – С. 9.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о перевербовке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы, и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С.193.

История советских органов госбезопасности. М., 1977. - С. 380.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979. – С. 181.

Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Книга 1. - СПб.; 2003. - С. 13.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. – Ростов-на-Дону., 1999. – С. 146-147.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 18-19.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 210.

Указание НКГБ СССР № 508 НКГБ Литовской ССР и НКГБ Белорусской ССР об осуществлении на территории Литвы и Белоруссии поисковых мероприятий в связи с проведением радиоигры «Курьеры». 22 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 337-338.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. - М., 2003. - С. 7.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1993. – С.10-16.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. - М., 2003. - С. 7.

Тарасов Д. П. Большая игра. М., 1993. – С.195.

Путь длиной в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск. 2003. – С. 59.

Тарасов Д. П. Большая игра. М., 1993. – С. 5-6.

На страже государственной безопасности. Органы ВЧК – КГБ – ФСБ на Орловщине. – Орел, 2007. – С. 32–33.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 110–111.

Тарасов Д. Большая игра. – М., 1997. – С.114-116.

Тарасов Д. Большая игра. – М., 1993. – С. 6-7.

Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. - Ярославль. 2001. - С. 326-327.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С.107.

Там же. - С.106-109.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о перевербовке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254.

Гуськов А. М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. - М., 2004. - С. 79-83.

177

Мы помним своих героев // Красная Звезда, 2003 год.
18 апреля.

Телицын В. Л. «Смерш» операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 384

Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. - Ярославль, 2001. - С. 327.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 89—108.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С.168-183.

Авдеев С. Радиоигру завершаем // Северный курьер.
1999 год. 8 мая. № 102 (23399).

Тарасов Д. П. Большая игра. - М., 1993. - С. 9—10.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. – М., 2004. – С. 225.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 229-232.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. - М., 2003. - С. 8.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. – М., 2004. – С. 232.

Там же.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск. 2000. - С. 121-128.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 232-233

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки 1933–1945 гг. – М., 1999. – С. 246; Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о проверке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы, и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254.

Докладная записка ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о ходе радиоигры «Подрывники». Октябрь 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Вперед на запад (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 507-509.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С.117-123.

Сообщение ОКР «Смерш» Вологодского гарнизона № 4030 в ГУКР «Смерш» НКО СССР и ОКР «Смерш» Архангельского военного округа о задержании немецких парашютистов, вызванных на нашу территорию в ходе радиоигры «Подрывники». 20 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Вперед на запад (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 326-333.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С.117-123.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 235-236

Смирнов Н. «Смерш» и «Багратион» // Минский курьер. 2004 год. 26 июля.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 236-237.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск. 2000. - С. 71-73.

200

Там же. - С.123-126.

Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. - Ярославль, 2001. - С. 327-328.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о перевербовке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. – Смоленск, 2000. – С. 123-126; Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. – Ярославль, 2001. – С. 327-328.

Рощупкин В. Т. Под псевдонимом Суздальский // Независимое военное обозрение. 2007 год. 21 декабря.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979. – С. 187-189

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 183-187.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. – Смоленск, 2000. – С. 156–159; Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о проверке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254; Беляев В. П. В калмыцких степях // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978. – С. 280–287.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО о перевербовке немецких агентов, заброшенных в тыловые районы СССР для проведения подрывной работы и использования их в оперативных играх с противником. 23 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 252–254.

Лихарев А. С. Человек из легенды // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003. – С. 77–78.

Ионов В. В. Во имя победы // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК – УФСБ России по Ульяновской области. – Ульяновск, 2003. – С. 99.

Найдович И. Н. Под Белостоком // Сб. «Военные контрразведчики». – М., 1978. – С. 298–308.

Тарасов Д. П. Большая игра. - М., 1997. - С. 133-137;
Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. -
Смоленск, 2000. - С. 173-177.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 59-69, 73-75.

Шарапов Э. П. Судоплатов против Канариса. – М., 2004. – С. 240.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. – Смоленск, 2000. – С. 34.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 196–201; Тарасов Д. Большая игра. – М., 1997. – С. 159–164.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 201-205; Тарасов Д. Большая игра. – М., 1997. – С. 126-134.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 183-173.

Галайко В. Многоликий «Янус» // Российские вести.
2003 год. 16-22 апреля.

«Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 205–210; Тарасов Д. Большая игра. – М., 1997. – С. 143–150; Галайко В. Многоликий «Янус» // Российские вести. 2003 год. 16–22 апреля; Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Книга 1. – СПб., 2003. – С. 76.

221

Погоний Я. Ф. Лубянка против абвера // <http://www.fsb.ru/history/autors/pogoniy-pr.html>.

Смирнов Н. «Смерш» и «Багратион» // Минский курьер. 2004 год. 26 июля.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С.143-150.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 176–178.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки 1933-1945 гг. - М., 1999. - С. 246.

Толстых Е. А. Агент Никто: Из истории «Смерша». - М., 2004. - С. 3, 128.

Сообщение ОКР «Смерш» Орловского военного округа в ГУКР «Смерш» НКО СССР о мероприятиях по радиоигре «Десант». 9 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 288-290.

Соловьев А. К. Шпионское досье Бакалавра. - М., 2000. - С. 205-234.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 142–143.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 180—189

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 173–174.

Тарасов Д. П. Большая игра. – М., 1997. – С. 168–170.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 202-204.

История советских органов госбезопасности. - М.,
1977. - С. 366.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 216-217

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. - Смоленск, 2000. - С. 214-216

Турубанов В. От Сталинграда до Балкан // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. - С. 155-157.

Михайлов А. Г., Томаровский В. И. Обвиняются в шпионаже. – М., 2004. – С. 65.

Турченко С. Он должен был убить Сталина // Труд-7.
2000 год. 10 августа.

По утверждению отдельных авторов, дуэт «немецких агентов-террористов» вез с собой более чем пять сотен экземпляров документов (всевозможные служебные удостоверения, паспорта, трудовые книжки, командировочные предписания, отпускные билеты, денежные и продовольственные аттестаты, шоферские права, дипломы вузов и техникумов и т. д. и т. п.); сто двадцать печатей военных и государственных учреждений, ручные прессы с объемными штампами различных ведомств.

241

Пропуск в тексте документа.

242

Пропуск в тексте документа.

243

Пропуск в тексте документа.

244

Пропуск в тексте документа.

Сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР № 4126 в ГКО о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. 30 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 376-379.

План агентурно-оперативных мероприятий НКГБ, НКВД и ГУКР «Смерш» НКО СССР по борьбе с агентами - террористами немецкой разведки. 25 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 355-357.

247

Вайс А. Охота на Сталина // АиФ - Долгожитель. 2004 год. 16 июля.

Остряков С. З. Военные чекисты. – М., 1979. – С. 215-217.

Иванов Л. Г. Правда о «Смерше». – М., 2007. – С. 155-156.

Борисов Т. Провал «Цеппелина» // Российская газета - неделя. 2007 год. 20 декабря.

Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. – М., 2002. С. 253–256; Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933–1945 годы. М., 1999. С. 247–255; Мы помним своих героев // Красная Звезда., 2003 год. 18 апреля; Осин В. А. Роль и место контрразведки в военной структуре органов государственной безопасности // Сб. «Контрразведка: вчера и сегодня». Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. – С. 11.

Шпаен А. Волчья охота // Зеркало недели. 2000 год.
23-29 декабря.

Гуськов А. М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. - М., 2004. - С. 142-146.

Телицын В. Л. «Смерш»: операции и исполнители. – Смоленск, 2000. – С. 87.

Жирнов Е. В Кремль он ездил на машине Гиммлера // Коммерсант-власть. 2002 год. 21 мая.

256

Лубянка 2: Из истории отечественной
контрразведки. – М., 2002. – С. 238-244.

Гискес Г. Операция «Северный полюс». Тайная война абвера в странах Северной Европы. – М., 2004.

Перро Ж. Красная капелла. – М., 2004. – С. 127-129;
Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 261.

Государственные органы безопасности России:
История и современность. – М., 2004. – С. 551.

260

Мы помним своих героев // Красная Звезда. 2003 год.
18 апреля.

261

Кодачигов В. Смерть шпионам // Независимая газета.
2004 год. 24 апреля.

262

Мы помним своих героев // Красная Звезда, 2003 год.
18 апреля.

Докладная записка Особого отдела НКВД Западного фронта № 70991-сч командующему фронтом Г. К. Жукову и члену Военного совета фронта Н. А. Булганину о работе Особого отдела за период с 22 июня по 28 декабря 1941 года. 30 декабря 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000. - С. 480-485.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 72.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008. – С. 166.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 72.

267

Иванюк И. Столичный почерк контрразведки // Красная Звезда. 2001 год. 20 декабря.

Докладная записка Особого отдела НКВД Калининского фронта № 49/6 в НКВД СССР об итогах борьбы со шпионажем в частях фронта. 4 января 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января - 31 июня 1942 года. - М., 2003. - С. 10-16.

Сообщение ОО НКВД Сталинградского фронта в НКВД СССР об итогах работы за август 1942 года. 10 сентября 1942 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля - 31 декабря 1942 года. - М., 2003. - С. 227-228.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 72.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 73.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008. – С. 188.

Справка УКР «Смерш» Отдельной приморской армии № 607/л о результатах оперативно-чекистской работы за время наступательных операций на Крымском полуострове. 27 апреля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 363–365.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО № 438/А в ГКО о результатах агентурно-оперативной деятельности органов советской военной контрразведки на освобожденной территории Крыма. 10 мая 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). – М., 2007. – С. 403.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 625/А в ГКО и Генеральный штаб РККА об аресте агентуры противника за период с 25 октября по 1 декабря 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Граница СССР восстановлена. (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 644-645.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 73.

На страже государственной безопасности. Органы ВЧК - КГБ - ФСБ на Орловщине. - Орел, 2007. - С. 112.

Барабаш Е. Подводная лодка в степях Украины // Независимая газета. 2007 год. 21 декабря.

Рудык Т. Чекист с берегов Селенги // Красная Звезда.
2008 год. 2 сентября.

Ионов В. В. Во имя победы // Путь длиною в 85 лет. ГубЧК - УФСБ России по Ульяновской области. - Ульяновск, 2003. - С. 101-102.

Богов В. М. Война в судьбах людских // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. - С. 110-111.

282

Военный аэродром Саки // <http://crimea1945.org.ua/content/view/2/1/>.

Сафронова А. И. Огненные мили // Сб. Альманах военной контрразведки. Выпуск первый. Морской. – М., 2007. – С. 79.

Север А. Спецназ КГБ. – М., 2008.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 153-165.

Участники фашистской националистической организации «Айзсарги» («Защитники»), выступавшие за установление в Латвии фашистской диктатуры под протекторатом Третьего рейха.

Цит. по книге: Крикунов В. П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 7.

НКВД против шпионов. Часть первая // http://t-44.narod.ru/NKVD_and_spions1/NKVD_and_spions.html.

Крикунов В. П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 7.

Цит. по книге: Крикунов В. П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 7.

Крысин М. Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. – М., 2007. – С. 42.

Алов Г. Г. Палачи // Военно-исторический журнал.
1990 год, № 18.

Пыхалов И. Как поработали Прибалтику // Спецназ России. 2002 год. № 7(69).

294

Там же.

Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 //The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Du Ka., Vilnius 1999. C. 153.

Пыхалов И. Как поработали Прибалтику //Спецназ России. 2002 год. № 7 (69).

Докладная записка УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта в ГУКР «Смерш» НКО СССР о борьбе с профашистскими националистическими формированиями в освобожденных районах Эстонской и Латвийской ССР. Не ранее 13 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 309-321.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 562/А в ГКО с изложением текста телеграммы УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта о результатах борьбы с подрывной деятельностью националистической организации «Айзсарги» на освобожденной территории Латвийской ССР. Октябрь 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 510-511.

Справка Мажейкяйского РО МГБ Клайпедской области по Мажейкяйскому повстанческому отряду, участвовавшему в 1941 году в массовом уничтожении советских служащих и евреев. Не ранее декабря 1944 года // Цит. по книге: Трагедия Литвы: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. - М., 2006. - С. 99—102.

Акт о злодеяниях и зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников в гор. Мажейкяй Литовской ССР. 7 декабря 1944 года //Цит. по книге: Трагедия Литвы: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. - М., 2006. С. 103-108; Протокол допроса Шидлаускиса Е.Е., члена бандгруппы, действовавшей на территории Мажейкяйского уезда Литвы в июне 1941 года // Цит. по книге: Трагедия Литвы: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. - М., 2006. - С. 107-113.

Юсуповский А. М. Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны // Сб. «Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее». Вып. 2. Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2006 год, 24(312). С. 10.

Отчет оперативной группы «А» в РСХА. Июль 1941 года // Цит. по книге: Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. – М., 2006. – С. 13–16.

Цит. по: Крикунов В. П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990 год, № 7.

304

Маетная Е. Литры пролитой крови // Московский комсомолец. 2004 год, 18 ноября.

Саснаускас В. Закон Сейма: Литва - фашистское государство // Дуэль. 2001 год, № 33.

Ямпольский В. П. За что боролись? Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994, № 5.

Спецсообщение начальника Управления контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Зеленшина о деятельности националистической организации «Шаулист». 3 сентября 1944 года // Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов. – М., 2006. – С. 165–179.

Докладная записка № 132399 начальника Особого отдела НКВД Северного фронта П. Т. Куприна члену Главного военного совета Северо-Западного направления А. А. Жданову о ликвидации 3-м отделом Краснознаменного Балтийского флота на территории Эстонской ССР ряда контрреволюционных и шпионских формирований. 2 августа 1941 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня - 31 августа 1941 года. - М., 2000. - С. 446-447.

Русначенко А. М. Народ збруений. Нац. – визвол. Рух в Україні й нац. рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940-50-х роках. – Киев, 2002. – С. 488.

Лагин В. Победители и побежденные // Труд. 2001 год, 30 ноября, № 222.

311

Кустов А. Правда о «борцах за свободу» // <http://www.inosmi.ru/print/228472.html>.

Зиганшин Р. Эстония на тропе «лесных братьев» // Российская Федерация сегодня. 2002 год. № 16.

Воякина Н., Макаров В. Путь в ЕС под марш СС // Военно-промышленный курьер. 2006 год. 2-8 августа, № 29(145).

Кустов А. Правда о «борцах за свободу» // <http://www.inosmi.ru/print/228472.html>.

Доклад командира 5-й стрелковой дивизии в Управление внутренних войск НКВД Прибалтийского округа о борьбе с бандитами на территории Эстонии. 11 января 1945 года // Цит. по книге: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945. Документы и материалы. - М., 1975. - С. 652.

Докладная записка УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта в ГУКР «Смерш» НКО СССР о борьбе с профашистскими националистическими формированиями в освобожденных районах Эстонской и Латвийской ССР. Не ранее 13 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 309-321.

Докладная записка начальника Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта об эстонской фашистской организации «Омакайтсе». 5 октября 1944 года // Цит. по книге: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941-1944 годы. Сборник архивных документов. – М., 2006. – С. 235-250.

Север А. Русско-украинские войны. – М., 2008.

Север А. Спецназ КГБ. – М., 2008.

Веденеев Д. Известные учителя Че Гевары и Вьетконга // В мире спецслужб. 2006 год, январь - февраль, № 1(13).

321

Фомин А. Почему не спасли генерала Ватутина? // Зеркало недели, 1999 год, 24-29 апреля, № 16 (237).

322

Цит. по: Гогун А. Как погиб генерал Ватутин // Посев, 2004 год, № 5 (1520).

Гогун А. Как погиб генерал Ватутин // Посев, 2004 год, № 5 (1520).

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин
Смерша. – М., 2005. – С. 245.

Указание НКВД - НКГБ УССР № 9/148/С областным УНКВД - УНКГБ об активизации работы по ликвидации оуновского подполья и банд УПА. 27 января 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 96-98.

Веденеев Д. В., Биструхин Г. С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920-1945. – Київ, 2006. – С. 247.

Сообщение УНКГБ Волынской области № 2/1568 начальнику УНКВД области и командиру 9-й стрелковой дивизии ВВ НКВД о появлении в Седлищанском районе области крупной бандгруппы УПА. 22 августа 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 173-174.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин «Смерша». – М., 2005. – С. 245.

Сообщение НКВД СССР в ГКО об обеспечении мероприятий по пресечению деятельности националистических банд ОУН, УПА и УНРА на территории Ровенской и Волынской областей УССР. 8 марта 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 229-230.

Директива Главного управления пограничных войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии № 15/10-002196 начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов об улучшении руководства боевыми операциями по борьбе с бандитизмом. 22 апреля 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января - 30 июня 1944 года). - М., 2007. - С. 355-359.

Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 годы. – Минск, 2007. – С. 186.

Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948). – М., Нью-Йорк, 2006. – С. 54.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин «Смерша». – М., 2005. – С. 245.

Справка УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта о деятельности бандитских групп в армейских тылах фронта. 8 августа 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 115-119.

Сообщение ГУКР «Смерш» НКО СССР № 532/А в ГКО о результатах борьбы с агентурой и бандформированиями ОУН и УПА на территории западных областей Украины и Белоруссии в июле - августе 1944 года. 14 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 322-323.

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002 год. Август. № 8 (71).

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. Сентябрь. № 9 (72).

Колпакиди А., Север А. Спецназ ГРУ. – М., 2008. – С. 100-114.

Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением копии телеграммы К. Н. Валухина о ходе польской операции в Омской области от 23 октября 1937 года № 61299 // Цит. по: сб. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 402-403.

Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением копии телеграммы Л. Б. Залина о результатах польской операции в Казахстане. От 19 сентября 1937 года № 60217 // Цит. по: сб. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 373-375.

Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением о польской разведке с приложением списка агентов от 22 марта 1938 года № 102182 // Цит. по: сб. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 500-501.

342

Вежнин В. Накануне // Секретная служба. 2003 год.
№ 1.

Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину о «Польской организации войсковой» с приложением протокола допроса Т. Ф. Домбаля от 16 января 1937 года № 55331 // Цит. по: сб. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. – М., 2004. – С. 41-43.

Пыхалов И. Последняя собака Антанты // Спецназ России. 2002 год. Декабрь. № 12 (75).

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. - М., 1968. - С. 45.

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. – М., 1968. – С. 119.

347

Армия

Крайова

//

http://www.hrono.ru/organ/armia_krai.html

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. – М., 1968. – С. 254.

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. – М., 1968. – С. 246, 253.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М., 1996. – С. 357.

Распоряжение начальника штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковника Малинина М. С. о разоружении польских вооруженных отрядов // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 336-337.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944-1945 гг. Москва - Новосибирск, 2001. - С.13.

353

Аптекарь П. Внутренние войска НКВД против польского подполья (по документам Российского государственного военного архива) // <http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/APT10JUN.htm>

Малиновский М., Павлович Е., Потеранский В., Шпегонский А., Вилюш М. Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968. – С. 250-251, 252, 259.

355

Там же. - С. 252.

356

Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944-1948 гг. - Киев, 1984. - С. 53-55.

Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944-1948 годы. - Киев, 1984. - С. 58.

358

Гогун А. Кровавое лето 1943 года // http://www.kontinent.org/art_view.asp?id=1723

Данилюк В. Война на Волыни. //Киевские ведомости.
2003 год. 24 февраля. № 40 (2845).

360

Нариманов И. Аттестат исторической зрелости // <http://www.edinenie.kiev.ua/Actual18/za/attestat.htm>

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 142–152.

Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944-1948 годы. - Киев, 1984. - С. 135-136.

Спецсообщение № 19 начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР и Уполномоченного Ставки ВГК Красной Армии по иностранным военным формированиям на территории СССР в НКВД и НКГБ СССР о необходимости создания радиоконтрразведывательной службы на освобожденной территории Польши. 19 августа 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 165.

Доклад Военного совета 1-го Белорусского фронта заместителю Народного комиссара обороны и начальнику Главного политического управления Красной Армии о враждебной деятельности по отношению к Красной Армии организаций Армии Крайовой на освобожденной территории Польши. 25 ноября 1944 года // Русский архив: Великая Отечественная война. СССР и Польша Т. 14 (3-1). - М., 1994. - С. 386-387.

Доклад представителя Советского правительства при ПКНО Н. А. Булганина председателю ГКО И. В. Сталину о террористической деятельности Армии Крайовой и других враждебных организаций против войск Красной Армии на территории Польши. 29 ноября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 631-632.

Донесение заместителя народного комиссара внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серова наркому Л. П. Берии о действиях Армии Крайовой и мерах по укреплению контрразведки Войска Польского и Отдела безопасности ПКНО // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 48-49.

Из докладной записки Н. Н. Селивановского Л. П. Берии о состоянии органов общественной безопасности Польши // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 269-270.

Донесение заместителя народного комиссара внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серова наркому Л. П. Берии о действиях Армии Крайовой и мерах по укреплению контрразведки Войска Польского и Отдела безопасности ПКНО // Цит. по: сб. Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944-1945. - Москва-Новосибирск, 2001. - С. 47, 50.

Аптекарь П. Внутренние войска НКВД против польского подполья (по документам Российского государственного военного архива) // <http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/APT10JUN.htm>

Докладная записка И. А. Серова Л. П. Берии о проведенных 14-20 октября 1944 года войсками НКВД оперативных мероприятиях // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 54, 55.

Из донесения И. А. Серова Л. П. Берии о результатах агентурно-следственных и войсковых мероприятий по борьбе с Армией Крайовой и другими подпольными организациями на территории Польши с 20 по 25 октября 1944 года // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 60.

Донесение И. А. Серова Л. П. Берии о наличии в Белостокском воеводстве формирований Армии Крайовой и их структуре; донесение Л. П. Берии И. В. Сталину о командировании в г. Белосток для проведения оперативно-чекистских мероприятий ответственных работников НКВД, «Смерш» НКО СССР и НКГБ БССР и двух полков НКВД СССР; телеграмма В. С. Абакумова и Л. Ф. Цанавы Л. П. Берии об аресте членов подпольной организации, в т. ч. Армии Крайовой, в Белостокском воеводстве и Бяло-Подлясском уезде; донесение И. А. Серова Л. П. Берии о результатах агентурно-следственных и войсковых мероприятий против Армии Крайовой и других подпольных организаций на территории Польши // Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944-1945. - Москва - Новосибирск, 2001. - С. 64-67, 72, 77-78, 86.

Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944-1948 годы. - Киев, 1984. - С. 271-272.

Серебряков Г. В. Танки идут на Киев // Сб. Военные контрразведчики. – М., 1978. – С. 391–393; Жидков Пётр Анфимович // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3723; Мы помним своих героев // Красная Звезда, 2003 год. 18 апреля; История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 372.

Колосов Л. С., Кассис В. Б. Беру командование на себя... // Сб. Военные контрразведчики. - М., 1978. - С. 399-404; История советских органов государственной безопасности. - М., 1977. - С. 372; Приказ начальника ОКР «Смерш» 69-й армии № 027 о вынесении благодарности и представлении к правительственной награде оперуполномоченного ОКР «Смерш» лейтенанта Г. М. Кравцова. 16 декабря 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Граница СССР восстановлена (1 июля - 31 декабря 1944 года). - М., 2007. - С. 706-707; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. - М., 2003. - С. 60.

Иванов Ю. И. Двенадцать атак // Сб. «Военная контрразведка». – М., 1978. – С. 405–414; Крыгин Михаил Петрович // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3747; Гурко Ф. Подвиг контрразведчика // Владивосток, 2000 год, 22 декабря, № 902; Враги добивали Михаила уже убитого // Волжская коммуна. 2005 год. 29 декабря; Мы помним своих героев // Красная Звезда, 2003 год. 18 апреля; Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. – С. 190–194; История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 372; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 58.

Алов А. М. Снайпер, чекист, герой // Сб. Военные контрразведчики - М., 1978. - С. 394-398; Чеботарев Василий Михайлович // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8098;
Смирнов Н. Лейтенант из контрразведки // Вечерний Минск. 2005 год. 3 февраля. № 26; Мы помним своих героев // Красная Звезда, 2003 год. 18 апреля; История советских органов государственной безопасности. - М., 1977. - С. 372; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. - М., 2003. - С. 58.